VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик РАН *Н.П. Лавёров* (председатель Редколлегии),
академик РАН *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя Редколлегии),
докт. экон. наук *В.М. Орёл*
(председатель Комисии и зам. председателя Редколлегии),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь Редколлегии),
канд. ист. наук *А.А. Жидкова* (ученый секретарь Комисии),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
академик РАН *А.А. Дынкин*, академик РАН *Ю.А. Золотов*,
академик РАН *Ю.А. Израэль*, докт. ист. наук *С.С. Илизаров*,
докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
академик РАН *М.Я. Маров*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. техн. наук *А.В. Постников*, академик РАН *Ю.В. Прохоров*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*

Г. И. Любина

Алексей Николаевич ПЕТУННИКОВ

1842–1919

Ответственный редактор
доктор биологических наук
Е. С. ЛЕВИНА

МОСКВА
НАУКА
2015

УДК 92
ББК 28.5 г
Л93

Рецензенты:
доктор исторических наук *С.С. Илизаров,*
кандидат исторических наук *О.А. Валькова*

Любина Г.И.
Алексей Николаевич Петунников. 1842–1919 / Г.И. Любина ; отв. ред. Е.С. Левина. – М. : Наука, 2015. – 347 с. – (Науч.-биограф. лит.). – ISBN 978-5-02-039045-4 (в пер.).

Книга – первая научная биография известного московского ботаника, флориста и систематика А.Н. Петунникова, который завершил цикл работ нескольких поколений ботаников, посвященных изучению флоры Московской губернии. Рассмотрена также деятельность Петунникова как члена Московской городской управы, одного из основателей Русского библиографического общества, московского краеведа, публициста, рассказывается о личности Петунникова и его взаимоотношениях с друзьями и коллегами.

Для широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей и культурой.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-039045-4

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Научно-биографическая литература» (разработка, оформление), 1959 (год основания), 2015
© Любина Г.И., 2015

Быстротечное время в своем непрерывном потоке стирает память о многих деятелях. Более того, оно уносит в неизвестность любопытные детали их жизни и трудов, которые приходится восстанавливать по крупицам. Люди, бескорыстно и продуктивно трудившиеся, оставившие глубокий, яркий след в культуре и науке родной страны, составляющие ее гордость и славу, не должны и не могут быть забыты. К ним с полным правом относятся замечательные московские ботаники А.Н. Петунников и Д.П. Сырейщиков.

С.Ю. Липшиц

Предисловие. От автора

Имя Алексея Николаевича Петунникова едва ли известно массовому читателю, но знатокам Москвы второй половины XIX в. оно наверняка встречалось. С Москвой связана вся его жизнь, его многообразная деятельность, в которой он ежедневно соприкасался со многими знаменитыми москвичами. Судьба Петунникова сложилась таким образом, что, будучи профессиональным ботаником, он отдавал любимому делу лишь часы досуга. Он всегда оставался «приватным» исследователем, не связанным ни с одной официальной научной организацией. Поставленный в жесткие условия необходимостью содержать многодетную семью, не имея состояния и временами постоянного дохода, часто озабоченный поисками работы, Петунников умел находить интерес во всех своих разнообразных занятиях. Никакие житейские передряги не смогли заставить его отступить под действием внешних «гнетущих обстоятельств». До седых волос он сохранял юношеский максимализм. К счастью, на его жизненном пути встретились люди, которые сумели оценить его систематический ум, незаурядную работоспособность, умение без остатка отдаваться любимому делу. Многие его занятия были далеки от собственно научных изысканий, но и в них он сумел использовать свою научную эрудицию и методичность поиска, свойственную ученому человеку. Во всех областях интеллектуальной деятельности, которыми занимался Петунников: в собственно науке, популяризации научного знания, публицистике, градостроительстве, научной библиографии – он оставил заметный и оригинальный след. «Красой корпорации» считали его и русские ботаники-флористы, и московские библиофилы, и члены Московского общества испытателей природы (МОИП), и члены Московской городской управы.

При наличии всего лишь 2–3-х биографических статей (две из них относятся уже к советскому времени) сведения о Петунникове можно почерпнуть во многих литературных источниках. О нем упоминали в своих мемуарах П.Д. Боборыкин, Г.Н. Вырубов, Б.Н. Чичерин. Советские ботаники вспоминали о нем в обзорных работах по истории отечественной систематики и флористики, также о нем писали московские библиографы и краеведы. Надо заметить, что Петунников не обойден вниманием историков ботаники, о чем свидетельствуют сравнительно недавние работы. По мере развертывания нашего рассказа о Петунникове читатель сможет ознакомиться с этими свидетельствами более подробно. Но все эти разрозненные сведения не дают целостной картины жизни и творчества нашего героя. Перед автором стояла задача воссоздать биографию Петунникова, базируясь в основном на первоисточниках.

К их числу можно отнести собственные сочинения Петунникова. Монографии, научные и научно-популярные статьи по ботанике, отчасти журнальные заметки об организации русской науки 1870-х гг. представляют нам ученого-ботаника и человека, живо по-своему, часто неординарно откликающегося на вызовы времени. В многочисленных журнальных и газетных публикациях Петунникова 1870–1900-х гг. отразились разнообразные проблемы московского городского хозяйства и участие автора в благоустройстве столицы.

Поиски архивных документов о Петунникове в хранилищах Москвы, казалось бы, не сулили большой удачи. Ведь в отечественных архивах нет специального фонда Петунникова. На самом деле этот фонд существует. Он в буквальном смысле «упокоился» внутри фонда Д.П. Сырейщикова в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. При этом из 173 единиц хранения фонда лишь 8 относятся непосредственно к Сырейщикову, остальное же составляют материалы Петунникова. К счастью, в справочнике 1963 г. есть глухое упоминание о материалах Петунникова[1]. Благодаря этому и удалось разыскать его архив, история которого поучительна.

---

[1] Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР. В 3 т. М., 1963, 1980. Дела Петунникова представлены как две пачки документов, точно так же описаны документы Сырейщикова. Именно они и образуют в настоящее время фонд № 32, фонд Сырейщикова, который был обработан в 1990-е гг., поэтому четко не отразился в изданиях 1962, 1963 и 1980 гг. Недавно появилась статья о личных фондах рукописного отдела Научной библиотеки МГУ: *Лебедев В.Д.* Личные архивные фонды Научной библиотеки МГУ // Отечествен. архивы. 2009. № 5. С. 67–74. В ней упомянут фонд Д.П. Сырейщикова и в нем материалы Петунникова.

Завершая жизненный путь, Петунников позаботился о том, чтобы «пристроить» свое научное достояние: гербарий, библиотеку, архив. Первые шаги в этом направлении он сделал в 1914 г., вероятно, под впечатлением событий Первой мировой войны и смерти любимого друга Г.Н. Вырубова, о чем речь впереди. Свой архив он передал на хранение близкому ученику Д.П. Сырейщикову. Тот, в свою очередь, подарил Московскому университету свою богатую ботаническую библиотеку, вместе с ней в библиотеку университета попали архивные документы Петунникова. На каждом из них стоит штамп: «Из библиотеки Дмитрия Петровича Сырейщикова». Это событие случилось весной 1918 г., еще до смерти Петунникова и в разгар научного творчества самого Сырейщикова. Но удивляться этому не приходится.

О мотивах своего поступка даритель сообщил в письме на имя проректора университета профессора М.А. Мензбира, датированном сентябрем 1917 г. Он признавался, что давно решил после смерти завещать свою библиотеку университету. «Но в настоящее время, – продолжал он, – когда в городах России происходят народные волнения и когда неприкосновенность жилища не обеспечена никому из частных лиц, передо мной встает опасение за судьбу моей библиотеки уже в ближайшем будущем, – возникает мысль о возможности наступления такого острого момента в уличной жизни города Москвы, когда с библиотекой придется расстаться еще при жизни, при неоконченных научных работах, другими словами, когда перевод библиотеки из моей частной квартиры в какое-либо государственное учреждение может стать единственным средством ее сохранения для работающих по систематике растений»[2]. Сырейщиков оставил за собой право беспрепятственного доступа в библиотеку, а также позаботился о сохранении целостности собрания, запретив изъятие книг из ее состава и выдачу их на абонемент.

Дар Сырейщикова был с благодарностью принят, а сам он в роли сверхштатного сотрудника без содержания занялся описанием и расстановкой книг своей библиотеки, попутно выполняя работы по всему ботаническому отделу библиотеки университета. В таком статусе внутри Научной библиотеки МГУ собрание Сырейщикова существовало до 1955 г., когда было передано биологическому факультету МГУ. Там оно, согласно воле дарителя, хранится как самостоятельная коллекция.

---

[2] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 6. № 167. Л.13.

Архивная часть собрания Сырейщикова осталась в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ[3]. Она-то и составляет архив Петунникова, количественные параметры которого полностью совпадают с описанием 1918 г. Действительно, число названных корреспондентов (чуть больше 100 русских и около 50 иностранных, чаще всего немецкоязычных – немцев, австрийцев, чехов, швейцарцев) совпадает, их письма составляют основной массив собрания (№ 14–160). Лишь небольшое число дел (№ 9 – 13, 161–165) представлено рукописями и рабочими материалами Петунникова и других лиц. Это его подготовительные материалы ко второму изданию «Московской флоры» Н.Н. Кауфмана, частичный текст французского перевода этой книги О.Е. Клера (весьма ценная находка), рецензии. В фонде имеется небольшая подборка рисунков различных растений, выполненных тушью и карандашом (№ 166).

Архивное собрание Петунникова своеобразно, оно аскетично, тщательно отфильтровано владельцем. В нем чрезвычайно мало сведений о частной жизни хозяина, отсутствуют столь обычные для подобного рода коллекций официальные документы личного плана: метрика, аттестаты, дипломы, приветственные адреса. Даже официальных поздравительных писем из МОИП здесь нет, так же как иконографии самого Петунникова, членов семьи, близкого окружения, коллег. Исключение составляет черновик небольшой автобиографии, основные факты которой изложены в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В этом случае автор выказал себя настоящим позитивистом, полагая, что в жизни человека достойно внимания только то, что представляет общий интерес, т.е. его творчество, все остальное же должно оставаться под покровом тайны. Из этой коллекции исключены также все свидетельства городской службы Петунникова.

Зато в той части, которая касается творческих интересов, его архив чрезвычайно богат. Мало того что эти документы имеют большую биографическую значимость, указывая место Петунникова в ряду русских и зарубежных ботаников и свидетельствуя о его дружеских и партнерских отношениях с коллегами, они ценны для любого историка науки, поскольку представляют широкую картину жизни всего сообщества ботаников изнутри и без прикрас.

---

[3] Насколько богата библиотека Сырейщикова, свидетельствует ее краткое описание: «Названий 2475, книги на языках: латинском, русском, французском, английском, немецком, итальянском, испанском, польском, голландском, шведском и финском. Томов 3826. Писем 412 от 150 русских и иностранных ботаников. Редких книг до 200 названий» (Там же. Л. 10). Среди ценных изданий названы русские и иностранные книги и журналы XVIII в.

Это жизнь со всеми ее особенностями и трудностями, непростыми подчас отношениями и при этом с неистребимым духом сотрудничества и взаимопомощи, без которых немыслима ботаника, особенно ботаника прошлого времени. Полнота картины достигается большим числом и разнообразием корреспондентов Петунникова – от академиков и признанных профессионалов до безвестных, одержимых страстью к познанию природы любителей-энтузиастов.

Правда, география корреспондентов Петунникова несколько у́же – европейская часть страны, преимущественно Московская губерния и Петербург, Юрьевский университет, Урал (Екатеринбург и район Перми), некоторые южные города (Харьков, Одесса, Тифлис). В письмах хорошо прослеживается соотношение в ботанике труда профессионалов и любителей и тонкое взаимодействие между ними, состояние и своеобразие флористических работ в таких, например, научных центрах, как Петербург, Москва, Юрьевский университет. В них содержатся любопытные детали о проекте «Флора России», возникшем на рубеже веков, и о противостоянии различных групп ботаников в подходе к его реализации, о подготовке второго издания «Московской флоры» Н.Н. Кауфмана. Многое можно узнать и о личностях корреспондентов Петунникова. Исключительно интересными и даже неожиданными (факт их близкой дружбы известен в истории ботаники лишь отчасти) кажутся письма, свидетельствующие о взаимоотношениях между Петунниковым и Чистяковым, биография которого до сих пор не написана.

По счастливому стечению обстоятельств и, как кажется, совсем не случайно в том же Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ оказалась другая ценная коллекция – «Письма Г.Н. Вырубова А.Н. Петунникову. 1864–1913»[4]. Для начала поясним, что Вырубов (1843–1913), закадычный друг Петунникова, в 1866 г. уехал из России и поселился в Париже, откуда и писал свои письма. Позже мы будем не раз возвращаться к этой личности. Характерная особенность этого собрания все та же – скудость биографических сведений об авторах, особенно о Петунникове, который в ответах Вырубова предстает в отраженном свете. Правда, друзья довольно подробно обсуждали свои творческие планы. Не считая себя достаточно компетентным в вопросах ботаники, Вырубов лишь мельком касался этой стороны занятий Петунникова, зато проявлял заметный интерес к его муниципальной деятельности и помогал чем мог.

---

[4] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12 (Г.Н. Вырубова). Письма Г.Н. Вырубова А.Н. Петунникову. 1864–1913. Д. 1–50.

Письма Вырубова, ироничные, живо написанные, содержат много тонких наблюдений о научной и культурной среде, в которой он не просто жил, а активно действовал на протяжении полувека, они отражают озабоченность автора состоянием дел в России[5]. Если рассматривать их применительно к интересующей нас биографии, больше всего в них подкупает безупречный стиль отношений двух корреспондентов, особая заслуга принадлежит здесь Петунникову, на которого пала в значительной мере будничная сторона этой дружбы (доверенное лицо Вырубова в России). Признаюсь, именно это побудило меня заинтересоваться биографией Петунникова, которая при ближайшем рассмотрении оказалась очень содержательной.

В том же ключе – одно творчество и никаких биографических подробностей – написал Петунников свои «Воспоминания о покойном друге». Рукопись этого биографического очерка хранится в РГАЛИ в фонде Вырубова[6]. Некоторые любопытные факты дружбы с Вырубовым студенческой поры, приведенные Петунниковым, выступают как свидетельства его собственной биографии.

Сколько ни старался Петунников скрыть свою личную жизнь от посторонних взглядов, это удалось ему лишь отчасти. В ЦИАМ находится обширный фонд Н.П. Вишнякова, московского предпринимателя, деятеля городской думы, ученого-палеонтолога (о нем подробнее речь пойдет ниже). В фонде Вишнякова (Ф. 1334), как оказалось близкого знакомого и коллеги Петунникова по муниципальной деятельности, сохранилась внушительная пачка писем последнего за 1890–1917 гг. В них находим то, чего так не доставало в названных выше архивах: оценки Петунниковым внутриполитических и городских событий, свидетельства его отношения к муниципальной и научной деятельности, сведения о семье, знакомых, путешествиях, досуге и проч., в них раскрывается его человеческая сущность. В этом фонде отложился значительный содержательный материал о деятельности Московской городской думы и участии в ее работе Петунникова как члена городской управы. В нем обнаружены письма нескольких членов семьи Петунникова к Вишнякову, что расширяет наши скудные сведения о частной жизни героя.

В фондах Московского университета (Ф. 418) в ЦИАМ и Канцелярии попечителя Московского учебного округа (Ф. 459) того же архива пожива была менее богатой, но не менее интересной.

---

[5] Более подробно о содержании этого фонда см.: *Зайцева Е.А., Любина Г.И.* Григорий Николаевич Вырубов. М.: Наука. 2006. С. 7, 13–14.

[6] РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. № 10. 162 л.

Отыскался ряд дел о пребывании Петунникова в университете (его прошения о приеме в университет, о допуске к сдаче кандидатских экзаменов, гимназический аттестат, справка о прививке оспы и проч.). Некоторые документы этого фонда содержат сведения о близком друге Петунникова И.Д. Чистякове, об университетской жизни 1860–1870-х гг. (стипендия братьев Рачинских, дело Гаага), о Русском библиографическом обществе при Московском университете и проч.

И, наконец, архив МОИП, связи с которым (наиболее интенсивные в 1868–1870 гг., затем эпизодические) продолжались на протяжении всего научного творчества Петунникова. В этом архиве запечатлелись особенно ярко научные выступления Петунникова, его работа библиотекарем общества, использование поддержки МОИП во флористических работах его самого и его учеников.

Как можно заметить, в архивах Москвы хранится довольно много материалов к биографии Петунникова. Очевидно, что ими не исчерпывается богатство архивных источников о нем. Достоверно известно, что письма Петунникова имеются в фонде О.Е. Клера (Ф. 140) в Свердловском областном архиве Екатеринбурга, в фонде Ф.А. Теплоухова (Ф. 613) в Государственном архиве Пермской области. Вполне вероятно, что можно извлечь кое-что о Петунникове из фондов его петербургских знакомых, известных ботаников Д.И. Литвинова, В.И. Липского, И.В. Палибина в Петербургском филиале Архива РАН. Если постараться, можно продолжить этот список, ведь Петунников переписывался со многими именитыми ботаниками. Но ограничимся пока лишь московскими архивами. Ведь трудно предположить, что в ближайшее время найдется энтузиаст, который заинтересуется нестатусной и нестандартной фигурой Петунникова, тогда как предмет нашей гордости, блестящие ботаники И.Д. Чистяков, П.Ф. Маевский, Н.И. Кузнецов, все еще не имеют тщательно документированных биографий. А это порождает множество неразрешенных вопросов и связанных с ними нелепых домыслов. Оставим эти вопросы будущим историкам науки и попытаемся ответить если не на все, то хотя бы на некоторые вопросы, связанные с биографией Петунникова. И первый из них – о происхождении, о семейных корнях.

Но прежде хотелось бы поблагодарить коллег и друзей, которые помогали в реализации замысла. Моя признательность в первую очередь относится к сотрудникам всех названных выше архивов. Исключительно полезным было многолетнее общение с заведующей библиотекой и архивом МОИП И.В. Грачевой и

ее помощницами В.П. Осиповой и И.В. Захаровой. Много способствовали продвижению работы доброжелательное внимание и ценные советы научного сотрудника Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ С.Е. Матлиной и заведующей библиотекой И.Л. Великодной. Всем им приношу свою сердечную благодарность.

Внимание и доброжелательная критика моих коллег И.Н. Юркина и М.С. Бастраковой значительно облегчили работу над рукописью, равно как и помощь в подборе иллюстраций заведующей иконотекой ИИЕТ РАН О.В. Севастьяновой, за что я им очень признательна. За ознакомление с рукописью и ценные замечания к ней благодарю ответственного редактора д.б.н. Е.С. Левину, рецензентов д.и.н. С.С. Илизарова и к.и.н. О.А. Валькову.

Особая моя благодарность уже в который раз обращена к д.и.н. З.К. Соколовской, основательнице и куратору серии «Научно-биографическая» РАН, приобщившей меня к увлекательному жанру биографий ученых.

Часть первая

История жизни

1.1. Школьные и студенческие годы. Первые шаги на жизненном поприще (1850–1870-е гг.)

Сведения о ранней поре жизни Петунникова крайне скудны. Из его собственной биографической справки при поступлении в Московский университет явствует, что родился он в Московском уезде Московской губернии в семье купца[1]. Случилось это в 1842 г. Его отец, Николай Алексеевич Пятунников (такой вариант написания фамилии использовал и сам Алексей Николаевич в студенческие годы), в документе 1862 г. назван московским купцом[2]. О достатке семьи ничего не известно, видимо, он все же позволил дать Алексею хорошее образование. Сначала он учился в немецкой Петропавловской школе (Peter-Paul Schule) в Старосадском переулке при одноименной евангелическо-лютеранской церкви. Она была построена в послепожарной Москве (1818) для плотно проживающих поблизости немцев. В школу принимали преимущественно детей из состоятельных немецких семей, но делались исключения и для русских. Школа имела мужское и женское отделения. Преподавание велось частично на немецком языке[3]. Школа славилась высоким уровнем преподавания иностранных языков и гуманитарных предметов, но ее диплом не давал права поступления в университет.

Видимо, поэтому Петунников оказался затем во 2-й Московской гимназии. Гимназия предоставляла своим ученикам два варианта подготовки: для реализации административно-чиновной или научно-педагогической карьеры. Петунников выбрал второе и получил соответствующие знания по части латыни, новых язы-

---

[1] Петунников завершил свою многолетнюю деятельность члена Московской городской управы как личный дворянин и надворный советник (гражданский чин 7 класса, равный подполковнику на военной службе). См.: *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010.

[2] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 29. № 467. Л. 1; Там же. Оп. 33. № 17. Л. 65. Подробнее см.: Приложение 4, № 1, 2.

[3] Как правило, это касалось немецкого и латыни. Преподавателями этих предметов обычно были немцы. См.: ЦИАМ. Ф. 149 (Петропавловское евангелическое училище). Оп. 1.

ков, основ естествознания и общественных наук[4]. Гимназия имела некоторые возможности, чтобы удовлетворить любознательность учеников, здесь был устроен кабинет естественной истории, библиотека имела большую подборку современной периодики. Решающей для Петунникова была встреча в 1858 г. с молодым ботаником, кандидатом естественного отделения Московского университета, позднее его профессором Н.Н. Кауфманом. Начинающий ученый в 1856 г. вернулся из заграничной поездки и позднее приступил к преподаванию во 2-й гимназии. Он вызвал у подростка интерес к изучению жизни растений, к их собиранию и составлению гербариев, что на всю жизнь стало его любимым занятием.

Выпускники гимназии, показавшие большие успехи в учении, принимались в Московский университет без экзаменов. Будущим абитуриентам давалось право посещать университетские лекции[5]. В 1860 г. Петунников был принят студентом естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Выбор уже давно был предрешен, он стал учеником Н.Н. Кауфмана. На квартире у любимого учителя осенью 1862 г. состоялось знакомство Петунникова с Г.Н. Вырубовым. Вырубов только что вернулся из-за границы, где находился после окончания Александровского лицея в Петербурге. Кауфман некоторое время был домашним учителем у Вырубовых, когда в середине 1850-х гг. семейство проживало в Париже. Он обучал Григория Вырубова немецкому и русскому языкам. Появившись в Москве, Вырубов записался вольным слушателем на третий курс физико-математического факультета Московского университета, избрав специальностью минералогию и кристаллографию. Жизненные пути молодых людей близко сошлись.

Петунников подробно описал эту встречу в воспоминании о покойном друге, которое осталось неизданным[6]. При первой же встрече незнакомец поразил молодого человека выражением энергии и решительности, которыми веяло от всей его довольно некра-

---

[4] Из гимназического аттестата Петунникова следует, что помимо обязательного для всех учебных заведений Закона Божьего здесь преподавали языки русский и славянский, латинский, немецкий и французский, русскую словесность, всеобщую и русскую историю, географию, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику и естественную историю. По всем этим предметам Петунников показал отличные успехи, за что и получил серебряную медаль и был удостоен права поступления в университет без экзамена. ЦИАМ. См.: Ф. 418. Оп. 29. № 467. Л. 2.

[5] *Гулевич С.* Историческаяа записка о 50-летии Московской 2-й гимназии. 1835–1885. М.: Тип. Е. Лисснер и Ю. Роман,1885. С. 65.

[6] РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. № 10. Л. 15 об.

сивой и аскетичной внешности. Молодые люди подружились на всю жизнь и в студенческие годы были неразлучны.

Г.Н. Вырубов
(Иконотека МОИП)

Удивительное дело, Вырубов не раз признавался в своей нелюбви к описательным наукам, к числу которых относил и ботанику. Попытки Кауфмана приохотить его некогда к занятиям ботаникой оказались тщетными. Но Вырубов высоко ценил и почитал Кауфмана как образец исследователя, и в этом смысле тот оказал серьезное влияние на становление ученого-естествоиспытателя. В Кауфмане его подкупали искренняя любовь к науке, готовая превозмочь все житейские невзгоды, постоянство усилий, достоверность результатов, осмотрительность выводов. Все эти качества характеризуют тип исследователя-труженика, столь симпатичный Вырубову. Так же безоглядно и на всю жизнь полюбил Вырубов ботаника Петунникова. Он всегда с вниманием читал работы друга, извиняясь при этом за свою «ботаническую некомпетентность», но в своем отношении к жизни и науке они полностью совпадали. У Вырубова не было более задушевного и преданного друга.

Вырубов был немного моложе Петунникова, но всегда верховодил в их дружбе. Дело в том, что он очень рано выработал свое философское мировоззрение и определил жизненные принципы. Это создавало определенный стержень его юношеских еще мечтаний. В дополнение к этому твердый характер и врожденное красноречие оказывали сильное воздействие на друзей, в молодые годы его испытали такие, например, его знакомые, как философ Е.В. де Роберти, писатель П.Д. Боборыкин. Де Роберти шутливо, но совсем не зря именовал двадцатилетнего Вырубова, своего ровесника, «дорогим метром», и позднее, в 1913 г., в некрологе друга он назвал его идейным вождем.

Влияние Вырубова на молодого Петунникова было исключительно сильным. Воплощение «высоких идеалов», которых ему

так недоставало в будничном университетском окружении, Вырубов находил в деятельности так называемых людей 1840-х годов Герцена, Грановского. В Петунникове он обрел родственную душу.

Их сблизило горячее желание приложить незаурядную энергию и молодой энтузиазм к возвышенной благородной цели. Вырубов видел в науке орудие, способное ни много ни мало поднять умственный уровень общества, а затем уже на научных основаниях преобразить жизнь, сделав ее устройство более рациональным, справедливым и толерантным. Первые годы знакомства проходили в обсуждении жизненного призвания. «Мы с вами не Базаровы, мы научные философы. Не кричать против нескольких предрассудков, а действовать, чтобы искоренить глубокое зло [недостаток научного знания. – *Г. Л.*] пришли мы. Поэтому-то нам нет надобности донкихотствовать. Вы имеете слишком много выраженной силы, чтобы пренебрегать этими внешними дрязгами» [речь шла о «гнетущих» внешних обстоятельствах. – *Г. Л.*] – писал Вырубов в сентябре 1864 г. из Парижа, где совершенствовал свое научное образование.

Вырубов уже тогда попытался приобщить Петунникова к тонкостям философии позитивизма, которой увлекся семнадцатилетним юношей и пропаганде которого во Франции посвятил свои лучшие молодые годы[7]. Ревностным приверженцем позитивизма и его знатоком, каким был Вырубов, Петунников не стал. Но он, безусловно, испытал влияние этой философии и на научное мировоззрение, и особенно на формирование этических ценностей. Его привлекла стройность и логичность системы, «в основу которой были положены не абсолюты, не антитезы, не гипотезы [в противоположность господствовавшей тогда в русском обществе немецкой философии. – *Г. Л.*], а положительные научные данные, опирающиеся на законы явлений»[8]. У позитивистов Петунников почерпнул идею о постепенном эволюционном развитии общества, о предпочтительности созидательного (положительного) труда перед разрушающей силой революционных катаклизмов, о цивилизующей миссии науки в обществе, об обязательности общественно полезного труда для каждого члена социума. Уже в молодости друзья выбрали идеал неизменности жизненных прин-

---

[7] В 1867–1883 гг. Вырубов издавал на собственные средства в Париже журнал «Позитивная философия», занимавшийся пропагандой позитивизма и приложением его идей к многообразным явлениям социальной и научной жизни. Соредакторами Вырубова были маститый ученый-энциклопедист Э. Литтре (1867–1881), а затем после его смерти медик Ш. Робен.

[8] РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 20 об.

ципов в условиях переменчивой среды, особое неприятие всякого рода лжи, фальши, фарисейства. Они постарались пронести верность этому девизу через все жизненные передряги.

Для того чтобы действовать, необходимо было приобрести «научный багаж». Друзья принялись за это дело с огромной увлеченностью, со всем энтузиазмом молодости. В августе 1862 г., окончив два курса (см.: Приложение 4, № 2), Петунников уволился из университета, чтобы продолжить обучение в качестве «стороннего» слушателя. Таким образом он вместе с Вырубовым оказался вольным слушателем третьего курса физико-математического факультета. Далеко не все преподаватели удовлетворили требовательных слушателей. Они охотно посещали увлекательные лекции химика Н.Э. Лясковского, умевшего преподать студентам самое главное – общие начала своего предмета и недавно вернувшегося из-за границы анатома и физиолога С.А. Рачинского, отличавшиеся свежестью идей. Друзья сумели оценить педагогический талант астронома Ф.А. Бредихина, зоолога С.А. Усова, тогда еще начинающего и недостаточно эрудированного, но умевшего пробудить у слушателей интерес к своему предмету.

Петунникову повезло с преподавателями: и Кауфман, и Рачинский оказались на уровне современных знаний. А у Вырубова сразу же возникли серьезные претензии к университетскому образованию. Геологию и минералогию преподавали в ту пору маститый Г.Е. Щуровский и начинающий, малоопытный М.А. Толстопятов. Даже спустя много времени, после смерти Щуровского в 1884 г. Вырубов находил познания геолога той поры «допотопными»[9], Толстопятова вообще считал «дремучим» невеждой и «архилентяем», особенно после того, как тот не сумел объяснить ему действие гониометра, прибора для измерения углов граней кристаллов. Методы чтения лекций «по тетрадкам» в отрыве от практических лабораторных занятий и экскурсий казались ему рутинными. Его раздражали чрезмерная специализация, особенно в лекциях зоолога А.П. Богданова, отсутствие преподавания физики и математики на естественном отделении университета. Убийственной критике Вырубова подверглись физик Н.А. Любимов и его друг механик А.С. Ершов. Их познания в области высшей математики он считал крайне слабыми, что совершенно непозволительно для представителей точных наук[10]. Здесь не место обсуждать правомерность вырубовских нареканий, некоторые из них справедливы, но было в них и много предвзятого, навеянного

---

[9] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 19. № 138. Л. 299.
[10] *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. СПб., 1910. С. 43.

максимализмом юности и снобизмом молодого человека, часто бывавшего за границей и знакомого с тамошними лабораториями и знаменитостями. Критика Вырубова нам интересна потому, что она оказала существенное влияние на суждения Петунникова и на его отношение к Московскому университету.

Друзья заполнили лакуны университетского преподавания самообразованием, проходя курсы по немецким и французским учебникам. Вырубов поставил жесткие сроки – 2 года для преодоления всей университетской премудрости. Как вольным слушателям им предстояло сдать 22 экзамена за все 4 года обучения (Вырубов свел свое пребывание в университете к двум годам). Петунникову приходилось стараться изо всех сил, чтобы не отстать от своего способного товарища. Молодых людей не пугала зубрежка разных предметов, включая технологию и сельское хозяйство. Этот юношеский задор запомнился им на всю жизнь. «Какие славные воспоминания остались мне о наших экзаменах. Помнишь ли ты это давнее и дорогое время?» – спрашивал Вырубов почти 30 лет спустя[11].

Летом 1863 г. друзья готовились к сдаче кандидатских экзаменов в имении матери Вырубова Екатеринино Козловского уезда Тамбовской губернии. Размеренный порядок жизни богатого барского дома показался Петунникову немного скучноватым, но он благоприятствовал усиленным занятиям[12]. В имении была богатая библиотека. Мать Вырубова, Наталья Григорьевна, весьма образованная дама, много путешествовала и привозила из-за границы целые чемоданы запрещенной в России литературы, в том числе сочинения Искандера (А.И. Герцена). В часы отдыха молодые люди фотографировали и каждый по-своему охотились: Вырубов – за дичью с ружьем и собакою, Петунников – за растениями с лопаткой и папкой.

Осенью того же года друзья продолжили подготовку к экзаменам на съемной квартире Вырубова у Никитских Ворот. В верхнем этаже дома, расположенного против церкви Большого Вознесения, где венчался Пушкин, и буквально набитого студентами, находилось фотоателье. Вырубов добился согласия хозяина, и в неурочное время друзья занимались там сложным процессом печатания фотографий. В своей квартире Вырубов оборудовал небольшую химическую лабораторию, где проводились опыты по аналитической химии. Позднее лаборатория пополнилась микроскопом. Фотографирование, музыкальные дуэты (фортепьяно

---

[11] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 30. № 343. Л. 738.
[12] РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 18.

и флейта), непродолжительные прогулки по Никитскому бульвару составляли короткие паузы в напряженных занятиях. Весной 1864 г. экзамены были успешно сданы, друзья получили кандидатские дипломы. Правда, строптивость Вырубова (он отказался сдавать экзамен по богословию, сославшись на то, что уже сдал его по лицейской программе) отсрочила для него получение диплома почти на год. Зато Петунникову пришлось вновь засесть за учебники[13].

Отправившись за границу и оставаясь там с весны 1864 г. до лета 1865 г., Вырубов торопил Петунникова с подготовкой к сдаче магистерских экзаменов: «Не знаю, вам, может быть, труднее будет возиться с вашими тремя ботаническими грациями [А.Г. Фишер фон Вальдгейм, Н.Н. Кауфман, С.А. Рачинский. – *Г. Л.*], а мне истолочь Толстопятова будет, я думаю, не трудно, ибо его минералогическая твердость, сколько я мог заключить из многочисленных проб, равна 0», – писал он Петунникову[14].

Петунников следовал советам друга, но занимался еще и коечем другим. Целый год (с сентября 1864 г. по сентябрь 1865 г.) он, кандидат естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, преподавал естествознание в своей alma mater, 2-й Московской гимназии[15]. Именно от этого времени вел Петунников отсчет своей педагогической карьеры, которая с некоторыми перерывами длилась около 10 лет[16].

Тогда же, в 1864–1865 гг., Петунников попробовал свои силы в чтении общедоступных лекций по естествознанию. Вырубов из Парижа рекомендовал ему наиболее удачные учебники по различным разделам математики, по зоологии, минералогии, физике, химии. В числе рекомендуемых французских авторов Вырубов называл физиков Лакруа, Гано, химика Кагура. Вырубов одобрил лекции Петунникова по химии, находя их вполне рациональными и достойными университетской аудитории[17]. Заинтересовал его также план лекций Петунникова по зоологии. Ему казалось, что Петунников обнаруживает широкий взгляд на вещи. Изучая среду обитания животных, а затем общие законы их организации, он смотрит на науку «истинным философом, а не одноглазым специалистом»[18]. Тут же следовала рекомендация новой книги Мильн-Эдвардса по зоологии.

---

[13] Там же. Л. 23 об.
[14] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 2. № 14. Л. 57.
[15] *Гулевич С.* Указ. соч. С. 238.
[16] НБ МГУ. ОРК и Р.Ф. 32 (Д.П. Сырейщикова). Карт. 2. № 12. Л. 1 об.
[17] Там же. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 2. Л. 8.
[18] Там же. Л. 11.

Лето 1865 г. друзья проводили в имении Екатеринино, готовясь к магистерским экзаменам и перемежая свои занятия фотографированием и экскурсиями. Тогда они совершили экскурсию по «тамбовским пустыням». Воспоминание об этом путешествии сопутствовало Вырубову всю жизнь. В 36-градусную жару «под сенью нашей палатки, хранимые нашими псами», молодые люди прошли по долине реки Воронеж до Липецка. Вырубов изучал девонские обнажения берегов реки, Петунников интересовался флорой тамошних мест. Попутно Вырубов занимался с Петунниковым разговорной практикой французского и немецкого языков. В Липецке «на водах» они познакомились с Боборыкиным[19], писателем, дебютировавшим своими драматическими сочинениями. Путешественники оказались театралами, бывавшими на представлениях молодого автора. Это их всех как-то сразу сблизило. Тогда же возникла идея всем вместе осенью поехать в Париж[20].

Успехи молодых людей, их рвение к наукам было замечено на факультете. Уже после успешной сдачи кандидатских экзаменов, осенью 1864 г., будучи за границей, Вырубов через Толстопятова получил предложение читать лекции в качестве приват-доцента. Такое предложение открывало путь к преподавательской карьере. Толстопятов в ту пору не был еще магистром, он защитил диссертацию только в 1867 г. Вырубов отклонил предложение, без обиняков заявив Толстопятову, что «пока еще здоров головой, и таких глупостей предпринимать никак не намерен»[21]. Для человека, уже замыслившего отъезд за границу, в таком ответе не было ничего неосмотрительного. Но, движимый великодушными чувствами и желанием «наставить хотя бы маленький нос» Московскому университету, Вырубов подтолкнул Петунникова на недальновидный поступок, и тот упустил шанс на наметившуюся было университетскую карьеру. Этим Вырубов невольно оказал другу медвежью услугу.

Петунникову в 1865 г. предложили стипендию братьев Рачинских для поездки за границу с целью завершить научное образование[22]. Кафедра ботаники явно рассматривала Петунникова

---

[19] Там же. Карт. 2. Д. 20. № 171. Л. 363.

[20] *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. В 2 т. М.: Худож. лит. 1965. Т. 1. С. 409.

[21] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 3. Л. 9.

[22] В 1861 г. адъюнкты Московского университета Сергей Александрович Рачинский и его брат магистр физики Константин (1838–1909) предложили отчислять ежегодно из своего жалования по 500 руб. серебром на посылку за границу молодых людей по назначению физико-математического факультета для усовершенствования в науках (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30 (1861). № 90). На их стипендию был командирован в 1862 г. за границу А.Г. Столетов. Стипендия существовала лишь на время «совместной службы» братьев в университете.

как будущего члена своей корпорации[23]. Вырубов выдвинул свой вариант: он изъявил готовность оплатить годичную поездку Петунникова за границу, чтобы избавить его от обязательств перед университетом. Некоторое время Петунников колебался, но Вырубов был очень настойчив и искренен в своих уговорах. «Больно и обидно будет мне, если вы, соглашаясь на предложение Рачинского, человека совершенно чужого, откажетесь принять от меня то, на что вы имеете несомненное право», – писал он[24]. Ему казалось, что независимость от обязательств перед университетом даст его другу большую свободу для самообразования. Он предложил Петунникову для занятий любой город Западной Европы на выбор и готов был последовать за ним куда угодно, обещал помочь в совершенствовании разговорного немецкого и французского языков. Как тут было устоять. Петунников предпочел предложение Вырубова, ему было приятнее поработать за рубежом в обществе друзей и сверстников[25].

Осенью 1865 г. вся компания: Вырубов с младшим братом Василием, Петунников и Боборыкин – поехали за границу. Первыми приехали в Париж Петунников и Боборыкин, для них это была первая поездка в Западную Европу. Средства молодых людей были более чем скромными. Вырубов отнесся с пониманием к этому обстоятельству. Он и сам был склонен к ограничению в быту, а на сэкономленные деньги предпочитал покупать научные книги, инструменты, коллекции минералов. По рекомендации Вырубова были сняты номера в дешевом отеле в Латинском квартале близ бульвара Сен-Мишель в центре студенческой жизни Парижа. Первые три дня молодые люди без устали кружили по Парижу. «И адская усталость ощущалась только тогда, когда мы еле живые поднимались в свои комнаты – очень высоко, раздевались и кидались в постели», – писал Боборыкин[26]. Жили все в

Константин ушел из университета в 1865 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 34 (1865). № 240. Об увольнении от службы при университете доцента Константина Рачинского); Сергей – в 1868 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 37 (1868). № 40. Об увольнении от службы ординарного профессора Рачинского по домашним обстоятельствам).

[23] «Профессорские стипендиаты» по возвращении из-за границы должны были некоторое время проработать на кафедре – так готовились в ту пору кадры для высшей школы. Вырубов явно преувеличил возможную зависимость Петунникова от обязательств перед университетом. Одно из условий стипендии братьев Рачинских как раз отрицало такую зависимость (См.: Приложение 4, № 3).

[24] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 8. Л. 32.

[25] РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 37.

[26] *Боборыкин П.Д.* Указ. соч. С. 410.

разных комнатах и сходились вместе к завтраку, обеду и к вечерним совместным вылазкам в театры и увеселительные заведения. По настоянию Вырубова брали уроки гармонии у профессора Парижской консерватории.

Гидом молодых друзей по Парижу был некто Э. Губер, молодой натуралист, член МОИП с 1862 г. Он преподавал математику в подготовительных классах Политехнической школы, интересовался палеонтологией и первобытной историей, писал книгу о низших животных. Петунников вспоминал о нем как о человеке неистощимой энергии и большой доброжелательности. Его кипучая деятельность послужила причиной внезапной смерти в июле 1868 г. Губер знакомил москвичей со всеми новинками научной литературы и интересными людьми, водил по примечательным в геологическом плане окрестностям Парижа, в клиники, в бараки с холерными больными, в анатомический театр.

Осенью 1865 г. эпидемия холеры прогнала молодых людей в Швейцарию. Они поселились в Женеве и жили там 6 недель. Именно в это время в ноябре 1865 г. Вырубов познакомился с Герценом. У него был повод для знакомства, он подарил знаменитому Искандеру экземпляр совместного с Де Роберти перевода книги Литтре[27] с собственным предисловием. Вырубов бывал несколько раз у Герцена, пересказывал друзьям разговоры, которые там велись. С.Ю. Липшиц, биограф Петунникова, высказал предположение, что, возможно, и Петунников тоже познакомился с Герценом. Ни Боборыкин, ни сам Петунников это предположение не подтверждают. Боборыкин, который познакомился с Герценом позже, писал, что его остановила тогда огромная дистанция, которая отделяла его, скромного литератора, от находившегося в зените славы Герцена. Возможно, по этой же причине и Петунников не счел себя достойным внимания Искандера.

Всю зиму и весну 1865–1866 гг. друзья усердно работали над диссертациями. Боборыкин писал позднее, что ни один город мира не предоставлял столько возможностей для самообразования, как Париж. Его восхищали доступность лекций знаменитых профессоров, музеев, научных коллекций, библиотек. По его убеждению, не было такого другого города, где можно было бы с такой легкостью сбросить умственную лень, завершить философское и художественное развитие. Вскоре после возвращения из Швейцарии Боборыкин покинул Париж, прочитав напоследок своим компаньонам новую комедию «Иван да Марья».

---

[27] *Литтре Э.* Несколько слов по поводу положительной философии/Пер. Г.Н. Вырубова и Е.В. де Роберти; С предисл. пер. [Г.Н. Вырубова]: Позитивизм в России. Берлин, 1865.

В Татьянин день, 25 января 1866 г., небольшая компания бывших студентов Московского университета собралась в ресторане Doyen на Елисейских Полях и оттуда отправила поздравительную телеграмму на французском языке на имя ректора университета. Для русского университетского этикета текст ее звучал непозволительно дерзко: «Привет и братство! Поздравление университету и пожелание любви, процветания и прогресса!» Инициатором посылки этой депеши был Вырубов, он же первый подписался под посланием[28].

К лету 1866 г. обе диссертации были готовы и отправлены в рукописях в Москву к Кауфману и Толстопятову. Вскоре обе были напечатаны типографским способом в Москве. В ожидании защиты Вырубов и Петунников отправились в путешествие по Италии. Они побывали в Генуе, Флоренции, Риме, несколько дольше задержались в Неаполе. Вырубов занимался кристаллографией в обществе известного итальянского минералога А. Скакки, Петунников изучал водоросли и флору Неаполитанского залива. Там он повстречал молодого зоолога А.О. Ковалевского. Часто ночами вся троица совершала лодочные прогулки по фосфоресцировавшему от блеска медуз заливу, они вылавливали донными сетками «обитателей моря». Друзья облазили все окрестности Неаполя, побывали на вершине Везувия, прошлись по засыпанной пеплом Помпее. Путешествие на остров Иския чуть не закончилось для них катастрофой. В открытом море лодку накрыл шторм. Спаслись только благодаря находчивости искусного рыбака-кормчего. На Искии молодые люди познакомились с М.А. Бакуниным. Обоих поразил богатырский размах этой легендарной личности.

Осенью 1866 г. оба были в Москве. Кауфман и Рачинский приняли диссертацию Петунникова к защите, с диссертацией Вырубова произошла заминка. Была ли это простая халатность, когда рукопись перебрасывали от одного оппонента к другому, или же это была скрытая месть за те дерзости, какие позволял себе Вырубов по отношению к университету, трудно сказать. Здесь не место для подробного разбора причин этого происшествия. Достоверно то, что Вырубов подал университетскому начальству много поводов для неудовольствия. Раздосадованный Вырубов забрал свою диссертацию и отправил ее в Петербургский университет, где она была незамедлительно принята к защите. Но Вырубов не стал ждать. Он махнул рукой на защиту и в ноябре 1866 г. навсегда уехал в Париж. Неприятное происшествие лишь подтолкнуло к решению, которое вызревало уже давно. Уезжая, Вырубов оставил раздраженное письмо Г.Е. Щуровскому, в ту пору руководителю

---

[28] РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 37.

кафедры геогнозии и палеонтологии Московского университета. В нем он заявил, что ему, представителю передовой философии[29], не по пути с Московским университетом[30]. Позже он объяснял тон письма юношеской горячностью.

19 января 1867 г. состоялась защита магистерской диссертации Петунникова «Метаморфоз клеточной стенки» (о ее научном содержании будет сказано ниже). Университетский журнал в хронике текущих событий дает предельно краткую информацию о состоявшемся диспуте. В числе официальных оппонентов названы ординарный профессор С.А. Рачинский и доцент Н.Н. Кауфман [в звании профессора он утвержден в том же году, но позже. – *Г. Л.*]. Но одна краткая деталь оказалась бесценной – это указание на участие в диспуте ординарного профессора Н.Э. Лясковского. Именно это обстоятельство совпадает со свидетельствами людей, знавших Петунникова при жизни.

Московские краеведы, знатоки Москвы, считали Петунникова одним из членов своей корпорации. На заседании Комиссии по изучению старой Москвы 14 апреля 1921 г., посвященном памяти Петунникова, ее председатель П.Н. Миллер сообщил некоторые подробности биографии героя. Во время диспута при защите диссертации Лясковский чем-то задел Вырубова[31]. Это вызвало незамедлительную и резкую реакцию Петунникова[32]. Эта несдер-

---

[29] Упоминания о философии позитивизма и ее творце О. Конте были запрещены в России до 1881 г.

[30] РГАЛИ. Там же. Л. 40 об. Полный текст письма см.: *Зайцева Е.А., Любина Г.И.* Григорий Николаевич Вырубов. М.: Наука, 2006. С. 292–293.

[31] На несостоявшейся магистерской защите Вырубова официальными оппонентами его диссертации были назначены Н.Э. Лясковский и М.А. Толстопятов. Диссертация не получила отзыва оппонентов. Формальная причина отказа, по свидетельству Вырубова, была объяснена тем, что в университете оказалось якобы некому рассмотреть его работу, так как ее химическое содержание выходило за пределы компетенции минералога Толстопятова, а минералогическое не укладывалось в познания химика Лясковского. «Хороша школа, признающая, что неспособна судить труд своего ученика!» – негодовал Вырубов (*Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. Московский университет // Вестн. Европы. 1910. № 2. С. 18). В копии письма В.И. Вернадского В.А. Варсанофьевой (3.11.1942 г.) в связи с выходом в свет ее книги об А.П. Павлове имеется отзыв о работе Вырубова, «диссертация которого была маленькая, но экспериментальная в отличие от Толст[опятова] [диссертация которого была компилятивной. – *Г. Л.*], и до сих пор с ней можно считаться» (АРАН. Ф. 518 (Вернадского). Оп. 3. Д. 232. Л. 3). Текст письма любезно предоставлен автору О.А. Вальковой.

[32] Краеведы Москвы (Историки и знатоки Москвы). [Вып. 3]. М.: Кн. сад, 1997. С. 365. Сообщение об инциденте при защите, правда, без упоминания имени Лясковского, содержится в статье Алехина. См.: (*Алехин В.В.* Флористика и систематика растений, ботаническая география и фитоценология в Московском университете // Учен. зап. Моск. ун-та. Юбилейн. сер. Биология. 1940. Вып. 54. С. 270).

жанность решила его судьбу. Благодаря расположению Кауфмана и Рачинского диссертация была признана «достойной получения искомой степени», и уже в мае университетский совет утвердил Петунникова в степени магистра ботаники[33]. Но вновь испеченного магистра не оставили на кафедре, как это практиковалось для перспективных молодых людей. Из-за истории с Вырубовым дорога в университет ему была заказана[34].

Это происшествие не испортило отношений между учителем и учеником, хотя далеко не во всем их взгляды совпадали. Показательно их диаметрально противоположное отношение к деятельности недавно организованного (1863) в Москве Общества любителей естествознания. Кауфман оказался в числе учредителей общества, вошел в состав его Совета, возглавил ботаническую комиссию по устройству этнографической выставки в Москве, за работу в которой в апреле 1867 г. ему была присуждена золотая медаль общества, выполнял многие организационные поручения ОЛЕАЭ, выступал с научными сообщениями на его заседаниях. По заданию общества он занялся составлением учебного четырехчастного «Гербария Московской губернии» (последний выпуск был подготовлен в 1868 г.). Гербарий издавался на средства ОЛЕАЭ при содействии А. Штрауса, который собирал растения, а

---

[33] Московские университетские известия. 1866/1867. № 5. С. 436; Там же. № 10. С. 463.

[34] Липшиц считал, что университет отринул Петунникова в 1870 г., когда не пригласил на кафедру ботаники взамен умершего Кауфмана. На самом деле это случилось в 1867 г. У Петунникова были все данные, чтобы остаться на кафедре, тем более что нужда в свежих силах была. В 1868 г. надежда русских ботаников Рачинский навсегда покинул Московский университет в знак протеста против произвола администрации. В 1870 г., когда скончался Кауфман, кафедра ботаники оказалась в бедственном положении. Некоторое время (1870–1873) ее занимал ученик Кауфмана И.Д. Чистяков, но он много болел, по большей части отсутствовал и рано умер. Кафедру принял малоопытный И.Н. Горожанкин (в 1873 г.), вчерашний студент. Это событие печальным образом сказалось на научной судьбе Горожанкина. Предполагавшееся перед защитой магистерской диссертации стажирование за границей (1874) для него так и не состоялось. До многого ему приходилось впоследствии доходить своим умом, как писал о нем его ученик, известный альголог В.М. Арнольди (*Арнольди В.* Памяти профессора Ивана Николаевича Горожанкина // Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1906. Т. VI, вып. 4. С. 270–276). См. также: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 42 (1873). № 183 (о приглашении сторонних преподавателей на 1873/1874 академический год); Там же. Оп. 43 (1874). № 203 (о допущении к испытанию на степень магистра ботаники кандидата Горожанкина, об утверждении его в этой степени и об избрании на должность доцента по кафедре ботаники). После смерти Кауфмана и добровольной отставки Рачинского у Петунникова не было поддержки на кафедре.

Кауфман их определял. Позднее сбор растений продолжил некий А.А. Краузе[35].

Петунников, видимо, по рекомендации того же Кауфмана оказался в 1864 г. одним из первых действительных членов общества. 25 марта 1865 г. он сделал доклад об ископаемом дереве, найденном близ Каира в Египте. Микроскопические исследования коры дерева, предоставленной ему неким Гуровым, привели его к выводу о важности этой находки с точки зрения систематики растений[36].

На заседании ОЛЕАЭ 8 января 1869 г. И.Д. Чистяков сообщил о результатах экскурсии по западной части Московской губернии в июле 1868 г., совершенной им совместно с Петунниковым. Молодым людям удалось найти несколько неизвестных растений, существование которых казалось сомнительным или же только предугадывалось. Среди них было несколько разновидностей, предсказанных Н.Н. Кауфманом в «Московской флоре». Этой находкой были подтверждены некоторые выводы Кауфмана о географическом распределении растений. Но экскурсанты подчеркнули, что жесткой границы в их размещении не существует из-за колебания рельефа местности и вследствие того, что сплошные еловые и лиственные леса в юго-западной части губернии последовательно сменяют друг друга не без участия человека[37].

Далее нам не удалось найти никаких следов присутствия Петунникова в работе ОЛЕАЭ. Согласно уставу ОЛЕАЭ, член общества, не уплативший в течение двух лет членского взноса и ничем не заявивший о себе, автоматически выбывал из его состава[38]. Похоже, именно такая история произошла с Петунниковым.

---

[35] Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. III. Вып. 1–2. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ при Императорском Московском университете от 14 мая 1864 г. по 29 августа 1866 г. Вып. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. С. 77, 84, 103, 126, 156, 225, 235, 305.
«Гербарий русской флоры» Н.Н. Кауфмана и А.А. Краузе представлял собой список эксикат. Печатный экземпляр издания современными библиографами не найден. Книга упоминается в библиографии: Каталог русских книг. СПб.: Изд-во Я.А. Исакова. 1868–1869. № 7848.

[36] Известия ОЛЕАЭ... Вып. 1. С. 4, 114.

[37] Там же. Вып. 2. С. 297. Позднее Чистяков высказался на этот счет еще более категорично. Он поставил под сомнение тезис Кауфмана о делении флоры Московской губернии на северную и южную. Само определение Кауфмана «граница сплошных еловых лесов» он посчитал неточным и предложил рассматривать всю Московскую губернию как зону встречаемости еловых лесов. См.: *Старостин Б.А.* Краткая история изучения растительного покрова Московской области // *Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н.* Флора и растительность Московской области: (История изучения и аннот. библиогр.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 29.

[38] Известия ОЛЕАЭ... Вып. 1. С. 4.

Известно его отрицательное отношение к ОЛЕАЭ (см. ниже). На него, несомненно, повлияло негативное суждение Вырубова об обществе, которое он в частной переписке называл не иначе как «обществом естественного незнания».

По мнению Вырубова, университет лишился способного сотрудника и прекрасного преподавателя, а для Петунникова жизнь превратилась в непрестанные поиски работы. Конфликт с Московским университетом прискорбным образом отразился на его несостоявшейся «академической» карьере. В его высказываниях мы не найдем, однако, ни малейших сетований на несправедливость судьбы, сам он о конфликте при защите диссертации нигде и никогда не писал.

После защиты Петунников отправился к Вырубову в Париж. Там они занимались в разных углах вырубовской лаборатории: Вырубов – кристаллографическими и химическими опытами, Петунников – микроскопическими наблюдениями за растениями[39].

В 1868–1869 гг. Петунников предпринял попытки устроить преподавательскую карьеру в высшей школе. В связи с освободившейся после смерти И.Б. Ауэрбаха вакансией в Петровской земледельческой и лесной академии он участвовал в конкурсе на ее замещение. Друзья живо обсуждали планы преподавательской деятельности Петунникова. Вырубов даже наметил стержень его будущей «сельскохозяйственной» диссертации. В духе заповедей философии позитивизма о конкретных и абстрактных науках он наставлял приятеля о принципах будущей работы. Согласно Вырубову, она должна была носить общефилософский характер, исходя из того, что агрономия – это своего рода «рациональная промышленность, обязанная своим успехам достижениям науки о жизни животных и растений [биологии. – *Г. Л.*]»[40].

Победа в конкурсе казалась столь очевидной, что Вырубов побуждал друга поскорее приняться за написание докторской диссертации, «чтобы скорее восходить по линии академических почестей»[41]. Он выражал готовность просмотреть подготовленный Петунниковым курс о «многосложной жизни растений», лишний раз настаивая на различии между искусством разводить и размножать растения (сельское хозяйство) и их изучением (ботаника)[42].

Для друзей стал полной неожиданностью провал Петунникова в двух турах голосования. Вырубов приписал это какому-то зло-

---

[39] РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 53.
[40] НБ МГУ, ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 5. № 44. Л. 113 об.
[41] Там же. № 50. Л. 126.
[42] Там же. № 54. Л. 133 об.

му фатуму. Траутшольд, преподаватель Петровской академии и старинный знакомый Вырубова, который должен был поддерживать Петунникова, объяснил случившееся незнанием последним «ученой интриги»[43]. Очередная неудача ждала Петунникова при попытке занять место в Лесном институте в Петербурге осенью 1869 г.[44]

После этого у Петунникова возникла неприязнь к официальной педагогической деятельности. На это ему пенял Вырубов, который резонно находил, что такая карьера могла бы обеспечить занятия наукой «не размениваясь на мелкие деньги». Так же он указывал на необходимость применяться к существующим порядкам, т.к. «в России борьба отдельных личностей с официальным миром невозможна, нет выраженного общественного мнения и необходимой терпимости»[45]. Никогда позже, даже когда сошли в могилу все участники университетской истории – Щуровский, Богданов, Лясковский, Петунников не делал попыток вернуться в университет.

Преподавать в первые несколько лет после окончания университета ему все же пришлось. Сведения об этой стороне его деятельности очень скудные. Начал Петунников со 2-й московской гимназии, о чем уже упоминалось. По его собственному свидетельству, он довольно долго вел занятия в Константиновском межевом институте. Скорее всего, его рекомендовал туда И.Б. Ауэрбах, который сам преподавал в нем в середине 1860-х гг. минералогию и геогнозию[46]. В 1868–1869 гг. Петунников состоял приватным преподавателем иностранных языков в Александровском военном училище. В год его появления в училище в том же качестве подвизался в нем Ф.Е. Корш. Одновременно с Петунниковым преподавали гражданскую историю В.И. Герье и С.М. Соловьев[47].

Приходилось ему заниматься репетиторством. Вырубов бывал озабочен поисками учеников для Петунникова в русских семьях за границей. Он не оставлял надежды встретиться с другом таким образом где-нибудь в Швейцарии или в каком-либо другом уголке Европы. Действительно, весной 1869 г. Петунников выехал со своим учеником в Цюрих. Летом того же года Боборыкин повстречал его в Цюрихе в обществе русских студентов, слуша-

---

[43] Там же. Д. 6. № 55. Л. 135.
[44] Там же. № 71. Л. 167.
[45] Там же. Д.10. № 89. Л. 204 об.
[46] *Апухтин А*. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 г. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1879. С. 256.
[47] http://regiment.ru/reg/VI/C/2/2.htm.

телей лекций Политехникума и университета. Петунников руководил занятиями сына московской фабрикантши, миллионерши[48]. Он пробыл в роли наставника недолго, уж очень ленивым и непонятливым оказался его подопечный. Вырубов часто выговаривал Петунникову по поводу его непрактичности – и деньги он берет за репетиторство слишком малые, и уж очень добросовестен по отношению к «отечественным уродам», как он называл нерадивых учеников[49]. Общение с детьми подтолкнуло Петунникова к сочинению ряда статей и брошюры для этого возраста. В 1870 г. без упоминания имени автора вышла его детская книжка «Водяной мир». Петунников выступил автором в детском журнале «Семейные вечера», издававшемся в Петербурге, где под инициалами А.П. опубликовал ряд статей о животных[50].

Все же Петунников считал для себя преподавательское поприще слишком тесным. В автобиографическом очерке, предназначенном, вероятно, для статьи в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, он писал об этом, представляя себя в третьем лице: «Однако ему в то время не удалось стать в ряды присяжных ученых [имеется в виду инцидент с защитой. – *Г. Л.*], и, увлеченный общим потоком кипучей общественной деятельности, пробужденной великими преобразованиями 60-х гг. во всех сферах русской жизни, он, не покидая педагогического поприща, принял живое участие в публицистической деятельности»[51]. Как только Петунникову в начале 1870-х гг. удалось найти себя в журналистике, он оставил преподавание и репетиторство как средство заработка, хотя в его окружении, по свидетельству современников, всегда было много молодых людей, с которыми он охотно делился своими знаниями.

У Петунникова со студенческих лет, не без влияния Вырубова, сложилось скептическое отношение к кружку московских биологов, учеников А.П. Богданова[52], которого оба считали дельцом

---

[48] *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. В 2 т. М.: Худож. лит. 1965. Т. 2. С. 74.

[49] Далеко не все питомцы Петунникова оказывались тупицами и лентяями. Биограф одного из лидеров отечественной астрофизики А.А. Белопольского (1854–1934) отмечает благотворное влияние на него А.Н. Петунникова, репетитора старшего брата. Это он привил подростку любовь к живой природе и технике (*Герасимович Б.П.* Некролог А.А. Белопольского // Астрон. журн. 1934. № 11. С. 251–254).

[50] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 2. № 12. Л. 1 об.

[51] Там же. .Л. 1.

[52] Анатолий Петрович Богданов (1834–1896) – зоолог, профессор Московского университета, крупный организатор отечественной науки. Вот что писали о нем авторы книги по истории русской ботаники: «Незаурядный талант ученого, педагога и организатора науки, неуемная энергия и преданность делу просвещения народа позволили Богданову не только создать в Московском университете «богдановскую» школу зоологов, стать зачинателем антрополо-

от науки[53]. Напряженные отношения с московскими биологами сопровождали Петунникова многие годы. Даже Вырубов пенял приятелю на предвзятое отношение к Горожанкину, в сущности, безобидному человеку. Все это мешало устройству академической карьеры. Причины заключались и в самой натуре Петунникова. Он был человеком независимым, иногда непреклонным в своих убеждениях и заблуждениях, лишенным необходимой для устройства карьеры гибкости и изворотливости, и это делало его подчас неуживчивым. Б.Н. Чичерин, знавший Петунникова много позже по его деятельности в Московской городской управе, называл его «кривотолком» – при всей своей эрудированности и добросовестности он часто действовал вразрез с общим направлением[54].

1.2. Ранние журналистские опыты. Газета «Русская летопись» (1870–1871)

В начале 1870-х гг. Петунников попробовал свои силы в журналистике. Тогда начинающему еще общественному деятелю профессору Петровской сельскохозяйственной академии М.П. Щепкину[55] пришла в голову мысль издавать еженедель-

---

гических исследований в России, добиться создания кафедры и музея антропологии, но и одновременно со всем этим развернуть широкую пропаганду естествознания в русском обществе» (См.: *Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф.* История ботаники в России (1861–1917 гг.). Новосибирск: Наука. Сибир. отд. 1983. С. 44). О деятельности Богданова – организатора и историка науки см. также: *Кривошеина Г.Г.* А.П. Богданов – историк и летописец московской науки // ВИЕТ. 2007. № 3. С. 89–103. Богданов был фигурой довольно сложной, а для некоторых товарищей по ремеслу даже одиозной, им претила его неразборчивость в средствах. Но все, что он делал, он делал не ради собственной корысти, а ради пользы отечественной науки, поэтому ему многое прощалось.

[53] У Вырубова с Петунниковым в студенческие годы была какая-то стычка с Богдановым. Тогда молодые люди горячо вступились за «пострадавшего» студента Льва Гольдсмита. Вырубов даже финансировал поездку за границу для лечения его больной жены. Друзья скоро раскаялись в своем заступничестве. Гольдсмит оказался прожженным дельцом, способным ради денег на любые низости. Но с тех пор раз и навсегда Анатолий Петрович остался для Вырубова примером «антинравственности, одетой в парижский костюм последнего фасона» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 31. № 355. Л. 760 об.). Петунников вполне разделял мнение друга.

[54] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Ч. 4. Земство и Московская дума. М.: Кооператив. изд-во «Север», 1934. С. 178–179.

[55] Митрофан Павлович Щепкин (1832–1908) – видный общественный деятель и публицист. После окончания историко-филологического отделения Московского университета поступил на службу в московское городское самоуправле-

ную газету либерального толка «Русская летопись». Программа газеты отражала намерение редактора-издателя коснуться «“капитальных проблем” последнего десятилетия, вопросов русского самоуправления в форме земских учреждений, городского общественного управления, мировых судов». Предполагалось, что успех самодеятельного движения зависит от развития «народного просвещения», сельскохозяйственных ассоциаций, кредитных обществ и банков, предоставляющих ссуды для их развития. Редактор обязался, трактуя эти сюжеты, держаться в стороне от политики, дешевых сенсаций и сплетен, эфемерных новостей[56]. Спустя год он подтвердил свое намерение утверждать добытые реформами 1860-х гг. новые формы жизни[57].

Петунникову пришлась по вкусу идея Щепкина, он с энтузиазмом взялся за организацию газеты, призывая к сотрудничеству Вырубова. Он много писал для «Летописи», подписывая свои заметки А. П-въ. Он писал о народной школе, о неизбежном разложении сельской общины, о мучительном процессе пролетаризации фабричных рабочих, вчерашних крестьян. Но больше всего Петунникова интересовали жизнь и нравы близкой ему научной среды. Здесь его перо становилось острокритическим, а иногда и ядовитым. Образцом для него служили, очевидно, сочинения М.Е. Салтыкова-Щедрина, часто им цитируемые. В «Летописи» 1870–1871 гг. появилась целая серия его статей под общей шапкой «Наши просветители» в 1870 г. и «Русские ученые и русская наука» в 1871 г. Выводы Петунникова относительно русской науки пессимистичны, выглядят несколько маргинально и даже злопыхательски на фоне всеобщих восторгов, вызванных съез-

---

ние. Активно проводил в жизнь «Городовое положение» 1870 г. В 1865 г. занял кафедру политэкономии в Петровской земледельческой и лесной академии. В 1870 г. был избран гласным Московской городской думы и оставался им в течение двух четырехлетий. В 1889–1891 гг. вновь работал в думе, пока не сложил полномочия в знак протеста против приемов ведения городского хозяйства. С 1894 по 1906 г. – гласный Коломенского и Московского губернских земских собраний. Организатор статистического отдела Московской городской управы и журнала «Известия Московской городской думы». Широко сотрудничал с либеральными русскими журналами, особенно много с «Русскими ведомостями» (1860-е, 1880–1900 гг.). Писал по общим и экономическим вопросам и по разнообразным проблемам городского самоуправления и хозяйства. Ему принадлежат фундаментальные монографии «Общественное хозяйство города Москвы в 1863–1898 гг. Историко-статистическое описание». (Ч. 1–4. М.: Изд-во Мос. гор. думы.,1888–1901); «Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов». (Ч. 1–2. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1882–1884 (Подробнее см.: Русские ведомости. 1863–1913. Сб. ст. М.: Тип. «Рус. ведомости», 1913. С. 207).

[56] Русская летопись (далее – РЛ). 1870. № 1. С. 3.

[57] Там же. 1871. № 1. Ст. 6.

дами естествоиспытателей, открытием новых научных обществ, выставок и музеев. Можно было бы от них отмахнуться, если бы не серьезные аргументы, приводимые автором в подтверждение своей точки зрения. Петунников сознательно выбрал позицию критика, отчетливо понимая, что она не сулит ему никакой выгоды, напротив, «разоблачая эту недостойную игру в науку и ее высокие интересы, рискуешь теперь прослыть чуть ли не врагом отечества»[58].

Петунников оказался противником многих популярных начинаний своего времени. В частности, его смутила инициатива ОЛЕАЭ открыть к 200-летию памяти Петра Великого 30 мая 1872 г. Политехническую выставку в Москве, «прикладное естествознание в наглядное поучение». Недобросовестность и претенциозность ее устроителей он видел не в самом факте открытия, а в широко разрекламированных посулах подготовить с ее помощью технических специалистов, что казалось ему заведомой ложью. Нельзя подготовить серьезных специалистов, думал он, без основательных теоретических знаний, из которых и вырастает прикладная наука[59].

Определенный скепсис у Петунникова вызвало создание вскоре после первого съезда русских естествоиспытателей в 1867 г. новых научных обществ с благословения МНП, как ему казалось. Петунников усмотрел в этом действии своеобразный маневр начальства, уводящий от решения насущной проблемы реального образования для России, единственно способного, по его мнению, привить подлинную любовь к естествознанию[60].

В деятельности некоторых научных обществ его смущало несоответствие малых научных сил и грандиозных замыслов, что чаще всего оборачивалось пустым фразерством (Казанское естественнонаучное общество)[61]. Петунникова настораживали неумелость, непрофессионализм многих неофитов (из-за недостатка собственно исследователей и конъюнктурных соображений в общества набирали много случайных людей, подтверждение чему Петунников видел в составе ОЛЕАЭ, Общества акклиматизации

---

[58] Там же. № 26. Ст.1214.

[59] Там же. 1870. № 7. Ст. 265–269.

[60] Там же. 1871. № 15. Ст. 732–737. Здесь Петунников допускает явную передержку. На самом деле с инициативой создания естественнонаучных обществ при российских университетах выступили сами ученые. После того как секция ботаники высказала такое предложение, съезд обратился с соответствующим письмом в министерство просвещения. Организация обществ была разрешена. См.: *Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф.* История ботаники в России (1861–1917). Новосибирск: Наука. Сибир. отд., 1983. С. 46.

[61] РЛ. 1871. № 19. Ст. 914.

животных и растений в Москве и др.)[62]. Поражала бессистемность поисков, погоня за грудою сырого, необработанного материала, доставленного чаще всего с далеких окраин России или из-за границы, тогда как природные ресурсы многих губерний, в том числе Московской, оказались малоисследованными[63]. Новые материалы научных экспедиций пополнили уже существующие коллекции, которые, по мнению Петунникова, и без того представляли залежи бесполезного хлама: «настоящие складочные магазины всякой всячины, цейхгаузы мертвого мира, где ископаемые расположены в том естественном порядке, в каком они покоятся в недрах земли, и где главная цель – иметь всего много, целыми глыбами, годными разве для замощения улиц»[64]. Редкие примеры полезной деятельности научных обществ Петунников приветствовал. Так, он поддержал инициативу Харьковского научного общества, которое отозвалось на обращение Сумской уездной земской управы с просьбой о помощи в борьбе с вредными насекомыми. Общество составило список этих насекомых с их подробным описанием, просило добровольцев поставлять ученым их экземпляры, намеревалось приобретать коллекции, отражающие все фазы их развития, обязалось помогать всем, кто заинтересуется этой тематикой[65].

В жизни университетского и всего научного сообщества, особенно ОЛЕАЭ, удивлял семейно-патриархальный характер отношений. При видимом благодушии он знаменовал торжество бюрократии и облегчал проникновение в науку личностей, далеких от ее интересов, так как при подобном раскладе сил «отцом» выступало начальство, «детьми» – подчиненные, образуя «отношение особого рода, которое можно назвать неодушевленным отношением власти к предметам одушевленным»[66]. Такому положению вещей, согласно Петунникову, способствовал определенный конформизм профессорской среды, готовой услужить начальству. В подтверждение этому Петунников приводил скан-

---

[62] Там же. № 26. Ст. 1211; № 12. Ст. 612–615.

[63] Особенно это относилось к ботаническим исследованиям. Много позже, в начале 1890-х гг., Н.И. Кузнецов отмечал, что в результате повышенного интереса ботаников к отдаленным окраинам (Кавказ, Туркестан, Сибирь, Киргизские степи) оказались слабо изученными местные флоры западных и центральных районов Европейской России, исключая Москву и Петербург (Обзор деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. С. 223).

[64] РЛ. 1870. № 14. Ст. 494.

[65] Там же. 1871. № 22. Ст. 1055.

[66] Там же. 1870. № 25. Ст. 924.

дальную защиту докторской диссертации Г. Струве в Московском университете «Самостоятельное начало душевных явлений». Эта «психофизиологическая» диссертация была признана специалистами (биолог С.А. Усов, философ Н.П. Аксаков) крайне слабой и компилятивной и в естественно-научной (физиология), и в философской части. Однако она была пропущена членами Ученого совета университета в угоду редакторам «Московских ведомостей», поднявших на щит работу Струве[67].

Петунников приводил свои доводы в подтверждение декларативности и беспочвенности многих начинаний патриотов русской науки. Он считал, что в российском обществе наука имеет еще слабую опору. Это показала неудачная попытка МОИП «на поприще благих начинаний» издавать «Вестник естественных наук», естественно-научный журнал на русском языке. Блестящее издание вынуждено было вскоре закрыться из-за недостатка подписчиков[68].

Сами научные силы России, по мнению Петунникова, еще слишком малочисленны и рассеяны. Создание новых, иногда параллельных по своим целям (МОИП, ОЛЕАЭ) обществ, еще больше их дробит. В силу слабости самой науки и тонкости культурного слоя в России, в котором наука не приобрела еще права гражданства, не будет иметь ожидаемого успеха, думал он, широкая популяризаторская деятельность. Она только отвлечет силы от серьезной научной работы, от необходимости «дело делать». Вообще, как казалось Петунникову, популяризация научных знаний не требует столь больших усилий, которые декларируют Щуровский, Богданов и их последователи. Пример тому «Московская флора» Н.Н. Кауфмана. Этот научный, но увлекательно и доступно написанный труд привлек к занятиям ботаникой многих любителей. И все это произошло само собой, без всякого шума и рекламы[69].

Неотложная задача научных работников по Петунникову – создать необходимый научный фонд. «На них лежит эта первейшая обязанность основать и расширить этот фонд, если русскому обществу отказано в этом господствующей [классической. – *Г. Л.*] системой образования». – писал Петунников[70].

Петунникова возмущала «возбудительного свойства» лжепатриотическая риторика, сопутствующая многим новым предприятиям, разглагольствования о «русской» и «своенародной» науке.

---

[67] Там же. № 18. Ст. 688–694.
[68] Там же. 1871. № 24. Ст. 1114–1118.
[69] Там же. 1870. № 51. Ст.1809.
[70] Там же. 1871. № 19. Ст. 916.

Такое приземленное толкование целей науки вызвало у него гневную тираду: «Наука не есть собирание материала или обработка его. Наука, прежде всего, система, стройное целое, и таковою она сможет быть только тогда, когда отрешится от нации и от страны, которые не могут представлять ей никаких требований. Наука – это требование духа, и притом духа людей, стоящих на высокой степени развития. Наука, прежде всего, требует дела, а не мечтаний о народности ее и о требованиях общества, и тот, кто вместо делания дела толкует о какой-то народности, принадлежит к числу дешевых дилетантов»[71].

Обособленность отечественных ученых, полагал Петунников, чревата отставанием и снижением уровня исследований. При этом он был далеко не единственным публицистом, кто поставил вопрос о языке публикаций работ русских авторов. Опыт русскоязычных изданий показал, что они малоинтересны непрофессионалам (печальная попытка МОИП издавать научно-популярный журнал) и недоступны западным читателям. Именно поэтому, считал Петунников, следует поддержать иноязычные публикации МОИП, поскольку они задают высокий международный уровень отечественных исследований, выводя их на суд западноевропейских критиков. Далекое от рекламной шумихи, пребывающее в «скромной неизвестности» в родном отечестве Общество, думал он, достойно всяческого поощрения в силу «серьезного и гуманного» направления исследований, несмотря на корпоративную замкнутость рядов (требуется наличие некоторого научного багажа, чтобы попасть в его члены) и чрезмерную специализацию исследований[72].

Как и многих его современников, Петунникова возмущала неразборчивость в средствах устроителей акций в пользу русской науки: обращение к «тугим кошелькам» и в качестве моральной компенсации угодничество перед ними, славословия, награждение орденами, избрание в члены обществ и др.[73]

Суть претензий Петунникова к деятелям русской науки можно свести к двум пунктам: во-первых, опасение низведения занятий наукой до дилетантского уровня; а во-вторых, возможность бюрократизации науки, сужение ее внутренней автономии. Время показало чрезмерность опасений в том, что наука превратится в занятие дилетантов. Сам прогресс исследований, их дальнейшее усложнение и специализация поставили предел любительству в науке. Демонстрация и популяризация достижений науки в фор-

---

[71] Там же. № 15. Ст. 734.
[72] РЛ. 1871. № 24. Ст. 1118.
[73] Там же. № 26. Ст. 1213.

ме общенациональных и региональных выставок и музеев вполне оправдала себя, нисколько не конкурируя с образовательными задачами средней и высшей школы, не подменяя их, но представляя для них определенное подспорье. Участие «тугих кошельков» в становлении научных обществ, музеев, технического образования в России, когда оно шло рука об руку с инициативой самих ученых, оказалось также небесполезным для отечественной науки[74]. Здесь Петунникова подвело общее предубеждение против ряда деятелей московской науки. За отдельными неблаговидными фактами (история, например, с зоологическим садом) он не увидел благотворного влияния этой формы частной инициативы.

Сильно ли отвлекала популяризаторская работа от занятий наукой? До сих пор этот вопрос остается открытым, так как нет досконального анализа деятельности провинциальных научных обществ и их эффективности, нет даже сравнения деятельности МОИП и ОЛЕАЭ, чем занялся было сам Петунников, но чем после него никто не интересовался. Петунников писал о научных обществах, когда они делали только еще первые шаги на своем поприще. Этот неизбежный этап самоопределения науки, ее институализации нашел в России наиболее яркое воплощение в XIX столетии. Во второй его половине многие из обществ (Петербургское, Казанское, Киевское, Новороссийское) внесли значительный вклад в развитие интересовавших Петунникова областей знания: систематики, флористики, геоботаники[75].

Что касается отступления от либеральных завоеваний университетской реформы 1863 г., они обнаружились уже в конце 1860-х гг., постепенно сокращались рамки финансовой и административной автономии университетов, что нашло подтверждение в университетском уставе 1884 г. Реакция университетского сообщества на это явление не была однозначной. Было много протестов со стороны профессуры, о недовольстве бюрократическими порядками свидетельствовало растущее студенческое движение[76]. Петунников отразил общее тревожное состояние умов

---

[74] Многочисленные исторические факты свидетельствуют о том, что широкая частная инициатива со стороны представителей отечественного бизнеса, часто инициированная самими учеными, много способствовала подъему научной деятельности и просветительства в России второй половины XIX в. См.: *Бастракова М.С.* Филантропическая поддержка науки в России во второй половине XIX в. // ВИЕТ. 2012. № 1. С. 41–66.

[75] *Щербакова А.А.* и др. Указ соч. С. 47–48.

[76] В конце 1860-х гг. на страницах журнала «Русские ведомости» развернулась жаркая полемика по поводу университетской автономии. В ее защиту выступали профессора Ф.М. Дмитриев, М.Н. Капустин, С.А. Рачинский, С.М. Соловьев, И.К. Бабст. В противном лагере оказались М.Н. Катков и П.М. Леон-

значительной части русской интеллигенции начала 1870-х годов. Картина представлялась ему довольно безотрадной. Взяв за точку отсчета 1858 г., время смерти «блестящего популяризатора» науки К.Ф. Рулье и пору надежд для русской науки, он писал: «С тех пор прошло 16 лет; многое изменилось у нас за это время в науке, в искусстве и в русской литературе. Краски поблекли, осенний колорит подернул эти стороны русской жизни – колорит безжизненный, печальный, лишенный энергии и силы»[77]. Против распространения этого «печального колорита» была направлена разоблачительная критика Петунникова. В этом он полностью соответствовал издательской политике газеты, видевшей свою цель «в утверждении, упрочении и развитии прежде насажденных учреждений, имеющих обеспечить народу пользование благами жизни»[78]. Разоблачительный тон «Русской летописи», интерес к острым проблемам внутренней и внешнеполитической жизни, скорее всего, послужили причиной закрытия газеты. Вряд ли эту реакцию правительства вызвала краткая и довольно безобидная заметка о смерти А.И. Герцена, после которой газета просуществовала еще полтора года. Ее издатель М.П. Щепкин лишился профессорской кафедры в Петровской академии.

1.3. Научно-популярная журналистика. Журнал «Природа» (1873–1877)

Журналистские опыты Петунникова с закрытием «Русской летописи» не прекратились. Вскоре он обратился к новому для себя научно-популярному жанру. Популяризация научного знания, которая так коробила Петунникова в шумных акциях Щуровского и Богданова, в том или ином виде сопутствовала ему на протяжении многих лет жизни. В ту пору она отражала острый общественный интерес к естественно-научному знанию.

В начале 1870-х гг. ровесник Петунникова Л.П. Сабанеев, в прошлом вольный слушатель Московского университета, страстный любитель природы и охотник, признанный знаток уральской фауны, вернулся из двухлетней научной поездки на Урал. Тогда он задумал издание научно-популярного журнала. У него были

тьев. В знак протеста против наступления на университетскую автономию в разное время подали в отставку профессора: С.А. Рачинский, Б.Н. Чичерин, Ф.М. Дмитриев (в конце 1860-х гг.); позднее – А.С. Посников, А.А. Мануилов, М.А. Мензбир, И.И. Мечников; Ю.С. Гамбаров (Русские ведомости. 1863–1913. Сб. ста. М.: Тип. «Рус., 1913. С. 11–12).

[77] *Петунников А.И.* Пестролистные растения // Природа. 1874. Кн. 4. С. 296.

[78] РЛ. 1871. № 1. С. 6.

Л.П. Сабанеев
(Иконотека МОИП)

для этого некоторые средства, кроме того, 10 тысяч рублей на эти цели он получил от своего земляка, ярославского заводчика. Первым редактором был приглашен известный московский зоолог, профессор С.А. Усов[79]. Сабанеев взял на себя все издательские заботы.

Редакторы поставили задачу возобновить издание журнала, подобного «Вестнику естественных наук» К.Ф. Рулье, выходившего под эгидой МОИП в 1854–1860 гг. «Вестник» – «еженедельная естественно-историческая газета» – стал предтечей многих более поздних популярных журналов в России. В нем находили отражение успехи отечественных и зарубежных исследователей, печаталась хроника научной жизни, рассматривались литературные новинки в этой области. Журнал был хорошо иллюстрирован. Известные русские естествоиспытатели К.Ф. Рулье, С.А. Рачинский, Н.А. Варнек, А.Н. Бекетов, С.А. Усов, Н.А. Северцов увлекательно рассказывали читателям о тайнах природы. Однако из-за преждевременной смерти Рулье (1858) и недостатка денежных средств журнал вскоре закрылся[80].

Усов был учеником Рулье и помогал ему в издании «Вестника». Редакторы намеревались продолжить традиции своего славного предшественника. Их усилия были направлены на то, чтобы «издание было возможно разнообразным, научным, при известной, не доведенной до крайности популярности, и свободным от всякой тенденциозности»[81]. Журнал выходил 4 раза в год в виде объемных, богато иллюстрированных сборников.

К участию в сборнике были привлечены ведущие силы России. В нем печатались уже маститые ученые: астроном Ф.А. Бреди-

---

[79] *Анучин Д.* Из воспоминаний // Рус. ведомости. 1863–1913. С. 72.
[80] *Липшиц С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940). Исторический очерк. М., 1940. С. 33–34.
[81] Природа. 1873. Кн. 1. С. 1.

хин, геолог Г.А. Траутшольд, зоологи С.А. Усов и Н.А. Северцов. Из молодых публиковали свои статьи И.И. Мечников (зоология), Д.Н. Анучин (антропология), А.Н. Петунников (ботаника). О животном мире Урала повествовал на страницах журнала Л.П. Сабанеев. Журнал помещал полные живых подробностей рассказы Н.М. Пржевальского о его путешествии по Тибету, Н.Н. Миклухо-Маклая о поездке в Новую Гвинею. Зарубежную науку представляли переводы статей видных естествоиспытателей: английского зоолога и палеонтолога Т. Гексли, его соотечественника геолога Д. Прествиша, французских химиков А. Вюрца и Э. Гримо, антрополога П. Брока. В журнале печатались выдержки из работ блестящих популяризаторов науки того времени: французского астронома К. Фламмариона, английского физика Д. Тиндаля. Журнал много писал о достижениях научно-технической мысли, в частности, о первых опытах воздухоплавания Гастона Тиссандье. Читатели получали представление о новых статьях и книгах, появившихся в области естествознания и техники.

«Природа» чутко отражала течения современной научной мысли, стараясь сохранять объективность. Показательно, что Усов, сторонник эволюционного взгляда на природу, доверил представить дарвиновскую теорию происхождения видов на страницах журнала Н.Н. Страхову, философу религиозного толка, имевшему вместе с тем солидное естественно-научное образование[82], известному противнику дарвиновского учения. Страхов признавал, что изменчивость видов находит подтверждение в данных естественной систематики организмов, в сравнительной анатомии, палеонтологии, эмбриологии. Он не противопоставлял эволюционной доктрине Дарвина тезис о неизменности видов. Но он отказывал ей в строгой логической форме, вытекающей из предшествующего развития науки, считал ее бездоказательной, так как она не дает внятного ответа на «таинственные явления органической жизни, т.е. не находил в ней атрибутов научной теории. В подтверждение своей правоты Страхов обратился к приемам «научной критики», попытавшись критически рассмотреть саму сердцевину дарвиновской концепции – развитие организмов. Вывод оказался все тем же: «Он [Дарвин. – *Г.Л.*] объяснил только отрицательную сторону палеонтологической истории организмов, он показал только, что виды должны исчезнуть *в борьбе за существование*, но как они возникают, откуда являются силы, которые должны процветать среди этой борьбы, от которых

---

[82] *Страхов Н.* О развитии организмов. Попытка точно поставить вопрос / Природа. 1874. Кн. 1. С. 1–58.

одних зависит весь смысл борьбы, – на это он дал самые смутные и совершенно неудовлетворительные ответы»[83].

Попутно Страхов высказал плодотворную мысль о влиянии общего философского состояния умов на развитие тех или иных научных теорий. Господство механистических представлений в эпоху Просвещения, которые со временем превратились в предубеждение, отсрочило, на его взгляд, развитие эмбриологии, эволюционной теории, гениальные прозрения о которых витали в воздухе уже в XVIII в.[84] Изучение истории науки, гениальных людей и великих открытий, позволяет выявить поворотные пункты развития, определяющие дальнейшее движение, ибо «для откровений, для истин, действительно новых, необходимы люди гениальные, исключительные», – полагал он[85].

Статья Страхова подкупает тем, что в ней сделана попытка аргументированной критики, выводы ее не категоричны и предполагают возможность полемики и наличие иной точки зрения. Этой широты подхода придерживались редакторы издания, представляя его страницы сторонникам дарвиновского учения зоогеографу Н.А.Северцову, геологу Г.А. Траутшольду, ботанику А.Н. Бекетову, зоологу и писателю Н.П. Вагнеру. Они применяли его к частным вопросам своих научных дисциплин. По наблюдениям Н.В. Успенской, занимавшейся историей журнала, в «Природе» преобладала биолого-географическая тематика, а в ней господствовало дарвиновское направление[86].

---

[83] Там же. С. 48.

[84] Там же. С. 4–5.

[85] Там же. С. 3.

[86] *Успенская Н.В.* «Природа» до «Природы» // Природа. 1981. № 11. С. 72 –73. Здесь не место обсуждать вопрос о широкой популярности дарвиновской доктрины в России, ведь не зря нашу страну называют «второй родиной дарвинизма» (Об этом см., например: *Чайковский Ю.В.* Первые шаги дарвинизма в России / Историко-биол. исслед. М., 1989. № 10. С. 121–141). Некоторые из старинных знакомых Петунникова, например, А.Г. Траутшольд, К.А. Тимирязев, внесли свою лепту в ее доказательство и пропаганду. Петунников, как и его учитель Н.Н. Кауфман, разделял представление об эволюционном процессе развития природы. Но у нас нет свидетельств отношения Петунникова к учению Дарвина. Во всяком случае в его творчестве не прослеживаются задачи его подтверждения или опровержения. Лишь однажды имя Дарвина мелькнуло в одной из статей Вырубова в «Позитивной философии». Он рассматривал Дарвина как автора довольно изобретательной гипотезы (отнюдь не теории), с помощью которой можно упорядочить некоторые естественнонаучные факты, уточнить идею видов (*Wyrouboff G.* Les hypothèses scientifiques // Phil. pos. 1880. T. 25, N 2. P. 180). В лексиконе Вырубова иногда встречается словосочетание «struggle of life», но скорее в ироническом житейском смысле.

Столь же общей и достаточно полемичной для химиков того времени была статья А. Вюрца «Теория атомов по отношению к общему мировоззрению»[87]. Вюрц, неутомимый пропагандист атомарной теории во Франции, в течение долгого времени вел борьбу с ее убежденными противниками, влиятельными химиками М. Бертло и А.Э. Сент-Клер Девиллем. Этот многолетний спор завершился победой сторонников атомарной точки зрения лишь в конце XIX столетия. В итоге возобладала теория, с помощью которой можно было объяснить достижения современной химии и предсказать направление ее будущего развития.

Д.Н. Анучин
(Интернет)

Близкими помощниками редакторов «Природы» были Анучин и Петунников. Анучин со студенческих лет был знаком с Сабанеевым. Петунников знал обоих еще до начала сотрудничества. С Сабанеевым он мог познакомиться через О.Е. Клера, члена-корреспондента МОИП с 1867 г., переводчика книги Н.Н. Кауфмана, о чем подробнее будет сказано ниже. Усова Петунников знал еще по университетским лекциям. Уже тогда они с Вырубовым оценили способность молодого преподавателя заронить у слушателей интерес к своему предмету. Ближе Петунников познакомился с Усовым в пору работы в «Русской летописи». Он всецело разделил точку зрения Усова о скудости естественно-научного содержания докторской диссертации Г. Струве. В другой раз он защитил московского профессора от нападок невежественных и недобросовестных членов Общества акклиматизации животных и растений[88].

---

[87] Природа. 1874. Кн. 4. С. 1–26.

[88] Дело в том, что созданный на добровольные, довольно мизерные пожертвования Московский зоопарк влачил жалкое существование. Чтобы привлечь денежные средства и расплатиться с долгами, в Общество акклиматизации стали приглашать совершенно случайных людей. Они превратили зоопарк в место шумных и грубых развлечений. От несмолкаемого шума и неумелого

С.А. Усов
(Иконотека МОИП)

Усов слыл блестящим популяризатором науки. Он много занимался переводом на русский язык сочинений западноевропейских авторов. Для него был характерен широкий взгляд на вещи, свойственный многим ученикам школы Рулье. По свидетельству М. Мензбира, ученика Усова, тот избегал узко специальных статей и предпочитал переводить их сюжеты на общедоступный язык в популярных изданиях[89]. Усова и Петунникова могли сблизить общие представления о задачах научно-популярной журналистики, к которой оба предъявляли высокие требования. Усов имел возможность оценить высокую научную компетентность молодого ботаника, его свободное владение западноевропейскими языками и хорошее знание научной литературы, на них написанной, знакомство с некоторыми зарубежными коллегами. Усова и Петунникова сближали чисто человеческие качества. Оба отличались прямотой, искренностью, независимостью, что часто вредило их служебной карьере. По свидетельству Н.В. Успенской, Петунников оказывал существенное влияние на редакторскую политику издания[90]. Возможно, он помогал в выборе статей западноевропейских авторов и, подобно Анучину, занимался их переводами на русский язык, редактированием и правкой.

Петунников написал для журнала несколько статей по ботанике. Его журналистский почерк в этом издании совершенно преобразился. В популярной, часто поэтической форме он рассказы-

обращения начался мор животных. Усов взял на себя единоличное управление зоопарком. Вымирание животных остановилось, но начались нападки на Усова со стороны недовольных членов Общества акклиматизации, для проверки его деятельности была создана некомпетентная комиссия (Русская летопись. 1871. № 12. Ст. 612–615).

[89] *Мензбир М.* Усов Сергей Алексеевич. М., 1887. С. 12.

[90] *Успенская Н.В.* Указ. соч. С. 70–71.

вал о прорастании семян растений[91], о цветении воды (тине)[92], о жизни морских водорослей[93]. Свои рассказы он сопровождал описанием микроскопа и незамысловатых опытов, которые могли бы прояснить любознательному читателю природу отображаемых им явлений.

В статье Петунникова о пестролистных растениях[94] звучали отголоски юношеских споров его с Вырубовым. В них друзья, в полном согласии с постулатами позитивной философии, проводили различие между произвольным искусством садовода, который действует часто по наитию, руководствуясь своим и чужим опытом, и строгими приемами ученого-ботаника. Петунников и здесь выступил горячим поборником сближения искусства (садоводство) и науки (ботаника).

Вырубов и биографы Петунникова отмечали красочность языка его статей, написанных для «Природы». Друзья-библиофилы обращали внимание на свойственную ему легкость пера. Действительно, он хорошо владел писательским ремеслом, по-разному используя его в различных литературных жанрах. В этой же статье о пестролистных растениях Петунников открыл читателю, что послужило ему образцом при описании явлений природы. Это были статьи биолога С.А. Рачинского, ставшие украшением журнала Рулье. Они свидетельствовали о том, что «предметом владел художник, который умел пользоваться красками и тенями языка». Петунников сам мастерски владел этой способностью, особо ценной в условиях русской «печальной природы», где «только на лепестках садовых цветов можно любоваться бесконечной игрой света и тени»[95].

Последняя статья Петунникова в «Природе»[96] особенно понравилась Вырубову. Он нашел ее основательной. Петунников, как всегда, воспользовался микроскопическими опытами, чтобы описать невидимое невооруженному глазу движение сока в водяном мхе (лучице), которое ряд естествоиспытателей уподобляют кровообращению у животных. Он подробно остановился на истории вопроса, на всевозможных внешних воздействиях, которым подвергли это явление западные натуралисты, описал часть научных гипотез, связанных с определением движения сока

[91] *Петунников А.Н.* Прорастание // Природа. 1873. Кн. 1. С. 102–121.
[92] *Он же.* Тина // Там же. С. 346–361.
[93] *Он же.* Морская трава // Там же. Кн. 2. С. 200–219.
[94] *Он же.* Пестролистные растения // Там же. 1874. Кн. 4. С. 277–296.
[95] Там же. С. 296.
[96] *Петунников А.Н.* Движение сока в растениях // Природа. 1875. Кн. 4. С. 69–127.

в растениях. В заключение он пришел к выводу, что круговорот сока в растении – это универсальное и созидающее явление, с его помощью происходит перемещение белка, «наиболее важной образовательной материи, к месту развития, к образовательному центру»[97]. Петунников подвел читателя к мысли о том, что изучение движения сока прошло стадию «неосновательных гипотез» и «вступило в такую фазу, где на первом плане стоит наблюдение, опыт и сообщение этих явлений в форме непреложных законов природы»[98]. Это вполне позитивистский идеал движения человеческой мысли от недостоверной, а потому и мало почитаемой гипотезы, к достоверной научной истине. Вырубов мог вполне гордиться своим другом, которому некогда преподал уроки позитивной философии.

Естественно, что Петунников посвящал Вырубова во все свои издательские дела. На предложение друга поучаствовать в публикациях журнала Вырубов отозвался единственной статьей о неделимости в неорганической природе, которую «стряпал» в 1875 г.[99]

---

[97] Там же. С. 125.

[98] Там же. С. 127.

[99] *Вырубов Г.Н.* О неделимости в неорганической природе // Природа. 1876. Кн. 2. С. 76–101. Эта статья – образец вырубовской популярной журналистики. Наряду с подробным описанием кристаллов: их формы, образования, химического состава и физических свойств и пр. – он предложил вниманию читателей ряд общих философских вопросов, трактуемых им в чисто позитивистском духе. Он подчеркнул полезность для естествоиспытателя разумения некоторых философских истин, касающихся структуры знания, его классификации, внутреннего строя каждой из научных дисциплин. Знание философии [позитивной. – *Г. Л.*] отвратит исследователя от поисков непостижимых «конечных причин» явления (от вопроса, *почему* так происходит) и обратит его к постижению лишь их закономерности (*каким образом* так происходит). За гранью непознаваемого, полагал он, кончается наука и начинается игра воображения (С. 83). Вырубов считал весьма сомнительными аналогии между миром живой и неживой природы, уподобление кристаллов растениям, попытки вдохнуть жизнь в неорганическую материю. Между ними лежит непреодолимая пропасть. «Искать каких-то переходов от одной к другой, пытаться приводить их к одному общему знаменателю то же, что искать квадратуру круга, философский камень, вечное движение, то же, что пробовать прошибить лбом каменную стену. Окружность и диаметр останутся все-таки несоизмеримыми, металл все-таки не будет превращаться в золото, движение все-таки будет требовать постоянного приложения силы, стена все-таки будет крепче человеческой головы», – убеждал он читателя (С. 97). Его самого, искушенного и в органических науках, изучение кристаллов привлекло красотой «той изумительной непостижимой правильности, которой подчинено строение и возрастание неорганической особи». Но обаяние органической жизни, замечал Вырубов, привело в последние два десятилетия к определенному крену в пользу изучения органической химии и биологии, тогда как кристаллография и минеральная химия все еще остаются на уровне развития

Вырубов в течение 17 лет издавал в Париже на собственные средства и редактировал популярный на Западе журнал «Позитивная философия» (La philosophie positive). Он досконально знал все тонкости издательской и редакторской работы. При получении первого тома «Природы» он восхитился роскошью издания «полезного во многих смыслах», но усомнился в верности выбранного формата. Он полагал, что для широкого читателя подойдет компактное и недорогое издание, иначе журнал не окупит себя[100]. Пророчество Вырубова сбылось довольно скоро, журнал оказался слишком дорогостоящим. Сабанеев стал остывать к его изданию. Чтобы расширить круг подписчиков, он несколько изменил его тематику. С 1878 г. под его началом стал выходить журнал «Природа и охота»[101]. Но это был уже другой журнал, и в нем не нашлось места для Петунникова. С закрытием «Природы» Петунников не ушел из журналистики, но его перо касалось уже совершенно иных сюжетов, о чем будет рассказано ниже. Петунников отметил свое пребывание в составе редакции журнала «Природа» публикацией популярной брошюры «Начальные основания анатомии человека (М.: Тип. В. Готье, 1874. 50 с.). В ней он описал все органы человеческого организма, элементы, их составляющие (клетки, ткани, сосуды и проч.), и все системы, обеспечивающие его жизнедеятельность. Автор мыслил свое сочинение как краткое учебное пособие.

1840-х гг., накопив множество «темных вопросов». Такое положение он считал недопустимым, так как в природе все соподчинено и все взаимодействует, и нельзя «прервать непрерывную цепь явлений» без ущерба для науки (С. 98). Завершая статью, Вырубов еще раз пояснил свой выбор в качестве предмета повествования одного из основных понятий неорганических наук. Оно, как ему казалось, имеет специально научное и философское значение. Для специалиста важно знать «характер и границы неделимого для того, чтобы построить дальнейшие части классификации; для философа, чтобы делить обширный круг естественных явлений на своеобразные отделы и не прилагать к их обобщению несвойственные им методы» (С. 100). Публикация подобной полемической статьи свидетельствует об определенной широте редакторского подхода.

[100] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 10. № 93. Л. 212–212 об.

[101] Природа и охота. Ежемесячный иллюстрированный журнал. 1878. № 1 (январь). Журнал образовался в результате слияния «Природы» и «Журнала охоты». В отличие от «Природы» он изменил формат, превратившись в ежемесячный иллюстрированный компактный журнал (25 листов). Значительно изменилось содержание издания. В нем продолжали печататься популярные статьи по естествознанию, но значительную часть объема занимала охотничья тематика. Это обстоятельство, скорее всего, и послужило одной из причин того, что и Усов, и Петунников отошли от него. В качестве редактора-издателя остался один Сабанеев.

1.4. Сотрудничество с книгоиздателями Анатолием Ивановичем и Николаем Ивановичем Мамонтовыми (1870–1900-е гг.)

Значительное место в жизни Петунникова занимала научно-просветительская работа. В отечественной книговедческой литературе упоминания о московских издателях и книготорговцах второй половины XIX – начала XX в. Анатолии Ивановиче и Николае Ивановиче Мамонтовых начали появляться сравнительно недавно[102]. Чаще всего их имена возникают в связи с фигурой их старшего брата Саввы Ивановича Мамонтова. Кто не знает Савву Мамонтова, крупного деятеля железнодорожного строительства в России, гостеприимного хозяина подмосковной усадьбы Абрамцево, управляющего «Московской частной оперой» и др., знаменитого предпринимателя и мецената[103]?

Н.И. Мамонтов приобрел в 1872 г. книжный магазин на Кузнецком мосту у Александра Ивановича Глазунова. Глазуновы известны как потомственные московские издатели и книготорговцы. В 1830–1840-е гг. их издательство сосредоточило свое внимание главным образом на издании учебников, атласов и сочинений русских писателей[104]. В их магазине можно было найти

---

[102] Отсутствует информация об издателях Мамонтовых в таких, например, классических работах по книговедению, как: *Белов С.В., Толстяков А.П.* Русские издатели конца XIX – начала XX в. Л.: Наука. 1976; *Баренбаум И.Е.* История книги. М.: Книга, 1984.

[103] Герои нашего рассказа, братья Мамонтовы, были сыновьями Ивана Федоровича Мамонтова (1802–1869(?), представителя одной из ветвей многочисленного клана Мамонтовых, потомственных купцов, откупщиков и предпринимателей, выходцев из крепостных крестьян. В середине XIX в. Мамонтовы покинули Сибирь и прочно обосновались в Москве, став потомственными почетными гражданами Первопрестольной. Н.И. Мамонтов входил в состав правления АО «Московско-Ярославско-Архангельская железная дорога», во главе которой стоял Савва Мамонтов, и был выборным купеческой управы. Выбранный почетным членом Общества пособия нуждающимся студентам Московского университета, А.И. Мамонтов сотрудничал с видными учеными Д.Н. Анучиным, А.И. Чупровым, с деятелем Московской думы М.П. Щепкиным. В училищном совете Дельвиговского железнодорожного училища он действовал бок о бок с Саввой Мамонтовым. Любовь к просвещению и культуре братья позаимствовали у отца, знавшего в Сибири многих ссыльных декабристов. В Москве через крупного откупщика и предпринимателя В.А. Кокорева он близко познакомился с М.П. Погодиным, задававшим тон культурной жизни столицы. См.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1899 г. М.,1899. С. 500, 762, 828, 1035, 1073 и др. О братьях Мамонтовых и их отце см.: Московская энциклопедия. Т. I. Кн. 2. И–М. Лица Москвы. М.: Фонд «Моск. энцикл.», 2008. С. 535–537.

[104] *Баренбаум И.Е.* История книги. М.: Книга, 1984. С. 72.

роскошные издания по естествознанию: книги Дарвина, немецких ботаника И. Гартвига и естествоиспытателя Л. Бюхнера. Судя по каталогу книжного магазина Н.И. Мамонтова, новый хозяин унаследовал у своих предшественников интерес к учебной и естественнонаучной литературе[105]. У него продавались классические, выдержавшие много изданий курсы физики А. Гано и Ж. Жамена, учебник неорганической химии К. Раммельсберга. Посетителям предлагались книги по естественной истории Ч. Дарвина, зоолога Э. Жоффруа Сент-Илера, минералога А.Л. Деклуазо и др. В репертуаре магазина были представлены научно-популярные книги по естествознанию, авторами которых были известные ученые: Т. Гексли (биология), А. Кагур (химия), Э. Литтре (медицина). С начала издания «Известий Московской городской думы» подписку на этот орган МГД можно было оформить в магазине Мамонтова.

Издатели Мамонтовы были высокообразованными людьми. Анатолий Иванович (1839 – 1905) был выпускником естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (1860). В молодые годы Анатолий Мамонтов был замечен в симпатиях к революционно-освободительному движению (связь с ишутинским кружком), и в 1866 г. попал под надзор полиции[106]. Он известен как переводчик «Фауста» Гёте (М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова. 1897). Его жена, певица Мария Александровна (Лялина, ... – 1904), детская писательница, составила сборник детских песен на русские и украинские напевы, который редактировал П.И.Чайковский (М.: А.И. Мамонтов. 1872). А.И. Мамонтов занялся издательским делом в 1863 г., взяв в аренду у М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева типографию Лазаревского института восточных языков. В 1866 г. он завел собственное дело и через 3 года построил типографию. В 1872 г. типография переместилась в новое здание в Леонтьевском переулке (д. № 5, архитектор В.А. Гартман). Там же находился магазин «Детское воспитание» с книжным отделением, где продавались кустарные изделия абрамцевских мастерских[107]. Супруги издавали ежемесяч-

---

[105] Книжный магазин Н.И. Мамонтова. Каталог книгам (1873–1875). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°. 1875.

[106] *Полиновская Л.Д.* Московский типограф Анатолий Иванович Мамонтов и его связи с общественно-политическим движением в России // Книга: Исслед. и материалы. 1990. Сб. 60. Кн. С. 135.

[107] Дом № 7 на Дмитровке, где в 1860–1870-е гг. жил А.И. Мамонтов и находилась его типография, как бы «прописался» в биографии Петунникова. Его облюбовали многие московские интеллектуалы. Именно здесь в 1880–1890-х гг. жил хорошо знакомый издатель «Природы и охоты» Сабанеев, здесь же поселился председатель Московского библиографического кружка А.Д. Торопов, с которым был дружен Петунников; известный математик и ботаник, коллега по флористическим изысканиям В.Я. Цингер также обитал в этом доме.

ный журнал «Детский отдых». В 1892 г. типография была преобразована в АО «Товарищество типографии А.Н. Мамонтова». Одним из крупных пайщиков (300 тыс. руб.) стал Савва Мамонтов.

Николай Иванович Мамонтов (1845(?)–1923) был хозяином большой библиотеки, примечательной богатой подборкой литературы по железнодорожному строительству в России. После революции книжное собрание Н.И. Мамонтова было национализировано и из подвалов НКВД попало в библиотеку Политехнического музея. Н.И. Мамонтов перевел на русский язык и снабдил дополнениями и приложениями популярный учебник физики Альфреда Анго (М.: Н.И. Мамонтов, 1894–1895). С 1873 г. Н.И. Мамонтов состоял членом-корреспондентом МОИП. В картотеке членов Общества он характеризуется как «переводчик математических книг».

Как можно заметить, братья Мамонтовы вели свои книжные дела порознь. Каждый из них имел книжный магазин и типографию. Петунникову случалось иметь дело с обоими братьями, оба издавали научную и учебную литературу, в начале прошлого века типография Анатолия Ивановича больше специализировалась на издании книг гуманитарного направления, художественной литературы, альбомов по искусству, книг для детей и простого народа. Петунников по интересам был ближе к Николаю Ивановичу, оба они были членами МОИП, членами Русского библиографического общества при Московском университете (Мамонтов с 1890 г.). Свою научно-просветительскую деятельность Петунников связал с типографией Н.И. Мамонтова.

Истоки знакомства Петунникова с Мамонтовыми восходят к студенческой, а может быть, даже к школьной поре. В конце 1850-х гг. он одновременно с Саввой Мамонтовым учился во 2-й Московской гимназии. В начале 1860-х гг. Савва Мамонтов был студентом юридического факультета, а его брат Анатолий и Петунников учились на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. В 1866 г. в типографии А.И. Мамонтова вышла магистерская диссертация Петунникова.

В ту пору издание переводной естественно-научной литературы и особенно толковых учебников стало частью просветительской программы русской интеллигенции. В переводах и редактировании книг зарубежных ученых участвовали многие русские естествоиспытатели: С.А. Рачинский, В.О. Ковалевский, С.А. Усов, Д.И. Менделеев, И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, Н.Н. Бекетов, П.П. Алексеев[108]. При этом речь шла не только о заработке для

[108] К переводу и пуляризации одних только трудов Ч. Дарвина причастны такие блестящие деятели русской науки, как В.О. Ковалевский, И.М. Сеченов, К.А. Тимирязев, М.А. Мензбир, А.П. Павлов.

молодых ученых. Русские наука и образование испытывали насущную потребность в такой литературе. Мамонтов откликнулся на этот запрос. У него Петунников нашел применение своему знанию иностранных языков и зарубежной научной литературы.

С конца 1860-х гг. он начал подбирать для издательства Мамонтова сочинения и учебники западных авторов и чаще всего редактировал книги по «математическим предметам» и различным отраслям естествознания (зоология, ботаника, землеведение)[109]. Здесь неоценимую услугу ему оказал Вырубов. Как издатель философского журнала с основательной естественнонаучной подкладкой он следил за всеми новинками западноевропейской научной литературы. Более того, Вырубов был лично знаком со многими западными учеными, знал он и парижских издателей. Вырубов охотно взялся ориенировать Петунникова в море книжной продукции. Там, где не хватало собственной компетенции, он обращался к помощи зарубежных коллег. В 1871 г. он рекомендовал для перевода некоторые книги по общей и описательной минералогии и оптике (оба, Вырубов и Петунников, были неравнодушны к микроскопическим исследованиям и различным оптическим приборам, будь то объективы, призмы, линзы, лупы). Вырубов готов был помочь в переводе раздела кристаллографии, так как вопрос этот ему близко знаком[110]. В 1873 г. Вырубов даже добился у известного парижского издателя Готье-Виллара разрешения на перевод «Физики» Жамена. Предполагалось, что перевод будет делать Петунников[111]. Похоже, с изданием Жамена Мамонтов несколько замешкался. В России в эту пору широкое распространение получил перевод Жамена, сделанный издателем Ф. Павленковым, напечатанный в его же типографии и неоднократно тиражировавшийся разными издательствами.

Среди книг, изданных Мамонтовым, мы находим свидетельство близкого сотрудничества Петунникова и Усова еще до того, как их пути пересеклись в журнале «Природа». В 1871–1875 гг. издательство Н.И. Мамонтова выпустило трехтомный труд профессора Гёттингенского университета К.Ф. Клауса «Основы зоологии». Перевод первого и третьего тома этого издания был отредактирован проф. Усовым и Петунниковым; второй том Петунников редактировал в паре с М.Г. Лахтиным. В числе редактированных им книг Петунников упоминал также «Землеведение» Ю. Гана, сводку разнообразных сведений по различным отделам

---

[109] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 2. № 12. Л. 2 об.
[110] Там же. Ф. 12 (Г.Н. Вырубова). Карт. 1. Д. 8. № 82. Л. 193.
[111] Там же. Д. 10. № 92. Л. 210.

наук о земле, составленную известными немецкими учеными[112], сочинения по математике, физике, ботанике.

В 1870–1890 гг. Вырубов стал для Мамонтова своеобразным экспертом по западноевропейской учебной литературе для высшей школы в области минералогии, по различным разделам математики, по физике, оптике, механике. Для перевода на русский язык он рекомендовал, в частности, сочинение по минералогии француза А.Л. Деклюазо, англичан Г. Брука и В. Миллера, по физике – Ж. Жамена, по механике – Э. Маскара. По поводу последнего, члена Парижской академии наук, Вырубов писал, что как ученый он неудовлетворителен, но как «вульгаризатор» «далеко не без таланта», поскольку изложение его ясно, хотя и элементарно[113].

Некоторым недостатком издательской политики Н.И. Мамонтова петербургский ботаник И.В. Палибин считал механическое воспроизведение прежних изданий без учета изменений, произошедших в науке за минувшие годы. Он писал Петунникову на этот счет, видимо, отзываясь на критику какого-то мамонтовского переиздания: «Ошибка Мамонтова всегда в том, что он думает, что можно издавать одно и то же издание естественно-историческое десятками лет без переработки, как он делал с зоологическими книгами, за которые, как известно, его очень не хвалят»[114].

Перевод ботанических сочинений Й.Э. Варминга[115] и Ф. Ван Тигема был в этом смысле приятным исключением и большой удачей издательства. За переводы взялся хороший знакомый Петунникова, библиотекарь Петербургского ботанического сада в начале 1890-х гг. С.И. Ростовцев, ученик обоих прославленных ботаников. В письмах Петунникову в 1892 г. он обсуждал все сложности, связанные с переводом на русский язык и печатанием книги датского профессора Варминга «Основы ботаники. Систематика растений». Петунников принимал в этом деле самое непосредственное участие, являясь посредником между издательством и переводчиком: через него шла передача в Петербург гранок и корректуры работы, рассылка в соответствии с пожеланиями автора экземпляров уже готовой книги, переговоры с К.А. Тимиря-

---

[112] *Ганн Ю.* Общее землеведение: Руководство к астрономии, географии, метеорологии, геологии и биологии, сост. Ганном, Гохштеттером и Покорни / Пер. со 2-го нем. изд. Под ред. А. Петунникова. В 3 ч. М.: Н.И. Мамонтов. 1876–1891.

[113] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 26. № 288. Л. 627.

[114] Там же. Ф. 32. Карт. 4..№ 79. Письмо без даты.

[115] Йоханус Эугениус Варминг (1841–1924) – датский ботаник, эколог, альголог, миколог, микробиолог. Большим успехом в России пользовались учебники Варминга.

зевым о предисловии. В письмах 1892 г. Ростовцев тревожился из-за задержки печатания рукописи. Его огорчала сложная ситуация, в которую он попал, выбрав в помощники М.И. Голенкина. Минимально участвуя в работе, свалив всю ее тяжесть на партнера, он тем не менее претендовал на равные с Ростовцевым авторские права. Такие претензии казались Ростовцеву несправедливыми[116]. В 1893–1894 гг. Ростовцев просил разослать готовые экземпляры книги московским ботаникам Горожанкину и Тимирязеву, просил также авторский экземпляр для «представления по начальству»[117].

Обе книги имели предисловие К.А. Тимирязева. В предисловии к книге Варминга Тимирязев подчеркнул, что русская учебная литература по ботанике, насчитывавшая к концу XIX в. уже немало названий, не имела ни одного руководства, сочетавшего в себе два необходимых качества – краткость и полноту изложения. По его представлению, книга Варминга идеально соответствовала этим двум требованиям. «Мастерское, сжатое, немногословное изложение» передавало стройную и достаточно полную систему растительного царства. Свежий фактический материал освещали «необходимые морфологические обобщения», дополняли многочисленные практические указания, без которых немыслим современный учебник. Тимирязев подчеркнул большую заслугу Ростовцева в переводе этого ценного пособия: «В итоге нельзя не быть благодарным С.И. Ростовцеву, в известной степени ученику Варминга, за счастливую мысль обогатить русскую учебную литературу прекрасным переводом, тщательность которого, при неустановившемся у нас техническом языке, могла быть достигнута только ценою значительного и крайне добросовестного труда»[118]. Книга Варминга сразу же была оценена русскими ботаниками. В 1897–1898 гг. она вышла вторым изданием у того же Н.И. Мамонтова[119].

Уже в 1894 г. в том же издательстве Ростовцев приступил к печатанию перевода книги французского академика Ф. Ван Тигема. И опять Петунников выступил как посредник[120]. Перевод «Общей ботаники» Ф. Ван Тигема потребовал от Ростовцева-редактора

---

[116] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 5. № 89. Письма от 2 и 12 сент. 1892 г.

[117] Там же. Письма от 22 апр. 1893 г.; 24 апр., 3 мая 1894 г.

[118] *Варминг Э.* Основы ботаники. Систематика растений / Пер. с 3-го дат. изд. С. Ростовцева и М. Голенкина с предисл. К.А. Тимирязева. 645 политипажей. М.: Кн. магазин Н.И. Мамонтова, 1893. С. V.

[119] *Варминг Э.* Основы ботаники. Систематика растений. В 2 ч. / Пер. с 3-го дат. издания С.И. Ростовцева и М.И. Голенкина с предисл. проф. К.А. Тимирязева. 2-е рус. изд. под ред. С.И. Ростовцева, проф. Моск. с.-х ин-та. М.: Кн. магазин Н.И. Мамонтова; Тип. А.И. Мамонтова, 1897–1898.

[120] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 5. № 89. Письмо от 20 июля 1894 г.

некоторой переработки в соответствии с учебной программой русских вузов. Из русского варианта был исключен отдел «Систематики», только что представленный работой Варминга. К более сжатым «Элементам ботаники» (Elements de botanique) Ван Тигема были сделаны дополнения из его же обширного «Трактата ботаники» (Traité de botanique). Ростовцев дополнил сочинение Тигема 30 оригинальными статьями. Цель была достигнута, получилось в меру полное и достаточно сжатое руководство. Тимирязев подчеркнул его соответствие эталонным требованиям французской научной литературы. «Ясность и простота изложения, – писал он, – эти общепризнанные достоинства французских научных произведений, продолжающие их отличать от неисправимой тяжеловесности произведений немецкой научной литературы, и обилие хороших рисунков значительно облегчают труд изучения этой полезной книги»[121].

Вырубов прибег к услугам Мамонтова, когда задумал издать в России курс минералогии известного французского геолога и минералога А. Лаппарана. Посредником в переговорах с издательством выступил Петунников. Вырубов имел в виду настоятельную необходимость такого рода пособия для русских минералогов, соответствующего современному взгляду на предмет изучения. О высоких достоинствах труда Лаппарана Вырубов писал в предисловии к русскому изданию: «В первый раз мы видим элементарный учебник, связывающий в одно гармоническое целое форму, строение и свойства кристаллов... Все свойства кристаллов истекают прямо из законов симметрии, которые, в свою очередь, прямо следуют из основного понятия однородности кристаллизованного вещества»[122]. Особую заслугу автора Вырубов видел в том, что он представил свою минералогию не как простое подспорье к определению минералов, а как определенную область знания, имеющую свои законы, сгруппированные вокруг понятия о симметрии однородных тел.

Эпопея с изданием книги Лаппарана длилась многие годы (с 1890 по 1899 г.). Первоначальный перевод, представленный издательством, не удовлетворил Вырубова. Он сам нашел переводчика, некоего Семенова, опального московского студента, бедствовавшего в Париже. После него он тщательно выправил рукопись, добавив кое-какие разъяснения и кое-что убрав (на это он имел разрешение Лаппарана). Вырубов вычитал всю корректуру. Объемистая рукопись не раз путешествовала из Москвы в

---

[121] *Ван Тигем Ф.Э.* Общая ботаника (Морфология, анатомия и физиология растений) / Пер. со 2-го фр. изд. под ред., с примеч. и доп. Ростовцева с предисл. проф. Тимирязева. М.: Кн. магазин Н.И. Мамонтова. 1895. С. IV.

[122] *Лаппаран А.О.* Минералогия / С предисл. Г. Вырубова. М.: Кн. магазин Н.И. Мамонтова, 1899. С. V–X.

Париж и обратно. Вырубов не доверил почте драгоценный груз, опасаясь, что он может где-нибудь застрять «в цензурном ящике». На выручку пришли друзья Е.В. де Роберти и В.Ф. Лугинин, это они доставляли рукопись туда и обратно. Вырубов привлек к работе молодежь: дочь Петунникова Машу и «юного Мамонтова», родственника издателя и будущего минералога[123], посещавшего его в Париже. Молодые люди приводили написание минералов в соответствие с принятой в России системой символов. Многолетняя переписка по поводу издания книги Лаппарана велась с Петунниковым. Вырубов остался доволен изданием книги Лаппарана в России. Это вполне понятно, если учесть, сколько труда, включая его собственный, было вложено в это предприятие.

Ко времени завершения издания рукописи Лаппарана дела издательства пошатнулись[124]. Следов издательской деятельности Н.И. Мамонтова после этого времени обнаружить не удалось, исчезло и упоминание о нем из писем Вырубова. А.И. Мамонтов в 1905 г. умер, при наследнике сыне дела издательства вскоре пошли в гору. В начале прошлого века попадаются сведения о шикарном магазине А.И. Мамонтова в Пассаже на Неглинной улице, славившемся своим рестораном и кофейней. Последние сведения о типографии А.И. Мамонтова теряются в преддверии Первой мировой войны. В 1913 г. в Филипповском переулке близ Арбатской площади архитектор И.А. Герман построил для типографии «Товарищество А.И. Мамонтова» здание в стиле модерн, которое было выдвинуто на конкурс лучших московских построек. Оно сохранилось до наших дней[125].

---

[123] В феврале 1896 г. В.И. Вернадский представил для напечатания в протоколах заседания МОИП заметку своего ученика Владимира Николаевича Мамонтова «О кристаллической форме сурмяно-бариевой соли правой винной кислоты» (Архив МОИП. 1896. № 699. Л. 5). В одном из «Бюллетеней МОИП» удалось разыскать заметку горного инженера В.Н. Мамонтова о местонахождении алмазов на Урале (Bull. Soc. Natur. Moscou. 1902. N 3. P. 319). В приобретении специальности он проделал тот же путь, что и сын нашего героя Гриша Петунников. Скорее всего, это и есть упоминаемый Вырубовым помощник в издании «Минералогии» Лаппарана.

[124] Недоброжелатели Саввы Мамонтова во влиятельных правительственных и промышленных кругах затеяли против него в 1899 г. судебный процесс, обвинив в растрате средств АО «Московско-Ярославско-Архангельская железная дорога». По этому процессу проходил как член правления Н.И. Мамонтов. Дело было подстроено таким образом, что имущество обвиняемого ушло с молотка за бесценок. В конечном счете в действиях обвиняемых не нашли корыстных намерений, они были освобождены из-под стражи, но предпринимательству был нанесен непоправимый урон. (О процессе см.: *Арензон Е.* Савва Мамонтов. М.: Рус. мысль, 1995. С.182–190.)

[125] *Романюк С.* Из истории московских переулков. М.: ЗАО «Сварог и К°». 1998. С. 368.

1.5. Работа в Московской городской управе

В 1873 г. обозначился значительный поворот в жизни Петунникова, она приобрела более стабильные черты. Именно с этого года он стал сотрудником Московской городской управы. Должность была выборной. Похоже, его позвал М.П. Щепкин, в ту пору уже влиятельный городской деятель. Обращение это понятно, он знал Петунникова как дельного и добросовестного работника по сотрудничеству в «Русской летописи», да и место, которое для него предназначалось, соответствовало его профессиональным знаниям и интересам.

В последней трети XIX в. Москва превратилась в крупный промышленный город с почти миллионным населением. Наследие прошлого было неблестяще. Городское хозяйство существенно отставало от возможностей современного благоустройства и не удовлетворяло текущие нужды жителей. Требовалась его решительная перестройка с учетом стремительно растущих масштабов и столичного статуса Москвы. Нужны были большие затраты, а ничтожный городской бюджет не покрывал даже их малую долю. Необходимо было искать новые источники пополнения бюджета, отличные от традиционного государственного финансирования. Эти вопросы широко обсуждались в переписке с Вырубовым на протяжении всей муниципальной деятельности Петунникова.

Как человек западного мира Вырубов удивлялся скудости бюджета миллионного города и предлагал уже апробированные на Западе меры: городские займы, банковские кредиты, лотереи, конкурсные подряды на поставку необходимых материалов и проведение работ[126]. Принципиальный противник государственной централизации, которую он называл государственным социализмом, Вырубов оставался сторонником широкой конкуренции, единственного стимула прогресса[127]. Она, по его мнению, способна избавить финансовую систему от «хронического недуга», из-за которого город не может найти необходимых кредитов на нужды благоустройства. «Ни государство, ни город, – писал он, – не способны вести промышленные и коммерческие дела – это доказано вековым опытом. Высшая администрация должна как центральная нервная система направлять, а не исправлять обще-

---

[126] Такие меры постепенно внедрялись, но с большим скрипом и отставанием по сравнению с западноевропейскими столицами. Б.Н. Чичерин писал, что, будучи городским головой, он пытался открыть на имя городской думы банковский счет в каком-либо государственном или частном банке. Все его попытки закончились неудачей (*Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 368).

[127] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 3. Д. 39. № 506. Л. 1080 об.

ственные функции»[128]. Главный залог успеха Вырубов видел в абсолютной независимости действий городского самоуправления по отношению к органам государственной власти. Для городской, как и для центральной, власти важно умение грамотно распорядиться займами. Можно их заставить работать на 100% (займы Витте под строительство железных дорог) или же «бросить в печь» (его же, Витте, приоритетное развитие промышленности в ущерб сельскому хозяйству)[129]. Благодаря этой переписке и близости к такому человеку, как М.П. Щепкин, много занимавшемуся общими проблемами городского самоуправления, Петунников выработал широкий взгляд на задачи городского самоуправления и хозяйствования.

Летом 1873 г. Вырубов поздравил Петунникова с должностью «заведующего бульварами», хозяина большой территории от Пречистенки до Чистых прудов. В устах ироничного по обыкновению Вырубова обозначение этого занятия звучит насмешливо, но именно так оно и называлось. Вырубов шутливо наказывал другу: «Смотри же. Содержи их в порядке и в целомудрии на удовольствие москвичей и благодарность грядущих поколений!»[130]

1875 г. упрочил положение Петунникова. Он был выбран членом Московской городской управы. Вырубов ликовал – наконец-то белокаменная (а он недолюбливал Москву, считая ее «вертепом бюрократии») призвала на службу дельного и добросовестного человека. Вырубов считал, что выборная должность много лучше официальной, так как дает большую свободу действий относительно все той же бюрократии. По окончании 4-летнего срока Петунников был вновь выбран в управу и оставался на службе в ней до 1882 г. С 1877 по 1882 г. он служил в инженерном отделе управы.

Управа была исполнительным органом городской думы, ее своеобразным «мозговым центром». Здесь разрабатывались законодательные постановления думы, решались вопросы организации сложного городского хозяйства. Управа обеспечивала нужды народного образования и здравоохранения, безопасности, санитарного контроля, призрения нетрудоспособных граждан, благоустройства города и проч. В отличие от думы, в которую согласно бессословному принципу попадала изрядная масса малообразованной публики, в состав управы входили наиболее квалифицированные служащие, выпускники по большей части Московского университета или специализированных высших

---

[128] Там же. Д. 42. № 576. Л. 1226.
[129] Там же.
[130] Там же. Карт. 1. Оп. 1. Д. 10. № 95. Л. 216 об.

учебных заведений. Деятельностью управы руководили выборные городской голова и его товарищ, в ведении которого были финансовые вопросы. Членов управы было немного – от 8 до 11 человек в зависимости от числа отделов, их избирали каждые 4 года. Отделы занимались различными отраслями городского хозяйства: социальным благоустройством, санитарией, строительством, водоснабжением, канализацией, транспортом, освещением, зелеными насаждениями и проч. Каждый отдел (9 в начале XX в.) имел свою канцелярию (от 5 до 115 человек).

Благодаря высокому культурному и образовательному цензу ее членов Московская управа вскоре превратилась в образец для региональных земств. Историк Московской думы Л.Ф. Писарькова приводит цитату из воспоминаний видного деятеля кадетской партии Н.А. Астрова, где дана высокая оценка деятельности управы: «С развитием городского дела начинается приток культурных работников в состав городских управ. С этого времени городские управы становятся практическими школами, привлекающими первоклассных инженеров, архитекторов, выдающихся врачей, статистиков. Московская городская управа оказалась вскоре всероссийским центром муниципальной консультации. Московские инженеры – экспертами для технических устройств в городах России»[131]. Человек критического склада ума, Петунников находил недостатки и в деятельности управы, и особенно – думы, но об этом ниже.

Деятельность Петунникова – члена управы характеризует основательный, всесторонний подход к рассматриваемым проблемам, обращение к их предыстории, широкое использование западного опыта, почерпнутого из чтения литературы и общения с коллегами во время зарубежных командировок. В своей практике (как и в практике всей управы) он часто прибегал к помощи научной экспертизы, для чего приглашались инженеры-строители, московские ученые из университета, научных обществ, Петровской академии, Межевого Константиновского института[132]. Многих из них Петунников знал лично. В частности, в подготовке ряда проектов ему помогал признанный знаток геологии Московской

---

[131] *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 252.

[132] Крупным исследовательским полигоном для города стала Петровская академия. Здесь проводились широкие опыты по биологической переработке нечистот, по устройству полей орошения и зимних бассейнов с целью удаления нечистот из города. Сотрудники Межевого института вели регулярные метеорологические наблюдения и составляли их сводки, они участвовали в работах по съемке и нивелированию Москвы и ее окрестностей.

губернии Траутшольд, знакомый еще со студенческой скамьи. Иногда обращались за содействием к компетентным иностранным специалистам. Тогда Петунников, хорошо знавший основные европейские языки, выступал посредником и переводчиком. Участие в делах управы было разнообразным: Петунников организовывал практические и изыскательские работы, разрабатывал проекты городского благоустройства, оформлял их в виде записок для Московской городской думы, представлял их вместе с другими текущими вопросами на ее заседаниях. Приходилось вникать в малейшие детали инженерно-научного содержания проектов, разрабатывать практическую сторону дела, составлять финансовые сметы, устанавливать тарифы на работы и поставляемые материалы, определять стандарты качества, искать поставщиков, подрядчиков, кредиторов и т.п.

На поприще городской деятельности с новой силой возродилась журналистская практика Петунникова. С конца 1870-х гг. сразу же после открытия журнала «Известия Московской городской думы»[133] Петунников начал помещать в нем статьи по различным вопросам городской жизни. В 1880-е гг. он сотрудничал с газетой «Русские ведомости». Общая численность выявленных статей – около четырех десятков названий. По этим публикациям можно представить картину деятельности Петунникова в управе.

На долю Петунникова выпала забота о внешнем благоустройстве города. Задачи благоустройства требовали целостного подхода. Невозможно было, например, заниматься мощением улиц, не проложив предварительно необходимых коммуникаций: водопроводных, газовых, канализационных. Вопрос коммуникаций упирался в планирование города, его топографические особенности и существующую уже застройку. Без топографического плана, считал Петунников, «город не в силах и не вправе сделать ни шагу по многим вопросам городского хозяйства»[134]. В конечном же счете все замыкалось на финансировании предполагаемых проектов. Чтобы охватить сумму проблем городского благоустройства, приходилось быть в некотором роде универсалом. Таким специ-

---

[133] Ежемесячный журнал, был основан в 1877 г. М.П. Щепкиным, некоторое время он был его редактором. В нем публиковались официальные документы правительства, думы и управы, в неофициальном отделе помещались статьи разнообразного содержания о городском самоуправлении и благоустройстве. Просуществовал до 1917 г. Как главный редактор издания Щепкин предполагал превратить его «в полный сборник сведений по городскому хозяйству не только Москвы, но и других городов России и при том в сравнении с городами Западной Европы» (ИМГД. 1881. Вып. 5. С. 734–735).

[134] *Петунников А.Н.* К каталогу нивелирных марок // ИМГД. 1878. Вып. 1. С. 27.

алистом стал и Петунников. Он заботился о насаждении зелени, замощении улиц и их освещении, о строительстве водопровода и канализации, о сооружении городских хозяйственных построек, об общественном транспорте и проч. Газета «Русские ведомости» указывала, что не было практически ни одной стороны городского строительства, которой бы он ни занимался. Начинал он, как было упомянуто выше, с озеленения города.

Петунникова следовало бы скорее назвать не «заведующим», а «устроителем» бульваров. Под его началом высаживались деревья на отведенном пространстве, выравнивались линии городских палисадов, обеспечивалась доступность этих мест для пешеходов, замощались особо грязные места, проводились пешеходные дорожки, ставились ограды и т.п. Его стараниями был благоустроен Новинский бульвар от Смоленской площади до Садово-Кудринской, уничтоженный в 1935 г. в процессе реконструкции Садового кольца. С тех пор как управа в 1865 г. взяла в свои руки зеленые насаждения города, их число заметно увеличилось. С 1865 по 1882 г. число бульваров в Москве удвоилось с 23 до 48, не считая 16 садов и множества скверов. Город обзавелся собственными оранжереями и теплицами для выращивания саженцев липы, тополя, ясеня, дуба, березы, акации и др. пород деревьев и кустарников. Они размещались в Екатерининском парке, а с приобретением в 1879 г. в городское хозяйство Сокольников частично переместились туда[135]. Вот пример конкретной работы озеленителя только в 1878–1879 гг. За это время были устроены бульвары на Девичьем поле, у Красного пруда, по дороге в Сокольники. Вновь переделаны дорожки на Рождественском, Сретенском бульварах и у китайгородской стены, поставлены решетки вокруг цветников Страстного, Рождественского и Мясницкого бульваров[136]. Планы Петунникова простирались еще дальше. В 1881 г. он мечтал превратить «все грязные, неприбранные и неумытые площади» в сады и скверы, обратить жалкие палисады в бульвары, преобразовать Садовое кольцо в три проезда, разделенные двумя широкими полосами бульваров. Он предлагал городским властям добавить к уже приобретенным Сокольникам новые лесистые местности в окрестностях Москвы: Анненгофскую, Тюфелеву и Марьину рощи, «дабы тем доставить пользоваться в часы досуга и отдохновения ближайшим к той или другой окрестностям жителям, для

---

[135] Сборник очерков по городу Москве: Общие сведения по городу и обзор деятельности Москов. гор. обществ. управления. М.: Моск. гор. тип., 1897. С. 3–10.

[136] *Щепкин М.П.* Опыты изучения общественного хозяйства и управления городов. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1882. Ч. 1. С. 183.

которых недоступно наслаждение удобствами и преимуществами дачной жизни»[137]. Такая забота об отдыхе москвичей оправдает любые затраты, думал Петунников.

В награду за труды Вырубов пророчил приятелю благодарность будущих поколений москвичей, «для которых он «насаживал липовые аллеи и расчищал, помнится, непролазную грязь»[138]. Время и растущие масштабы города принесли много утрат: пропали скверы на Садовом кольце, аллеи деревьев в переулках близ Тверской улицы и Самотеки, вместе с китайгородской стеной исчез насаженный вдоль нее бульвар…[139] Но сохранились бульвары «от Пречистенки до Чистых прудов», остался сквер на Театральной площади, вековые липы сквера Александро-Невской (ныне Миусской) площади, которые за последние 50 лет, правда, обветшали и сильно поредели[140].

Зеленые насаждения обратили внимание Петунникова на более общую проблему планирования города и проездов в нем, так чтобы будущие градостроители не столкнулись с проблемой радикальной перестройки города[141]. На протяжении своей многолетней деятельности Петунников вел своеобразную «инвентаризацию» московских улиц и проездов. Итог этой работе он подвел в солидном труде «Пути сообщения в Москве по высочайше утвержденному плану регулирования», о котором речь еще впереди. Но на серьезные переделки в сложившейся системе застройки Петунников не покушался. Лишь однажды он попытался внести из-

---

[137] ИМГД. 1881. Вып. 1. Стб. 14–15.

[138] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 10. № 98. Л. 222 об.

[139] О размахе зеленых насаждений в Москве в начале XX в. можно судить по книге Петунникова (*Петунников А.Н.* Пути сообщения в г. Москве по высочайше утвержденному плану регулирования. М.: Гор. тип., 1915).

[140] Устройство площади и сквера на ней проводилось на средства благотворителей. Печальный вид современного Миусского сквера невольно наводит на мысль: «Что это? Результат падения паркового искусства, которое все же понемногу в последние годы возрождается, или политика городских властей, которые имеют виды на этот кусок земли?» Во всяком случае кусты по периметру близкого к этому месту владения бывшей Высшей партийной школы (ныне РГГУ) уже давно вырублены под автомобильные стоянки, подобные поползновения не раз делались и в отношении Миусского сквера.

[141] Инженер и деятель городской управы М.П. Щекотов писал по этому поводу, что никакие финансовые соображения не должны затмевать видение будущего в перспективных планах градостроительства. «Необходимо проектировать план города так, – утверждал он, – чтобы по крайней мере в ближайшем будущем не потребовалось несравненно больше затрат на вторичное регулирование и, истратив теперь несколько больше, чем это предположено, сэкономить в будущем значительно» (Цит. по: *Щ*[*екотов*] *М.* Ближайшие задачи московского общественного управления по благоустройству города и средства к их осуществлению // Рус. мысль. 1899. Кн. IV. С. 166).

менения в существующий план Москвы. Дело в том, что водоотводный канал, построенный в 1783–1786 гг. как временный, уже к середине XIX в. сильно обветшал и не спасал столицу от весенних паводков. Низменные местности, прилегающие к Москве-реке в районе Дорогомилова, Лужников, Крымского брода, Бабьего городка, часто становились жертвой наводнений. Вставал вопрос о засыпке старого канала, проложенного в старице Москвы-реки близ Кремля, и строительстве нового. В 1881 г. Петунников выступил с проектом устройства в южной части города нового канала, удобного для судоходства и отведения части воды во время разлива Москвы-реки (ИМГД. 1881. Вып. 1. Стб. 12–13). Старый зловонный и грязный обводной канал предлагалось либо превратить в коллектор канализационной сети, забрав его в трубы, либо засыпать и устроить на нем широкий проезд или бульвар. Таким образом неудобства разливов реки были бы устранены, и она превратилась бы в помощницу горожан. Городской инженер М. Щекотов находил этот проект весьма удачным и сулящим большие экономические выгоды[142]. По неизвестным причинам, скорее всего из-за отсутствия денег, решение проблемы подтопления Москвы было отложено на многие годы[143].

В связи с устройством бульваров Петунников обратился к вопросу о мощении пешеходных и проезжих дорог. Начал он с бульварных дорожек. Его заинтересовал асфальт, сравнительно новый и перспективный, как ему казалось, материал с привлекательными свойствами: дешевизной и удобством получения и эксплуатации, прочностью, пожароустойчивостью и даже экологической чистотой, пользуясь современным языком. Петунников подверг химическому анализу все образцы асфальта, предоставляемые строительными компаниями «по баснословным ценам», и нашел их низкокачественными с большими примесями чужеродных веществ, что отличает подлинный асфальт от мастики. Он отметил, что из-за дороговизны материала асфальтирование улиц в Москве обходится много дороже, чем в других столицах мира, по сравнению с Парижем, например, более чем в 2 раза[144].

Ввиду дороговизны привозного асфальта и низкого качества материала, попадающего на русский рынок, Петунников предложил заняться разработкой собственных месторождений асфальта,

---

[142] *Щ*[*екотов*] *М.* Указ соч. С. 174.

[143] Она была решена лишь в 1930-е гг. в связи со строительством канала Москва–Волга. Водоотводный канал потерял свое функциональное значение и был частично засыпан на участках, прилегающих к Садовому кольцу.

[144] *Петунников А.* Записка об асфальте в применении к устройству мостовых, тротуаров и асфальтовых дорожек. М.: Тип. И.И. Родзевича, 1873. С. 7.

изучив при этом опыт асфальтовых каменоломен Западной Европы. В качестве ближайшей задачи он предложил разведку района Бакинских копий и предложил думе свои услуги в этом деле. Он был убежден, что в случае благоприятного исхода возникнет новая отрасль промышленности «для производства асфальтовых работ, которым рано или поздно предстоит блестящая будущность и которая со временем преобразует улицы наших городов»[145].

Предложение было принято думой, и первая половина 1875 г. прошла в подготовке к командировке. Очень помог в этом деле Вырубов. Как видный иерарх парижских масонов он имел широкие связи в администрации французской столицы. Ему пришлось не раз обращаться к влиятельным знакомым. Во время службы Петунникова в управе Вырубов часто выполнял его «комиссии», иногда ему даже случалось заглядывать в самый «вертеп бюрократии и официальности», где велась непрестанная борьба между префектурой Сены и префектурой полиции[146]. В результате Петунников оказался обладателем ценных материалов, не подлежащих широкой огласке: отчетов о столичном бюджете, о деятельности различных парижских городских комиссий и служб.

Один такой отчет «о путейских работах» представил Вырубову главный инженер Парижа г-н Альфан (Alphan). Обсуждая с Вырубовым свойства асфальта, он предупредил его об «опасной невыгоде» этого материала для России – о возможности вспучивания при резкой смене температур[147]. Петунникову были также посланы официальные публикации: «Муниципальный бюллетень» (Bulletin municipal officiel de la ville de Paris), который Вырубов настоятельно рекомендовал для подписки членам думы как содержащий «бездну самых полезных административных указаний», «Практическая инструкция Генеральной асфальтовой компании Франции» (Instruction pratique de la Compagnie Générale des asphaltes de France). Вырубов обещал прислать образцы асфальта, как только получит разрешение от директора компании, проживающего в Лондоне.

Летом 1875 г., заручившись по совету Вырубова рекомендательными письмами от думы во все официальные учреждения и снабженный рекомендациями друга к знакомым ученым, Петунников отправился в заграничное путешествие. В поисках поучи-

---

[145] Там же. С. 6.

[146] «Никогда бы я не вывел своей утлой ладьи, если бы не принадлежал к высшей власти, перед которой преклоняются высокие власти обеих префектур», – писал он Петунникову в 1882 г. (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 17. № 128. Л. 27).

[147] Там же. Карт. 1. Д. 11. № 102. Л. 230.

тельного опыта он изучил всю возможную литературу, объехал десяток западноевропейских городов, посетил места ломки асфальта, встретился с видными специалистами.

В итоге в 1876 г. появился «многотрудный отчет о мостовых», «египетская работа», которую, по мнению Вырубова, мог довести до конца только Петунников[148]. Действительно, отчет получился объемным и касался далеко не только проблем асфальтирования[149].

От исторического очерка возникновения мостовых и их значения для гигиенического состояния города Петунников перешел к подробному описанию разного рода мостовых с оценкой их технических и экономических характеристик и применимости для Москвы. Петунникова интересовали абсолютно все существующие и особенно новые материалы и способы мощения, организация дорожных работ и участие в них органов самоуправления.

Особенно поучительным ему показался опыт Парижа. Перестройка Парижа 1850–1860-х гг. по плану архитектора барона Ж. Османа была у многих на памяти. Ее признавали удачной, хотя она не пощадила многие исторические постройки в старых кварталах города. Французское устройство мостовых показалось Петунникову успешным благодаря высокому профессионализму корпуса строительных инженеров, выпускников парижской Школы мостов и дорог (Ecole des ponts et chaussées). Петунников познакомился с парижскими инженерами Депюи, Юмбергом, Дарси (Depuis, Humberg, Darcy), проштудировал работы их коллег в журнале «Анналы мостов дорог» (Annales des ponts et chaussées) за 1850–1865 гг. И позднее Вырубов продолжал высылать ему этот журнал.

Петунников пришел к выводу, что применительно к России можно использовать некоторые материалы, например, облицовку усовершенствованной кирпичной плитой, как это делается в некоторых малых городах Австрии и Швейцарии, благо запасов глины вокруг Москвы предостаточно[150]. Предпочтительным он все же считал асфальт. Его эксплуатационные качества (бесшумность, безопасность для движения экипажей, отсутствие пыли, как это бывает при замощении гранитными плитами, относительная дешевизна и долговечность) ставят его вне конкуренции с другими материалами. Неудовлетворительное состояние асфальтовых

---

[148] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 12. № 110. Л. 243.

[149] *Петунников А.П.* Мостовые в главных городах Европы. Отчет о командировке за границу, предпринятой по поручению Московской городской думы летом 1875 г. М.: Типо-литогр. С.И. Архипова, 1876.

[150] Там же. С. 17.

мостовых в России Петунников связывал с нарушением технологии дорожных работ – асфальтовые покрытия требуют предварительной бетонной опалубки, иногда устройства дренажных канав, а ими пренебрегают. Эти нарекания относятся и ко всем иным способам мощения: булыжником, гранитными или деревянными плитками и проч. Помимо прессованного асфальта Петунников признал пригодной для мощения также каменную брусчатку и пришел к выводу о невозможности использовать булыжник для усовершенствованных мостовых.

Петунников вновь выступил поборником отечественного производства асфальта и указал на разработку залежей асфальта близ Сызрани в поместье Д.И. Войкова, откуда профессор Траутшольд привез в 1875 г. опытные образцы. Обширность залеганий и близость Волги делали эти месторождения, по мнению Петунникова, весьма перспективными. Достойными внимания исследователей он считал обнаруженные на Кавказе залегания асфальта в Малой Чечне и близ г. Поти. Петунников выразил готовность заняться этими месторождениями, равно как и бакинскими, если на то будет распоряжение городской думы.

Вырубов не зря назвал опус Петунникова египетской работой. Он поражает своей обстоятельностью. В приложении к нему автор привел названия более 50 документов на немецком, английском и французском языках: отчеты различных строительных комиссий, доклады служащих городских магистратов, касающиеся мощения (условия поставки материалов и их кондиции, их стоимость, прейскурант цен на работы по мощению и проч.), проспекты отдельных фирм, поставщиков асфальта и др. Петунников привел планы ряда европейских городов, фотографии асфальтовых дорог, опись коллекций асфальтов и проч. Отчет должен был убедить думу в перспективности этой работы. Но, видимо, убедил лишь отчасти. Никаких свидетельств о командировке Петунникова в Сызрань мы не имеем. Тема поездки Петунникова на «гибельный Кавказ» мимолетно мелькнула в декабрьском письме Вырубова 1875 г. Из писем Вырубова видно, что весь 1876 г. его друг был увлечен темой мощения улиц. Вырубов посылал ему из Парижа партии кирпичей с экспликацией к ним и тарифами, разыскивал машины, применяемые для асфальтирования, находил адреса, где можно приобрести «всякую всячину» подобного рода[151].

Поездка Петунникова имела некоторые ближайшие и отдаленные последствия. В 1876 г. дума отпустила 50 тыс. руб. на прове-

---

[151] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 12. № 111. Л. 245.

дение в Москве опытов по замощению улиц усовершенствованным способом. Было испробовано пять типов мощения. Из всех предложенных способов получили одобрение только деревянная торцовая мостовая и литой сызранский асфальт[152]. В 1878–1879 гг. дума проводила значительные работы по замощению улиц и их ремонту, преимущественно производилось устройство двойных деревянных и асфальтовых мостовых, причем для этих целей использовался сызранский асфальт[153]. Петунников относился к планам замощения города с огромным воодушевлением. В 1878 г. Вырубов замечал, что Петунников намерен произвести исследование и переделку Москвы «в совершенно грандиозных размерах»[154]. Но энтузиазм Петунникова часто разбивался о недостаток денег и косность «мостовых» комиссий, пропагандируемый им асфальт внедрялся в практику мощения очень медленно[155].

Следующая публикация Петунникова на тему замощения московских улиц содержит простую констатацию фактов: в 1880 г. остается незамощенной четвертая часть существующих проездов. Только 5 полицейских частей из 17 оказались полностью замощенными, это центральные улицы города: Тверская, Мясницкая, Сретенка, Арбат. Наиболее неблагополучными оказались Серпуховская и Лефортовская окраинные части. Для констатации этого положения Петунникову пришлось проделать большую работу – произвести обмер улиц и вычислить незамощенную площадь, исчислить все площади, занятые городскими насаждениями, измерить все тротуары. Эта работа была совершенно необходимой для последующих преобразований города, для составления плана канализации и водоснабжения Москвы. Решить проблему незамощенных площадей он предлагал с помощью городского займа для этих целей. Таким образом, по его расчету, можно будет решить эту проблему за 5 лет. В противном случае из средств городского бюджета проект можно осуществить не ранее чем через 14–17 лет[156]. Тема замощения свободных от застройки площадей

---

[152] Современное хозяйство города Москвы. М.: Гор. тип., 1913. С. 555.

[153] *Щепкин М.П.* Указ. соч. 1882. Ч. 1. С. 178.

[154] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 14. № 119. Л. 262.

[155] Не склонный к жалобам Петунников писал своему другу Н.П. Вишнякову в мае 1904 г.: «Вы все-таки должны быть довольны, что видели живую природу в первые моменты ее пробуждения, а я кроме булыжных мостовых и доклада по этому мертвому сюжету ничего не вижу и не знаю» (ЦИАМ. Ф. 1334 (Н.П. Вишнякова). Оп. 1. № 363. Л. 5 об.). Если принять во внимание его первый доклад о замощении улиц, этот «мертвый сюжет» преследовал Петунникова уже без малого 30 лет.

[156] *Петунников А.Н.* Список незамощенных местностей города Москвы // ИМГД. 1880. Вып. 6. Стб. 1–28.

надолго исчезла из публикаций Петунникова и писем Вырубова, чтобы вновь возникнуть в 1890-х гг. В 1897 г. Вырубов послал Петунникову два тюка материалов по части мостовых. Для этого он добрался до главного инженера Парижа г-на Дефранса (Defrance), «очень милого и общительного малого»[157].

С начала 1870-х гг. нехватка воды для города вызвала необходимость строительства нового водопровода. Дума стала инициатором научных изысканий для разработки проекта будущего гидрографического сооружения, строительство которого затянулось почти на 15 лет, с 1876 по 1888 г. Сразу же с появлением в управе Петунников вошел в состав Водопроводной комиссии и стал активным организатором подготовительных работ, о чем свидетельствовали его статьи 1870-х гг.[158]

В конце 1870-х гг. был составлен гидрографический план Москвы, изучено русло Москвы-реки и все ручьи и речки, пересекающие город. Одновременно был составлен свод метеорологических наблюдений за 10 лет и общий обзор метеорологических явлений за 60 лет, показано распределение осадков между дождем и снегом за последние 11 лет[159].

Летом и осенью 1877 г. были проведены химико-физические анализы 14 источников, питающих водою Москву: в Мытищах, из Яузы и Москвы-реки в разных частях их течения, из ключей, грунтовых и артезианских колодцев. В долине истоков реки Яузы изыскания проводил инженер Н. Зимин. К проведению опытов были привлечены московские ученые: из университета магистранты химии А.П. Сабанеев (позже профессор) и А.Ф. Гедвилло, лаборант кн. Волконский; из Петровской академии – А.П. Григорьев. Анализы проводились параллельно и по идентичной методике. Единственным упреком к экспертизе, по мнению Петунникова, могло быть то, что она проводилась разово, а не многократно в разные времена года, как это делалось, например, в Англии. Результаты экспертизы были предсказуемы, но вызвали тревогу возможными масштабами бедствия. Почти вся используемая городом вода (речная, колодезная, грунтовая) оказалась непригодной для питья. Петунников высказал опасение, что никакие штрафы не отучат обывателя пользоваться загрязненной водой при отсутствии других, чистых источников. Выводы ученых подтвердили довольно очевидное требование – нужно снабдить

---

[157] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 32. № 383. Л. 816 об.

[158] *Петунников А.Н.* Состав и свойство московских вод // ИМГД. 1879. Вып. 1. Стб. 15–23; Там же. Вып. 3. Стб. 15–23; 26–29.

[159] *Он же.* Материалы для изучения современного состояния Москвы // ИМГД. 1881. Вып. 4. Стб. 35.

город достаточным количеством здоровой и чистой воды, тогда жители будут избавлены от необходимости «потреблять зараженную воду и рисковать своей жизнью» [160].

Далее вставал вопрос о выборе источников водоснабжения для Москвы. Один из проектов предполагал использовать источник близ села Большие Мытищи. Проект был составлен немецким инженером-гидрологом Зальбахом, для геолого-гидрологической экспертизы был приглашен профессор Петровской академии Траутшольд, признанный специалист по геологии Московского региона. Под его началом были пробурены скважины в разных местах Московского бассейна. Траутшольд признал возможным использовать мытищинскую воду для снабжения Москвы. На основании этих выводов Зальбах составил проект водопровода. Докладчиком по нему в Московской городской управе выступил Петунников.

Проект Зальбаха вызвал возражение у ряда специалистов. Он был отправлен на экспертизу РТО. Специальная комиссия по водоснабжению под началом инженера барона А.И. Дельвига, директора московского водопровода в 1853–1858 гг., тщательно рассмотрела проект. На заседания комиссии в феврале–апреле 1882 г. были приглашены все составители проекта и члены общества, гидрологи и геологи. В заключении члены комиссии поставили под сомнение выводы Траутшольда об изобилии воды в Мытищах и предложили провести разведку в районе реки Яузы, рассматривая ее как дополнительный источник воды для Москвы[161].

Противником проекта выступил горный инженер В.А. Бабин[162]. Он нашел, что заключения Траутшольда неверны. Состояние геологических пластов бассейна, по которому предполагалось передвижение воды, смещение пластов юры и возможное вследствие этого проникновение воды в известковые слои и ее потери, а также и сама недостаточность ресурса вызывали у него сомнение в целесообразности реализации плана. Бабин призывал комиссию специалистов еще раз тщательно рассмотреть этот вопрос, прежде чем ассигновать 25 тыс. руб. на его дальнейшую разработку[163].

---

[160] *Он же*. Состав и свойство московских вод // ИМГД. 1879. Вып. 1. Стб. 23.

[161] Труды Комиссии по водоснабжению города Москвы. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1882. С. 85. В процессе обсуждения вопроса председатель РТО П.А. Кочубей и А.И. Дельвиг высказались против приглашения иностранных инженеров для строительства водопровода, полагая, что Москва имеет для этого достаточное число специалистов. (Там же. С. 30).

[162] *Бабин В*. К докладу Московской городской управы от 24 ноября 1881 г. за № 173 «О новом водоснабжении Москвы» [М., 1880].

[163] Там же. С. 11.

Заведующий городским водопроводом инженер Зимин поддержал мнение РТО и предложил разрабатывать уже существующие источники, в чем ему вызвался помогать Бабин, взявший концессию на бурение артезианских скважин, единственного незагрязненного источника воды в Москве[164].

Параллельно и одновременно (1877 г.) с проблемами водоснабжения в Москве остро вставал вопрос о канализации. Речь шла о заражении бытовыми и фабрично-заводскими отбросами почвы, грунтовых и сточных вод. Особая комиссия по канализации представила в 1879 г. доклад, в котором, ссылаясь на западный опыт, настаивала на необходимости проведения разнообразных изыскательских работ: топографических, геогностических, метеорологических, гидротехнических и статистических, предваряющих составление плана. За образец был выбран опыт устройства канализации в Берлине. Его изучением занимались доктор М.П. Черинов и член управы В.К. Шпейер. Последний служил посредником между управой и прусским инженером Джемсом Гобрехтом, который был приглашен для составления проекта. Визит Гобрехта в Москву состоялся в 1880 г. Тогда он одобрил проект канализации города, составленный инженером М.А. Поповым на основании собственных изысканий. Правда, несколько позднее Гобрехт заявил, что проект Попова служит лишь доказательством возможности строительства канализации.

Проектирование Гобрехта заняло 9 месяцев 1881 г.[165] Гобрехту был передан весь имеющийся материал, потребовались дополнительные серьезные изыскания, которые и были проведены летом 1881 г. Петунников сделал перевод записки Гобрехта, которую дополнил очерком канализационного дела в Москве. По всей видимости, он принимал активное участие в организации изыскательских работ, которые подробно описал в своей статье[166].

Подготовительные работы проводились с размахом, в них участвовали сотрудники Петровской академии и Константинов-

---

[164] Постройку мытищинского водопровода осуществили 10 лет спустя в 1890–1893 гг. Были построены новые водокачки, проложены трубы от Мытищ к Москве, устроена водопроводная сеть в городе. Как и предполагалось, мытищинский водопровод не удовлетворил всех потребностей столицы в воде (см.: Сборник очерков по городу Москве… Вып. 1. 1881. С. 7).

[165] 1 марта 1881 г. с Гобрехтом был заключен контракт на составление проекта канализации Москвы за вознаграждение в 30 тыс. марок (Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.290).

[166] *Петунников А.Н.* Обзор подготовительных работ к составленному инженером Гобрехтом проекту канализации в Москве // ИМГД. 1882. Вып. 8. С. II–XLVI.

ского межевого института, где одно время преподавал Петунников.

В Петровской академии во главе с профессором А.А. Фадеевым была составлена комиссия, которая обязалась в течение 3-х лет проводить опыты по обеззараживанию почвы биологическим путем.

Топографическими работами, съемками площадей и их нивелированием ведал межевой инженер Д.П. Рашков, ему помогали воспитанники старших курсов Константиновского межевого института. Ими была проведена съемка и нивелировка юго-восточных окраин города до Чагина и Коломенского для поиска местности, пригодной для отвода нечистот. Для проведения геогностических работ был приглашен профессор Цюрихского политеха г-н Кноппе, успешно себя зарекомендовавший в строительстве Сызранского моста. Руководил этими работами уже известный нам Траутшольд. Он наметил пункты бурения скважин. Свод метеорологических наблюдений составил заведующий метеорологической лабораторией Межевого института инженер Н.П. Острогорский. Гобрехтом был составлен план канализации Москвы в пределах Камер-Коллежского вала. Поскольку проект канализации должен был учитывать рост города, Фадеев и Острогорский составили план строительства будущих улиц. Инженер-технолог В.В. Рюмин собрал сведения о потреблении воды промышленными предприятиями города. В заключение от имени составителя проекта была высказана надежда, что наконец-то дела канализации обретут реальную почву и произведут коренной переворот в санитарной обстановке города на радость москвичам, которые давно ждут этого события и, «несомненно, отнесутся к нему с живейшим сочувствием»[167].

Оба проекта, Попова и Гобрехта, были посланы на экспертизу в РТО. Специальная комиссия признала их требующими доработки, а проект немецкого инженера и вовсе практически неосуществимым из-за необходимости радикальной перестройки города в случае его реализации. Она предложила принять за основу второй вариант проекта Попова, дополнив его необходимыми данными[168].

Остаток 1880-х гг. ушел на разработку общих оснований проекта. Лишь в 1890 г. приступили к составлению плана городской канализации. В конце 1892 г. был создан Канализационный отдел, который отвечал за работу службы канализации в Москве[169].

---

[167] Там же. С. XLVI.
[168] Современное хозяйство… С. 291.
[169] Сб. очерков по городу… С. 9.

Первая канализационная система в Москве по проекту инженера В.Д. Кастальского была построена лишь в 1893–1898 гг.

В итоговой статье 1881 г. Петунников дал сводку материалов, подготовленных думой для благоустройства города, в том числе он указал на предварительные работы для разработки плана канализации и водоснабжения города; на исследование всякого рода строительных материалов, поступающих на рынки, крайне неудовлетворительное, на его взгляд; на публикацию материалов по истории Москвы, о ее домохозяевах и достопримечательностях[170].

В 1882 г. Петунников вышел из состава Московской городской управы. Причиной послужил конфликт с Московской думой. О нем писал в своих «Воспоминаниях» Чичерин. В 1879 г. город приобрел у ведомства государственных имуществ Сокольническую рощу. По свидетельству Чичерина, Петунников пользовался расположением тогдашнего городского головы, крупного предпринимателя и мецената С.М. Третьякова (1877–1881), который вложил немалые личные средства в приобретение Сокольников. Для Петунникова, «заведующего бульварами», нашлось там немало работы – нужно было обиходить вековой лес, превратив его в парк для отдыха москвичей, заложить питомники, организовать правильное лесное хозяйство. Незаконные порубки леса в Сокольнической роще спровоцировали громкий скандал, особое раздражение членов думы вызвало то, что работы не были с нею согласованы. В этом конфликте, как показалось Чичерину, Петунников вел себя самоуверенно и даже неуважительно по отношению к думе. После бурного заседания С.М. Третьяков подал в отставку и уехал за границу. Вместе с ним ушли из городской управы Петунников, член городской управы, товарищ головы Л.Н. Сумбул[171].

---

[170] *Петунников А.* Материалы для изучения современного состояния Москвы // ИМГД. 1881. Вып. 4. Стб. 33–38.

[171] Совсем другое истолкование получило это событие у М.П. Щепкина, многолетнего и видного сотрудника думы. В письме-обращении к новому городскому голове он расценил отставку Третьякова и его помощников как «искупительную жертву» неопределенности отношений между думой и управой, повлекших за собой «выход из общественной службы уважаемых мною предместника вашего [Третьякова. – *Г. Л.*], умевшего всецело и сердечно отдаваться общественному делу, и трех его достойных сотрудников» (*Щепкин М.П.* Указ. соч. Ч. 2. М., 1884. Открытое письмо московскому городскому голове. С. 257). Вообще, Щепкин считал отношение к членам управы как простым «приказчикам» думы неправомерным, не соответствующим их высокому юридическому статусу. Поползновения думы в последнее десятилетие взять на себя «практическое ведение городского хозяйства» в ущерб прерогативам управы и ее собственному назначению руководящего и контролирующего органа он считал чреватым повторением «злосчастного дела в Сокольниках». Если бы дума действительно занялась своим прямым делом, у нее не осталось бы времени для «заведования хозяйством», не пришло бы в голову «самой строить, мостить, чистить» (Там же. С. 257). В отношении

Петунников вернулся к вопросам водоснабжения Москвы в конце 1880-х гг. С 1886 по 1888 г. он состоял членом Водопроводного отдела. Петунников выступил одним из разработчиков проекта строительства водопровода от верховьев реки Яузы[172]. Предварительно были изучены химико-физические качества воды в разных пунктах течения реки и в колодцах, вырытых на ее берегу.

Составителям проекта следовало разрешить ряд сомнений: не будет ли Москва снабжаться не мытищинской (верховья Яузы), а яузской водой, чрезвычайно загрязненной в черте города фабрично-заводскими сбросами; не будет ли эта вода с затхло-болотным запахом (истоки Яузы лежат в болотах); не будет ли вода, добытая с больших глубин, излишне жесткой?

Сопоставив результаты опытов в бассейне реки Яузы с заключениями авторитетных гидрологов (Бельграна о водном режиме Сены и Зальбаха о Дрезденском водопроводе), Петунников пришел к выводу, что вода из верховьев Яузы вполне может быть использована для московского водопровода. Когда же этот довольно ограниченный источник иссякнет, Петунников не исключал, что грядущие водосборные сооружения могут быть заложены как можно глубже по берегу Москвы-реки, выше того места, где ее воды вступают в городскую черту[173].

Из-за недостатка денег устройство водопровода и канализации в Москве подвигалось со скрипом. В письмах 1888–начала 1889 г. Вырубов постоянно спрашивал Петунникова, когда же оно по-настоящему начнется? Подводя итоги 1888 г., он вопрошал друга: «Надеюсь, что интересующее тебя дело канализации и водопровода вступит, наконец, в период практического исполнения, столь давно ожидаемого?»[174] Оба они не дождались этой поры, так как уже в 1888 г. Петунников вошел в конфликт с «бюрократами» отдела и вышел из его состава. Этим поступком он лишил себя постоянной работы, чем изумил даже Вырубова. Тот полагал,

---

управы Щепкин высказался за предоставление ей большей самостоятельности в заведовании хозяйственными делами города (Там же. С. 246–261).

[172] *Петунников А.Н.* К вопросу о снабжении Москвы подпочвенной водою Яузского бассейна // ИМГД. 1888. Вып. 10. С. 109–126.

[173] Там же. С. 128. Предвидение Петунникова сбылось уже довольно скоро. В 1900 г. было принято решение о строительстве Москворецкого водопровода с забором воды близ деревни Рублево. Но и этот водопровод не решил полностью проблем водоснабжения города. Уже в 1913 г. обсуждался вопрос об использовании для нужд городского хозяйства воды из Волги или Оки (*М-ский А.* Деятельность московского городского управления // ИМГД. 1913. № 5. С. 11–12.

[174] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 23. № 255. Л. 516 об.

что бюрократия сейчас властвует везде и что «комиссии», хотя и не являются лучшей формой организации работы, все же делают кое-что полезное. Петунников мог позволить себе некоторую передышку от городской деятельности, так как имел в это время иные возможности заработка. Он намеревался использовать возникшие досуги для занятий ботаникой. Но с уходом из управы интерес к делам градоустройства не потерял, о чем свидетельствовали публикации в «Русских ведомостях».

В 1880–1900-х гг. Петунников выступил в газете «Русские ведомости» с серией статей по городскому хозяйству, где он обратился к хорошо знакомым сюжетам: финансам, водоснабжению, газовому хозяйству, замощению непроезжих территорий столицы[175]. Положение вне рамок официальной структуры дало Петунникову свободу критики многих мероприятий городских властей. Эти заметки близки по стилистике его же статьям в «Русской летописи» в начале 1870-х гг., некоторые из них, впрочем, немногие, нарочито саркастичны. Видимо, их имел в виду Чичерин, когда называл писания Петунникова «неприятными». Но в любом случае все критические замечания строго аргументированы, в подтверждение своих доводов он часто приводил цифровые выкладки из городских отчетных документов.

Смысл критических замечаний Петунникова сводился к нескольким положениям. При рассмотрении многих городских документов и проектов он находил в них следы некомпетентности, непонимания сути дела, недальновидности и в силу этого экономической убыточности с точки зрения далекой перспективы.

Чаще всего такие упреки относились к деятельности большинства думских комиссий и подкомиссий[176]. Их число в начале 1880-х гг. доходило до 40. Эти в большинстве своем исполнительные (охранительные, по определению Петунникова) комиссии

---

[175] Газета «Русские ведомости» (1863–1893) – орган либеральной прессы, управлялась «Товариществом “Русских ведомостей”», в состав его вошло 11 профессоров Московского университета, среди которых давнишний знакомый Петунникова Д.Н. Анучин. Газета поддерживала тесную связь с органами печати городского управления, много писала о деятельности городской управы.

[176] Одновременное участие в работе сразу нескольких комиссий: финансовой, врачебной по борьбе с чумой, инженерной по водопроводному съезду – стало для него настоящим бедствием в конце февраля 1909 г. «Не обладая божеским даром вездесущия, я предпочел бы нигде не быть», – иронизировал Петунников. Но на беду должен был заменить отсутствующего В.Ф. Малинина в двух комиссиях. А там подоспело заседание железнодорожной и опять финансовой комиссий, и так без конца. Петунников жаловался Вишнякову, что приходится убивать время в часто бесполезных заседаниях (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 88).

существовали как посреднические между думой и управой, а на деле, будучи зависимы от думы, стесняли действия управы. По мнению автора статей, они часто составлялись из довольно случайных людей, вмешивались в чуждое им дело, нередко повторяли общие места без проблеска новых идей и, создавая видимость работы, заметно обременяли городской бюджет.

Более того, эти комиссии порождали бюрократическую волокиту, по их вине надолго затянулась постройка так необходимых городу рынка и бойни, не решались многие другие насущные вопросы, они ложились «бревном на пути успешного ведения городского хозяйства»[177]. Петунников выступал против исполнительных (существовали еще ревизионные и парадные) комиссий и считал, что городское управление много выиграло бы, «если бы дума поступилась своим правом разбирать и постановлять решения свои по вопросам слишком частного и мелкого свойства в роде тех, которые только и рассматриваются в комиссиях»[178]. Чего, например, стоит, замечал он, проект комиссии по мощению улиц, которая в целях мнимой экономии предложила мостить окраины города бракованным булыжным камнем, вместо того чтобы использовать его как щебенку под асфальтовое полотно. Петунникова совсем уже удивляло, что для замощения выбираются не сквозные проезды, значимые для всего города, а какие-то глухие тупики.

Петунников считал, что такая практика, когда за мощением улиц очень скоро следует неизбежный ремонт, совершенно неприемлема. При таких приемах, по его расчетам, общее замощение города может случиться не раньше чем через полвека. Петунников полагал, что вместо усовершенствования покрытия центральных проездов, составляющих ничтожную часть городской территории, следует продолжать качественное замощение окраин. Он даже посчитал, во что обойдется городу такой почин (3 млн 600 тыс. руб., а это не такая большая сумма по сравнению с ассигнованиями думы на Москворецкий водопровод в 16,5 млн руб.)[179]. Комиссия, однако, не стала рассматривать асфальт как материал для мощения из-за его непригодности для покатой местности. Предпочтительным материалом по ее рекомендации опять были признаны деревянный торец и брусчатка. Иного Петунников и не ожидал от людей, не умеющих отличить литой асфальт от прессованного. Асфальт же, как неоднократно подчеркивал Петунников, «пожалуй, единственный материал,

---

[177] Русские ведомости. 1882. № 102. С. 3.
[178] Там же. № 259. С. 3.
[179] Русские ведомости. 1900. № 119. С. 3.

который по своим превосходным качествам и по сравнительно с другими материалами доступной цене мог бы найти у нас со временем широкое применение для устройства мостовых. Мы разумеем сызранский асфальт»[180].

Подобные же недоработки, недомолвки и недостаток серьезного отношения к делу Петунников отмечал во взаимоотношениях городских властей с газовыми концессиями, занимавшимися освещением города. На проблемы газового освещения Петунников обратил внимание с конца 1870-х гг. Он горячо приветствовал инициативу городских властей, заинтересовавшихся научной стороной дела. По приглашению городского головы кн. А.А. Щербатова профессор астрономии Б.Я. Швейцер составил таблицу осветительного календаря на 1870–1877 гг., согласуя ее с восходами и заходами солнца, вычислив продолжительность ночных часов. Благодаря вмешательству ученого годовое горение фонарей было увеличено на 200 часов, несмотря на возражения Газовой компании, ссылавшейся на непредвиденные изменения погоды[181]. Но из-за отсутствия четко обозначенных условий контракта и контроля за их неукоснительным исполнением концессионерами городской бюджет понес чувствительные потери. Сами условия договоров с поставщиками были составлены таким образом, что парализовали возможность следить за газовым освещением со стороны города[182]. Так было со времени заключения соглашения в 1865 г. Повторение ситуации, считал Петунников, возможно и в будущем, так как вновь составленный проект договора на продление отношений с компанией, имевшей в прошлом «не блестящие успехи», не уточнял условий контроля над взиманием платы за снова поставленные фонари. А это в случае принятия контракта означало уступку в пользу газового общества 765 тыс. руб.[183] При продлении концессии по недосмотру московских властей город продолжал нести большие убытки, за которые он, как представлялось Петунникову, мог бы потребовать некоторую компенсацию. Петунников даже наметил те статьи договора, по которым можно было бы призвать поставщика к порядку[184].

Проекты московского правительства в пользу решения «водопроводного дела» Петунников также считал «незаманчивыми». Таким ему показалось предложение главного инженера московских водопроводов Н. Зимина о расширении существующего мы-

---

[180] Там же. № 121. С. 3.
[181] ИМГД. 1878. Вып. 1. С. 35–40.
[182] Русские ведомости. 1883. № 161. С. 3.
[183] Там же.
[184] Там же. 1893. № 37. С. 3; № 39. С. 3.

тищинского водопровода. Подобная мера, полагал он, не сможет удовлетворить растущие потребности города в воде и вместе с тем отсрочит скорейшее решение проблемы водоснабжения и строительства нового водопровода[185].

Горы бумаги, изведенные по этому случаю, по мнению Петунникова, ни о чем не говорят. «На поверку оказывается, – писал он, – что перед нами одна все терпящая и все выносящая, как русская натура, бумага, и ничего более»[186]. Обращение города к частным компаниям по поводу проведения водопровода без точных данных и финансовой сметы, «без определенной задачи, без плана и программы», без четких разграничений между правами и обязанностями города и концессионеров Петунников считал заведомо обреченным на неудачу. Он полагал, что городским властям прежде всего следует определиться, каким образом, концессионным или «хозяйственным» (своими силами), они намерены решать задачу водоснабжения Москвы. Только после этого можно выработать четкие условия концессии, чтобы, собравшись с силами, город в любой момент мог выкупить водопровод с полным правом распоряжаться водой по своему усмотрению, как это делается в большинстве западных городов, исключая Англию[187]. Сделав в конечном счете выбор в пользу концессии (продемонстрировав тем самым недоверие к возможностям управы), дума не определила четких условий контракта, что, несомненно, сулило в будущем возникновение новых конфликтов и недоразумений между договаривающимися сторонами[188].

Слишком легковесным считал Петунников набросанный «легким пером» инженера Зимина доклад об устройстве снабжения города москворецкой и мытищинской водой. Этот проект произвел на него впечатление беглого наброска, чего-то недоделанного из-за необоснованности всех его пунктов. Петунников считал строительство двух параллельных водопроводов, раздельно для мытищинской и москворецкой воды, даже в тех местах, где они уже существуют, неоправданным и накладным для обывателя. Во-первых, превосходство качества мытищинской воды никем еще не доказано, во-вторых, «измышленный» Зиминым акт справедливости [равная доступность мытищинской воды для всех

---

[185] Там же. 1884. № 174. С. 3.

[186] Там же. 1883. № 313. С. 2.

[187] Там же. «Хозяйственный способ» предполагал строительство собственных городских предприятий и служб за счет реализации займов и последующей эксплуатации построенного в пользу города.

[188] Там же. 1884. № 315. С. 3.

потребителей. – *Г.Л.*] станет городу в 3 млн 200 тыс. руб. и вряд ли вызовет восторг у обывателей[189].

Эту своеобразно понятую «справедливость», пренебрежение интересами москвичей Петунников считал одним из «первородных грехов» городских деятелей. Он упрекал их в том, что все существующие концессионные договоры (на поставку воды, газа) были составлены в интересах городских чиновников и в ущерб частным потребителям, которые платили, например, за газ в 3,5 раза дороже, чем город[190]. Продление концессии с вороватой газовой компанией на выгодных для нее условиях «идет вразрез, – считал Петунников, – коренным условиям преуспеяния городского хозяйства – общности интересов городского управления и городских обывателей», ведь с введением новых условий контракта они станут платить за газ в 4 раза дороже, чем город[191].

Хозяйственный способ ведения дел, снижавший возможность злоупотреблений со стороны концессионеров, Петунников находил более экономичным и, стало быть, более дешевым для населения. Прежде чем сделать окончательный вывод в пользу концессионеров, он предлагал городским чиновникам «взвесить не один только свой городской кошель, как они привыкли делать во всех подобных случаях, а и карманы своих обывателей»[192]. Все, что город переплатил газовой и другим компаниям, Петунников относил за счет нерадивости и лености членов думы и управы.

Они же повинны, считал Петунников, в плачевном состоянии городской казны. В 1881 г. в статье в ИМГД он писал, что из-за недостатка средств многие градоустроительные проекты (водопровод, канализация, устройство дорог, мощение улиц, посадка зелени) практически заморожены. Вывести городской бюджет из состояния глубокого паралича он считал возможным лишь в случае привлечения дополнительных средств в виде займов. При этом Петунников предлагал расходовать бюджетные деньги не на работы по городскому благоустройству, а на выплату процентов по долгу. Так делают все преуспевающие страны Западной Европы[193]. Правда, вслед за Щепкиным (во многом они были единомышленниками) Петунников признавал, что, тогда как жители благоустроенного Запада платят за содержание уже готовой го-

---

[189] Там же. 1900. № 87. С. 4.
[190] Там же. 1883. № 161. С. 3.
[191] Там же.
[192] Там же.
[193] ИМГД. 1881. Вып. 1. С. 8.

родской инфраструктуры, россиянам только еще приходится ее создавать «на огромном неустроенном пространстве»[194].

Но где найти кредиторов? «И кто согласится быть заимодавцем Москвы, когда она при населении в три четверти миллиона едва умеет собрать 5 млн руб. доходов в год?»[195] – вопрошал Петунников. Выход следом за Щепкиным он видел в пополнении источников дохода в городскую казну за счет квартирных налогов и промышленных сборов[196]. Поэтому, полагал Петунников, вопрос о поиске очередного займа не может быть поставлен ни думой, ни управой, прежде чем не будут изысканы новые источники поступлений в городской бюджет[197].

Печальное состояние городских финансов Петунников оценивал как «финансовую несостоятельность» управы и ее комиссий, у которых было достаточно времени, чтобы разработать вопросы и о займе, и о новых налогах. Но все эти серьезные проблемы были едва затронуты в «поверхностных, легоньких докладах», в которых его удручало отсутствие серьезных данных и веских аргументов[198].

Прискорбное пренебрежение управы и думы делами «выгод и польз» города Петунников находил в формальном и скорее недоброжелательном отношении к деятельности статистического отдела. Равнодушно и апатично взирая на его деятельность в течение почти 10 лет, управа неожиданно решила его «узаконить» совершенно своеобразным способом. Она вознамерилась распустить отдел, оставив только «заведующего статистической частью» с помощником, подчиненным управе. Переустройство статистического отдела Петунников расценивал как его упразднение, так как истинно живые его дела, в частности успешное проведение переписи населения, проводились силами временных членов (Петунников был в их числе). «Эта незаконная часть статистического отдела отсекается», – констатировал он. И, следуя логике управы, делал вывод: «Не следует ли проектировать дальнейшее упразднение этой части [статистики вообще. – *Г.Л.*] как несогласованной с существующим на сей предмет узаконением?»[199] Действительно, члены управы, по наблюдениям Петунникова, «смотрели

---

[194] Там же. С. 7.
[195] Русские ведомости. 1882. № 117. С. 3.
[196] Там же.
[197] Там же. № 102. С. 3.
[198] Там же. № 117. С. 3.
[199] Там же. 1886. № 2. С. 3.

на статистику как на падчерицу свою, как на лишнюю для себя обузу»[200].

Статьи Петунникова редко вызывали полемику. В них он выступал во всеоружии фактов, с ними трудно было спорить. В тех редких случаях, когда Петунникову возражали, он показал себя остроумным полемистом. Это касалось серии его статей 1893 г. о строительстве водопроводных сооружений в Москве. Очень скоро после возведения водонапорных башен у Крестовской заставы и машинного здания в Мытищах в их стенах и фундаменте появились трещины. Петунников констатировал эти факты и, не довольствуясь объяснением инженера Н. Груннера, показавшего ближайшие причины, попытался дать свой анализ происшедшего. Он резюмировал его как «абсолютное отсутствие твердо установленных и руководящих идей в осуществлении как этого водопроводного сооружения, так и остальных входящих в состав водопровода»[201]. Отсутствие четкого первоначального плана вызвало поспешные корректировки в процессе строительства, нелепые и подчас безграмотные инженерные решения и просчеты. К числу технических промахов Петунников относил, например, конструкцию башен, способствовавшую распиранию стен, совмещение в одном пространстве жилых и нежилых помещений, проведение парового отопления в башни, используемые как резервуар для хранения воды, и проч. «Не проще ли и не много ли дешевле было бы, – писал он, – вместо того, чтобы совместить несовместимое, соорудить одну башню вместо двух, дав ей так же назначение, которое приличествует водопроводному сооружению и, если это уж признавалось необходимым, – построить жилой дом для водопроводных служащих. Тогда, быть может, и башни не треснули бы и не обратились бы в одну из отрицательных достопримечательностей Москвы в pendant к треснувшему колоколу, из которого нельзя звонить, и большой пушке, из которой нельзя стрелять»[202]. С цифрами в руках Петунников показал, как недешево обошлись городу эти инженерные промахи.

Неожиданно на статьи Петунникова отозвался в «Московских ведомостях» (1893. № 43) некий аноним, назвавшийся Инженером. Автор уверял, ссылаясь на авторитет «одного очень сведущего специалиста», что трещины лишний раз свидетельствуют о крепости башен, построенных как «солидные монолиты». Он поставил под сомнение выводы пользовавшегося одними расчетами и не бывавшего в башнях инженера Груннера, а также «ботаника» Петунникова, не посетившего сооружение, доступ к

---

200 Там же.
201 Там же. 1893. № 40. С. 3.
202 ИМГД. 1893. № 43. С. 4.

которому, как вскоре оказалось, ревниво охранялся строительным начальством.

По поводу сомнительности его компетенции в глазах анонима Петунников заметил: «Как будто нужно быть инженером для того, чтобы судить о деле, в котором достаточно располагать научной подготовкой и, главное, здравым смыслом»[203]. Попутно Петунников уличил анонима в незнании элементарных истин. Ими сознательно пренебрегает недобросовестный подрядчик, когда оказывает предпочтение «кладке на цементе, при которой трещины были неминуемы, вместо кладки на извести, при которых их, пожалуй, не было бы». Комичными показались Петунникову обвинения анонима в адрес «строительной науки», которая уже в конце 1860-х гг. открыла, что коэффициент расширяемости бетона чрезвычайно велик. Доводы оппонента, что в России не одна печная труба не строится без трещин, напомнили Петунникову классическое отечественное изречение: «Ничего, лишь бы не развалилось!».

В заключение Петунников призвал Инженера и «одного очень сведущего специалиста» сбросить маски. «Быть может, они составили бы себе тогда популярное имя, строя если не такие капитальные сооружения, как водонапорные башни, то, по крайней мере, хоть домовые трубы с *ручательством*, что они треснут непременно»[204], – заключил он.

Известный специалист по строительной механике, профессор «строительного искусства» Московского технического училища М.М. Черепашинский (1845–1916) отозвался в «Московских ведомостях» (1893. № 54) на статью Петунникова репликой, что «для правильного суждения о специальных предметах недостаточно общей научной подготовки и здравого смысла, а нужны и специальные знания». В ответе профессору Петунников резюмировал взгляд свой собственный и вообще позитивистов на задачи подготовки специалистов, будь то строительный инженер или морской офицер. Согласно их концепции, специальному образованию должна предшествовать солидная подготовка в физико-математических и естественно-научных дисциплинах. Именно она позволит узкому специалисту разобраться в решении не только рутинных, чисто технических задач, но и в самых неординарных вопросах, которые может поставить перед ними практика. В таком духе ответил Петунников на возражение почтенного профессора: «А я, признаться, – писал он, – прочитав статью профессора Черепашинского, пришел к такому заключению по отношению

---

[203] Там же. № 42. С. 4.
[204] Там же.

специалистов, что специалист в большей степени, чем дилетант, должен обладать общей научной подготовкой и здравым смыслом для суждения даже в своих специальных вопросах». Ведь диплом специалиста не помешал «Инженеру» нагородить кучу нелепостей даже в своих специальных инженерных вопросах. Далее Петунников привел ряд возражений против некоторых доводов Черепашинского. В частности, в его определении коэффициента расширения, которое он дословно воспроизвел, Петунников нашел противоречие здравому смыслу и научной истине[205].

На собственном примере Петунников доказал, что солидное научное образование при наличии необходимых усилий позволяет проникнуть в тайники инженерного знания. Все имевшие дело с Петунниковым признавали его обширную эрудицию в области инженерного дела.

В 1899 г. финансовое положение Петунникова стало критическим. В письмах Вырубова мы находим упоминание о финансовом крахе издательства Н.И. Мамонтова. Тогда же рухнуло пароходное товарищество, которое служило для Петунникова источником финансовых поступлений[206]. Вырубов буквально поставил на ноги всех своих родственников, друзей и знакомых в Москве и Петербурге, озадачив их поисками работы для Петунникова. Ситуация нормализовалась, когда в начале 1900-х гг. Петунников вернулся на службу в городскую управу.

В письмах к Н.П. Вишнякову, датированных первым десятилетием прошлого века, Петунников часто ссылается на большую загруженность муниципальными делами. «Как хотите, – писал Петунников Вишнякову в ответ на попытку последнего вернуть его к активному гербаризированию, – в моей управской толчее, в которой мне приходится сновать, нет досуга достаточно отвлечься от дел, как бы это ни было желательно, а по временам и необходимо»[207]. У него не оставалось времени не только для серьезных ботанических исследований, но даже для воскресных экскурсий, пришлось отказаться и от журналистской практики.

Помимо писем к Вишнякову о деятельности Петунникова в управе можно бегло судить и по письмам Вырубова. Много време-

---

[205] Там же. 1893. № 55. С. 4.

[206] Петунников некоторое время был директором Товарищества Москворецкого пароходства (См.: Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1899 г. М., 1899. С. 766). Интерес и связи с пароходным делом Петунников сохранял и дальше, о чем свидетельствует его упоминание весной 1907 г. в письме к Н.П. Вишнякову о встрече с «инженерной саранчой» из Нижнего Новгорода, возвращавшейся с судоходного конгресса в Петербурге (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 60).

[207] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 17 об.

ни земского деятеля занимали всевозможные совещания: технические собеседования с инженерами, обсуждение со всеми членами управы мер «к устранению почтово-телеграфного расстройства», составление финансовых смет на будущий год, слушание отчетов ревизионной комиссии по текущему финансированию[208]. Актуальными для начала прошлого века стали вопросы о добывании и размещении по отдельным статьям расходов городских займов. Дело подвигалось туго. При пустой городской казне находилось мало охотников ссужать город деньгами. Только всякие иностранные «гешефтмахеры»[209] проявляли готовность проводить необходимые городу работы «безвозмездно», за счет обесценивания уже выпущенных облигаций[210]. Иногда случалось получить 30-миллионный заем у фирмы «Беринг и К°» при посредничестве Лионского кредита[211]. Дело часто стопорилось из-за нерасторопности и прямого сопротивления высшей петербургской бюрократии[212]. Петунников хорошо знал западный опыт городского кредитования и писал докладные записки в думу, связанные с этим сюжетом.

Как заведующему второго (инженерного) отделения Петунникову приходилось быть универсалом, в частности, заниматься «межевыми разговорами»: добиваться уступки городу земли для устройства проездов, приобретать земли под новые поля орошения, для устройства отдыха москвичей, для этих же целей использовать даровые земли Нескучного сада, полученные от Общества акклиматизации животных, и т.п.[213]

В ведении Петунникова по-прежнему находилось замощение улиц, для чего он в служебных командировках приобретал партии цемента, искал мостовщиков, способных управляться со шведскими гранитными машинами, образцы которых городские власти выписали для замощения Балчуга. В одном из писем к Вишнякову Петунников с горечью отмечал, что вопрос о замещении низкокачественного литого асфальта на асфальт прессованный, о чем он не уставал писать последние 30 лет, так и не сдвинулся с места[214].

Петунникову приходилось следить за деятельностью «садового министерства». В 1909 г. он предпринял поездку в Петербург, Ригу и Юрьев для осмотра лесного хозяйства в них и приискания «хорошего садовника», так как после ухода со службы «управляющего Сокольниками» лесника Богданова это место оставалось

---

[208] Там же. Л. 9, 19.
[209] Geschaftmacher (*нем.*) – ловкий делец, спекулянт.
[210] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363.. Л. 40.
[211] Там же. Л. 60.
[212] Там же. Л. 78, 97 об.
[213] Там же. Л. 35 об., 102, 109.
[214] Там же. Л. 84 об., 95, 75.

вакантным[215]. Переведенный на него бывший «заведующий бульварами» оказался нечист на руку. Пришлось заменить его «остзейским немцем». К этому же времени относился переезд на новое место на бывшую Борисовскую дачу городских оранжерей и питомников[216].

По возвращении в управу Петунникова интересовал «электрический вопрос». Процесс электрификации уличного освещения Москвы из-за дороговизны источника энергии двигался исключительно медленно. Островки электрического освещения появились лишь на террасе перед храмом Христа Спасителя и в виде нескольких фонарей на Тверской улице. Некоторые надежды сдвинуть дело с мертвой точки возникли лишь в 1888 г. Тогда австрийская фирма «Ганц и К°» из Будапешта предложила городу выгодный проект. За счет безвозмездного использования энергии москворецкой воды у Бабьегородской плотины и площадей, необходимых для размещения электростанции, надлежащих агрегатов и коммуникаций, она обязалась соорудить для города около полусотни электрических фонарей в центре с последующим частично даровым освещением от них в течение срока действия контракта (30 лет). На средства города фирма бралась осветить электричеством территорию в радиусе 400 кв. сажень от центра Театральной площади, что, однако, не покрывало целиком пространство в пределах Бульварного кольца и заметно не влияло на общую картину уличного освещения в Москве[217]. И в конце XIX в. столица по большей части освещалась газовыми фонарями.

Интерес Петунникова к «электрическим делам» возник много раньше, в начале 1880-х гг. Возможно, он был связан с обустройством Сокольников как места отдыха и гуляний москвичей. Необходимо стало обеспечить жителей столицы дешевым общественным транспортом. В 1880 г. в Сокольники была проведена конка. В это же время в России проводились успешные опыты по переходу от конной к электрической тяге. Но честь этого нововведения досталась немецкому инженеру Сименсу. Уже в 1881 г. он наладил движение трамвая между Берлином и его пригородом. Вполне вероятно, что именно в этой связи возникли «электрические планы» Петунникова, которые он в феврале 1882 г.

---

[215] Там же. Л. 84 об.

[216] Там же. Л. 103.

[217] Доклад № 43 Комиссии по разработке вопроса об освещении города Москвы, об устройстве в Москве электрического уличного освещения...[М., 1888]. Ст. 3–6.

отправил в Париж Вырубову на суд тамошних компетентных специалистов[218].

В 1904 г. Петунников пробовал выставить свою кандидатуру на выборах в городскую думу (лишний козырь для переизбрания в управу), но потерпел неудачу[219]. По беглым упоминаниям Вырубова можно понять, что и в последний период своей службы в управе Петунников вновь возвращался к «электрическим делам». Но после событий 1905–1907 гг. обстановка в стране и в городе оставалась нестабильной. Вырубов сочувствовал другу, работавшему в тяжелых условиях в стране, где расшатаны государственные устои, в которой «нет решительно никакого порядка», и сомневался, что в «голодное время» можно ожидать успеха «электрического дела»[220]. Все же устройство общественного транспорта в Москве продолжалось. В начале прошлого века в Сокольники был проведен трамвай, в 1910–1912 гг. там было построено первое в Москве трамвайное депо. В 1913 г. обсуждался проект возведения второй электростанции для обеспечения электротяги трамваев[221]. Петунников внес свою лепту в организацию общественного транспорта в Москве. Он следил за строительством трамвайных путей[222]. Известно, например, что он участвовал в испытании го-

---

[218] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 17. № 128. Л. 279 об.

[219] Возможно, неудача была связана со своеобразным имущественным цензом, существовавшим при выборах в бессословную думу. Преимущественным правом избрания пользовались в ней те граждане, которые вносили наибольшую сумму налогов в городскую казну (*Щепкин М.П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 35). Петунников стойко отнесся к случившемуся, но нотка горечи прозвучала в письме к сотоварищу по думским делам Н.П. Вишнякову. Поздравляя его с прохождением в думу и сетуя одновременно, что тот «поставлен на одну доску с Остроуховым», на которого так мало похож и физически, и духовно, он писал: «Не то со мной, мне даже не довелось встать на одну доску с С.А. Муромцевым. Такова людская несправедливость, которую – по несчастию – я испытал в разных видах несчетное число раз. Я, впрочем, примирился со своею участью, узнав притом, что мой провал не повредит мне в моей дальнейшей деятельности» (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 8 об.).

Илья Семенович Остроухов (1858–1929) – художник, коллекционер, общественный деятель. Гласный Московской городской думы, член попечительского совета Третьяковской галереи (1905–1913).

Сергей Алексеевич Муромцев (1850–1910) – юрист, публицист, политический деятель. В 1880–1890 гг. – гласный Московской городской думы. Председатель Первой Государственной думы (1906).

[220] НБ МГУ… Карт. 3. Д. 41. № 537. Л. 1150.

[221] *М-ский А.* Деятельность московского городского управления // ИМГД. 1913. № 67. С. 23–25.

[222] В отсутствии коллег ему случалось замещать их на время. В 1908 г. ему пришлось руководить пятью отделами из шести! Особенно хлопотным оказалось руководство железнодорожным отделом на время отсутствия его заведующего С.В. Челнокова, отправившегося на международный конгресс в Мюн-

родского автобуса, во время которого получил травму, за что ему выговаривал Вырубов[223].

Как члену управы Петунникову приходилось рассматривать проекты возведения новых городских объектов: памятника Н.В. Гоголю на Пречистенском бульваре, музея изобразительных искусств на платформе храма Христа Спасителя, устройство приюта для семей художников и проч. К числу конкретных дел этого периода относится «регулирование Театральной площади», т.е. разбивка на ней сквера, строительство Новоспасского моста, многочисленные зеленые насаждения[224].

И ко всему прочему – участие в работе различных комиссий и их заседаниях, чаще всего финансовой, так как на ней обсуждались вопросы, связанные с деятельностью отделения. И «сплошные доклады, за приготовлением которых приходится мне сидеть в немногие свободные от разных комиссий и заседаний часы»[225].

В 1910-е гг. Петунников занимался в управе газовыми делами, устройством складов, изучал продукцию гончарного завода в Павловском Посаде, имея в виду производство труб для московского водопровода, не переставая следить за озеленением столицы. В 1910 г. за выслугой лет он мог рассчитывать на государственную пенсию[226]. Всегдашний противник бюрократической волокиты, Петунников взялся за дело неохотно. Вырубов тормошил его, настаивая, что нельзя лишать жену и детей необходимой поддержки[227]. В начале 1911 г. Петунников официально ушел с муниципальной должности, в марте того же года его чествовали в управе. Вырубов радовался, что москвичи сумели воздать Петунникову должное, и надеялся, что наконец-то он займется

хене. Дел оказалось много: строительство 40 верст новых рельсовых путей, станций и подстанций, вагонных парков (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 73, 65).

[223] НБ МГУ… Карт. 3. Д. 43. № 582. Л. 1238.

Петунников описал этот эпизод в письме к Вишнякову. При испытании нового гигантского автобуса он по обыкновению взобрался на империал (открытую верхнюю площадку). При пересечении Петербургского шоссе по путепроводу окружной железной дороги сидевших наверху пассажиров зацепили телеграфные провода, подвешенные слишком низко. Спутники Петунникова лишились шляп, а сам он, резко отпрянувший в сторону, разбил лицо о набалдашник трости. «Пока – никуда негодный конвив и собеседник», – отшучивался он (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 79 об. – 80).

[224] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л.77 об., 103.

[225] Там же. Л. 112.

[226] С 1892 г. все должностные лица, в том числе члены управы, получили статус государственных служащих, соответствующие чины и право на пенсию. См.: *Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 252).

[227] НБ МГУ… Карт. 3. Д. 45. № 610. Л. 1294 об.

любимой ботаникой[228]. Однако вопрос с пенсией затягивался, и летом того же года Петунников вернулся на какое-то место в управе, впрочем, ненадолго. Но даже выйдя на пенсию, он признавался Вишнякову, что, как больной, который чувствует боль ампутированной конечности, он испытывает «муниципальную боль», много времени отдает городским делам, которые считает для себя обязательными[229].

Итогом его многолетней деятельности в управе стал объемный труд «Пути сообщения в г. Москве»[230]. В предисловии он поблагодарил за помощь своих бывших сослуживцев по городской управе, которым и посвятил свою книгу.

«Под путями сообщения» подразумевались все незастроенные территории, включая водные артерии. Они были тесно связаны с общей планировкой города и его топографическим планом. Впервые Петунников заинтересовался этой темой в 1881 г. в связи с появлением нивелирного плана города[231]. Тогда им был составлен первый, привязанный к нивелирной карте список проездов (ИМГД. 1881. Вып. 14. С. 5–20). С тех пор многое изменилось во внешнем облике Москвы, первоначальный список «путей сообщения» значительно пополнился.

В своей последней работе Петунников пересмотрел все ранее существовавшие списки, приведя их в соответствие с действительным положением вещей. С помощью Межевого отдела Московской городской управы он провел промеры новых путей сообщения. Были измерены длина, ширина, общая площадь всех незастроенных участков, сделана оценка занимаемых ими земель. Трудно переоценить значение этих сведений для современного Петунникову градостроительства. С точки зрения далекой перспективы особенно ценной оказалась историческая часть работы Петунникова, в которой он опирался на второе издание книги известного археолога-архитектора А.А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями»[232].

---

[228] Там же. Д. 46. № 622. Л. 1317 об.

[229] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 131 об.

[230] *Петунников А.Н.* Пути сообщения в г. Москве по высочайше утвержденному плану регулирования. М.: Гор. тип., 1915. 367 с.

[231] Нивелирный план г. Москвы был составлен инженером Д.П. Рашковым на основании топографической съемки 1874–1879 гг. В этом плане впервые была получена картина рельефа города (площади водосборных бассейнов, затопляемость при ливнях и половодье). Нивелировка означала определение абсолютных (над уровнем моря) и относительных высот различных точек земной поверхности.

[232] *Мартынов А.А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М.: Тип. Т. Рис., 1878; 2-е изд. 1881; 3-е изд. 1888. У Мартынова

В итоге специалист по истории Москвы получил названия московских улиц и переулков и этимологию их происхождения (по названиям храмов, государственных и частных владений, по названию местности и др.), а в приложении был приведен список прежних названий некоторых из них. В книге Петунникова было указано точное расположение «путей» по отношению к окружающим их улицам, переулкам, площадям и проч. Как специалист по озеленению города, Петунников отнес к «путям сообщения» все городские насаждения и дорожки на них, недоступные для езды. Он произвел обмеры этих площадей и составил отчет о широком размахе работ по озеленению города в конце XIX – начале XX столетия. Помимо бульваров, садов, скверов в городе появилось много посадок деревьев и кустарников вдоль обочин улиц, набережных, по периметру скверов. В черте города (исключая пригороды) оказались засаженными 220 тыс. 500 кв. сажень земли[233]. В этой части сочинение Петунникова не устарело и представляет интерес для современного историка и градостроителя.

После завершения городской деятельности у Петунникова еще оставался некоторый запас сил и времени для занятий наукой. Он продолжал деятельно экскурсировать, составлял гербарии, интересовался работами коллег. Но Первая мировая война нарушила привычный порядок, многое изменила в уже сложившемся научном обиходе. Рушились связи с зарубежными ботаниками, созидавшиеся десятилетиями (Приложение 4, № 46, 47).

Вначале война воспринималась Петунниковым как временное неудобство, вызванное борьбой политических амбиций, далеких от действительных нужд воюющих народов. Территориальные споры противоборствующих сторон его не интересовали, в угоду мирного разрешения конфликта он был готов поступиться многими территориальными приобретениями России в Европе. Идеи великодержавности, территориальной экспансии были ему абсолютно чужды. «Как было бы чудесно, однако, – писал он в июне 1914 г., – если бы нас хорошенько потрепали да отняли у

помимо происхождения названий московских улиц указано их местоположение относительно других улиц и переулков. Для написания историко-топографического очерка Петунников изучал книги по старой Москве. С этой целью он в апреле 1915 г. работал в публичной библиотеке Петербурга, совместив деловую поездку с посещением семьи старшего сына. В библиотеке он нашел только половину заказанных книг (четыре из семи), да и то одну из них, «Алфавитный список всех частей столичного града Москвы» (1818), из-за невнимательности персонала заменили совсем другим изданием (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 84).

[233] *Петунников А.Н.* Пути сообщения… С. XX.

нас Остзею, Польшу да Карелию и Финляндию, – провинции, с которыми мы не умеем управляться»[234].

В начальную пору войны у Петунникова, видно, теплилась еще надежда на победу здравого смысла, война казалась недоразумением, он надеялся, что «великая битва народов» долго не продлится, что скоро вновь откроются пути на Запад. Немцы, представители развитой культуры, близко знакомые по личному общению, не воспринимались как действительные враги. По мере разрастания масштабов военных действий все больше обострялось чувство противоестественности «братоистребления». Случилось самое страшное, чего так боялись русские и немцы, коллеги и друзья по научному ремеслу, – их сыновья воевали с оружием в руках друг против друга. Угроза мобилизации нависла над молодыми друзьями Петунникова. Рушилась сама идея гуманной миссии науки. Петунников жаждал окончания кровопролития любыми средствами, «лишь бы поскорее кончилась эта проклятая и поганая война»[235]. Он сразу же подметил перетекание внешнего конфликта во внутренний хаос и беспорядок. Для него «защитники отечества и освободители от царизма» после Февральской революции 1917 г. оказались на одной доске как носители разрушительной стихии, всегда ему чуждой. Безумное ликование по поводу осуществления мечты «бабушки русской революции» [Е.К. Брешко-Брешковской. – *Г.Л.*] он не разделял. Никаких иллюзий насчет благодетельного влияния революционного движения он не питал. Таковы последние свидетельства самого Петунникова.

По словам близко знавших его людей, он скончался в нищете и болезнях, мучительно страдая от невозможности продолжить научную работу и поддержать свои тающие силы. Смерть пришла 20 декабря 1919 г.[236] Но до этого Петунников успел завершить дело, которое считал своим священым долгом. Об этом ниже.

---

[234] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 62.

[235] Там же. Л. 104.

[236] А.Н. Петунников (†20 декабря 1919) // Библиогр. изв.: Журн., издаваемый Рус. библиогр. об-ом при Моск. ун-те. 1920. Т. 8, № 1–2. С. 27–28.

Часть вторая

Ученый-ботаник

Работа ученого-ботаника складывается из многих разнообразных занятий. Прежде всего, это наблюдение живых растений на природе во время флористических экскурсий и экспедиций, сопровождаемое сбором материала для гербариев. Во-вторых, посещение с этой же целью ботанических садов. В-третьих, изучение сухих растений в гербариях, принадлежащих частным лицам, музеям естественной истории, ботаническим садам, университетам, научно-педагогическим учреждениям. Работе ученого-ботаника сопутствуют собственные лабораторные опыты, чаще всего связанные с микроскопическими исследованиями. Необходимым элементом является изучение научной литературы для выяснения истории вопроса и сопоставлений.

Постоянно отвлекаясь на посторонние для науки дела, Петунников всегда находил время для всех этих занятий. Он использовал для флористических наблюдений выходные дни, праздники, летние отпуска, служебные командировки, экспедиционные поездки по линии МОИП. По образному выражению Вырубова, Петунников совершал свои «ботанические крючки», пользуясь малейшей возможностью и не забывая прихватить при этом «микроскопическую лавочку». Он был знатоком отечественных и зарубежных ботанических садов и гербариев, общался с коллегами дома и за рубежом, вел постоянную переписку с русскими и особенно с немецкими ботаниками.

2.1. Становление ученого (1860–1870-е гг.)

Петунников начала собирать растения в гимназические годы и уже в раннюю студенческую пору проявил интерес к исследовательской работе. Первая его публикация появилась в последнем выпуске «Вестника естественных наук» знаменитого научно-популярного журнала, издававшегося Рулье. Из-за смерти основателя и финансовых трудностей последние номера журнала (за 1860 г.) вышли в 1865 г. Об этом сообщил секретарь МОИП

и куратор издания И.Б. Ауэрбах. Возможно, заметка Петунникова написана где-то между 1863 и 1865 г. Она представляет собой подробное описание незадолго до того найденного в Юго-Западной Африке путешественником Вельвичем неизвестного растения, получившего в честь открывателя название «вельвичия» (Welwitschia mirabelis)[1]. Местные жители называют его тумбо из-за выделяемой им смолы. Внешний вид растения настолько противоречит общепринятым представлениям, что на первый взгляд оно кажется уродством. Заметка Петунникова не претендует на оригинальность. Она не более чем краткое извлечение из исследований английского ученого Гукера, помещенных в записках Линнеевского общества за 1863 г.[2] У Петунникова подробно описаны и проиллюстрированы различные части и способ размножения этого диковинного растения, живущего до 100 лет. На вклейке перед титулом журнала дана изумительная по красоте цветная литография В. Бахмана, изображающая вельвичию во всем ее великолепии. В ней передано упоение красотой растительного мира, столь характерное для многих более поздних научно-популярных статей Петунникова.

Как указывалось выше, любовь к ботанике Петунникову привил Н.Н. Кауфман[3]. С приходом Кауфмана в 1861 г. в Московский университет жизнь кафедры ботаники, которая во время долгого руководства А.Г. Фишера фон Вальдгейма (1834–1865) прозябала, вновь оживилась[4]. В 1863 г. произошло ее разделение на

---

[1] *П[етунников] А.* Вельвичия или тумбо // Вестн. естеств. наук, изд. Императ. Моск. о-вом испытателей природы. 1860. Т. VII. [М.: Унив. тип. (Катков и К°). 1865]. Ст. 1570–1580.

[2] Джозеф Далтон Гукер (1817–1911) – английский ботаник и путешественник, один из основателей исторической биогеографии растений. Очевидно, речь идет о его статье, опубликованной в журнале Лондонского Линнеевского общества «Journal of the Proceedings of Linnean Society».

[3] Николай Николаевич Кауфман (1834–1870) – крупный ботаник, морфолог, флорист, основатель морфологической школы в Московском университете. Происходил из «русских немцев». Сын аптекаря. В 1852 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Считал своим подлинным учителем К.Ф. Рулье, который пробудил у него интерес к общим проблемам биологии. В 1866 г. защитил докторскую диссертацию в Московском университете. Читал оригинальный курс по морфологии и систематике растений. Видный флорист. Его книга «Московская флора» (М., 1866) (второе издание под ред. П. Маевского вышло в 1889 г.) затмила своей популярностью его же морфологические исследования. Привел в порядок запущенный до него Ботанический сад, положил основу Ботаническому музею, систематизировал обширные гербарии МОИП (Выдающиеся отечественные ботаники. М., 1957. С. 235–241).

[4] *Липшиц С.Ю.* Систематика, флористика, география растений // *Липшиц С.Ю., Комарницкий Н.А., Бреславец Л.П.* и др. Очерки по истории русской ботаники. М.: МОИП, 1947. С. 42.

МОЕМУ

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ НАСТАВНИКУ

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

КАУФМАНУ

ВЪ ЗНАКЪ ИСКРЕННЕЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.

Титульный лист магистерской диссертации Петунникова
с посвящением Н.Н. Кауфману

кафедру морфологии и систематики растений, с одной стороны, и физиологии растений – с другой. Кауфман первый возглавил кафедру морфологии и систематики растений. Помимо несомненных лекторских способностей (при отсутствии ораторского дара), которые единодушно подтверждали его ученики[5], Кауф-

---

[5] Один из них, И. Чистяков, писал, что из лекций Кауфмана «нельзя было выкинуть слова, как из песни, все было приведено в такое стройное целое, все было плодом такого строгого всестороннего изучения, что невольно оставалось удивляться его наблюдательности и высокому дару систематизировать» (*Чистяков И.* Николай Николаевич Кауфман // Моск. унив. изв. 1871. № 1. С. 59).

ман имел вкус к серьезной исследовательской работе. Он привил его группе своих учеников: И.Д. Чистякову, А.Н. Петунникову, И.Н. Горожанкину.

Кауфман тяготел к исследованию морфологии растений, изучая преимущественно трансформацию их отдельных органов в процессе исторического развития и выявляя, таким образом, причины морфологических превращений (метаморфоз)[6]. Так, например, появление колючек у кактуса он объяснял видоизменением листьев[7].

Петунников всегда, особенно в молодые годы, сохранял интерес к исследованию систематики и морфологии растений. Первая его еще студенческая работа, от которой ведется отсчет научной деятельности, рассматривала уродство Cirsium arvense Link (бодяк полевой)[8]. В самом выборе тематики чувствуется влияние Кауфмана. Профессор учил, что изучение уродливости, уклонных форм представляет собой один из способов постижения метаморфоза растения[9].

Тогда же, в студенческую пору, Петунников предпринял и первое свое флористическое исследование. Благодаря его совместному с Вырубовым путешествию «по тамбовским пустыням» летом 1864 г., о котором уже упоминалось, появилась статья, опубликованная в «Бюллетене МОИП» за 1865 г.: «Находки дикорастущих растений в Тамбовской губернии. Третье дополнение к “Флоре Тамбовской губернии” Мейера»[10]. К середине XIX в. русские флористы перешли от описания единичных растений к системати-

---

[6] Об этом увлечении своего учителя писал тот же Чистяков: «Он смотрел на растение, как на организм, в котором заложено было стремление к прогрессивному метаморфозу, а потому и все растительное царство представлялось ему увлекаемым стремительностью этого метаморфоза» (*Чистяков И.* Указ. соч. С. 58).

[7] *Комарницкий Н.А.* Морфология растений // *Липшиц С.Ю., Комарниций Н.А., Бреславец Л.П.* и др. Очерки по истории… С. 126.

[8] Über eine Missbildung von Cirsium arvense Link // Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou (далее Bull. Soc. Nat. Mosc.). 1862. T. 35, N 4. P. 469–472.

[9] Вот что пишет об этом биограф Кауфмана А.А. Щербакова: «Н.Н. Кауфман полагал, что исследование уродливостей растений, вызванных какими-либо случайными обстоятельствами, нередко могут помочь в разъяснении некоторых частных вопросов морфологии. Особенно перспективно изучение «уклонных форм», которые можно рассматривать как постоянные уродливости. Оно может помочь в выяснении закономерностей развития стебля и листа, в уяснении характера их взаимоотношения» (*Щербакова А.А.* Кауфман – морфолог растений и флорист // Тр. ИИЕТ АН СССР. 1959. Т. 29, вып. 4. С. 304). Свою магистерскую диссертацию Кауфман посвятил изучению явления метаморфоза у некоторых уклонных форм.

[10] *Petounnikow A.* Verzeichniss der im Gouvernement Tambow wildwachsenden. Pflanzen, zugleich als dritter Nachtrag zu Meyer’s Florula provinciae Tambow // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1865. T. 38. N 3, S. 121–146.

ческому изучению флор определенных географических регионов. Среди немногочисленных тогда еще описаний провинциальных флор работа Петунникова заняла свое место. Советский ботаник-систематик и историк ботаники С.Ю. Липшиц упоминает ее наряду с флористическими описаниями Тамбовской губернии и ее уездов, составленными членами МОИП – К.А. Мейером (1844), И.А. Вейнманом (1868), В.А. Вяземским (1870), Д.А. Кожевниковым (1876), Ф.А. Игнатьевым (1884), Д.И. Литвиновым (1886). В ней в качестве третьего дополнения к «Тамбовской флоре» (Florula provinciae Tambow. СПб., 1844) К.А. Мейера Петунников представил критический список 211 видов цветковых и высших споровых растений, найденных им в Козловском и Кирсановском уездах Тамбовской губернии[11], сопроводив его краткой характеристикой растительности губернии. Новым в наблюдениях Петунникова было то, что он впервые, еще до Кауфмана, заметил соответствие и сходство между флорами Тамбовской и Московской (в районе окской поймы) губерний[12]. Позднее причины подобного сходства занимали и самого Петунникова, и многих других ботаников. Гербарием Петунникова по Козловскому уезду и названной выше статьей воспользовался В.Я. Цингер при написании раздела по Тамбовской губернии в книге «Сборник сведений о флоре Средней России» (М., 1855. С. 22). Он же обращался к Петунникову за разъяснениями.

Магистерская диссертация Петунникова была связана с изучением морфологии растений. Она называлась «Метаморфоз клеточной стенки» (М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866). Диссертант задался целью представить современное состояние вопроса, обобщив все, написанное ранее о превращении клеточной стенки под действием жизненных процессов.

Петунников проштудировал «превосходные работы» немецких ботаников – Моля[13], Карстена[14], Виганда[15], название которых при-

---

[11] *Липшиц С.Ю.* 150-летие Московского общества испытателей природы и его роль в развитии флористики, систематики и ботанической географии // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1955. Т. LX, вып. 6. С. 12.

[12] *Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н.* Флора и растительность Московской области: (История изучения и аннот. библиогр.). М.: Изд. Моск. ун-та. 1972. С. 78.

[13] Хуго Моль (1805–1872) – немецкий ботаник, один из основоположников цитологии. Описал строение эпидермиса, установил природу кутикулы.

[14] Герман Карстен (1817–1908) – немецкий ботаник и геолог, путешественник. Написал несколько работ о местных флорах (Колумбия, Германия), занимался анатомией и физиологией растений.

[15] Альберт Виганд (1821–1886) – немецкий ботаник. Занимался морфологией и систематикой цветковых растений, анатомией растений. Последовательный противник теории Дарвина.

вел в обширной библиографии. Ему захотелось взглянуть на вопрос с иной стороны, пользуясь возможностями современной науки.

Петунников обратился к собственным микроскопическим наблюдениям и проследил происхождение манны[16], образование смолы в листьях некоторых растений, возникновение кутикулы[17] в почках печеночного мха, выделение железок и др. Напомним, что эти исследования он проводил в Париже в 1865–1866 гг. Ему казалось, что приведенные факты подтверждают значительность процесса метаморфоза клетки. Это один из жизненно важных процессов, который еще только подлежит изучению, поскольку подобные работы стали приобретением сравнительно недавнего времени, – полагал диссертант. Они были связаны с широким распространением микроскопа в морфологических исследованиях ботаников.

На основании собственных наблюдений Петунников пришел к ряду выводов. Основные его положения (часть из них носила сугубо специальный характер) утверждали, что превращения клетки представляют собой жизненный процесс, сопровождаемый физико-химическими изменениями. Никоим образом, полагал он, не следует считать его болезненным – новообразования, возникающие в процессе метаморфоза, составляют продукт жизнедеятельности части организма. И, наконец, самое главное: нельзя сводить жизненные процессы к чисто физическим или химическим, как это делают некоторые биологи. Они намного сложнее, ибо «с понятием об организме связано понятие о явлениях особого рода, о жизненных явлениях, более сложных, нежели химические, и подчиненных биологическим законам»[18]. Представление о несводимости явлений органического мира к физико-химическим процессам уже поселилось в сознании ряда биологов, но тогда еще не было общепризнанным.

Тема диссертации отразилась в двух статьях, опубликованных в «Бюллетене МОИП» [19]. Ссылаясь на труды своих предшественников, Петунников подчеркнул противоречивые мнения по поводу трансформаций клеток кутикулы и природы ее формирования[20].

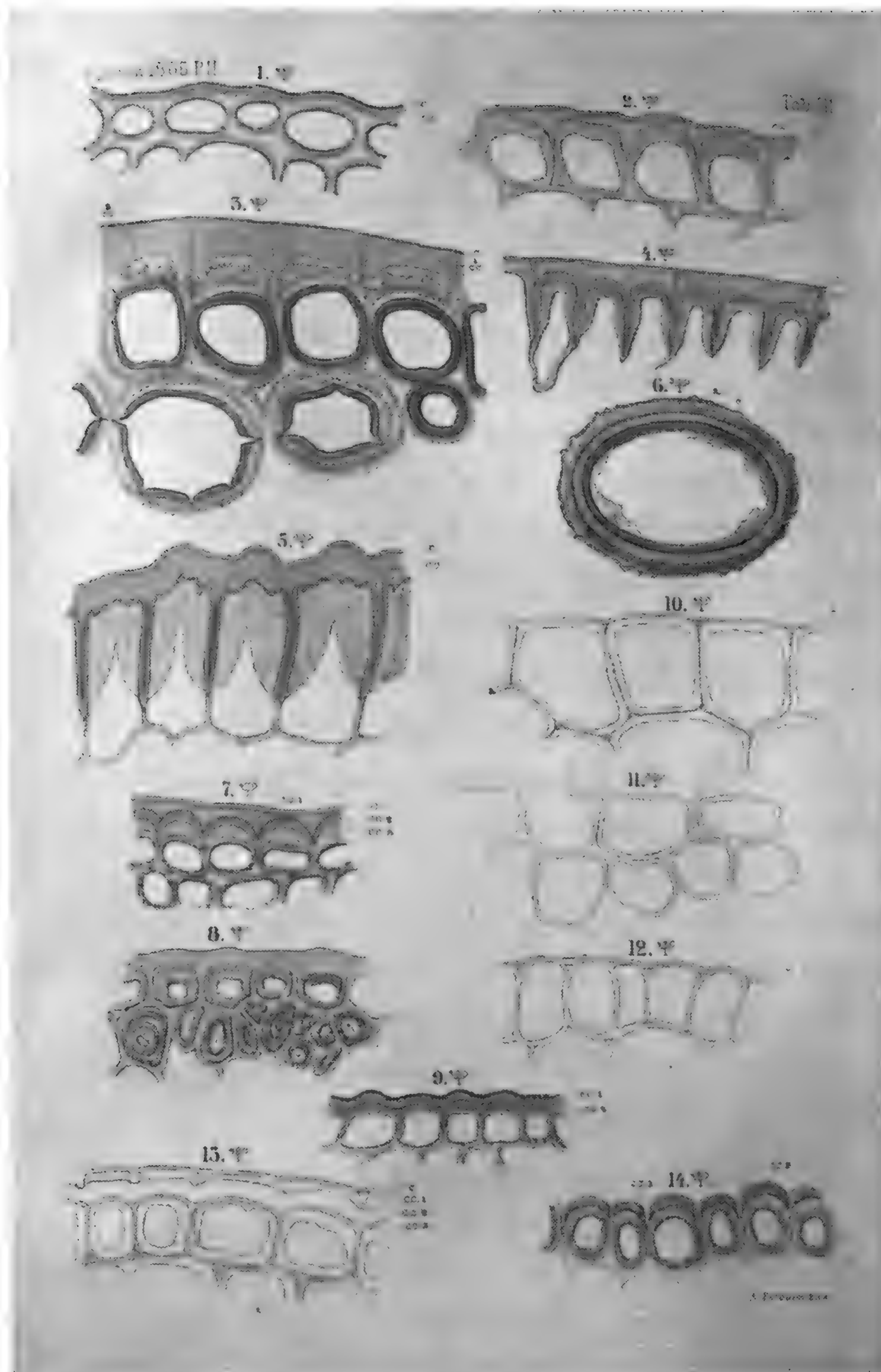
[16] Манна – сахаристая жидкость, затвердевающая в виде зерен. Например, сгущенный сок винограда, ясеня.

[17] Кутикула – прозрачная кожица, покрывающая поверхность эпидермиса листьев и молодых стеблей. У некоторых растений содержит растительный воск, служит защитой от испарения и заражения растения бактериями и грибами (*Викторов Д.П.* Краткий словарь ботанических терминов. М.; Л.: Наука, 1964. С. 85).

[18] *Петунников А.Н.* Метаморфоз клеточной стенки… С. 40.

[19] *Petounnikow A.* Recherches sur la cuticule // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1866. T. 39, N 3. P. 120–144.

[20] *Комарницкий Н.А.* Указ соч. С. 121.

Таблицы к статье А.Н. Петунникова о кутикуле
(Бюл. МОИП. 1866. Т. 2, № 3)

Он рассмотрел проблему с точки зрения физиологии и анатомии растений, подвергая кутикулу биохимическим воздействиям. Петунников дал определение кутикулы, остановился на причинах ее образования в процессе химических превращений внутри клетки, изложил результаты воздействия на нее различных химических реактивов, отметил склонность кутикулярных слоев к непрерывному разрастанию. В результате многочисленных опытов он пришел к выводу, что кутикула является следствием пробкового (subéreuse) метаморфоза[21].

---

[21] *Petounnikow A.* Op. cit. P. 141.

В следующей заметке о кутикуле Петунников полагал, что это своеобразная оболочка (envelopре) на теле растения и она не содержит следов структуры, как это утверждал В. Гофмейстер[22]. «Все эти новые факты, – заключил он – еще раз доказывают, что кутикула, собственно говоря, в большинстве случаев, если не всегда, является следствием полной трансформации стенок материнских клеток»[23].

От изучения кутикулы Петунников перешел к исследованию нектарников, особых органов, чаще всего расположенных в цветках, выделяющих сладкий сок нектар, привлекающий к себе насекомых[24]. Являясь видоизмененными лепестками или тычинками, они нередко представляют собой группы особых клеток эпидермиса, лишенных кутикулы. Петунников оспорил утверждение немецкого ботаника В.-Р. Каспари[25], что нектарники – это особые органы, отличные от окружающих клеток. Собственные опыты Петунникова опровергали, как ему казалось, догадки немца. Не обнаружив виноградного сахара в нектарниках, Петунников нашел его в столбиках и рыльцах, т.е. в органах, не рассматриваемых как нектарники[26].

Завершают ранний период творчества ученого две статьи, опубликованные в «Бюллетене Французского ботанического общества». Во время своего пребывания во Франции в 1865–1866 гг. Петунников сделался членом этого общества. Мы уже писали, что весной 1867 г. он проводил микроскопические исследования в частной лаборатории Вырубова в Париже. Об итогах своих наблюдений Петунников доложил на двух заседаниях Ботанического общества.

На первом заседаниии, состоявшемся 12 апреля, он рассказал о воспроизводящих органах Sphaerocarpus terrestris[27] (печеночный мох) и о трудностях, возникающих при изучении полового раз-

---

[22] Вильгельм Гофмейстер (1824–1877) – классик немецкой ботаники, профессор университета и Ботанического сада в Гейдельберге (с 1863 г.). Наибольшие достижения относятся к области сравнительной морфологии растений. Наметил связь между сосудистыми тайнобрачными и голосеменными растениями.

[23] *Petounnikow A.* Note sur la cuticule // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1867. T. 40, N 1. P. 265.

[24] *Petounnikow A.* Sur quelques organes sécréteurs des plantes // Ibid. P. 266–269.

[25] Роберт Каспари (1818–1887) – немецкий ботаник, читал лекции по ботанике и зоологии в Бонне, по ботанике в Берлине (1848–1851). С 1858 г. профессор ботаники и директор Ботанического сада в Кенигсберге. Написал книгу о нектарниках (De nectariis, 1848).

[26] *Комарницкий Н.А.* Указ соч. С. 180.

[27] *Petounnikow A.* Sur les organes reproducteurs du Sphaerocarpus terrestris // Bull. Soc. Bot. France. 1867. T. 14. P. 137–142.

множения этого растения, одной из разновидностей мхов, поскольку его мужской орган трудно различим. Образец этого растения ему любезно предоставил г-н Бешерель.

Петунников доложил о своих наблюдениях за оплодотворением и вызреванием плода. Воздействуя на споры химическими агентами, он наблюдал изменение их структуры и добился отделения их внешней оболочки. Сравнение Sphaerocarpus с представителями рода печеночников Riccia привело докладчика к выводу о сходстве их женских репродуктивных органов (anthéridaie). Однако сопоставление некоторых других морфологических признаков побудило его поставить форму Riccia, одну из разновидностей печеночника, ниже Sphaerocarpus. Другой представитель этой группы, Riella, по наблюдениям Петунникова, образует переходную ступень к более высокой группе Heratique. Основанием для такого умозаключения послужило более совершенное устройство полового органа у последнего. Как можно заметить, на основе сравнения репродуктивных органов различных групп растений, а также сопоставления других морфологических признаков Петунников определил их места в систематике растений.

В заключение молодой ученый набросал перспективу исследований в данной области: «Было бы очень интересно, – заявил он, – изучить с этой же точки зрения двух других представителей этого семейства, Corsina и Oxymitra, которые, к сожалению, в настоящее время едва известны»[28].

Во втором сообщении 10 мая 1867 г. Петунников рассказал о своих опытах над растением, содержащим манну. Целью его манипуляций была проверка утверждения немецкого ученого Виганда о том, что манна образуется как растительный клей в процессе растворения клеточных стенок. «Заметка об образовании манны» продолжала тему, начатую в диссертации[29].

С помощью биохимических опытов экспериментатор вычленил составляющие элементы манны. Для выявления возрастных изменений он использовал фрагменты молодого и старого растений. В кусочках коры старого ясеня Петунников нашел пустоты, заполненные манной. При растворении манны водой он обнаружил в ней чрезвычайно тонкие мицелии шампиньона. Казалось бы, был найден ключ к разгадке происхождения манны. Однако экспериментатор увидел причину образования пустоты в коре старого дерева в действии сахара и резинистого вещества в составе самой манны. Присутствие шампиньона, по мнению Петунни-

---

[28] Ibid. P. 142.

[29] *Petounnikow A.* Note sur la formation de la manne // Bull. Soc. Bot. France. 1867. T. 14. P. 169–170.

кова, лишь увеличило количество манны. «Эта гипотеза кажется мне наиболее вероятной, так как она объясняет феномен в целом. Чтобы ее подтвердить или опровергнуть, следовало бы изучить явление на месте и на более обширном материале, нежели те несколько кусочков коры, которыми я мог располагать», – заключил Петунников[30].

Это сообщение вызвало некоторые замечания и у присутствующих. Один из них, член общества г-н Коссон, отметил, что надрезы, производимые на ясенях для добывания манны, угнетают деревья. И это ослабленное состояние провоцирует размножение на них шампиньонов, споры которых обнаружил Петунников в древесной коре. Председательствующий, вице-президент общества г-н Дюшатр, предположил, что общие выводы докладчика верны, поскольку образование манны свойственно также представителям всех масличных культур. Оба текста выступлений были опубликованы в «Бюллетене Ботанического общества Франции» за 1867 г. В этом же номере журнала была напечатана аннотация на статью Петунникова о кутикуле, опубликованную в «Бюллетене МОИП». В ней были приведены выводы из статьи Петунникова[31]. Этими выступлениями и небольшими заметками исчерпывается сотрудничество Петунникова с Ботаническим обществом Франции. В дальнейшем его научные интересы оказались более созвучными работам немецких коллег.

Серию своих ранних научных исследований Петунников завершил выступлением на публичном заседании МОИП 19 января 1869 г., выдержанном в научно-популярном стиле, которого он никогда не чуждался (вспомним о его сотрудничестве с журналом «Природа»[32]). Легендарное необъятной толщины «драконово дерево» на острове Тенерифе просуществовало, по подсчетам ботаников, около 6 тыс. лет. Его погубила буря в январе 1868 г. Обломок этого дерева был пожертвован обществу контр-адмиралом Поссетом, сопровождавшим Великого князя Алексея Александровича в путешествии на остров. Свое странное название «драконово дерево» (драцена) получило из-за багрово-черной смолы, выступающей на пораненном растении.

Воистину удивительное дерево, драконник сочетал в себе признаки разных растений – пальмы, ивы и… спаржи. Как клас-

---

[30] Ibid. P. 170.

[31] Recherches sur la cutucule par M. Alexis Petounnikow (Extrait du Bull. Soc. Nat. Mosc. 1866. T. I, N 3) // Bull. Soc. Bot. France. 1867. T. 14. P. 83–84.

[32] *Петунников А.* Оротавский драконник // Моск. унив. изв. 1869. № 2. С. 169–181.

сифицировать такую диковину? Ботаники прибегли к привычному способу: они сравнили цветки этих якобы родственных растений. Оказалось, что драконник действительно сродни спарже. Кого бы ни удивило подобное сближение? Петунников привел свои доводы в пользу такой гипотезы. «Все знают чернику, этот приземистый кусток, который мы охотнее принимаем за приятную травку, – писал он. – И что же! Там, где растет драконово дерево, черника, правда, иная, вырастает в стройное дерево. Что же удивительного после этого, что наша съедобная спаржа заменяется под тропиками несъедобным драконовым деревом?»[33]

В свойственной ему манере одухотворять представителей растительного царства Петунников увидел в драконовом дереве не только великолепный феномен естественной истории, но и памятник человеческой цивилизации. Он попытался передать читателю свой восторг перед этим немым свидетелем жизни бесчисленных поколений людей от аборигенов племен гуанхов до испанских завоевателей-колонизаторов. «Это дерево – мировой памятник, мировая летопись! – восклицал он. – На его коленчатых ветвях видны следы им пережитого: разве каждое звено, каждая ветвь не свидетельствуют о смене людей, которые долго бессознательно кружили возле него, росли и обновлялись, как ветви дерева, с тою разницей, что люди совершенствовались»[34].

В первых своих научных опытах Петунников обнаружил задатки серьезного, отвечающего современному уровню знания, естествоиспытателя. Он продемонстрировал хорошее знание отечественной и зарубежной литературы, широко использовал современные методы биологических исследований: сравнительно-морфологический и биохимический с применением микроскопа. При преимущественном тяготении к морфологической тематике он выказал интерес к систематике и флористике растений, что стало позднее основным направлением его работ.

Как можно заметить, первые научные работы Петунникова, итог его студенческих занятий, появлялись чаще всего в «Бюллетене МОИП» на немецком и французском языках (1862–1872). Журнал этот вплоть до советского времени оставался иноязычным. Единственное исключение составляет статья в «Московских университетских известиях» (1869).

В начале 1870-х гг. Петунников был в основном занят публицистикой, а с 1873 г. начал работать в Московской городской управе. Научная тематика его публикаций исчерпывалась тогда

---

[33] Там же. С. 169.
[34] Там же. С. 177.

статьями в научно-популярных журналах. Очевидно, во время сотрудничества в журнале «Природа» он начал собирать и обрабатывать материал для монографических исследований.

В середине 1880-х гг. вновь появились научно-популярные статьи и заметки Петунникова. С середины 1880-х и до середины 1890-х гг. он писал для газеты «Сад и огород», издания Российского общества любителей садоводства в Москве (1885–1900). Газета была рупором садоводов-любителей и сельских хозяев. Содержание ее было общим и доступным, редакторы избегали сугубо специальных статей. Они пригласили к сотрудничеству «людей, всецело преданных интересам науки, и специалистов по всем отраслям садоводства»[35].

Интересна продолжающаяся статья Петунникова «Значение орошения нечистотами в огородничестве и в сельском хозяйстве» в этой газете[36]. Она в значительной мере смыкается со статьей на эту тему, опубликованной в ИМГД. В ней Петунников подробно рассказал о безвозмездных работах сотрудников Петровской земледельческой и лесной академии по обеззараживанию и утилизации городских нечистот. Любопытен в этой статье чисто биологический аспект. Петунников рассказал об опытах сотрудников академии по выявлению влияния орошения нечистотами на культуру различных растений – хлебных, кормовых, огородных, садовых. Оказалось, что избыточное удобрение переработанными нечистотами далеко не всегда благо. Для некоторых растений вроде злаковых и ряда огородных культур (репа, брюква, кольраби) оно просто губительно[37].

В газете «Сад и огород» Петунников помещал морфологические описания растений, начав статьей об элодее, заносной водоросли, ставшей настоящим бедствием для судоходства. Впервые это растение было обнаружено им близ Коломны на Оке[38].

Петунников показал себя также мастером коротких биографических заметок. Он лично знал своих героев, в большинстве случаев это были ботаники, садоводы, цветоводы, лесоводы. Так, Петунников опубликовал некролог Франца Ивановича Дюмера,

---

[35] Сад и огород. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1885. № 1. С. 1.

[36] Там же. № 3. С. 17–19; № 4. С. 25–26.

[37] Там же. № 4. С. 26.

[38] *Петунников А.* Водная зараза (Elodea Canadensis Rich) // Сад и огород. 1886. № 19. С. 163–165. Это растение, занесенное из Канады, часто привлекало внимание ботаников наличием у него исключительно женских форм. Сначала предполагали, что это свойственно только растениям, произрастающим в Европе, и это служило доказательством их местного происхождения. Позднее оказалось, что эта особенность присуща и канадской разновидности.

дендролога, члена Российского общества любителей садоводства, автора, печатавшего свои статьи в газете «Сад и огород»[39].

Особое вдохновение водило пером Петунникова, когда он писал о Густаве Федоровиче Вобсте (1832–1895) – садовнике Ботанического сада Московского университета, с 1862 г. помощнике главного садовника Петровской академии Р.И. Шредера. Для этого влюбленного в свое дело энтузиаста не было ничего милее близкого ему мира растений. Он жил одной с ними жизнью, понимал их невнятный язык. Совпадение жизненного призвания с повседневными занятиями превращало Вобста в поистине счастливого человека, бесконечно чуткого и доброжелательного по отношению к окружающим. Московские цветоводы устроили достойные проводы своему любимцу, превратив их в настоящий парад венков из живых растений, каждый из которых отличался неповторимым изяществом[40].

Патрон Вобста, главный садовник Петровской академии с ее основания (1862) и ее преподаватель, Рихард Иванович Шредер, праздновал в 1905 г. 50-летие научной деятельности, которое широко отмечалось садоводами Москвы[41]. Этот датчанин переехал в Россию, когда ему было 22 года, и нашел здесь вторую родину. Шредер соединял в себе тонкое знание своего ремесла и богатую научную эрудицию. Он оказал российскому садоводству и огородничеству великую службу, «поучая словом и делом, и книгою, и живым примером». Многие книги Шредера стали настольным пособием садоводов-любителей, они неоднократно переиздавались. На территории старого Петровского парка он разбил обширный дендрологический сад. Одним из украшений сада стали посадки самых разнообразных ив, «которых Р.И. большой знаток и любитель и культуру промышленных сортов которых он довел в своем обширном Salicetum до громадных размеров, так что в состоянии отпускать из него сотнями тысяч»[42]. Этот сад до сих пор хранит память о замечательном дендрологе.

Некролог Карла Федоровича Мейнсгаузена (1819–1899), «неутомимого исследователя петербургской флоры», который в течение 45 лет был хранителем Ботанического музея при Академии наук в Петербурге, Петунников опубликовал в «Бюллетене МОИП»[43]. В Мейнсгаузене, признанном ученом и администра-

[39] Сад и огород. 1890. Т. 6. № 17. С. 251–259.
[40] Там же. 1895. № 20. С. 305–306.
[41] Там же. 1900. Т. 16. № 18. С. 273–275. Р.И. Шредер (1822–1903) – садовод, помолог, автор руководств по садоводству, хмелеводству, устройству садовых решеток, живых изгородей и проч.
[42] Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-ета. 1900. Т. 1, вып. 2. С. 102–106.
[43] Bull. Soc. Nat. Mosc. 1900. Т. 14, N 3. P. 50–52.

торе, Петунникова особенно привлекло обаяние человеческой личности «этого очень живого, отзывчивого и трудолюбивого человека, оставившего по себе прочную и добрую память...»[44].

Теплые, дружеские отношения связывали Петунникова с известным геологом и палеонтологом Г.А. Траутшольдом[45]. В университетские годы он был одним из наставников, вдохнувших в молодых друзей, Вырубова и Петунникова, увлечение наукой. И позднее, в зрелую пору жизни, их пути не раз пересекались. Петунников вместе с Вырубовым и Лугининым пристально следил за поворотами судьбы маститого «старика». Все трое считали его своим учителем.

В некрологе о Траутшольде Петунников передал впечатление от живого общения с этим ученым, «много поработавшим в России и для России».

Вот что он писал: «Покойный оставил по себе двоякого рода память. Одну – вечную, своими многочисленными научными трудами в области геологии и палеонтологии, преимущественно России, которая обязана ему многим в этом отношении и которая была для него вторым отечеством. Это труды, из коих многие отличаются большой оригинальностью, смелостью мысли, тонкой наблюдательностью, помещены большею частию в изданиях Московского общества испытателей природы; небольшая часть их напечатана в петербургских, немногие – в заграничных специальных журналах.

Другую память оставил покойный в сердцах близко знавших его лиц. Это – память преходящая, но тем важнее запечатлеть ее. Кто близко соприкасался с покойным, кому доводилось иметь с ним дело, тот поражался двумя очень резко бросавшимися в глаза чертами: необыкновенным добродушием этого человека и удивительно светлым настроением духа, никогда не омрачавшимся даже в тяжелые минуты жизни. Это был милый человек, умевший бойко, одушевленно говорить с явным оттенком живого, тонкого юмора; это был интересный корреспондент, умевший легко, ясно

---

[44] Ibid. P. 52.

[45] Герман Адольфович Траутшольд (Trautschold, 1817–1902). Родился в Германии. Естественно-научное образование получил в Берлинском и Гиссенском университетах. В Гиссене в течение двух лет был ассистентом у Ю. Либиха. В 1846–1848 гг. служил домашним воспитателем в семье богатого помещика Ф.Н. Лугинина. Революция 1848 г. позвала его на родину. Вернулся в Россию в 1857 г. Некоторое время служил учителем в семье Ахлестышевых. С 1863 г. – лектор немецкого языка в Московском университете, с 1868 г. преподавал на кафедре геологии и минералогии Петровской земледельческой и лесной академии. В конце 1888 г. вернулся в Германию в Бреславль, затем во Фрейсбург и, наконец, в Карлсруэ, где и скончался.

и увлекательно писать, и в то же время – серьезный, строгий, педантичный ученый, которым могла гордиться Петровская академия в свое время»[46].

Добрым словом помянул Петунников своего давнишнего знакомого по Петровской академии Федора Александровича Теплоухова (1841–1905)[47]. В течение 30 лет тот вел лесное хозяйство в имениях гр. С. Строганова в Пермской губернии, флору которой он исследовал. Это была увлекающаяся личность – он изучал птиц, насекомых, этнографию и археологию Пермского края, оставив после себя многочисленные коллекции. Многолетняя переписка с Петунниковым отразила увлечение Теплоухова изучением ив. Он собрал богатую коллекцию этих растений и составил обширную картотеку с их описанием. Теплоухов намеревался передать свое собрание Ботаническому музею СПб. АН, но не успел. Судьба этой коллекции очень заботила автора некролога[48].

По иронии судьбы Петунников завершил некрологические заметки воспоминаниями о своем задушевном друге Г.Н. Вырубове[49]. А начал он их с любимого своего наставника Н.Н. Кауфмана[50].

2.2. Попытки реализации научного наследия Н.Н. Кауфмана (1870–1889)

Мы уже писали о том, какое огромное влияние оказал на Петунникова этот ученый и об обстоятельствах их знакомства. Ему посвятил Петунников свою магистерскую диссертацию, его именем назвал вновь найденное цветковое растение Ranunculus

---

[46] *Петунников А.* Г.А. Траутшольд (Некролог) // Рус. ведомости. 1902. № 305. С. 3.

[47] Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1905. Т. 6, вып. 3. С. 184–188.

[48] Деятельность Теплоухова казалась настолько поучительной, что тот же журнал «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» (1906. Т. 7, вып. 1. С. 109–115) поместил вторую заметку о нем. Ее написал ученик Петунникова, выходец из Пермского края П. Сюзев. Он отметил особые заслуги Теплоухова, выпускника Торандской лесной академии в Германии, в продвижении научных способов ведения лесного хозяйства: плановой рубки леса, организации лесной стражи, искусственного лесонасаждения. Эти «превосходные начинания» были вызваны прогрессирующим поглощением лесов горными заводами.

[49] *Петунников А.Н.* Из моих воспоминаний о Г.Н. Вырубове и его «Воспоминаниях» // Рус. ведомости. 1913. 4 дек. № 279. С. 2, 3.

[50] *Петунников А.* Воспоминания о Николае Николаевиче Кауфмане // Рус. летопись. 1871. № 51. Стб. 1807–1810.

carinatus (лютик килевидный) var. Kauffmanni Petunn[51]. разновидность R. pseudoflaccidus или R. Kauffmannii (Clerc)[52]. В 1866 г. Кауфман в своем предисловии к «Московской флоре» благодарил Петунникова за сбор необходимого гербарного материала.

Отбросив личные отношения (он не скрывал, что доставил много огорчений учителю, но это нисколько не омрачило последние годы их знакомства), Петунников напомнил, чем обязана Кауфману русская наука. Многие его наблюдения послужили историкам науки более позднего времени для характеристики личности этого ученого.

Прежде всего Петунников видел в Кауфмане ученого широкого кругозора. Замкнуться «в заколдованном круге узкой специальности и убить в себе интерес ко всему живому и новому» помешало влияние даровитого профессора зоологии К.Ф. Рулье. Это он вдохнул в начинающего исследователя интерес к изучению «общих явлений органической природы, гармонии всех ее сил»[53]. Подобное же влияние оказала поездка за границу и жизнь в Париже в середине 1850-х гг.

Заслуга Кауфмана в области систематики, по мнению Петунникова, состояла в том, что он наметил общие планы построения растительных форм. На их основании он создал курс морфологии растений, общий и частный. Его курс не был компиляцией из разных источников или переводом иностранных учебников (заметим, что такая практика в начале 1860-х гг. еще существовала в российских университетах). Лекции Кауфмана отличались оригинальностью, строгой научностью, систематичностью и последовательностью изложения[54].

Автор некролога оценил достоинства «книги жизни» Кауфмана, «Московской флоры», хотя был готов поспорить с некоторыми ее выводами. Они казались ему слишком смелыми и преждевременными. Он считал, что подобная книга могла бы составить честь любому западноевропейскому ученому. Она способствовала распространению естественно-научных знаний среди массы читающей публики, открыла мир природы для всякого, кто им интересуется. Это издание стало образцом популяризации есте-

---

[51] Речь шла о бухарском сумбуле, ароматическом растении, выращенном в Ботаническом саду Московского университета из корней, доставленных А.П. Федченко, и описанном Н.Н. Кауфманом (См.: *Липшиц С.Ю.* Русские ботаники (Ботаники России–СССР). Биографо-библиограф. слов. Т. 4. М.: Изд-во МОИП, 1952. С. 102).

[52] См.: *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии. В 4 ч. Ч. 2. М.: Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1907. С. 153.

[53] *Петунников А.* Воспоминания о Николае Николаевиче Кауфмане... Стб. 1807.

[54] Там же. Стб. 1808.

ствознания в России, «популяризации в ее настоящем значении, не требующей ни громкой рекламы, ни огромных средств для своего успеха»[55].

Наконец, Петунников отметил большие заслуги Кауфмана в создании и упорядочении деятельности отдельных структурных подразделений Московского университета и МОИП (Ботанический сад, Ботанический музей, гербарий, коллекции), в создании необходимых условий для успешной научной работы.

Несмотря на все превратности судьбы, Петунников считал Кауфмана счастливым человеком. Кауфман рано определился в своих жизненных целях. «Мир растений – вот предмет его наблюдений и исследований, служение науке – вот цель его жизни»[56]. С тех пор занятия наукой стали неотъемлемой частью его натуры, источником вдохновения и счастливых переживаний, ощущений совершенно недоступных, по мнению Петунникова, ученому-ремесленнику. «Он был счастлив, несмотря на препятствия, идти по той дороге, которую он набросал себе чуть ли не в детстве, с непреклонностью и настойчивостью, которая объясняется только любовью к знанию, не тою, что служит только для достижения целей, но тою, которая составляет для немногих избранных неотъемлемую потребность натуры, как воздух, как пища, и неисчерпаемый источник наслаждений, немногим выпадает в удел так сложить свою жизнь. Он был счастлив еще тем, что оставил по себе учеников, которым он заповедал свое честное отношение к науке, свою любовь к ней. Ее он возводил в культ: в ней они [ученики. – *Г.Л.*] должны черпать наслаждение, за нее переносить лишения, невзгоды судьбы, в ней одной искать себе награды и утешения, какое человеку верующему доставляет религия!» Эта восторженная тирада Петунникова отчасти автобиографична. Верный заповедям учителя, он находил в науке источник силы и удовлетворения среди отвлекающих и часто тяжелых забот повседневной жизни.

Простившись с любимым учителем, Петунников еще не раз возвращался к его памяти. МОИП казался ему наиболее подходящим местом для сохранения научного наследия ученого. На одном из заседаний МОИП после смерти Кауфмана Петунников передал сделанный им немецкий перевод статьи профессора о сумбуле, которая была вскоре опубликована в «Мемуарах МОИП»[57].

---

[55] Там же. Стб. 1809.

[56] Там же. Стб. 1810.

[57] *Kauffmann N.* Euryangium sumbul. Die Mutterpflanze der Sumbulwurzel von N. Kauffman // Nouveaux mémoires. 1871. T. 13 (19), № 3. P. 237–251; № 4. P. 253–260.

В апреле 1871 г. на заседании общества по случаю кончины его секретаря Н.Н. Кауфмана Петунников выступил с предложением издать курс морфологии и вступительную часть систематики растений Кауфмана. «Этот труд, – утверждал он, – замечателен совершенно новыми воззрениями на морфологию и самой системой изложения и поэтому вполне достоин того, чтобы он не умер вместе с живым словом Н.Н. Кауфмана»[58]. Эта инициатива была поддержана присутствующими, но не была реализована[59].

Вторая попытка оказалась более успешной, хотя была осуществлена лишь частично. Сразу же после смерти Кауфмана МОИП приступил к печатанию перевода на французский язык его «Московской флоры». Перевод был осуществлен в 1869 г. О.Е. Клером[60] еще при

---

[58] Арх. МОИП. 1871. № 456. Л. 9–10. Лекции Кауфмана не были опубликованы. Память о них сохранилась в литографированных записях А. Брызгалова, изданных еще при жизни лектора (Записки ботаники, составленные по лекциям Н. Кауфмана А. Брызгаловым. М., 1865). Подробный анализ этого литографированного издания, ставшего библиографической редкостью, можно найти в статье А.А. Щербаковой (*Щербакова А.А.* Н.Н. Кауфман – морфолог растений и флорист // Тр. ИИЕТ АН СССР. М.: Изд-во АН СССР. 1959. Т. 29, вып. 4. С. 289–323). Статья Щербаковой представляет собой наиболее полную биографию ученого и характеристику его научно-педагогической деятельности. Ссылаясь на архивные источники, автор привела некоторые неизвестные подробности его преподавательской карьеры.

[59] Петунников, по всей видимости, пытался склонить руководство МОИП к публикации рукописи. Но помимо недостатка денег к середине 1870-х гг. уже не было уверенности в актуальности такой публикации. Эта тема подробно рассмотрена в письме И.Д. Чистякова Петунникову, датированном 26 февр. 1876 г. Чистяков полагал, что лекции Кауфмана сохранили свое научное значение, но едва ли могут служить учебником. Узкоспециальное издание не найдет широкого читателя и окажется с коммерческой стороны убыточным. МОИП, если даже выделит на это дело 2–3 тыс. (все свое годовое содержание), не окупит книгу, «которая вовсе не будет иметь читателя. Последнее верно, так как у нас книги, более доступные и более интересные [нрзб.] не идут, – например "Природа"; нечего и говорить о книге специальной и не могущей по своей несовременности служить учебником, а что она несовременна, я полагаю, ты не сомневаешься». Чистяков продолжал, что при всем уважении к памяти «нашего Николая Николаевича», а отнюдь не в пику его менее достойной уважения жене, он готов повторить свое мнение перед «державным Ренаром» [секретарем МОИП – *Г.Л.*]. «Тебе же я обещаю, если кто бы то ни было возьмется издать эти лекции, ты можешь рассчитывать на мою помощь, которую я только в состоянии оказать в моем жалком положении. Хотя Николай Николаевич, увлекши меня в ботанику и в университет, сотворил мне большое зло, тем не менее, я прощаю ему это, потому что, как я думаю, наука выиграла от этого, и на созданное им зло я смотрю как на добро, поэтому все, что относится к памяти о нем, найдет во мне сочувствие» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 112).

[60] Онисим Егорович Клер (George Onésime Clerc, 1845–1920) – натуралист, археолог, основатель, секретарь, а затем и председатель Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге (1871), в бюллетене ко-

жизни автора. Кауфман успел просмотреть рукопись и оставил редакторскую правку на ее полях. В «Бюллетене МОИП» 1870 г.[61] была напечатана лишь вводная часть к сочинению Кауфмана. Работая над переводом книги Кауфмана, Клер занялся ее переработкой и уточнением некоторых положений. Он включил в список Кауфмана перечень новых видов растений семейств Ranunculaceae, Berberidaceae, Paraveraceae и других и новых их местонахождений, обнаруженных с 1866 по 1869 г., в том числе его собственные находки лета 1864 г. К видам были даны разновидности, местонахождения растений указаны с максимальной точностью[62]. Этот список, по свидетельству Петунникова, обещал быть «самым полным» и «самым толковым» перечнем растений Московской губернии[63]. Его печатание началось в 1878 г. в «Бюллетене МОИП», но сразу же по неизвестным причинам прекратилось[64]. Рукопись вернули автору. Получилось так, что была напечатана лишь ее незначительная часть.

О.Е. Клер
(Иконотека МОИП)

торого опубликовал многие свои работы (о них см.: *Липшиц С.Ю.* Литературные источники по флоре СССР. Л., 1975. С. 57–58). Клер был членом МОИП и тесно с ним сотрудничал. О Клере см. также: *Горчаковский П.Л.* Онисим Егорович Клер – исследователь флоры Урала // Ботан. журн. 1960. Т. 45, № 9. С. 1380–1389; *Зорина Л.И.* Онисим Егорович Клер. М.: Наука, 1989.

[61] *Clerc G.O.* Extrait de la Flore de Moscou ou Catalogue de plantes vasiculaires du Gouvernement de Moscou par N. Kauffman // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1870. T. 43, N 2. P. 357–376.

[62] *Губанов И.А.* и др. Указ. соч. С. 2, 69.

[63] *Петунников А.Н.* Критический обзор московской флоры. В 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896. С. 11.

[64] *Clerc G.O.* Catalogues florae mosquensis // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1878. N 3. P. 161–200. В конце публикации присутствует традиционное «Продолжение следует». См.: *Липшиц С.Ю.* 150-летие МОИП и его роль в развитии флористики, систематики и ботанической географии // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1955. Т. 60, вып. 5. С. 8.

Здание Музея Общества любителей естествознания в Екатеринбурге, основанного О.Е. Клером
(Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1911. Т. 12, вып. 1. С. 198)

Книга Кауфмана была первоначально задумана как определитель растений[65]. По мере работы замысел изменился. Составив подробную историографию предшествующих работ, собрав все новейшие сведения о московской флоре, появившиеся после работы Двигубского 1828 г., и подвергнув материал критическому анализу, автор пришел к выводу, что его книга может быть интересной не только для любителя[66]. Профессиональному ботанику-исследователю она дает материал для систематики растений, так

---

[65] *Кауфман Н.Н.* Московская флора, или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. С приложением карты Московской губернии. М.: А.И. Глазунов, 1866.

[66] Материалом изучения для Кауфмана стали гербарные сборы предшественников и собственный гербарий, составленный из растений близких окрестностей Москвы и южной части губернии. В отличие от Двигубского Кауфман критически проанализировал и проверил все диагнозы видов, их местонахождения, высказавшись о степени их достоверности. На основании критического анализа он исключил некоторые виды, указанные его предшественниками. У него описан 941 вид против 925 у Двигубского. Кауфман привел дихотомические таблицы для определения семейств, родов, видов (*Губанов И.А.* и др. Указ. соч. С. 25–26). Согласно признанию автора, за основу построения работы он принял систему Вилькома. Петунников внес поправку к этому замечанию, указав, что материал скорее расположен по Декандолю, а у Вилькома заимствованы названия главнейших групп. Наиболее заметное влияние на работу

как в ней показаны все их разновидности, встречающихся близ Москвы, которые часто представляют собой переходные формы между различными видами. Изучение разновидностей снабжает обильным материалом и геоботаников, так как некоторые из этих подвидов имеют известный предел распространения.

В ботанико-географическом обзоре, который сам он считал одним из личных достижений, Кауфман показал особенности и пределы распределения растений по поверхности земли. Он выделил две географические зоны в пределах Московской губернии: северо-восточную и юго-западную в зависимости от преобладания в них еловых или смешанных лесов. Описывая флору бассейна Оки в пределах Московской губернии, он высказал гипотезу о случайном (заносы реки) характере растительности этой области[67].

Кауфман указал, что пользовался собственными девятилетними наблюдениями и материалами Н.И. Анненкова[68] 1844–1849 гг., опубликованными в «Бюллетене МОИП» за 1844–1849, 1851 гг. Изучение предшествующей литературы по этому вопросу показало неполную и недостоверную картину московской растительности, которую автор попытался дополнить и исправить. В этом ему помогли коллеги Н.И. Анненков и А.Н. Петунников. Последний часто по его просьбе, когда он сам не успевал этого сделать, совершал экскурсии в поисках нужных растений[69]. Автор предупредил читателя о возможных неточностях и пропусках в своем труде, что извиняет обширность замысла, недоступного для осуществления одним человеком. Он руководствовался более скромной задачей: «Изданием моего труда я желал проложить только более верный путь к дальнейшим исследованиям московской флоры и возбудить в моих соотечественниках охоту к таким исследованиям»[70]. Время показало, насколько он преуспел в своем намерении.

Кауфмана оказали германская и швейцарская флоры Коха (*Петунников А.Н.* Критический обзор… Ч. 1. С. 24).

[67] *Кауфман Н.Н.* Указ. соч. С. 630.

[68] Николай Иванович Анненков (1819–1889) – крупный специалист в области прикладной ботаники. С 1853 г. около 10 лет был директором Московской земледельческой школы, издавал «Газету сельского хозяйства и садоводства». С 1863 г. и до выхода на пенсию в 1875 г. директор Уманского училища садоводства. Совместно с К.Л. Чермаком издал несколько выпусков гербария московской флоры Flora Mosquensis. В честь Анненкова Н.Н. Кауфман назвал разновидность найденного им близ станции Царицыно и на Воробьевых горах дуба – дуб одноцветный Анненкова (Quercus pedunculata Annenkowi).

[69] *Кауфман Н.Н.* Московская флора… С. 10.

[70] Там же. С. 12.

Н.И. Анненков
(Иконотека МОИП)

К «Московской флоре» Кауфмана Петунников вернулся в связи со вторым ее изданием[71]. После смерти Кауфмана в его распоряжении оказался большой материал, оставленный покойным, собственные и совместные с И.Д. Чистяковым гербарные сборы, сделанные в различных уездах Московской губернии. Первоначально Петунников предполагал направить свои флористические

---

[71] *Кауфман Н.Н.* Московская флора, или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. 2-е изд., испр. и доп. // под ред. П. Маевского. М.: Тип. Е. Гербек, 1889.

изыскания к критической переработке и дополнению «Московской флоры» Кауфмана. Для этого он намеревался тщательно пересмотреть книгу учителя, переработать дихотомические таблицы и «тем надолго связать с "Московской флорой" имя Кауфмана»[72]. С этой целью он продолжал гербарные и литературные поиски, хотя служебные и журналистские дела часто отвлекали его от этого намерения. Но уже с первой половины 1880-х гг. упоминание о «Флоре» Кауфмана настойчиво звучит в письмах Вырубова. В октябре 1884 г. он спрашивал Петунникова, продолжает ли он «Флору» Кауфмана[73]. Особенно частыми вопросы о «Флоре» становятся к концу 1880-х гг., когда дело двигалось к завершению. В августе 1887 г. Вырубов сравнивал их занятия – один сидит за «Флорой», другой – за подготовкой учебника по кристаллографии[74]. В январе 1888 г. он спрашивал друга: «А "Московская флора", а московский водопровод?» [75] Через год, в феврале 1889 г., он просил прислать книгу по выходе[76].

Подготовка второго издания книги Кауфмана для Петунникова была связана с некоторыми неприятными событиями. Уже в апреле 1885 г. Вырубов упоминал о близящемся к концу издании книги Кауфмана и со свойственной ему горячностью негодовал по поводу какого-то недоразумения, вызванного этим событием: «Хороши же наследники доброго, скромного, беспристрастного Кауфмана! Кто они такие? Их бы записать в черную книгу человечества!»[77] Письмо В.Я. Цингера Петунникову в связи с переизданием «Московской флоры» (см.: Приложение 4, № 21) открывает имя этих «наследников». Это вдова покойного ботаника Виктория Алексеевна Кауфман, которую, видимо, смутила занятая Петунниковым позиция радикальной переделки книги.

Похоже, что первоначально фигура Петунникова в качестве редактора второго издания сочинения Кауфмана ни у кого не вызывала сомнения. При этом Петунников предполагал воспользоваться рукописью перевода книги Кауфмана, сделанного Клером, тем более что текст ее был переработан в соответствии с замечаниями автора. Для этих целей О.Е. Клер через главного садовника Московского ботанического сада Г.Ф. Вобста передал в 1887 г.

---

[72] *Петунников А.Н.* Иллюстрированное руководство к определению растений, дикорастущих и разводимых в пределах Московской губернии. М.: Изд-во Н.И. Мамонтова, 1890. С. V.
[73] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 19. № 151. С. 326 об.
[74] Там же. Д. 22. № 222. Л. 452 об.
[75] Там же. Д. 23. № 232. Л. 472.
[76] Там же. Д. 24. № 236. Л. 525.
[77] Там же. Д. 20. № 162. Л. 347 об.

рукопись своего перевода в Москву. Она попала к И.Н. Горожанкину и пролежала у него почти целый год. Случайно узнав об этом, Петунников запросил рукопись. Не успел он ее перелистать, как работа была затребована обратно и отправлена в Екатеринбург к автору. Редактору второго издания «Московской флоры» Кауфмана, которым стал в конечном счете Маевский, не удалось воспользоваться рукописью Клера[78]. Так интерпретировал события Петунников. Горожанкин дал несколько иное объяснение: он сослался на то, что получил рукопись слишком поздно.

Что послужило причиной отстранения Петунникова от редактирования второго издания «Флоры» Кауфмана, остается только гадать. Возможно, сам Петунников своей несговорчивостью и определенным радикализмом по отношению к переделке книги Кауфмана, о чем свидетельствует письмо О.Е. Клера (см. Приложение 4, № 15)[79], навлек неудовольствие издателей.

И все же участие Петунникова во втором издании «Московской флоры» Кауфмана оказалось весьма существенным. Горожанкин писал, что в 1884 г. «один из лучших знатоков Московской флоры А.Н. Петунников взял на себя труд сравнить собранные в лаборатории [Ботанического] сада материалы с данными книги Кауфмана»[80]. Петунников составил новый список растений Московской флоры, пополнив его находками студентов лаборатории Ботанического сада университета, собранными во время экскурсий 1884–1887 гг. в различных уездах Московской губернии. Он воспользовался опубликованной частью списка Клера, собственными сборами и находками редких видов растений Сырейщикова, Литвинова, П.П. Мельгунова и др. Были просмотрены гербарные коллекции Ботанического сада Московского университета и проч. В списке Петунникова были приведены около 100 новых для Мос-

---

[78] *Петунников А.Н.* Критический обзор московской флоры. В 3 ч. Ч. 3. [СПб.: Тип. В. Демакова, 1903]. С. II–III.

[79] Из письма Клера явствует, что Петунников весьма энергично взялся за редактирование его перевода книги Кауфмана, довольно бесцеремонно исправляя приведенные синонимы и карту распределения растений по Московской губернии. В этой истории в конечном счете больше всего пострадал Клер. Его многолетний труд по переводу и переработке по замечаниям автора книги Кауфмана, его «весьма толковый каталог», по определению Петунникова, вновь найденных таксонов Московской губернии оказались востребованными лишь в незначительной мере. Во втором издании книги Кауфмана ссылки на Клера единичны. Из писем Клера к секретарю МОИП (Приложение 4, № 14, 15) можно заключить, что причиной тому часто служила простая небрежность. Сначала рукопись его работы потеряли, потом долгое время по неизвестным причинам держали под спудом.

[80] *Горожанкин И.Н.* Материалы для флоры Московской губернии // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1888. T. 2, N 2. P. 349–372.

ковской губернии видов, указано 60 новых местонахождений редких растений[81]. Чуть позже «список Горожанкина» был пополнен сборами лаборанта лаборатории Ботанического сада С.Н. Милютина (40 названий) 1888 г.[82], новыми находками Петунникова и других ботаников.

В архиве Петунникова найдено несколько писем к нему Горожанкина[83]. Они связаны с подготовкой второго издания книги Кауфмана и работой над дополнением списка растений покойного автора «Московской флоры». 8 августа 1885 г. Горожанкин сообщал Петунникову о своих совместных со студентами сборах на Оке. «Нашли массу всякой всячины, моя молодежь в восторге», – писал он. Тогда же Горожанкин сообщил свое мнение о необходимости поработать с ключами к определению растений. «Необходимо поговорить по поводу составления таблицы для нового издания, – добавлял он, – занятия с [нрзб] нынешним летом привели меня к решительному убеждению в необходимости ключа для определения семейства». Именно недостаточную разработанность дихотомических таблиц Петунников считал одной из слабых сторон книги Кауфмана. В этом с ним был солидарен В.Я. Цингер, который вместе с тем возражал против существенной переделки текста книги.

Летом 1886 г. в письме от 24 августа Горожанкин отправил Петунникову список растений, найденных им со студентами летом 1885 и 1886 гг. В связи с сообщением об этих материалах на заседании МОИП Горожанкин просил вернуть на время гербарий Кауфмана и, если будет на то его добрая воля, присоединить список его (Петунникова) находок с обозначением мест распространения, времени сбора (с указанием также и года). Мимоходом он упомянул, что рукопись перевода Клера находится у него на руках, а это противоречит его же собственному более позднему уверению, что он получил ее слишком поздно. В целом письма Горожанкина этой поры свидетельствуют о доброжелательном сотрудничестве, в одном из них прорывается даже фраза «душевно преданный». Видимо, где-то в конце 1880-х гг. между ними произошел конфликт. Отношения с тех пор, несмотря на внешнюю любезность, оставались натянутыми, с годами они приобретали все большую напряженность. Петунников обижался на профессора, что он чинил ему и другим ботаникам-любителям, в частности В.Я. Цингеру, препоны для доступа к гербарию

[81] *Губанов И.А.* и проч. Указ соч. С. 78.
[82] *Милютин С.Н.* Некоторые дополнения к флоре Московской губернии // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1888. Т. 2, N 3. P. 549–560.
[83] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 4. Д. 39.

Московского университета[84]. Петунников каким-то образом упомянул о своей обиде на Горожанкина в предисловии к «Критической флоре» и, по всей видимости, сделал это довольно резко. И.П. Бородин, редактировавший «Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей», где печатался труд Петунникова, счел его выпад неуместным для строго научного издания. Он переделал уже готовое предисловие, оставив в нем лишь ссылку на любезное содействие профессора Горожанкина в доступе к коллекциям Ботанического сада Московского университета. Подробности этой загадочной истории можно найти в Приложении 4, № 27, 28.

Последнее письмо Горожанкина от 11 августа 1891 г. написано в строго официальном тоне. На просьбу «милостивого государя Алексея Николаевича», переданную через ассистента С.Н. Милютина, предоставить в его распоряжение гербарий А.К. Варженевского, хранившийся в лаборатории Ботанического сада, Горожанкин сухо ответил, что не может этого сделать без записки владельца гербария.

Петунников остался недоволен вторым изданием «Московской флоры», которое увидело свет лишь в 1889 г., и выступил

---

[84] РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 44. Это замечание совсем не вяжется с тем, что писали о Горожанкине его ученики В.М. Арнольди и К.И. Мейер. Они отзывались о профессоре как о человеке исключительной доброжелательности, чуткой и отзывчивой души. Именно благодаря этим качествам он привлек много добровольцев к пополнению и разборке гербария Московского университета. Правда, тот же Мейер стыдливо признавался, что неурядицы личной жизни иногда вызывали у учителя приступы тяжелой депрессии. Эту податливость неблагоприятным внешним обстоятельствам Петунников в людях не уважал, сам он отчаянно боролся с ними всю жизнь, демонстрируя завидную стойкость. Возможно, это и послужило поводом внутренней неприязни. Существовал и прямой повод для конфликта. В письме к Петунникову от 20 октября 1895 г. хранитель гербария С.-Петербургского ботанического сада И.В. Палибин со слов прибывшего из Москвы Арнольди сообщал радостную новость – пропавшие было растения из общего гербария Московского университета нашлись в другом гербарии. «Вам, конечно, известно, – писал он, – что я подозревался в кражах, и не раз даже Иван Николаевич [Горожанкин. – *Г.Л.*] нам говорил: "Кто-нибудь из вас, господа", но у "господ" не было никакой возможности оправдаться от этой напасти, и приходилось только молчать» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 79). В число подозреваемых попали и Петунников, и Цингер, а следствием стало, по свидетельству Д.И. Литвинова, «оттирание» от пользованиями пособиями Ботанического сада (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62). Но это лишь внешний повод. Существовали более глубокие причины. Те же Палибин, Литвинов, библиотекарь С.-Петербургского ботанического сада С.И. Ростовцев писали о полном запустении в Ботаническом саду и гербарии Московского университета, царившем в последние годы заведования Горожанкина (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 79; № 62, № 89).

с развернутой рецензией на него в газете «Сад и огород»[85]. Рецензент приветствовал идею переиздания книги. Такая необходимость, думал он, вызвана тем, что тираж первого издания полностью разошелся, и довольно серьезными ошибками, допущенными в нем. К ним он отнес множество опечаток (одно их упоминание заняло 10 страниц), небрежно составленные таблицы для определения семейств, родов и видов растений. Наиболее серьезные замечания относились к содержанию книги. Петунников упрекнул автора в слепом следовании латинским описаниям немецкого ботаника В. Коха[86] при полном игнорировании фундаментального сочинения К. Ледебура «Русская флора»[87]. Следствием этого упущения, замечал Петунников, стало то, что в книгу не попали некоторые растения Московской губернии, зато в нее просочились многие сомнительные и неправдоподобные формы.

Недостатком книги Петунников счел именно то, что многие ее современники и более поздние ботаники восприняли как достоинство, – ботанико-географический очерк[88]. Петунников был уверен, что выводы автора по этой части оказались преждевременными. В ту пору еще не был собран достаточный материал на эту тему, не было знакомства с флорами соседних губерний, да и в Московской губернии автор посетил далеко не все ее уезды[89]. Наиболее ценной в первом издании Петунникову показалась карта Московской губернии[90].

---

[85] Сад и огород. 1889. Т. 5, № 10. С. 156–158.

[86] В. Кох. (1771–1849) – немецкий физик и ботаник, автор образцового описания растений Германии и Швейцарии (Sinopsis Florae germanicae et helveticae. 1837).

[87] Карл-Христиан Фридрих фон Ледебур (1785–1851) – немецкий ученый, путешественник, педагог на службе русского государства. Профессор Дерптского университета (1811–1836), член Петербургской АН (1814). Крупный систематик растений. Его книга о флоре России (Flora Rossica. Stuttgard, 1842–1853. Vol. I–IV) признана образцовой по полноте и обработке материала.

[88] Вот как оценивает книгу Кауфмана наш современник: «Тщательность обработки, разносторонность сведений о растениях московской флоры, доступность изложения делают книгу Кауфмана настольным пособием отечественных флористов. Достоинством книги является наличие географического очерка, придающего “Московской флоре” характер фитогеографического труда» (См.: *Базилевская Н.А.* Флористика и география растений // *Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф.* История ботаники в России (1861–1917). Новосибирск: Наука. Сибир. отд-ние, 1983. С. 68).

[89] Эту точку зрения на ботанико-географический очерк «Московской флоры» Кауфмана разделил с Петунниковым другой ученик московского ботаника И. Чистяков.

[90] В архиве Петунникова сохранилась карта Московской губернии, на ней в верхнем правом углу его рукою сделана надпись: «Эта карта послужила ори-

Петунников констатировал, что прошедшие после первого издания 20 лет обогатили науку новыми гербариями, новой литературой, многочисленными сведениями, содержащимися в «почтенном труде» профессора В.Я. Цингера «Сборник сведений о флоре средней полосы России»[91]. С их помощью, полагал он, можно было бы избавить книгу Кауфмана от недостатков, имеющихся в первом издании, как это чаще всего и делается в подобных случаях. Однако ничего похожего не случилось. Второе издание повторило все ошибки первого, наиболее привлекательная его часть, карта Московской губернии, в новой редакции оказалась опущенной. Петунников упрекнул редактора издания П.Ф. Маевского в легкомысленном отношении к своей задаче, ибо он уподобил свой труд корректорскому, не задумываясь о критической оценке работы. Издатели позаботились лишь о внешней стороне дела. «Этой внешней стороне издание “Московской флоры” удовлетворяет в значительной мере», – заключил Петунников[92].

Критика Петунниковым второго издания книги Кауфмана кажется слишком категоричной. Во всяком случае в той части, которая касается новых видов таксонов и мест их произрастаний, книга оказалась существенно дополненной и в значительной мере благодаря находкам самого Петунникова (69 упоминаний) и Цингера (67). Книга Цингера послужила редактору также хорошим основанием для сравнения географического распределения различных растений. В новом издании из основного текста была изъята и перенесена в приложение некоторая часть названий тех растений, произрастание которых в Московской губернии не подтвердилось. К числу дополнений, напечатанных в примечаниях, можно отнести несколько латинских диагнозов Кауфмана, оставленных им на этикетках гербария.

Что касается существенной переработки рукописи, здесь редактор пытался предельно следовать оригиналу. Он оставил неизменной дихотомическую таблицу определения семейств и ботанико-географический очерк «Московской флоры». Некоторые незначительные изменения были введены им в группировку видов, в определение разрядов и колен некоторых семейств, на что

гиналом той карты, которая приложена к 1-му изданию “Московской флоры” Н. Кауфмана» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 3. № 13).

[91] Василий Яковлевич Цингер (1835–1907) – профессор математики Московского университета. Пользовался также известностью как ботаник-систематик. С помощью ботаников-любителей из сельской интеллигенции составил «Сборник сведений по флоре Средней России» (М., 1886), нашедший признание у широкой публики и ботаников-профессионалов.

[92] Сад и огород. 1889. Т. 5, № 10. С. 158.

было указано в примечаниях. Пример деликатной редакторской работы приводит сам Маевский, когда пишет о том, как он позволил себе некоторые изменения в колене Розанные. На основании новых сведений академика Максимовича он произвел некоторую перегруппировку, выделив еще одно колено в семействе Rosaceae. Таким образом ему удалось избежать «радикального изменения всего отдела Розоцветных в 1-м издании»[93]. Тимирязев восхитился редактированием Маевского, тем, «с какой изящной скромностью П.Ф. почти скрывал от обыкновенного читателя свою долю участия в воспроизведении труда любимого учителя»[94]. Возможно, если бы редактированием книги Кауфмана занялся Петунников, она приобрела бы совсем другой вид, и прав оказался Горожанкин, когда передал ее на редактирование Маевскому. Но это всего лишь предположение. Непосредственным следствием этой истории стало то, что она изменила целеполагание ботанической работы Петунникова.

Неудовлетворенность вторым изданием «Флоры» Кауфмана обратила мысли Петунникова к написанию своей «Флоры», которая представлялась как продолжение книги Кауфмана. К этому побуждали флористические пристрастия Петунникова именно к Московскому региону и относительная доступность для экскурсирования уездов Московской губернии, значительный гербарный и литературный задел, сравнительный материал для своих исследований он черпал из разных, порою отдаленных географических регионов и источников[95].

Еще при жизни Кауфмана Петунников активно занялся сбором гербарного материала. Некоторое представление о маршрутах его ботанических экскурсий можно составить по его сборам, попавшим, например, в гербарий Ботанического сада Московского университета. Они представлены в упоминавшемся выше так называемом списке Горожанкина. В 1868 г. Петунников экскур-

---

[93] *Кауфман Н.* Московская флора, или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии / под ред. П. Маевского. 2-е изд. испр. и доп. М.: Тип. Е. Гербек, 1889. С. 729.

[94] *Тимирязев К.А.* Памяти П.Ф. Маевского: Читано в заседании ботанического отделения ОЛЕ 28 апреля 1892 г. / Перепеч. некролога из журн. «Рус. мысль». 1892. Кн. VI // *Тимирязев К.А.* Сочинения. Т. 8. М.: Сельхозгиз, 1939. С. 343–348.

[95] Вот что понимал под понятием «вид» в начале XX в. классик отечественной ботаники В.Л. Комаров: «Под одним видовым названием мы можем соединить несколько морфологически близких форм, хотя бы одна из них росла на Британских островах, другая в Северном Китае, третья в Канаде и все они с первого же взгляда хорошо различались между собой» (Цит. по кн.: *Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф.* Указ. соч. С. 57).

сировал вместе с Кауфманом в окрестностях Петровского-Разумовского, с Чистяковым – в районе Тростенского озера и в Рузском уезде на Москве-реке. Самостоятельно им были обследованы местности близ Звенигорода (1868, 1870), Воскресенска (1868). Некоторые находки относятся к близким пригородам Москвы. Теперь эти местности вошли в состав города: Петровское-Разумовское (1868), Серпуховская застава (1880), Новодевичий монастырь (1884), Воробьевы горы (1885), Лосиный остров (1887), Выхино, Хорошево, Косино, Кузьминки, Останкино, Сокольники, Измайлово (1870–1880-е гг.). Тогда же Петунников изучил прибрежную растительность малых подмосковных рек: Клязьмы, Сетуни, Пахры. Особым его вниманием в связи с вопросом происхождения окской флоры пользовались известняковые склоны Оки в районе Серпухова и Коломны (1868, 1870, 1882, 1885–1887)[96]. В 1888 г. он много экскурсировал с Д.П. Сырейщиковым в различных местах Подмосковья и продолжил свои сборы на Оке[97]. Позднее в связи с изучением рода Hierarcium Петунников обследовал местности в Дмитровском уезде (1889–1890), в Вишняках (1909), в Горенском парке (1911)[98].

2.3. Во главе кружка любителей-флористов (1880-е гг. – начало XX в.)

В 1890-е гг. в Москве существовало место, где часто встречались профессиональные ботаники и любители. Это был Ботанический сад Московского университета, и в нем – ботаническая лаборатория.

Попытки создать научную ботаническую лабораторию относятся ко времени заведования садом профессора И.Д. Чистякова. В 1875 г., вернувшись из-за границы, он открыл обширный павильон для работы студентов, но в зимнее время его помещение было непригодно для занятий. При Горожанкине, который в 1877 г. наследовал Чистякову заведование Ботаническим садом, продолжились работы по его расширению и благоустройству. В этом же году университету были переданы ботанические коллекции МОИП. В 1883 г. на территории Ботанического сада Московского университета на частные средства потомственных

---

[96] *Горожанкин И.Н.* Материалы для флоры Московской губернии // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1888. Т. 2, N 2. С. 352, 353, 355, 356, 359–366, 368, 369, 371, 372.

[97] *Милютин С.Н.* Указ. соч. С. 551–553, 555–559.

[98] *Сенников А.Н.* Новые находки видов Hierarcium (Asteraceae) в Восточной Европе // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2003. Т. 108, вып. 6. С. 56, 57.

почетных граждан купцов и предпринимателей В.А. Морозовой и В.А. Хлудова было выстроено двухэтажное каменное здание. Побудительным мотивом жертвователей было желание «по возможности содействовать развитию учебных занятий и ученых трудов по морфологии и систематике растений как для студентов, так равно и сторонних лиц, желающих работать при Ботаническом саде Императорского Московского университета»[99]. В новом помещении разместились гербарий, демонстрационные залы, лаборатория. В ботанической лаборатории сосредоточилась работа над пополнением списка растений Московской губернии, составленного Н.Н. Кауфманом, здесь выявляли сомнительные экземпляры, искали новые местонахождения. Тогда же началась разборка и описание ботанических гербариев. Горожанкину удалось привлечь к этой работе многих студентов и исследователей-любителей. В их числе оказались О.А. Федченко, С.Н. Милютин, С.Г. Навашин, в будущем видные ботаники. В частности, О.А. Федченко активно занималась разборкой университетских гербариев[100].

Об участии Петунникова в создании так называемого списка Горожанкина мы уже писали. В 1880-е гг. он часто посещал Ботанический сад, его привлекали обширные гербарные коллекции и возможность общения с коллегами-ботаниками. Молодежь и начинающие исследователи встречали здесь доброжелательное участие главного садовника Г.Ф. Вобста. Он снабжал их материалами, выращивал необходимые для исследований культуры[101]. Возможно, именно там, в Ботаническом саду Московского университета, произошло знакомство Петунникова с Д.П. Сырейщиковым, который считал Алексея Николаевича своим учителем.

Историки ботаники (В.В. Алехин, С.Ю. Липшиц) отмечали значительный вклад кружка любителей-флористов в изучение флоры Московской губернии. Во главе этого кружка стал Петунников. В сфере его влияния оказались ботаники Д.П. Сырейщиков, П.В. Сюзев, А.А. Хорошков.

Окружение Петунникова состояло из самоучек, которые в XIX в. назывались автодидактами[102], что не помешало им до-

---

[99] ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. № 4917. Л. 1–3.

[100] *Валькова О.А.* Ольга Александровна Федченко. 1845–1921. М.: Наука, 2006. С. 158–161.

[101] *Петунников А.* Памяти Густава Федоровича Вобст[а] // Памяти Густава Федоровича Вобст[а]: Сб. ст. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева, 1896. С. 13–15.

[102] Это понятие в XIX – начале XX в. трактовалось довольно широко. В данную категорию попали, например, Горожанкин, не завершивший научного образования за границей, как это тогда было принято, и, по признанию его ученика Арнольди, доходивший до многого своим умом (см.: Русские классики мор-

Д.П. Сырейщиков с дочерью
(Иконотека МОИП)

биться больших успехов в любимом деле. Петунников сыграл немалую роль в их научном образовании, в использовании их исследовательского потенциала для разработки флоры Московской губернии. Он охотно делился своими знаниями, умением определять сложные виды растений.

фологии растений. Избр. соч. / Под ред. В.М. Арнольди. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 138), и П.Ф. Маевский, видимо, по той же причине (*Валькова О.А.* Указ. соч. С. 161).

Первым состоялось знакомство с Дмитрием Петровичем Сырейщиковым (1868–1932). Будучи сыном потомственного (начало рода прослеживается с XIV в.) преуспевающего купца, он отказался от карьеры отца. С детства Сырейщиков увлекся ботаникой. Солидное домашнее, а позднее коммерческое образование он дополнил самостоятельным изучением ботанической литературы и гербариев, для чего выучил латинский язык. Кроме того, юноша был художественно одарен и развил способности виртуозного рисовальщика, что позднее ему очень пригодилось.

С начала 1880-х гг. начались совместные экскурсии Петунникова и Сырейщикова по Московской губернии, чаще всего это были окраины Москвы, вошедшие в настоящее время в состав города. Сборы Сырейщикова упоминаются в числе других гербариев, составивших «список Горожанкина».

С годами сотрудничество Петунникова и Сырейщикова стало настолько тесным, что, как отмечает Липшиц, стало затруднительным отделить работу одного от работы другого. Об этом этапе их сотрудничества расскажем ниже. Поскольку 18-летняя деятельность Сырейщикова на посту хранителя гербария Московского университета подробно описана, опустим советский период его биографии[103]. Незаурядный талант, страсть к познанию природы, великое трудолюбие поставили «самоучку» Сырейщикова в один

---

[103] *Липшиц С.Ю.* Московские ботаники… С. 10–18; *Мейер К.И.* Ботанический сад Московского университета // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. Юбилейн. сер. Биология. 1940. Вып. 54. С. 332–338; *Смирнов П.А.* Гербарий Московского университета // Там же. С. 325–332; *Павлов В.Н., Губанов И.А., Барсукова А.В., Богдасарова Т.В.* Гербарий Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1979. С. 12–14; и др. Примечательно, что вокруг Сырейщикова, как в свое время вокруг Петунникова, сложился неформальный коллектив ботаников-систематиков. Они обменивались знаниями и опытом, изучали книги и гербарные коллекции. Позднее некоторые из них, Н.В. Павлов, П.А. Смирнов, С.Ю. Липшиц, стали крупными специалистами. Молодые добровольцы помогли Сырейщикову, единственному в ту пору штатному сотруднику, привести в порядок и пополнить обширный гербарий. В свою очередь они воспользовались богатыми тематическими и региональными коллекциями гербария и доброжелательными советами Сырейщикова, чтобы написать оригинальные работы по систематике и флористике. Дружеская атмосфера кружка привлекала к себе многих московских и иногородних ботаников, общение доставляло всем участникам живую радость и пользу. Особенно проникновенно вспоминали об этом близкие ученики Сырейщикова С.Ю. Липшиц и П.А. Смирнов. О самом хозяине гербария Липшиц писал: «Дмитрий Петрович был высокоэрудированным, удивительно дружелюбным, тактичным, душевным человеком, интересным собеседником и рассказчиком. Врагов у него не было и не могло быть. Черты его характера внушали к нему общую искреннюю любовь» (*Липшиц С.Ю.* Московские ботаники… С. 15; *Смирнов П.А.* Указ. соч. С. 329–331).

Д.П. Сырейщиков в своей библиотеке (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 2. № 8)

ряд с лучшими флористами нашего отечества. И.А. Губанов, который навсегда связал свою судьбу с гербарием Московского университета, писал о своем предшественнике: «Сырейщиков стал крупнейшим знатоком ботанической литературы, авторитетным специалистом-ботаником, советы которого высоко ценились, а научные труды вошли в золотой фонд отечественной и мировой ботаники»[104].

Все ученики Петунникова стали желанными гостями в его доме. С Сырейщиковым отношения были более чем дружескими. Со стороны Петунникова они были скорее отеческими, Сырейщиков же отвечал ему «горячей любовью». Он поверял Петунникова в свои семейные дела, которые часто омрачались болезнями жены и детей. Они много экскурсировали вместе. 1914 год оказался для Петунникова тяжелым, болезнь ног приковала его к месту. Сырейщиков проводил лето в селе Дарьине близ Барвихи и посылал

---

[104] Гербарий Московского университета: история, современное состояние и перспективы развития. М., 2006. С. 471. В этом издании помещена ценная биография Сырейщикова, написанная И.А. Губановым (С. 470–481). См. также: *Губанов И.А.* Д.П. Сырейщиков – создатель Гербария Московского университета (1868–1932) // Ученики об учителях. Воспоминания об ученых Моск. ун-та. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 110–122.

Петунникову рассказы о своих посещениях села Уборы, Николиной горы, Введенского. Его восхищала живописность местности, изрезанной многими оврагами, богатство растительности, особенно на Николиной горе. «Оказывается, что окрестности Дарьина очень злачные, и в этом году я собрал много интересного», – радовался он[105]. В письмах Петунникова Вишнякову встречаются тревожные упоминания о болезни «сынка» Сырейщикова, страдавшего удушьем, позже о трагическом происшествии с его женой и дочкой, попавших под бомбардировку немецкого самолета в евпаторийском санатории. Дочка Леля, которая стала хранительницей архива Сырейщикова, погибла вместе с бумагами отца во время блокады Ленинграда.

Едва ли можно назвать Павла Васильевича Сюзева (1867–1928) прямым учеником Петунникова. Вместе их свел случай, интерес к флористическим изысканиям, некоторые общие знакомые[106]. Судьба Сюзева столь же интересна, сколько малоизвестна. Поэтому расскажем о нем подробнее. Крестьянин Пермской губернии, потомок недавних крепостных графов Строгановых, он окончил Пермское реальное училище и был принят в Петербургскую академию художеств. Внезапная смерть отца помешала ему стать художником. Но вкус к изобразительному искусству он сохранил: собрал коллекцию акварелей, рисунков, гравюр, сам был превосходным рисовальщиком и акварелистом. По свидетельству коллег, его гербарные коллекции смотрелись как произведение искусства, они поражали изяществом и безупречным художественным вкусом.

После неудачи с Академией художеств Сюзев вернулся в родное село Ильинское на Урале и работал помощником управляющего лесным хозяйством гр. С.А. Строганова. Им оказался хороший знакомый Петунникова Теплоухов. Теплоухов увлек Сюзева изучением природы родного края и преподал первые уроки ботаники.

Значительное влияние на судьбу Сюзева оказала военная служба. Она существенно расширила горизонты, обогатила новым флористическим материалом, но наряду с этим подорвала здоровье молодого человека, сочетавшего тяготы военной службы с пытливым исследованием всех регионов, где ему пришлось побывать. В 1891 г. по военному призыву он попал в Подмоско-

---

[105] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 94. 22.6.1914.

[106] Петунников знал лично и высоко ценил труды уральских естествоиспытателей и краеведов Ф.А. Теплоухова и О.Е. Клера, с которыми был знаком Сюзев. Возможно, знакомство Петунникова и Сюзева состоялось не без участия Теплоухова.

вье. Сюзев воспользовался случаем и занялся изучением московской флоры, поражая широтой ботанических интересов, которые распространялись на мхи, травы, кустарники (особенно ивы) и цветковые растения. Уже тогда он составил обширный гербарий подмосковных растений и начал работы в лаборатории Ботанического сада Московского университета, где его занятиями руководили Петунников, Сырейщиков и специалист по мхам Э.В. Цикендрат[107].

В 1891–1892 гг. артиллерийская батарея, в которой служил Сюзев, стояла в районе Оки и ее притока Нары. Сюзев воспользовался этим обстоятельством, чтобы исследовать флору этих мест. Значительную часть своих находок (интересные помеси ивы) он отправил в село Ильинское к Теплоухову. Годом позже он проводил фенологические наблюдения на западе Московской губернии, наблюдая сезонные изменения деревьев, кустарников, трав.

В 1894 г. Сюзев вернулся на родину и вошел в правление Очерского горного завода. При поддержке Петербургской академии наук он совершил ботаническую экскурсию по Среднему Уралу, собрав по инструкции С.И. Коржинского большую коллекцию растений, особенно мхов. В 1895–1903 гг. Сюзев систематизировал богатый флористический материал, публикуя статьи в «Бюллетенях МОИП», в «Трудах Ботанического сада Юрьевского университета», в «Материалах к познанию флоры и фауны

---

[107] Эрнест Васильевич Цикендрат (Zickendrath, 1846–1903) не входил в кружок Петунникова, но по духу был ему близок. Этот обрусевший немец, по диплому доктор философии Вюрцбургского университета, а по роду занятий управляющий в течение 25 лет московским филиалом в Бутырках баденского акционерного общества по производству анилина, был страстным любителем природы (*Сюзев П.В.* Памяти Эрнеста Васильевича доктора Цикендрата (с портр.) // Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1904. Т. 5, вып. 1. С. 59–61; *Ткешелешвили И.* Цикендрате // Там же. С. 61–64). Он глубоко и серьезно изучал флору мхов (бриологию), был тонким специалистом в этой области, собрал богатую коллекцию мхов. О ее образцовом состоянии свидетельствовал в письме к Петунникову ботаник-любитель, преподаватель из Подольского уезда Н.А. Мосолов (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 71. 14.2.1907). Цикендрат слыл также «известным коллектором по палеонтологии» (Ежегодник по геологии и минералогии России. 1901. Т. 5, вып. 2–3. С. 47). В поисках материала Цикендрат отправлялся в длительные путешествия в отдаленные регионы России, посетив Новгородскую, Архангельскую, Вологодскую, Ярославскую губернии. Результаты своих изысканий он публиковал в «Бюллетенях МОИП», членом которого состоял с 1878 г. Интерес к бриологии сблизил Цикендрата с Сюзевым, в 1890-е гг. они вместе экскурсировали по Подмосковью. Петунников относился к Цикендрату с видимой симпатией. Один из экземпляров «Иллюстрированной флоры» сохранил дарственную надпись: «Многоуважаемому доктору Эрнесту Васильевичу Цикендрат[у] на память от А.Н. Петунникова. Москва. 15 июня 1897 г.».

Цветущая сакура. Фотография Сюзева к его статье о путешествии по Японии (Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1906. Т. 7, вып. 4. С. 214).

Российской империи», в «Трудах Ботанического музея Академии наук», в местных краеведческих журналах[108].

Русско-японская война вырвала его из привычной среды. В 1904 г. он был вновь мобилизован и послан в составе артиллерийской бригады на Дальний Восток в Уссурийский край, затем в Мукденскую и Чиринскую провинции Маньчжурии. И здесь любо-

---

[108] Подробнее см.: *Липшиц С.Ю.* Литературные источники по флоре СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 95.

знательный уралец умудрился собрать интересный материал по лишайникам, мхам и цветковым растениям. На обратном пути домой ему удалось посетить Японию, Сингапур, Цейлон, Коломбо. Собранные материалы он передал в Петербургскую академию наук[109].

Побывав на Кавказе для поправки здоровья и использовав этот вынужденный отдых для исследования тамошней флоры (им собрано 50 видов мхов), в мае 1906 г. Сюзев вернулся на Урал. Здесь он увлеченно продолжал изучать уральскую природу до начала Первой мировой войны, когда его вновь призвали в действующую армию. В 1916 г. его полевая батарея кочевала по разным местам Западной России, что окончательно подорвало его здоровье.

В 1918 г. Сюзев был приглашен ассистентом на кафедру ботаники Пермского университета, куда передал свой богатый гербарий (1887–1918). С 1922 г. ему было доверено самостоятельное чтение лекций по ботанике в качестве приват-доцента, в 1924 г. он был избран профессором ботаники. До последних дней он продолжал научные исследования, печатаясь в «Известиях Биологического института» при Пермском государственном университете.

Путешествия по Западной Европе, Турции и Египту приблизили его к пониманию культуры и изобразительного искусства этих стран. Благодаря вынужденным и длительным отлучкам из дома Сюзев стал знатоком флоры Урала, Московской области, отчасти Дальнего Востока. Он оставил заметный след в изучении Пермского края как ботаник, фенолог, археолог. После него остались богатые естественно-научные коллекции. О его книге «Конспект флоры Урала в пределах Пермской губернии» (М., 1912) академик В.Л. Комаров писал: «Книга эта является базой для всякой дальнейшей работы по флоре Урала» (Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. ботан. Вып. 7).

Земляки также благодарны Сюзеву за большую культурную работу. В 1880-е гг. он был режиссером-постановщиком, музыкантом, актером и художником самодеятельного театра в селе Ильинском. Со всеми многочисленными обязанностями он справлялся блестяще. Театр при нем процветал, там давали представления комедий, водевилей, пьес А.Н. Островского[110].

---

[109] Свои впечатления о природе и культуре Японии Сюзев напечатал в «Трудах Ботанического сада Юрьевского университета», закончив наблюдения пророческим замечанием: «Какая дивная природа, и какой удивительный народ! Этой стране с крайне своеобразной культурой принадлежит великая будущность!» (Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1906. Т. 7, вып. 4. С. 215).

[110] О Сюзеве см.: *Генкель П.А.* Памяти П.В. Сюзева (1867–1928) // Северная Азия: обществ.-науч. журн. М., 1929. Кн. 1. С. 121–123; *Липшиц С.Ю., Лебедев Д.В.* [Рецензия] // Бюл. МОИП. Отд. биол. Н.С. 1960. Т. 65, вып. 3–4.

В пору прохождения Сюзевым военной службы в Подмосковье начались его совместные с Петунниковым и Сырейщиковым ботанические экскурсии. Материалы своих фенологических наблюдений преимущественно в г. Серпухове и селе Клементьеве Рузского уезда Сюзев обобщил в статье «Наблюдения периодических явлений в жизни растительности московской флоры» (Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. М., 1899. Отд. ботан. Вып. 3. С. 133–156). Петунников способствовал публикации работы, упомянул ее в своей книге и слегка пожурил автора за слишком громкое название, в сущности, скромных двухлетних наблюдений[111]. Сюзев немного обиделся, но отношений между ними этот эпизод не испортил.

Оба они весьма энергично сотрудничали в журнале Н.И. Кузнецова. Сюзев печатал в нем оригинальные статьи, рецензии и рефераты на книги своих коллег, сообщения о своих ботанических экскурсиях. Именно по настоянию Кузнецова Сюзев написал руководство к собиранию и засушиванию растений для гербариев, которое выдержало 7 изданий (1900–1949)[112]. На страницах журнала Сюзев выступил с рядом биографических заметок о Теплоухове, Петунникове, Цикендрате (о них мы уже писали), Клере (в связи с 40-летием Уральского общества любителей естествознания)[113]. По просьбе Отделения ботаники С.-Петербургского общества естествоиспытателей Сюзев составил биографию Н.И. Кузнецова, приуроченную к празднованию 25-летия его научной деятельности в 1913 г.

С начала 1900-х гг. к ботаническим экскурсиям Петунникова присоединился Алексей Алексеевич Хорошков (1867–1924). Москвич, из семьи приказчика, он окончил среднекоммерческое училище и некоторое время занимался предпринимательством. Страсть к ботанике пересилила эти занятия. Он хорошо выучил основные европейские языки, в совершенстве овладел латынью. В течение 25 лет Хорошков занимался изучением московской

С. 137. Рец. на кн.: *Николаев С.Ф.* Испытатель природы Павел Васильевич Сюзев. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1958 (Замечательные люди Прикамья).

[111] *Петунников А.Н.* Критический обзор Московской флоры. Ч. 2. СПб.: Тип. В. Демакова, 1900. С. 2.

[112] «Наставление для собирания и засушивания растений для гербариев» (Юрьев, [1900]) было заказано Сюзеву дирекцией Ботанического сада Юрьевского университета с целью обеспечить «изящную засушку растений» и издано Юрьевским обществом естествоиспытателей (См.: Каталог сухих растений… С. 100).

[113] *Сюзев П.* Сорокалетие Уральского общества любителей естествознания в Екатеринбурге // Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1911. Т. 12, вып. 1. С. 193–196.

флоры, сначала один, затем совместно с Петунниковым и Сырейщиковым. Он много экскурсировал по Подольскому уезду Московской губернии. В результате появились дополнения к флоре Московской губернии, напечатанные в «Трудах Ботанического сада Юрьевского университета» за 1907–1911 гг.[114]

Летом 1907 г. Хорошков совершил 22 экскурсии и собрал большой материал. Петунников получил от него на просмотр несколько листов Batracium, собранных на реке Пахре Подольского уезда, попутно Хорошков сообщал о местонахождениях найденных им экземпляров. Он выражал всегдашнюю готовность собирать для Петунникова свежий материал, стоит только написать. Петунников содействовал Хорошкову в разыскании сравнительного материала, консультировал по поводу находок новых растений, помогал получить из-за границы нужные образцы растений.

Последнее письмо Хорошкова к Петунникову датировано сентябрем 1915 г. после получения в дар книги «Пути сообщения в г. Москве...»: «Грустно было прочесть сделанную Вами надпись "В память лучшего прошлого", но я еще не потерял надежды на восстановление, хотя бы частичное, былых душевных сил и вместе с тем и на возврат к научной деятельности. Я никогда не приходил к Вам с ботанически "пустыми руками", и в первый же день, когда эти руки не будут пусты, явлюсь к Вам для беседы»[115].

Как многие московские ботаники, Хорошков занимался систематической обработкой нескольких видов растений, в течение ряда лет проводил наблюдения над культурами Galium, Asperula. Был знатоком злаковых и совместно с В.В. Алехиным, которому передал свои материалы, занимался обработкой рода Koeleria.

В 1919 г. с открытием Политехникума в Иваново-Вознесенске Хорошков стал младшим ассистентом на кафедре систематики цветковых растений. С 1920 г. он заведовал ботаническим отделом Иваново-Вознесенского института по изучению природы края. В 1920 г. защитил докторскую диссертацию и стал профессором кафедры систематики и генетики цветковых растений. В 1924 г. научный институт был упразднен и вместо него образовано добровольное научное общество краеведения, но к этому времени Хорошкова не стало[116].

Алехин оказался живым свидетелем работы кружка любителей-флористов, потому его воспоминания настолько ценны. Он пи-

---

[114] Подробнее см.: *Липшиц С.Ю.* Литературные источники… С. 92.

[115] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 94. 11.9.1915.

[116] *Пчелкин В.М.* Памяти А.А. Хорошкова (1867–1924). Отт. из Тр. Иваново-Вознесенского губерн. науч. о-ва краеведения. 1929. Вып. 6. Ботан. С. 93–96.

сал, что особенно укрепилась связь между его участниками после того, как начались совместные работы Сырейщикова и Хорошкова по культивированию растений в трибе Galieae Dumort из семейства мареновых для изучения их изменчивости и наследственности. В 1909 г. они воспользовались большим участком в Ботаническом саду Московского университета, с 1911 г. перенесли свои наблюдения и на территорию Московского городского питомника растений в Сокольниках (возможно, не без помощи Петунникова, который в свое время способствовал закладке этого питомника). Исследователи приступили к опытной проверке найденных ими в природе разновидностей. Историк ботаники И.А. Губанов пишет об этих опытах подробнее. Сырейщиков и Хорошков высеивали многие популяции растений в Ботаническом саду для выявления внутривидового полиморфизма и обоснования таксонимии ряда форм. Они вели наблюдения за вырастающими растениями, широко использовали статистические методы[117]. Алехин с сожалением констатировал, что эти работы не были завершены и результаты их не были опубликованы[118].

Алехин высказал суждение, поддержанное затем Липшицем, что работы по изучению флоры Московской губернии лишь отчасти проводились на кафедре Горожанкина, основная заслуга в

---

[117] http://herba.msu.ru/russian/botanists/syreish/.

[118] Приступая к обработке семейства Rubiaceae, Сырейщиков и Хорошков просили о присылке всех видов указанного семейства в плодоносных экземплярах для выращивания культуры (Тр. Ботан. сада Юрьев. Императ. ун-та. 1911. Т. 11–12, вып. 1. С. 163).

Благодаря настойчивости ученика Хорошкова П.С. Чернобровцева мы имеем более подробное представление об этой работе. К 1917 г. основные задачи исследования были решены. Были составлены подробный дневник исследований и гербарий примерно в 4000 листов 23 видов Galium, прошедших через культуру; собран значительный спиртовой материал по морфологии изучаемой трибы. Занятый текущими делами, Хорошков отложил на время обработку материала. Он успел только изложить историю вопроса, после его смерти статью завершил Чернобровцев. Он пришел к заключению, что «в *генотипно-однородном* материале (в чистых линиях) вариация при ухудшении внешних условий жизни *повышается*». Противоположные выводы своих предшественников о положительном влиянии благоприятных условий на изменчивость автор объяснил тем, что они не имели дела с чистой культурой, а пользовались разнородным материалом (*Хорошков А.А., Чернобровцев П.С.* О повышении вариации признаков у цветковых растений при неблагоприятных жизненных условиях // Бюл. МОИП. 1925. Н.С. Т. 33, вып. 3–4. С. 258–269. Рез. на фр. яз. С. 268–269). В том же номере журнала сообщалось, что 21 февраля 1924 г. на заседании общества М.И. Голенкин сделал сообщение «Памяти А.А. Хорошкова» (С. 12), и была напечатана статья умершего «Материалы для флоры Иваново-Вознесенской губернии» (С. 244–257. Рез. на фр. яз. С. 257–258).

изучении этого региона в последние десятилетия XIX – начале XX в. принадлежала неформальному кружку Петунникова[119]. Итогом их сотрудничества стала книга Сырейщикова о московской флоре, в которой наряду с Петунниковым принимал участие и Хорошков. Но об этом ниже.

2.4. Монографии по флористике и систематике (1890–1903)

Петунников мыслил свой монографический труд о московской флоре как трехчастную работу, предполагая назвать ее «Растительность Московской губернии». Он намеревался включить в эту тему подробное и систематическое описание всех видов и разновидностей московских растений с распределением их по территории губернии. В 1890 г. вышла в свет первая книга – «Иллюстрированное руководство к определению растений...»[120].

Петунников задумал свой определитель как пособие для любителя ботаники, не имеющего систематического специального образования. Именно поэтому он попытался достичь наибольшей полноты, точности и доступности в описании растений. Диагнозы должны были помочь человеку, «не знающему систематику»[121]. Этой же цели служили 897 рисунков, на которых отражались едва различимые, с трудом поддающиеся описанию признаки. Все семейства, значительная часть родов и видов были представлены политипажами, заимствованными из лучших иностранных, преимущественно немецких, работ. Петунников назвал имена этих образцовых авторов: Штурм, Вильком, Кребс, Рейхенбах и др.

Составляя ключи, т.е. таблицы определений семейств, родов и видов растений, Петунников преследовал ту же цель – простоту, легкость и скорость определения. Для этого он расположил все описываемые растительные единицы в алфавитном порядке, а не в соответствии с той или иной ботанической системой. «Я нахожу совершенно излишним ученый декорум в такого рода сочинении, которое равносильно толковому словарю по специальному предмету», – пояснил он отступление от обычных правил[122]. Помимо

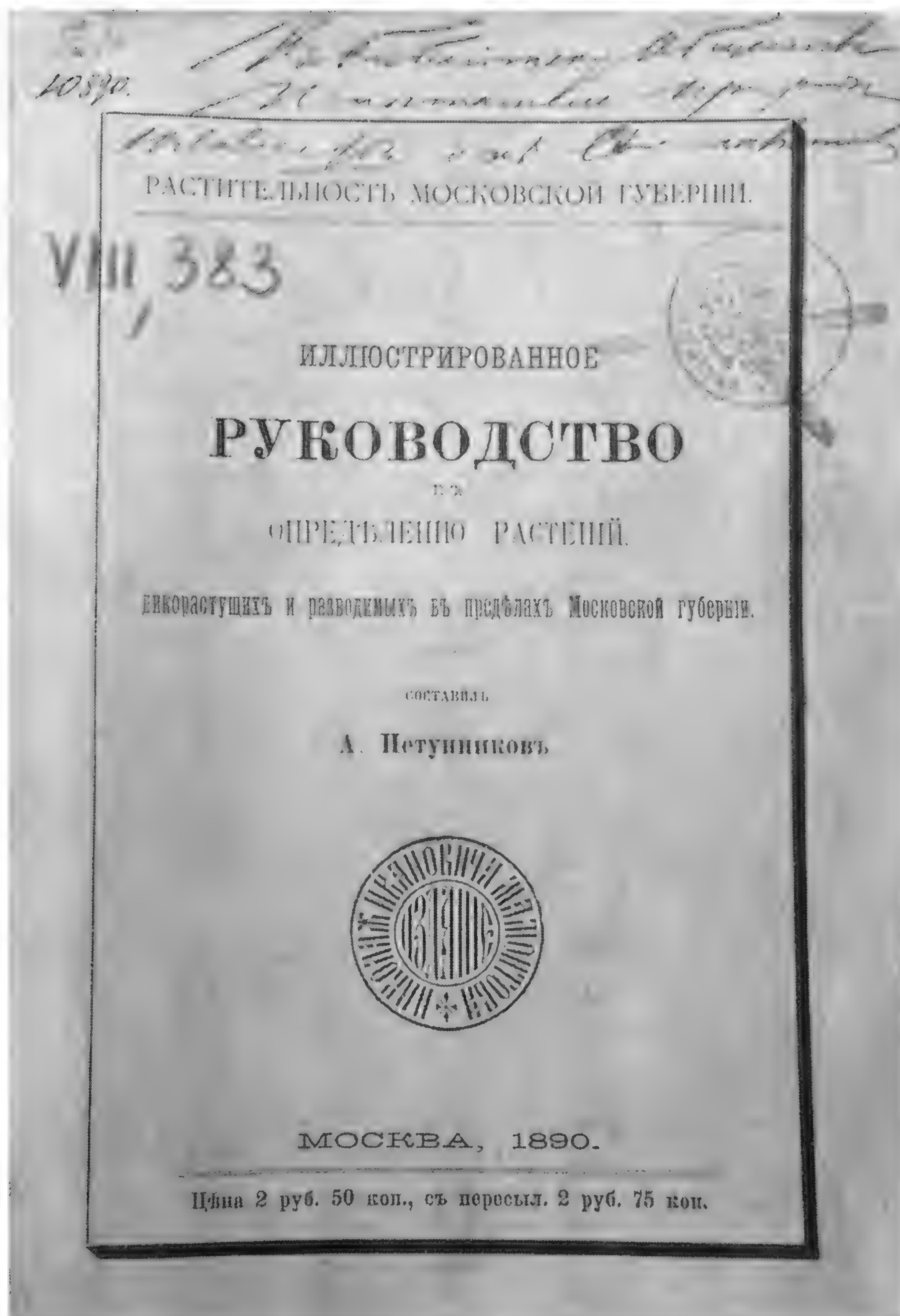
---

[119] *Алехин В.В.* Флористика и систематика растений, ботаническая география и фитоценология в Московском университете // Учен. зап. Моск. ун-та. Юбилейн. сер. Биология. 1940. Вып. 54. С. 272.

[120] Иллюстрированное руководство к определению растений, дикорастущих и разводимых в пределах Московской губернии. М.: Изд-во Н.И. Мамонтова, 1890. 358 с. (Растительность Московской губернии).

[121] Там же. С. VI.

[122] Там же. С. VII.

10890
VIII 383

РАСТИТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

РУКОВОДСТВО

къ

ОПРЕДѢЛЕНІЮ РАСТЕНІЙ,

дикорастущихъ и разводимыхъ въ предѣлахъ Московской губерніи.

составилъ

А. Петунниковъ.

МОСКВА, 1890.

Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересыл. 2 руб. 75 коп.

Книга «Иллюстрированное руководство к определению растений...»
с дарственной надписью А.Н. Петунникова

дикорастущих растений он привел названия всех известных культурных форм, список которых по его просьбе составил профессор Петровской сельскохозяйственной академии А.А. Фадеев, тщательно отделил дикорастущие растения от одичалых, занесенных или возделываемых[123].

При определении объемов описываемых родов, видов и большей части семейств Петунников руководствовался классическим,

[123] Там же.

Объясненiе таблицы рисунковъ

Myosotis alpestris Schm.

(См. выше Cl. IV. pp. 29—32.)

Рисунки эти сняты фототипически почти въ натуральную величину (приблизительно лишь на 1/5 меньше).

Въ серединѣ изображенъ подлинный экземпляръ Шмидта изъ гербарiя С.-Петербургской Академiи Наукъ, собранный въ Богемiи (см. стр. 29—30).

Справа — очень крупный экземпляръ, но наименьшiй изъ числа собранныхъ Н. И. Кузнецовымъ въ Кубанской обл., въ верховьяхъ Лабы (forma exaltata), изъ гербарiя Императорскаго Ботаническаго Сада въ С.-Петербургѣ (см. стр. 30.)

Слѣва — карликовый экземпляръ (forma nana), собранный въ Терской области на Мамиссонѣ, на осыпяхъ, на высотѣ 2100 метровъ, 10. VIII. 97. В. В. Марковичемъ, изъ его гербарiя (см. стр. 32).

А. Петунниковъ.

Фотография А.Н. Петунникова к определению растений (Каталог сухих растений, предлагаемых в 1900 г. в обмен Ботаническим садом Императорского Юрьевского университета. 1900. Вып. 3)

хотя и несколько устаревшим, трудом Ледебура Flora Rossica, сделав исключение лишь для монографически обработанных после этого автора таксонов. Петунников привел обширный список зарубежных, преимущественно немецких, работ, которыми он пользовался, из русских авторов назвал В.Я. Цингера, Н.Н. Кауфмана и Н.И. Анненкова с его «почтенным и единственным в своем роде трудом»[124]. В своей работе он использовал собственные сборы растений, гербарии М.А. Максимовича, Н.И. Анненкова, Г.Ф. Гофмана и др.

В описании признаков растений Петунников воспользовался принципами диагностики, принятыми Ашерсоном, находя, что его описание флоры Бранденбурга не имеет себе равных из всех новейших сочинений по флоре Германии[125].

По жанру работа Петунникова представляет собой вариант облегченной флоры. При добавлении к ней принятого в этом

---

[124] Там же. С. X.

[125] *Ascherson P.* Flora der Provinz Brandenburg etc. Berlin, 1864.

случае научного аппарата: синонимики, более подробных морфологических диагнозов, номенклатурных описаний и цитат – ее можно было бы развернуть в полноценное описание флоры Московской губернии. Вместе с тем книга играет роль своеобразного учебника для начинающего ботаника. В вводной части к ней можно получить некоторое представление о систематике растений, о зависимости ее сложности от количества таксонов, входящих в общую иерархию; о синонимике (несколько названий одного таксона) и гомонимии (одинаковые названия разных растений), о принципах наименования различных таксонов. Петунников приводит подробную инструкцию, как пользоваться определителями семейств, родов, видов. Он дает ценные указания, как и когда собирать гербарные растения, приводит способы их засушивания и описания, составления гербариев. В целом его «Руководство» – это добротная работа с точным и подробным указанием местонахождения растений, особенно ценная богатым иллюстративным материалом. «Превосходный определитель Московской губернии, включающий описание 481 рода и 1094 видов растений», – так оценили эту работу авторы аннотированной библиографии сочинений по флоре Московской области[126].

---

[126] *Губанов И.А.* и др. Указ. соч. С. 32, 75.

Сам Петунников основным достоинством своей работы считал ее полноту. «Не имея претензий на строго научное изложение, “Растительность Московской губернии”, – писал он, – носит характер практического руководства к определению растений, которых приведено и анализировано значительно больше, чем в предшествующих сочинениях, и среди которых включено весьма много общераспространенных культурных видов» (*Петунников А.Н.* Критический обзор… Ч. 1. С. 11).

Определитель Петунникова получил положительную оценку у профессионалов. О степени его популярности у широкого читателя, для которого он предназначался, можно судить по письмам ботаников из архива Петунникова, и все же второго издания не последовало. Дело в том, что уже в 1892 г. появился новый определитель П.Ф. Маевского «Флора Средней России: Иллюстрированное руководство к определению среднерусских цветковых растений» (М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К°). Для облегчения задачи определения автор пошел по пути ограничения объема флоры. В последовательности определения рангов растений он следовал за Кауфманом. Но в отличие от Кауфмана, для которого определительные таблицы служили лишь подспорьем для описания родов и видов, все свое внимание он обратил именно на них. Он позаботился о подробном диагнозе видов (время вегетации, местообитание, местонахождение, полезные свойства и проч.). Маевский преследовал также педагогическую цель – приучить неофита к последовательному изучению растений.

Жизнь Маевского оказалась короткой (1851–1892), он едва дождался выхода в свет своего руководства. Над свежей могилой этого «ученого-идеалиста», не обласканного при жизни вниманием современников, не ищущего в науке ничего, кроме нее самой, Тимирязев произнес пророческие слова:

Подготовка «Руководства» направила ботанические работы Петунникова в новое русло. При описании многих растений он столкнулся с неудовлетворительным состоянием русской ботанической номенклатуры, по его признанию, он долго бился «с шаткостью и неустановленностью» ботанической терминологии на русском языке и сетовал на то, что «не дал себе труда ближе ознакомиться с русской номенклатурой, нередко очень удачной, хотя и недостаточно разнообразной»[127]. Он задался целью преодолеть это затруднение, создав книгу по отечественной ботанической терминологии. Первоначальный замысел был скромен – найти наиболее удачные названия путем сопоставления классических толковых ботанических словарей: русского Мартынова[128] и ла-

---

«Наше поколение ботаников и многие учебные поколения, за ним последовавшие, свои первые шаги в изучении природы связывали с благодарными воспоминаниями о Кауфмане, по книге которого знакомились с растительным миром; учащееся теперь поколение и еще многие, которые последуют за ним, с такой же благодарностью помянут Маевского» (*Тимирязев К.А.* Памяти П.Ф. Маевского // *Тимирязев К.А.* Сочинения. Т. 8. М., 1939. С. 347). Руководство оказалось настолько удачным, что в 1895 г. уже после смерти автора вышло в свет его второе издание под редакцией С. Коржинского. Редактор несколько переработал состав флоры (кое-что убрал, кое-что добавил), дихотомические таблицы и диагнозы почти не потребовали исправлений. После этого книга Маевского многократно переиздавалась до революции и уже в советское время. Последнее ее, 10-е, издание относится к 2005 г. Получилось так, что Маевский дважды стал невольным и более удачливым конкурентом Петунникова.

Возможно, в отношении к П.Ф. Маевскому Петунниковым руководило не чувство личной обиды, а его обычная категоричность, но суд его был несправедливым. Он считал работу Маевского компилятивной, лишенной самостоятельной обработки и потому в научном плане неинтересной (*Петунников А.Н.* Критический обзор… Ч. 1. С. 9). По слабости здоровья Маевский не мог заниматься гербаризированием и преподаванием. Отдавая должное его таланту, ему помогали В.Я. Цингер, предоставивший ему свой флористический материал, и издатель М. Сабашников, обеспечивший условия для работы. При этом личные отношения Петунникова и Маевского в первую пору их знакомства были более чем доброжелательными. Видимо, вскоре после смерти Кауфмана Петунников ободрил талантливого юношу. Позднее по просьбе Маевского он помогал в редактировании второго издания «Московской флоры» Кауфмана (См.: Приложение 4, № 22–24).

В «Вестнике естествознания» (Изд. СПб. об-ва естествоиспытателей под ред. Ф.В. Овсянникова. СПб., 1890. № 2. С. 100) в разделе «Библиографический указатель» появилась аннотация книги Петунникова. В ней отмечен большой объем описанной флоры (1100 видов). Ботанический отдел библиографии вел тогда Н.И. Кузнецов, в целом ботаническая тематика была представлена в журнале слабо.

[127] *Петунников А.Н.* Иллюстрированное руководство… Указ. соч. С. X, XI.

[128] *Мартынов И.И.* Техно-ботанический словарь на латинском и российском языках. СПб., 1820.

тино-немецкого Бишофа[129] – с образцами русской ботанической литературы.

В январе 1894 г. в Москве проходил IX съезд русских естествоиспытателей и врачей. На заседании ботанической секции съезда московский ботаник В.Д. Мешаев[130] высказался о необходимости улучшения произвольной и неопределенной русской ботанической терминологии. Дело, полагал он, посильно для участников съезда, который представляет все научное сообщество ботаников. В числе возможных решений Мешаев предложил поддержать заявленную готовящейся к печати «Ботаническую терминологию» Петунникова, которая, «получивши одобрение съезда, получила бы больше значения для русских ботаников»[131]. В выступлении на съезде Петунников заявил о трудностях, испытанных при составлении определителя московских растений. Он пожаловался на невозможность найти в Москве некоторые старинные сочинения по ботанике, из которых хотел бы позаимствовать кое-какие «иногда очень меткие термины»[132]. Председатель собрания А.Н. Бекетов предложил просить у общего собрания съезда сумму 300 руб. для печатания «Ботанической терминологии» Петунникова «с тем, чтобы эта терминология послужила основой для разработки затронутых в ней вопросов при участии будущего X съезда». Это предложение секции в той же формулировке было принято на общем собрании съезда[133].

---

[129] *Bischoff G.W.* Handbuch der botanik. Terminologie und systemkunde. 3 t. Nürnberg, 1853–1854.

[130] Виктор Дмитриевич Мешаев (1847–1910) – ботаник, профессор Московского технологического училища, член МОИП (1872).

[131] Дневник IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. № 1–10. М., 1894. С. 20.

[132] Там же. С. 36.

[133] Там же. С. 46.

Ученик Петунникова П.Д. Сюзев писал, что ботаническая секция съезда выбрала специальную комиссию в составе С.Г. Навашина, В.И. Палладина, П.Д. Сюзева, Н.В. Цингера, Б.А. Федченко для рассмотрения труда Петунникова и окончательной выработки ботанической терминологии. Он же заметил, что на последовавших за этим трех съездах русских естествоиспытателей этот вопрос не поднимался. По свидетельству того же Сюзева, «Свод» Петунникова стал настольной книгой для многих ботаников. См.: *Сюзев П.В.* Петунников как ботаник // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 1. С. 68.

Здесь Сюзев не вполне точен. Ботаническая секция X съезда русских естествоиспытателей и врачей (1898) поручила О. Баранецкому, С. Навашину и Н. Цингеру выработать окончательный вариант русской ботанической терминологии. Для облегчения задачи всем ботаникам была разослана просьба высказать свои предложения на этот счет. Откликнулся только один. Дружное молчание по поводу столь «жгучего» вопроса было истолковано однозначно как молчаливое согласие следовать давно сложившемуся «обиходу», а оби-

Поддержка съезда побудила Петунникова расширить рамки работы. Он взялся проследить появление новых терминов в русской ботанической терминологии и их влияние на постепенное разви-

---

ход определялся лучшими образцами ботанической литературы, сочинениями А.Н. Бекетова, И.П. Бородина, И.Ф. Шмальгаузена. В итоге С.Г. Навашин и Н.В. Цингер отказались от разработки терминологии в области морфологии и описательной ботаники, а Баранецкий ограничился анатомией и физиологией вегетативных органов (Доклад Ботанической секции XI съезда русских естествоиспытателей и врачей по вопросу о русской ботанической терминологии / [Соч.] О. Баранецкого, С. Навашина и Н. Цингера. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1901. С. 5, 31).

К началу XX в. в связи с выходом в свет в разных странах Западной Европы объемных сочинений по систематике растений, отличавшихся большим разнобоем в наименовании растений, проблема выработки ботанической номенклатуры стала предметом обсуждения международных конгрессов ботаников. Первый конгресс в Париже (1900) обозначил эту проблематику и выбрал комиссию по делам номенклатуры, в состав которой от России вошли академик И.П. Бородин, профессор Московского университета М.И. Голенкин, профессор из Одессы Ф.М. Каменский, заведующий лабораторией фитопатологии министерства земледелия А.А. Ячевский. Второй конгресс в Вене в 1905 г. должен был установить международные правила по ботанической номенклатуре. В состав международной комиссии по ботанической номенклатуре от России на первом конгрессе были выбраны: профессор из Гельсингфорса В.Ф. Бротерус, профессор из Юрьева Н.И. Кузнецов, А.Н. Петунников из Москвы, А.А. Ячевский из Петербурга; зарубежная наука была представлена Ж. Брике, П. Ашерсоном, Р. Веттштейном, А. Энглером, А. Рендлом и др. По неизвестным причинам Петунников не попал в число участников Венского конгресса. (См.: Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1903. Т. IV, вып. 2. С. 146; Там же. 1905. Т. VI, вып. 1. С. 191–193).

В преддверии международного ботанического конгресса А. Ячевский высказал свои соображения по поводу номенклатуры. Он выступил в пользу сохранения уже устоявшейся части номенклатуры. Создание новых правил должно коснуться лишь будущей систематики, в противном случае, полагал он, не избежать произвола. Он считал возможным пользоваться в будущем четкими и разумными правилами А. Декандоля, принятыми международным конгрессом в Париже в 1867 г., приведя в соответствие с современным состоянием науки некоторые их параграфы (*Ячевский А.А.* Несколько правил по поводу систематической номенклатуры // Изв. Императ. С.-Петерб. ботан. сада. 1901. Т. 1–2, вып. 4. С. 157–161). По настоянию Ячевского на декабрьском заседании 1901 г. Совета МОИП была создана Комиссия для обсуждения предложений о ботанической номенклатуре. Ячевский подготовил проект изменений в номенклатуре, который представил на ботанической секции XI съезда естествоиспытателей и врачей 30 декабря 1901 г. Решением секции ему было предложено доработать проект, а Комиссии по ботанической номенклатуре МОИП представить его от имени русских ученых для обсуждения Международной комиссии. В феврале 1902 г. МОИП уполномочил Ячевского быть его представителем в Международной комиссии (Арх. МОИП. 1901. № 768; 1902. № 787). Ячевский был одним из немногих русских ботаников, кто был серьезно озабочен участием отечественных ученых в выработке международной ботанической номенклатуры. В этом деле он попытался опереться на компетентность и авторитет Петунникова (См.: Приложение 4, № 42).

тие русского ботанического языка. Работа приобрела исторический характер. На это обстоятельство, в частности, автор указал в предисловии. Он, например, заметил расхождение в отношении к выбору ботанических терминов у авторов первой и второй половины XIX столетия. В первой половине века отечественные ботаники ревностно заботились о том, чтобы найти точный русский эквивалент латинскому названию, сохраняли преемственность в своих поисках, внимательно относились к новшествам в области терминологии. К середине века эта традиция была утрачена, и язык ботаников оказался наводнен избыточными латинизмами.

Петунников восставал против небрежного отношения к научному языку, когда он уподобляется языку садовников, «которые, как известно, пишут латинские названия растений русскими буквами». Другая крайность, согласно Петунникову, злоупотребление корявыми латинизмами. «Встречая на каждом шагу такие уродливые и неблагозвучные по-русски слова, как дорзивентральный, обдиплостемонный, андроцей, гинецей и проч., и проч., – замечал он, – припоминаешь Руссо[134], который словами своего переводчика говорит, что в выборе слов надобно угождать слуху и советоваться с произношением языка»[135].

Согласно новому решению, Петунников расширил источниковую базу работы. Он отталкивался от первого русского ботанического словаря А. Мейера[136] и первого учебника по ботанике В. Севергина[137]. Он проследил употребление морфологических терминов в русской ботанической литературе XIX в., в отечественных и зарубежных ботанических словарях и учебниках того времени. Петунников сличил русские термины с наименованиями наиболее полно разработанных иностранных словарей. Он привел термины со всей их синонимикой, расположив русские синонимы в хронологическом порядке в зависимости от времени их появления в ботанической литературе. Иногда приходилось заниматься словотворчеством. «Как ни воздерживался я от составления новых терминов взамен неудовлетворительных существующих или в тех случаях, когда русского термина не было вовсе, – однако избежать этого я

---

[134] Речь идет о книге: *Измайлов В.В.* Руссовы письма о ботанике. М., 1810.

[135] *Петунников А.* Свод ботанических терминов, встречающихся в русской ботанической литературе: Изд. IX съезда рус. естествоиспытателей и врачей. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. С. VII.

[136] *Мейер А.* Ботанической подробной словарь, или Травник. Ч. 1. М., [1781]. С приложением терминологии под заглавием: «Из системы г-на Линнея Regnum vegetabile, или царство растений»...

[137] *Севергин В.* Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастений и ископаемых. Царство произрастений. Ч. 1. СПб., 1794.

не мог, и казавшееся мне наиболее подходящим русское значение я помещал после других синонимов», – признавался он[138].

Составитель расположил описываемые термины в последовательности латинского алфавита на трех языках: латинском, немецком, русском, выделив курсивом наиболее удачные, на его взгляд, обозначения. Выбор немецкого языка в качестве второго пояснений не требовал, он определялся хорошей разработкой ботанической номенклатуры именно на этом языке, что для современников было вполне очевидным фактом. Этим объясняется предпочтительное использование немецких ботанических словарей[139].

Вообще, в этом справочнике заметна ориентация на ученых-специалистов. В нем отсутствует, например, толкование ботанических терминов, зато для удобства работы специалистов при расположении терминов в качестве исходного языка был выбран латинский. Впечатляет количество терминов – более трех тысяч.

Краткое предисловие к «Своду...» Петунников завершил цитатой из М. Максимовича, автора одного из первых русских сочинений по систематике растений. «Словесность для науки, – писал он, – то же, что образованность для ученого, и для успешного распространения ботаники в России (кроме других условий, от коих сие наиболее зависит) необходимо еще сроднить науку с языком нашим»[140]. Свободное владение родным и иностранными языками помогло Петунникову справиться с этой трудной задачей. К тому же русские ботаники получили хорошее подспорье для пользования детально разработанной зарубежной ботанической номенклатурой. А сам автор благодаря этой книге сделался авторитетом в области научного языка и библиографии, что со временем положило начало его серьезному увлечению книжным делом и библиографией. Но об этом ниже.

Работа Петунникова получила одобрение у русских ботаников, о чем свидетельствует ее переиздание в 1912 г. В кратком предисловии ко второму изданию редактор Р.Э. Регель[141] характеризовал его «единственно надежным, научно точным и достаточно полным руководством по этой части на русском языке»[142].

---

[138] *Петунников А.* Свод... С. V–VI.

[139] В числе авторов немецких словарей Петунников упоминает Бишофа (1857), Волкенштейна (1874), фон Гердера (1881), Саломона (1886), Флемиша (1892), Метцнера (1896).

[140] *Петунников А.* Указ. соч. С. VIII.

[141] Роберт Эдуардович Регель (1867–1920) – русский ботаник, организатор науки, основоположник прикладной ботаники в России. С 1904 по 1920 г. заведовал Бюро по прикладной ботанике в Петербурге.

[142] *Петунников А.* Свод ботанических терминов, встречающихся в русской ботанической литературе. 2-е изд., перепечат. с 1-го изд. IX съезда рус. естество-

В советской историографии она получила высокую оценку у известного библиографа, составителя библиографии толковых словарей И.М. Кауфмана. Ссылаясь на авторитет Липшица, он сделал следующее заключение: «Особая ценность этого труда заключается в том, что в нем была сделана первая серьезная попытка проследить возникновение и развитие русской ботанической терминологии, показать последовательное ее формирование, перечислить труды русских ботаников, в которых те или другие термины появляются впервые»[143].

Сам С.Ю. Липшиц подтвердил ценность сочинения Петунникова для отечественных систематиков и дал краткое описание этой работы в «Очерках по истории русской ботаники»[144]. Позднее в краткой биографической заметке о Петунникове и Сырейщикове он подчеркнул историческую значимость «Свода...», поскольку «труд этот сыграл большую роль в стандартизации и унификации отечественной ботанической терминологии»[145].

Некоторым диссонансом на фоне данных оценок выглядит суждение об этой работе Петунникова А.А. Щербаковой[146]. Она отметила новаторский и в некотором роде уникальный (после него никто не делал подобных попыток) опыт Петунникова, признала его важность для науки. «Однако вследствие того, что он взял

испытателей и врачей. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. С. I–II. Переиздание книги Петунникова было вызвано практическими нуждами. Селекционеры и вообще деятели прикладной ботаники, часто не знающие латинского языка, оказались перед проблемой отсутствия единого руководства по терминологии. Первое издание книги Петунникова разошлось между участниками съезда и не поступало в продажу. Бюро по прикладной ботанике было принято решение переиздать первую часть книги с переводом латинских терминов на русский язык, а во второй дать обратный перевод русских обозначений на латынь. Второе издание было пополнено новыми таксономическими терминами на основании последних работ О. Баранецкого, С. Навашина, Н. Цингера, Р. Регеля, А.П. Семенова-Тян-Шанского и др. Нужда в такого рода работе остро ощущалась содружеством ботаников. Сотрудник в ту пору библиотеки Ботанического сада Московского университета В. Дейнега просил Петунникова прислать для библиотеки экземпляр его «Свода» и указать, где можно приобрести эту книгу, «т.к. очень нередко гг. студенты об этом спрашивают» (Письмо от 26 окт. 1904 г. НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 4. Д. 41).

[143] *Кауфман И.М.* Русские биографические и биобиблиографические словари. М.: Госкультпросветиздат, 1955. С. 5.

[144] *Липшиц С.Ю.* Систематика, флористика и география растений // Очерки по истории русской ботаники. М.: МОИП, 1947. С. 45.

[145] *Он же.* Московские ботаники Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1939) и Алексей Николаевич Петунников (1842–1919) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1968. Т. 73, вып. 4. С. 10.

[146] *Щербакова А.А.* История русской ботанической терминологии // Тр. ИИЕиТ АН СССР. 1960. Т. 32. История биол. наук. Вып. 7. С. 203–250.

для анализа весьма ограниченное число ботанических источников, картина развития ботанической терминологии в России, нарисованная им, в значительной степени ошибочна», – заключает Щербакова. И продолжает дальше: «Подобные неточности допускаются Петунниковым по всем основным морфологическим терминам вследствие неполноты изученной им литературы»[147].

На основании сказанного выше Щербакова сделала вывод, что работа Петунникова устарела, история многих основных терминов изложена им неверно. Сама она предприняла попытку дать «Краткий исторический словарь ботанических (морфологических) терминов», сосредоточив внимание лишь на основных понятиях, касающихся по большей части названий отдельных частей и органов растений[148], и позаботилась при этом о более полном использовании ботанической литературы. Действительно, список приводимой ей литературы (121 название) почти втрое превышает перечень Петунникова (43 позиции).

У Щербаковой он пополнен в основном за счет литературы XVIII в. Она искала истоки научной терминологии в заимствованиях из народного языка, которые находила в общих словарях русского языка, в работах по естественной истории, в трудах естествоиспытателей-энциклопедистов и путешественников И.Г. Гмелина, В.Ф. Зуева, С.П. Крашенинникова, П.С. Палласа, И.И. Лепехина и в сочинениях русских и зарубежных ботаников той поры А.Т. Болотова, А. Нартова, И.П. Фалька, Г.Я. Эклебена и проч. Выше мы упоминали, ссылаясь на свидетельство самого автора «Свода...», о тех трудностях, которые испытывал Петунников в поисках старинной литературы. Во времена Щербаковой многие из этих трудов были уже достаточно подробно описаны в отечественной литературе[149].

За счет новых источников Щербакова раздвинула вплоть до начала XVIII в. границы введения в научный оборот некоторых ботанических терминов. Все ее замечания относительно неточности определений Петунникова относятся именно к этому времени. Что касается русской морфологической литературы XIX в., здесь у Петунникова нет больших расхождений с Щербаковой, списки использованной ими литературы почти полностью совпадают. Следует помнить, что у Петунникова были не только несколько иные, нежели у Щербаковой, источники информации, но и другие

---

[147] *Она же.* Указ. соч. С. 214.

[148] Там же. С. 217–250.

[149] *Липшиц С.Ю.* К истории систематики, флористики и географии растений в Академии наук: В связи с 220-летием со дня ее основания // Ботан. журн. СССР. 1945. Т. 30, № 3. С. 100–104.

задачи: он ориентировался на интересы специалистов-ботаников. Перед Щербаковой, по ее собственному признанию, согласно директивам XIX съезда КПСС, стояла цель сделать ботаническую терминологию более доступной народу[150]. Отсюда акцентирование внимания на русских народных названиях и ограниченная выборка терминов (около 230), тогда как у Петунникова их более 3 тысяч. Даже если история всех этих 230 терминов отражена Петунниковым неверно (а это далеко не так), нельзя отрицать всю его большую работу в целом, тем более что собственный опус Щербаковой, по наблюдению И.М. Кауфмана, построен по плану «Свода...» Петунникова[151].

Где-то в начале 1890-х гг. Петунников засел за писание новой книги о московской флоре. В письме Вырубова, датируемом январем 1894 г., находим комментарий к этому событию. «Начать хорошо, а кончить еще лучше, – писал он. – Но ты прав, такого рода сочинения требуют досуга, а его не всегда можно найти»[152]. В феврале 1896 г. Вырубов благодарил за присылку первого выпуска новой книги с «изрядными» рисунками Гриши, сына А.Н.[153] Сырейщиков писал позднее, что уже тогда Петунников в значительной мере подготовил материал для флоры Московской губернии. Но на пути к завершению работы стояло серьезное препятствие – большое число малоизвестных и сомнительных форм сосудистых растений. Их анализу Петунников посвятил следующее свое сочинение: «Критический обзор московской флоры»[154]. Сначала появился журнальный вариант флоры, оттиски статей составили книгу примерно в 450 страниц. В общей сложности с отвлечением на писание «Свода...» работа заняла у Петунникова 10 лет.

Петунников опирался на разнообразные гербарии ботанического музея и кабинета Московского университета, в состав которых вошли частные коллекции Н.И. Анненкова, Г. Борхмана, И.Д. Чистякова, И.Н. Горожанкина, С.Н. Никитина, П.П. Мельгунова и др. Он использовал также другие частные коллекции и

---

[150] *Щербакова А.А.* Указ. соч. С. 216.
[151] *Кауфман И.М.* Указ. соч. С. 5.
[152] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 2. Д. 29. № 327. Л. 706.
[153] Там же. Д. 31. № 353. Л. 756 об. Действительно, к 1-й части прилагалось 7 рисунков разновидностей лапчатки, выполненных Г. Петунниковым.
[154] *Петунников А.Н.* Критический обзор московской флоры. [Ч. 1]. Dialypetalae // Ботан. зап. 1896. Т. 6, вып. 13; [Ч. 2]. Gamopetalae // Тр. С.-Петерб. о-ва естествоиспытателей. 1900. Т. 30, вып. 3. Отд. ботаники; [Ч. 3]. Monochlamydeae // Там же. 1901. Т. 31, вып. 3. Отд. ботаники; Отт. [СПб.], Тип. В. Демакова. Вып. 1 [1896]; вып. 2 [1900], вып. 3 [1903]. Цитируется по оттискам типографии Демакова.

свой собственный обширный гербарий. Петунников подчеркнул преемственность своей работы, сохранив порядок изложения, предложенный в «Московской флоре» Кауфмана.

Автор привлек большое число литературных источников, полное библиографическое и аналитическое описание которых привел в своей книге в хронологическом порядке (С. 12–28). По мере работы над книгой появлялась новая литература по флоре европейской части России. Петунников ее отмечал, особо выделяя сочинения, имеющие общий интерес, например, статью Д.И. Литвинова об Окской флоре в Московской губернии (Ч. 1. С. 2).

Одним из крупных достоинств книги Петунникова специалисты считают подробный критический анализ соответствующих гербариев, отечественных и зарубежных сочинений по названной теме[155]. Видимо, и сам Петунников придавал большое значение этой части своей работы. Остановимся на ней несколько подробнее, поскольку историографический очерк (С. 1–11) дает представление о критериях, предъявляемых автором к оценке качества флористических коллекций и литературы. К числу заслуживающих особого внимания Петунников относил гербарии, отличающиеся полнотой и точностью определений растений. К ним он причислял гербарии «талантливого ученого», профессора Московского университета Гофмана, его коллеги профессора М. Максимовича, на определения которых в большинстве случаев «можно положиться» (Ч. 1. С. 3). «Превосходным по полноте и изяществу сохранения, а также по верности определения» находил он гербарий своего ученика Д.П. Сырейщикова (Там же. С. 6). Гербарий и флористические работы Анненкова привлекли его новизной подхода, поучительным материалом, который представляли пятилетние фенологические наблюдения за культурными и дикорастущими растениями Московской губернии (Там же. С. 5).

Отдавая должное работам первопроходцев московской флоры Ф. Стефана (1792), Г. Марциуса (1817), И.А. Двигубского (1828), Петунников основное внимание уделил более поздним сочинени-

---

[155] Автор исторического очерка в аннотированной библиографии работ по флоре Московской области Б.А. Старостин считает, что до Петунникова подобной сводки в русской ботанической литературе не было (См.: *Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н.* Указ. соч. С. 6). С этой же стороны оценил работу Петунникова как «превосходный исторический очерк исследований московской флоры» С.Ю. Липшиц (См.: *Липшиц С.Ю.* Московские ботаники Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1932) и Алексей Николаевич Петунников (1842–1919) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1968. Н.С. Т. 73, вып. 4. С. 8).

ям, определившим современное состояние ботанических исследований. Среди особо значимых он назвал работы более общего содержания – книги К. Ледебура «Флора России» (1842–1853) и В.Я. Цингера «Сборник сведений о флоре Средней России» (1886). Он рассматривал первую, несмотря на ее очевидную за давностью времени неполноту, как неоценимый, «единственный в своем роде» справочник при определении места распространения отдельных форм и возможности их произрастания в России, для уяснения сомнительных определений прежних авторов. Вторую ценил за полноту и безошибочность определений, за достоверность приводимых цитат. Петунников рассматривал сочинение Цингера как незаменимое справочное пособие для разрешения спорных вопросов о распространении тех или иных видов в пределах Московской губернии (Там же. С. 8–9).

В поисках образцового сочинения по московской флоре Петунников неоднократно возвращался к «самому полному» и «толковому» каталогу московских растений, составленному О.Е. Клером по-французски в дополнение к «Московской флоре» Кауфмана. Помимо полноты в этом каталоге Петунникова привлекала точность определения растений и их местонахождений[156] (Там же. С. 11, 25).

В связи с упоминанием Клера Петунников привел критический анализ «Московской флоры» Кауфмана, в сущности, повторив свои замечания, высказанные по поводу второго издания его книги (Там же. С. 24).

В числе авторов, критикуемых за ошибки и неточности в определении растений, Петунников назвал Э. Линдемана (1860), П. Пинцгера (1868), О.А. Федченко (1891) и Б.А. Федченко (1900); А.Г. Фишер фон Вальдгейм попал в этот список за «ничтожность

---

[156] Петунников настолько ценил работу Клера, что добыл у автора ее рукопись в начале 1901 г. На основании сведений, почерпнутых из нее, он внес ряд поправок и дополнений к своему «Критическому обзору» (Ч. 3. С. III). В архиве Петунникова находится неполный текст (отсутствует вводная часть и ботанико-географический очерк) рукописи Клера под названием Catalogus Florae mosquensis с вставками на французском языке Кауфмана. На 15 странице этой рукописи рукою Клера сделана надпись: «Настоящею рукописью, пополненною профессором Кауфманом, предоставляю воспользоваться многоуважаемым ботаникам гг. Горожанкину и Пятунникову, но с тем: 1-е, что по извлечении нужных сведений они возвратят мне настоящую рукопись, и 2-е, что я сохраняю предоставленное мне проф. Кауфманом право издать “Московскую флору” на французском языке полностью или в извлечениях, и 3-е, что гг. Горожанкин и Пятунников предоставляют мне полное право относительно введения ими в сочинение Кауфмана добавлений. Екатеринбург. 4 сент. 1879 г.» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 6. № 161). Рукопись перевода Клера трижды путешествовала в Москву (См.: Приложение 4, № 19).

содержания» его статьи (1881), П.Ф. Маевский – за формальное, по мнению автора, редактирование второго издания «Московской флоры» Кауфмана (1889) и за компилятивный характер «Флоры Средней России» (1892).

С геттингенским профессором А. Петером (Peter), автором «пресловутой монографии среднеевропейских Hieracium», у Петунникова были свои счеты. Петер задержал переданную ему для определения петунниковскую коллекцию ястребинок. Петунников обратился к немецкому коллеге с открытым письмом, но и это не помогло[157]. Пришлось довольствоваться небольшим материалом, еще раньше в 1893 г. обработанным Петером[158]. Это досадное происшествие замедлило написание книги. Получив позднее свой гербарий, Петунников остался недоволен обработкой немецкого профессора. Вновь определенные виды и разновидности совершенно утонули среди тысячи форм, уже описанных Петером и Негели в их монографии о ястребинках в подроде Piloselloidea [159] (Ч. 3. С. 48).

В собственно ботанической части книги Петунников представил картину видов и подвидов сомнительных растений Московской губернии. Он дал ссылки на предшествующие работы (цитаты), провел их критический анализ, исправил промахи и ошибки в прежних определениях, в случае их сомнительности привел подробные диагнозы, указал на синонимы рассматриваемых форм. Он тщательно проверил все данные, касающиеся каждого вида, как с точки зрения систематики, так и относительно их географического распределения. Во всех трех частях книги он дал перечень тех видов и разновидностей растений, которые отражали перемены в московской флоре, замеченные за последнее тридцатилетие уже после выхода в свет «Московской флоры» Кауфмана (Ч. 1. С. 204–221; Ч. 2. С.133–142; Ч. 3. С. 149–152).

Петунников учел собственные замечания к книге Кауфмана. Он постарался, чтобы флора Московской губернии была представлена наиболее полно, включая западные территории и слабо обследованные Кауфманом Подольский, Богородский, Дмитровский уезды. В результате появилась критическая разработка всей московской флоры.

---

[157] Offenes Schreiben an der Professor der Botanik Herrn Dr. Peter in Göttingen // Allg. Bot. Ztschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr. 1896. Bd. 2. S. 32.

[158] *Peter A.* Die Piloselloiden der Umbegungen von Mosckau. Beitrage zur Kenntniss der Hierarcien Flora Ost-Europas // Nachrichten von der Königlichen Gesselschaft der Wissenschaft und der Georg-Augustus-Universitat zu Göttingen. 1893. N 2. P. 65–81.

[159] Карл Негели (1817–1891) – швейцарский и немецкий ботаник. Вместе с А. Петером написал обширную монографию о ястребинках Средней Европы «Die Hierachien Mitteleuropas» (1885).

В заключительной части работы Петунников представил список растений по их местонахождениям. Алфавитный указатель названий растений, упоминавшихся во всех трех частях, был составлен Д.П. Сырейщиковым (Ч. 3. С. 164–187). Ориентируясь на западного читателя, Петунников перевел на немецкий язык введения ко всем трем частям книги. Таким образом оказались переведенными на немецкий язык историографический очерк и аннотированная библиография использованной литературы[160].

Работа Петунникова прочно вошла в фонд флористической литературы по Московской губернии[161]. Авторы упоминавшейся выше аннотированной библиографии 1972 г. рассматривали «Критический обзор» Петунникова как пятую флору после флор Ф. Стефана, Г. Марциуса, И.А. Двигубского и Н.Н. Кауфмана. Они оценили ее как «исключительно важный труд, содержащий историю изучения московской флоры, аннотированную библиографию и критический конспект флоры с подробными заметками о находках и географии видов»[162]. Еще раньше известный геоботаник, профессор В.В. Алехин подчеркнул заслуги Петунникова в создании прочного фундамента для дальнейших успехов фло-

---

[160] Среди жанров флористической литературы это сочинение Петунникова занимает положение «конспекта флоры». Для полной флоры в ней недостает совокупности сведений *обо всех* систематических единицах данной территории и дихотомических ключей. Зато в ней присутствуют такие элементы флоры, как цитирование предшественников, перечень синонимов, указания на географическое распределение растений. Впрочем, Липшиц, сделавший попытку определить эти жанры, признавал, что их различение довольно условно. Во многих полноценных флорах отсутствуют ключи к определению растений. По Липшицу идеальная флора должна удовлетворять девяти требованиям (*Липшиц С.Ю.* Литературные источники… С. 9).

[161] При появлении 1-й части работы небольшую аннотацию о ней дал Траутшольд в библиографическом отделе немецкого ботанического журнала Trautschold H. // Allg. Bot. Ztschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr. etc. 1897. Bd. 3, N 1. S. 30. Харьковский ботаник В.И. Талиев, рецензируя 2-ю часть, упрекнул автора в некоторой субъективности выводов, поскольку он существенно суживает косвенное влияние человека в развитии флоры, ограничивая его лишь случайным заносом семян растений. К тому же, как показалось рецензенту, он путает термины «дикий» и «заносный» (Тр. Ботан. сада… 1900. Т. 1, вып. 4. С. 213). Сам Петунников счел рецензию невразумительной, упомянул о ней в следующей части «Критического обзора...», но опровергать не стал. (*Талиев В.И.* [Рецензия] // Естествознание и география. 1900. № 12. С. 98–99). Позднее А.Ф. Флеров оценил работу Петунникова как обстоятельный анализ «критически сомнительных, малоизвестных и редких растений Московской флоры», отведя ему основное после книги Кауфмана место в изучении московской флоры. Впрочем, некоторые библиографические оценки автора он счел «весьма пристрастными» (*Флеров А.Ф.* Окская флора. В 4 вып. 1907–1910. Вып. 1. СПб.: Типо-литогр. Герольд, 1907 (Т. XXVII. Fasc. 1). С. 81).

[162] *Губанов И.А., Старостин Б.А., Тихомиров В.Н.* Указ. соч. С. 61.

ристического познания Московской губернии, «для издания новой «Московской флоры» на еще более высоком научном уровне [имеется в виду книга Сырейщикова. – *Г.Л.*], что действительно и осуществилось в начале настоящего столетия»[163]. О своеобразном участии Петунникова в этом завершающем этапе работ по московской флоре мы расскажем ниже. «Критическим обзором...» завершился цикл его монографических работ по флористике. Полностью осуществить свой первоначальный замысел – составить полную флору Московской губернии ему помешали обстоятельства, заставившие надолго отложить крупные ботанические работы.

Тогда Д.П. Сырейщиков вызвался завершить его замысел. Петунников с готовностью принял предложение и передал ученику свои обширные материалы. По свидетельству Сырейщикова, они представляли собой диагностические заметки, гербарий, ключи к определению растений, почти полностью составленную синонимику, обработку ряда полиморфных родов растений. С Петунниковым был согласован план издания, он же взялся редактировать сочинения Сырейщикова[164] и в процессе работы помогал советами и указаниями[165].

Вместе с подготовительным этапом работа заняла у Сырейщикова около 20 лет. Она включала все известные в ту пору виды и разновидности растений Московской губернии. Автор подверг критическому анализу работы предшественников, пересмотрел все существующие диагнозы и описания местонахождений растений, привел их в соответствие с современным уровнем знаний, дополнил собственными находками и наблюдениями. Прекрасный рисовальщик, Сырейщиков выполнил около 1100 рисунков, пятую часть которых снял с натуры. Получилась самая полная флора Московской губернии из когда-либо существовавших. В ней Сырейщиков подвел итог исследований длинного ряда своих предшественников в изучении московской флоры: Н.Н. Кауф-

---

[163] *Алехин В.В.* Флористика и систематика растений, ботаническая география и фитоценология в Московском университете // Учен. зап. Моск. ун-та. Юбилейн. сер. Биология. 1940. Вып. 54. С. 273.

[164] *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии / Под ред. А.Н. Петунникова. В 4 ч. М.: Типо-литогр. И.Н. Кушнерев и К°. 1906–1914. См.: Ч. 1. 1906. С. III–IV.

[165] Близкое участие Петунникова в работе ученика было настолько очевидно современникам, что отразилось даже в библиографическом описании. Вот, например, как представили книгу Сырейщикова в «Русской библиографии по естествознанию»: *Сырейщиков Д.П.* и *Петунников А.Н.* Иллюстрированная флора Московской губернии». Ч. 1. Составил Д.П.С., редактировал А.Н.П. (Т. 5. СПб., 1912. С. 94).

мана, В.Я. Цингера, Д.И. Литвинова, П.Ф. Маевского, А.Н. Петунникова.

Книга Сырейщикова вызвала положительные отклики у современников. Они характеризовали сочинение как «отличное пособие» для всех интересующихся флорой Центральной России[166], как крупное событие в истории ботанической литературы[167]. Сам Петунников остался доволен работой ученика. В предисловии к 4-му выпуску «Флоры» он писал: «Такая подробная и всесторонняя обработка флоры Московской губернии, как она представлена теперь во вполне законченном для настоящего времени виде, не имеет себе подобной ни в какой другой губернии, в этом отношении Москва может по справедливости гордиться, и надо только пожелать, чтобы примеру Москвы последовали другие университетские города, располагающие обширными коллекциями и немалыми научными силами»[168]. И позднее большинством авторов советского времени книга Сырейщикова рассматривалась в тесной связи с работами предшественников, о чем уже упоминалось. Московским флористам Н.Н. Кауфману, А.Н. Петунникову и Д.П. Сырейщикову С.Ю. Липшиц приписал заслугу «создания образцовых флор последней»[169]. Новая флора Московской области появилась спустя более 30 лет после смерти Сырейщикова[170]. Минувшее столетие принесло новые флористические находки, а главное – новые подходы к изучению флоры. Но и на исходе XX столетия академик В.Н. Тихомиров находил «Иллюстрированную флору» Сырейщикова непревзойденной по тщательности обработки материала[171]. Он же подчеркнул преемственность работ Петунникова и Сырейщикова, определив их как исключительно ценные, «не имеющие аналогов в отечественной литературе»[172].

---

[166] *Сюзев П.* [Рецензия] // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1906. Т. 7, вып. 1. С. 31–32.

[167] *Он же.* [Рецензия] // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1907. Т. 8, вып. 3. С. 192–193. Сходную точку зрения высказал Ф. Ненюков (Там же. С. 192).

[168] *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора… Ч. 4. Дополнения, поправки и критические заметки. 1914. С. III.

[169] *Липшиц С.Ю.* К истории систематики… С. 45.

[170] *Ворошилов В.Н., Скворцов А.К., Тихомиров В.Н.* Определитель растений Московской области. М.: Наука, 1966.

[171] Флора Средней России: Аннотир. библиогр. Сост.: В.Н. Тихомиров, И.А. Губанов, И.М. Калиниченко, Р.А. Лозарь. Под ред. чл.-корр. В.Н. Тихомирова. М.: Изд-во «Рус. ун-т», 1998. С. 19.

[172] Там же.

2.5. Последний период творчества (1900–1917)

В конце 1890-х–начале 1910-х гг. научная деятельность Петунникова особенно оживилась. Во-первых, это время относительной свободы от городских дел, время своеобразного подведения итогов: с 1890 по 1901 г. появились три его монографические работы. Во-вторых, в жизни Петунникова возник новый интерес. Многое тогда определило знакомство и сотрудничество с Н.И. Кузнецовым (1864–1932).

Первое знакомство относится, очевидно, к 1890-м гг. Петунников много тогда работал в Гербарии С.-Петерб. ботанического сада, где и повстречал Кузнецова. В конце 1890-х гг. между двумя учеными разгорелась азартная полемика вокруг вопроса линнеевских видов Veronica teucrium L. и Veronica latifolia L. Как определить Veronica teucrium, можно ли считать ее коллективным видом и подвести под нее все другие разновидности? Петунников полагал, что установить степень самостоятельности этих промежуточных и переходных форм можно только опытом культуры, для чего Кузнецов, директор Юрьевского ботанического сада, имеет все возможности. Но следование Кузнецова за академиком Коржинским, который установил знак бесконечности для обозначения проблематичных помесей, увело его, как казалось Петунникову, на ложный путь (*Петунников А*. Veronica teucrium L. и Veronica latifolia L. Отт. СПб.: Тип. В. Демакова, 1897. С. 11–15).

Далее спор переместился на страницы издаваемого Кузнецовым «Каталога сухих растений...» (Каталог сухих растений, предлагаемых в 1900 г. в обмен Ботаническим садом Императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1900). Петунников в запальчивости объявил точку зрения противника бездоказательной и субъективной, приведя в подтверждение своей правоты гневную тираду А. Кернера против тех, «кто не дал себе труда справиться в сочинениях древних авторов, проверить и сличить их замечания или кто в слепой вере в авторитет почерпает сведения из какого-либо источника, который им кажется непогрешимым, и затем один у другого легкомысленно списывает».

Кузнецова несколько удивил раздраженный тон «почтенного оппонента», но в целом он воспринял довольно иронично выпад «любезного Алексея Николаевича», полагая, что резкость «имеет источником не злобу к противнику, а бескорыстную любовь к своему предмету». Кузнецов привел ряд доводов в свою

пользу и в заключение заявил, что их с Петунниковым спор посвящен довольно ничтожному предмету, это чисто номенклатурные разногласия, тогда как «ботаника – это, прежде всего, наука о растениях, а не о названии растений». Обращение Петунникова к «кратким, примитивным диагнозам, которыми отличались старинные авторы с Линнеем во главе», не может, по мнению Кузнецова, прояснить вопрос, сам по себе простой и ясный (Каталог сухих растений... С. 14–17). На этом спор закончился, нисколько не повредив дружеским отношениям между двумя спорщиками.

Кузнецов не был ортодоксальным защитником номенклатурных споров и переименований. Он скорее придерживался правила следования уже устоявшимся терминам, согласно традиционному порядку. А порядок был таков: каждый вид должен носить свое название по праву давности, в зависимости от того, кто первый дал ему название. Повторные поименования образуют синонимы, но это отнюдь не повод для номенклатурных споров и переименований, что «вводит лишь путаницу и затемнение фактов, самих по себе простых и ясных» (Каталог... С. 17). «Чехарда в номенклатуре» (определение современного биолога Ю.В. Чайковского) продолжается и поныне, и точку зрения Кузнецова на этот предмет современный автор, похоже, разделяет, дополнив ее своим пониманием эволюции «не по Дарвину». Вот что он пишет: «На мой взгляд, наличную систему названий (номенклатуру) надо принять как данную и пользоваться ею, не пытаясь ее менять. И саму систему надо, по-моему, строить заново только в тех ее частях, где ныне нет устойчивой (долговечной) системы. Тут-то и понадобится эволюционизм» (*Чайковский Ю.В.* Эволюция. М.: Центр систем. исслед., 2003. С. 410). В конечном счете последнее слово осталось за Петунниковым. В письме от 2 мая 1909 г Кузнецов признался: «Очень рад, что Ваше определение Veronica teucrium оказалось правильным. Ошибаться каждый может, и я охотно сознаюсь в своей ошибке»[173].

Большая разница в возрасте (Петунников намного старше) и в положении в сообществе ботаников не стали для них помехой, они сразу же нашли друг друга. Оба были страстными энтузиастами своего дела и умели увлечь других ботаников, создав вокруг себя группу единомышленников, помощников, а в случае Петунникова, и преемников.

---

[173] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53.

Кузнецова, похоже, в Петунникове подкупила независимость и смелость суждений и поступков, продиктованных одной лишь любовью к ботанике при отсутствии каких-либо карьерных соображений. Он сам был человеком подобного склада. В своей кипучей деятельности он искал, прежде всего, не самоутверждения и удовлетворения личных амбиций, а продвижения отечественной науки, превратив в цветущие центры исследований, преподавания и просветительства запущенные до него участки ботанической инфраструктуры. Оба были далеки от официальной бюрократии и при всех обстоятельствах оставались людьми прямыми, иногда резкими в своих оценках, но абсолютно чуждыми интригантства, всегда выступавшими с открытым забралом.

Безусловно, они ценили друг друга за высокое исследовательское мастерство, совмещая глубокую эрудицию, серьезные кабинетные исследования с интересом к живому познанию природы, полагая, что одно без другого существовать не может. В поисках непосредственных живых впечатлений Петунников исколесил Московскую губернию, а Кузнецов многократно побывал на Кавказе, объекте его тщательного изучения.

Оба хорошо знали западную науку и не видели ничего зазорного в том, чтобы использовать ее передовой опыт и достижения, широко сотрудничали с зарубежными коллегами и много сделали, чтобы интегрировать отечественные исследования в мировую науку. В Петунникове Кузнецов сразу же увидел возможного соучастника его обширных проектов.

Кузнецов, систематик, флорист, геоботаник, прошел блистательный путь от младшего консерватора С-Петербургского ботанического сада в 1891 г. до профессора Юрьевского университета и директора его Ботанического сада в 1895 г.[174] Кузнецов был новатором по духу. Его незаурядная энергия, организаторский талант открыли дорогу новым начинаниям.

В конце 1890-х гг. он задумал создать новую «Флору России» в дополнение к знаменитой, но несколько устаревшей за давностью лет Flora Rossica Ледебура. Наследуя кафедру Ледебура в Юрьевском университете, Кузнецов нисколько не сомневался, что именно здесь должна родиться новая флора. В преддверии своего начинания он провел опрос среди ботаников России: нужна ли новая работа, какие формы она должна приобрести, имеются ли достаточные научные и финансовые средства для ее проведения,

---

[174] В 1911 г. Кузнецов был удостоин степени почетного доктора Новороссийского университета без защиты дисертации.

на каком языке должен издаваться подобный труд; были заданы и другие, более специальные вопросы.

Сам Кузнецов настаивал на необходимости подобного издания, которое не должно быть компилятивным или монографическим. «Это должна быть критическая, но в сжатой форме проведенная **научная переработка** всей флоры России», – заявил он[175]. Она должна быть реализована коллективными усилиями всех ботаников России. В идеале Кузнецов мыслил подобный труд как интернациональный, он полагал необходимым привлечь к нему всех систематиков-морфологов, занимающихся специально изучением той или иной растительной группы. С таким предложением он выступил на IV съезде чешских естествоиспытателей и врачей (июнь 1908 г.) в Праге. Он надеялся, что такое сотрудничество будет полезно для научного описания русской флоры, так как западные ботаники ушли далеко вперед в систематике растений[176].

Для сбора необходимого гербарного материала Кузнецов организовал в 1897 г. при Юрьевском университете Бюро по обмену сухих растений, каталоги которого издавались отдельными выпусками (Delectus plantarum exsiccatarum quas anno ⟨…⟩ permutationi offert Hortus Botanicus universitatis Jurjevensis) как приложение к «Ученым запискам Императорского Юрьевского университета». Добровольные участники присылали в Юрьев свои гербарные экземпляры и могли требовать взамен материал, необходимый для их работы. Оплачивались только почтовые расходы за пересылку растений.

При создании бюро Кузнецов опасался, сможет ли он собрать достаточно широкую группу добровольцев, готовых безвозмездно и постоянно с ним сотрудничать. Страхи оказались напрасными. На призыв профессора откликнулось множество русских ботаников, профессионалов и любителей, жителей столиц и провинции, обитателей далеких окраин империи. Многие иностранные ученые заявили о своем желании участвовать в предприятии Кузнецова. Как и предполагал сам устроитель, бюро сплотило ботаников России, превратило их в «авторитетную семью русских систематиков»[177] – предоставляя необходимую информацию, снабжая нужными для работы материалами, оно подстегивало их деятельность.

---

[175] Каталог сухих растений… С. 107.

[176] *Кузнецов Н.И.* Отчет о заграничной командировке. I. Прага и Монпелье. СПб.: Тип. ИАН, 1908. С. 1126.

[177] Каталог сухих растений… С. 89.

По призыву организаторов группа ботаников, работавших профессионально, взялась помогать любителям в определении растений. Петунников был одним из первых, кто принял этот почин. С необыкновенной щедростью, особенно если помнить о его постоянной загруженности посторонними делами, он взялся помогать в определении сомнительных или критических видов 11 семейств и родов. Никто из его коллег: ни В.Я. Цингер, ни Б.А. Федченко, ни В.И. Липский, ни сам Н.И. Кузнецов – не решился взвалить на себя такой объем работы. Один, два, максимум шесть родов (у Кузнецова) фигурировали в их предложениях[178]. Кроме того, в сомнительных случаях Петунников брал на себя обязательство пересылать материал для определения зарубежным ботаникам. Он готов был посредничать в общении русских специалистов с их иностранными коллегами[179].

Кузнецов был также благодарен Петунникову за критические заметки, которые он помещал в Списках растений. С.Ю. Липшиц в статье о Петунникове привел список составленных им заметок. В 6 выпусках за 1899–1902 и 1906 гг. их насчитывается более 100[180]. Набранные петитом, они разные по объему. Некоторые, на-

---

[178] Там же. С. 96.

[179] Кузнецов высоко ценил участие Петунникова в «Каталоге сухих растений...». В одном из писем он писал: «В заключение еще раз усердно благодарю Вас за Вашу энергичную помощь делу обмена и остаюсь глубоко Вас уважающий Н. Кузнецов. P.S. Труды наши в силу финансовых обстоятельств никому решительно даром не высылаются. Но ввиду особых Ваших трудов и помощи по обмену растениями позвольте мне просить Вас принять экземпляр Трудов от меня в знак моей благодарности за Ваше содействие. Я сделаю распоряжение Н.А. (Бушу. – *Г. Л.*) о высылке Вам 3-го выпуска, и Вы его на днях получите. Ваш Н. Кузнецов» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53. Письмо от 9 дек. 1900 г.). Кузнецов просил Петунникова присылать для обмена редкие и критические формы Potentilla, Carex, Euphrasia. Он заказал Петунникову подробную статью о способах собирания Carex'ов, с подобным предложением он обратился к Н.В. Цингеру (о мхах).

[180] *Липшиц С.Ю.* Московские ботаники Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1932) и Алексей Николаевич Петунников (1842–1919) // Бюл. МОИП. Н. С. Отд. биол. 1968. Т. 73, вып. 4. С. 20–22. Вот что писали о «Критических заметках...» Петунникова, печатавшихся уже 2 года, составители упоминавшегося выше «Каталога сухих растений...»: «За эти ценные заметки, мы уверены, настолько же благодарны А.Н. Петунникову все наши сотрудники, насколько и Дирекция Юрьевского ботанического сада, так как А.Н. Петунников взял на себя нелегкую задачу изучать критические формы мало еще изученной русской флоры с точки зрения флористов столь хорошо изученной флоры Западной Европы» (Каталог... С. 88). Петунников приступал к изучению отечественных форм, пользуясь богатым опытом западноевропейских ученых.

пример сравнение Mysotis sylvatica (фиалка лесная) с M. alpestris (фиалка альпийская), представляют собой небольшое исследование с привлечением гербариев Юрьевского Ботанического сада, Ботанического сада Академии наук в Петербурге, частных собраний В.В. Марковича из Тверской губернии и пастора Кукенталя из Швейцарских Альп. Петунникову пришлось пересмотреть не одну сотню старых экземпляров растений, «Флору Богемии» (Flora boëmica. 1794) Шмита и таблицы к ней, хранящиеся в Пражском университете, где ему помогал доктор Бауер. Ему понадобилось проверить все существующие диагнозы. Только после этого он пришел к заключению, что это два не вполне еще обособившихся вида[181]. И такое кропотливое разыскание стоит почти за каждой заметкой. А еще заметки свидетельствуют о том, как щепетильно относился Петунников к определению растений. Раз случилось с ним «прискорбное смешение» при определении Euphrasia brevepila сбора 1897–1898 гг. Он поспешил исправить «невольную ошибку», попросив вернуть ему весь сбор 1898 г. Получив остатки экземпляров, он вздохнул с облегчением. Большая часть определений оказалась правильной. Просто значительная часть растений, собранная студентом Фоминым, была в слишком молодом возрасте, когда характерные видовые особенности не проявляются еще достаточно четко[182].

Способ гербаризации Петунникова, когда одно и то же растение засушивается с цветами и плодами, Кузнецов находил образцовым и рекомендовал его всем участникам обмена.

Следующим шагом Кузнецова в консолидации сил русских ботаников было создание специализированного журнала «Труды Ботанического сада Императорского Юрьевского университета». Программа была заявлена в первом номере журнала: «Способствовать изучению флоры России, будить силы многих любителей нашей отечественной флоры, призывать их к деятельности, объединять их, поощрять их работы на поприще служения русской флоры и указывать недостатки, недочеты в современных флористических работах»[183]. Бодрый, динамичный дух, которым веет от этого обращения, присущ и самому журналу. А еще его отличал демократизм. В нем сотрудничали талантливые ботаники со всех концов России, уже признанные ученые и начинающие исследователи, профессионалы и любители. Журнал привлекал читателей широким реферированием новых работ по ботанике,

---

[181] Каталог… С. 29–32.
[182] Там же. С. 55.
[183] Профессор Николай Иванович Кузнецов // Юбилейн. сб. в честь 25-летия науч. деятельности. Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1913. С. 9.

подробной библиографией новинок научной литературы. Отдел хроники отражал жизнь научных организаций и отдельных ученых с их ботаническими экскурсиями, зарубежными поездками, обращениями к коллегам с просьбами о помощи в сборе и определении растений. В журнале существовала рубрика «Личные известия». Она была приурочена к юбилеям научной деятельности ученых-ботаников. В статьях, помещенных по такому случаю, приводились биографические сведения о юбиляре, давался анализ его научной и педагогической деятельности, а также прилагался список научных публикаций. Именно благодаря этой рубрике мы имеем очерк П. Сюзева о Петунникове-ботанике, приуроченный к 50-летию научной деятельности последнего[184]. Петунников умер в лихую годину гражданской войны, некрологов со стороны ботаников по случаю его кончины тогда не последовало. А вот это свидетельство современника «за здравие» многое открывает в человеческом и научном облике ученого.

Еще раньше, собирая гербарный материал для изучения флоры Московской губернии, Петунников описывал сложные полиморфные роды и виды растений, такие как ястребинка, шелковник, лапчатка, очанка, василек, осока и др.[185], сделавшись, по оценке Липшица, тонким знатоком московской флоры. Свои номенклатурные описания ряда таксонов для эксикат[186] он помещал в немецком «Всеобщем ботаническом журнале» в 1896–1898 гг. (Allgemeine Botanische Zeitschrift. Systematik, Floristik, Pflanzengeographie), в газете «Сад и огород» (1898–1899), в петербургских «Ботанических записках» (1899–1900).

Благодаря сотрудничеству в журнале Кузнецова последнее десятилетие научного творчества Петунникова отражено наибо-

---

[184] *Сюзев П.В.* Петунников как ботаник // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 1. С. 64–69. В преддверии юбилея Петунникова журнал сообщал: «В будущем году исполнится 50 лет научной деятельности одного из лучших русских флористов Алексея Николаевича Петунникова» (Труды… 1911. Т. 12, вып. 1. С. 90). Этот лестный отзыв отражал точку зрения прежде всего редактора журнала Н.И. Кузнецова.

[185] Hieracium, Batrachium, Potentilla, Eupharsia, Centaurea, Carex. Крупной работой этого жанра можно считать критическую обработку рода лапчаток Центральной России (Die Potentillen Central Russland). Это монографическое, номенклатурное и морфологическое описание с подробным указанием местонахождений, в нем автор дал описание нового вида P. okensis Petunn. Петунников привел также местонахождение отдельных видов лапчаток в приокских губерниях: Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской (Тр. С.-Петерб. ботан. сада. 1895. Т. 14, вып. 1. С. 1–52).

[186] Эксикаты – специальным образом собранные в нескольких или многих наборах коллекции точно определяемых растений, снабженные печатными этикетками. Составляются для продажи и обмена.

лее полно и во всех его многообразных проявлениях. В первое десятилетие XX в. он продолжал описание полиморфных таксонов. В журнале «Труды Ботанического сада Юрьевского университета» (1900–1913) появились критические заметки о различных формах лютика, гвоздики, васильков, проломника, ястребинки, терна. Особенно часты у Петунникова описания всевозможных разновидностей осоки (Carex): режущая, нежная, притупленная, шарообразная, ранняя и множество других форм. Сложность изучения связана с тем, что морфологические признаки различных представителей этих родов и видов едва отличимы друг от друга, зачастую для них отсутствуют «ключи», особого рода таблицы, облегчающие их определение. Определение таких таксонов требует большой кропотливой работы. Приходится перебирать массу сухих образцов, искать живые экземпляры во время ботанических экскурсий и в коллекциях ботанических садов, иногда обращаться к искусственному воспроизведению нужной культуры. Исследователю необходимо возвращаться к типовым образцам, к описаниям (диагнозам), сделанным предшественниками, выявлять одни и те же растения, фигурирующие под разными названиями (синонимы). Одна из крупных критических работ Петунникова, относящаяся к началу века, – ревизия среднерусских таксонов некоторых форм рода васильковых (Centaurea)[187].

Петунников продолжал монографическую разработку ряда таксонов, начатую им раньше. В частности, он изучал различные формы Potentilla verna, для чего просил ботаников из различных частей России посылать ему возможно полный не только гербарный, но особенно живой материал[188]. Подобная же просьба относилась к русским видам рода Rubus[189]. Попутно Петунников занимался обработкой рода Batrachium[190]. Редактор журнала Кузнецов рассматривал монографическое направление в систематике, основателем которого считал немецкого ботаника, директора Берлинского ботанического сада А. Энглера, как весьма перспективное. Он полагал, что такого рода исследования проливают свет на запутанные вопросы систематики, географии и истории происхождения растительных форм[191].

Научные статьи и заметки Петунникова этого времени отражали полемику относительно определения различных видов

---

[187] Изв. АН. Сер. 6. 1907. № 11. С. 353–368.

[188] Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 1. С. 51.

[189] Там же. С. 107.

[190] Там же. Т. 1, вып. 3. С. 172.

[191] *Кузнецов Н.И.* Берлинский ботанический сад и его научное значение. Отт. из Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. Юрьев: Тип. К. Маттисен [1909]. С. 109.

растений с коллегами из Германии, Риги, России (Б.А. Федченко, Е. Клеменц) и готовность серьезно заняться разработкой вида Batrachium на основе присланного ему материала[192]. В числе наиболее серьезных аргументов против неверных определений коллег-ботаников (новый вид пихты, якобы открытый Б.А. Федченко) Петунников выдвигал недопустимость использования метода определения высших растений на основании только анатомического строения. Такой метод, думал он, применим лишь к низшим и иногда по необходимости к ископаемым растениям[193].

Монографической обработкой секции Batrachium рода Ranunculus Петунников занимался и в последующие годы. В результате сопоставительного анализа гербарного, живого и литературного материалов он пришел к выводу, что надо установить градацию отличительных признаков, без этого описание, как оно велось до того, теряет всякое научное значение. Петунников заключил, что ввиду крайней изменчивости секции Batrachium под действием биологической среды и других влияний следовало бы произвести в широких размерах опыты культуры различных видов для определения пределов изменяемости различных признаков[194]. Как всегда, Петунников закончил свою статью обращением

---

[192] Тр. Ботан. сада... 1900. Т. 1, вып. 1. С. 31–34; Вып. 2. С. 60–65.

[193] Там же. Вып. 2. С. 62. С ботаниками Федченко, Ольгой Александровной и ее сыном Борисом Александровичем, Петунников часто полемизировал. Он критиковал их работы, касающиеся описания растительности средней полосы России, за пропуски, небрежность определений (иногда в качестве новых фигурировали давно известные виды), за плохое знание соответствующей литературы и гербариев. Особое негодование вызвала у него статья Б.А. Федченко «Новые дополнения к флоре Московской губернии». По мнению рецензента, составитель списка пользовался «тощим материалом», следствием чего стало то, что из заявленных 29 якобы новых видов действительно новыми оказались только 12. Список возмутил Петунникова не только обилием грубых ошибок, но и своей незамысловатостью. «Составление таких голых списков, в которых нет ничего, кроме названия растений и их местонахождений, а другие важные сведения касательно почвы, разнообразных фенологических данных, указания на сопутствующие растения и пр. и пр., заменяются именами лиц, нашедших то или иное растение, это такой устарелый, отживший прием, который пора, наконец, бросить», – писал он. Редакторов естественно-научных журналов Петунников призывал бросить печатание «малосодержательных списков», подобных рецензируемому, в котором «незнанием порождено так много ошибок» (Отт. из журн. «Ботан. зап.». СПб., [1900]. Тетр. 15. С. 8).

[194] О своем намерении заняться выращиванием этого растения Петунников рассказал Сырейщикову. Тот счел процедуру довольно сложной (нужно обзавестись большими и глубокими чанами, устроить поступление проточной воды с разным химическим содержанием солей) и пожелал Петунникову успеха, несмотря на все трудности (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 94. 22.6.1914).

к профессиональным ботаникам и любителям с просьбой присылать ему разнообразный материал из различных уголков России, пользуясь методом сбора водяных лютиков, указанным в его предыдущей статье (См.: Труды… 1900. Т. 1, вып. 1. С. 32–34)[195].

В некотором роде итоговой стала переработка рода Hieracium, проделанная Петунниковым для книги своего ученика. Ему удалось дать «весьма отчетливую и ясную характеристику для всех 33 видов московской флоры»[196]. Подобного рода работу он проделал над родом Potentilla L. для 4-й части этой книги[197]. Недавние находки в русских гербариях свидетельствуют о том, что в последние годы (1889–1909) Петунников упорно занимался сбором ястребинок в Дмитровском и Раменском уездах и в ближнем Подмосковье (Горенки, Вишняки)[198].

Петунников продолжал поиски редких растений в Подмосковье. Редкие экземпляры были найдены им на реках Сетуни и Яхроме Дмитровского уезда и на Оке против Каширы (1905)[199]. Другой такой оазис он обнаружил близ Подольска в бассейне реки Пахры на ее известковых склонах[200]. Петунников составил списки южных видов растений этого региона, привязав их к конкретному местонахождению. Сопоставив их с находками в Серпуховском уезде на левом берегу Оки, он пришел к выводу об их реликтовом доледниковом происхождении.

Его любознательность с годами не убывала. На старости лет он увлекся изучением сорняков, искал новые растения. «Обезножив» в 1912–1913 гг. для дальних поездок, Петунников продолжал экскурсии в ближнем Подмосковье: в Ромашкове, Косине, Томилине, Тропареве, часто с прискорбием наблюдая исчезновение произраставших здесь раньше растений из-за вторжения человека в природную стихию (строительство дачных поселков, мелиорация). Он радовался находке в районе Тропарева зарослей горного погремка, который в течение двух лет тщетно искал близ Томилина. Петунников считал свои обязательства по изучению московской флоры далеко не выполненными. «У меня есть еще так много долга перед московской флорой, что только дай

---

[195] Тр. Ботан. сада…1908. Т. 8, вып. 4. С. 284.

[196] Из рецензии петербургского ботаника И. Палибина на книгу Д.П. Сырейщикова «Иллюстрированная флора Московской губернии». Ч. III. М., 1910. С. 341–367 // Тр. Ботан. сада… 1910. Т. 11, вып. 1. С. 50.

[197] *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии. Ч. IV. М., 1914. С. 98–107.

[198] *Сенников А.Н.* Новые находки видов Hieracium (Asterraceae) в Восточной Европе // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2003. Т. 108, вып. 6. С. 56–57.

[199] Тр. Ботан. сада… 1906. Т. 7, вып. 2. С.123.

[200] Bull. Soc. Nat. Mosc. 1907–1908. T. 21, N 4. P. 53–54.

Бог справиться», – признавался он Вишнякову в 1912 г. и мысленно переносился на берега Оки, «где еще так много есть чего искать и найти»[201]. Снова и снова он возвращался в старые места, чтобы разрешить мучившие его сомнения. Так, он трижды посетил окрестности Нового Иерусалима. Впервые он побывал там с Чистяковым в 1868 г., затем вместе с семьей в 1892 г. и, наконец, после долгого перерыва уже один. Его мучил вопрос, является ли найденное там в единственном экземпляре сибирское растение Mumulus lutens заносным или коренным. Всякий раз картина не менялась: «те же стены, те же мосты, те же монахи и та же растительность». «Никаких перемен, кроме железнодорожного пути на смену дряннейшей дороги, да монахи стали жирнее, да богомольцев поубавилось. А природа все та же», и все тот же в гордом одиночестве Mumulus lutens. Петунников не успокоился до тех пор, пока не нашел на берегу Москвы-реки за Быковом целую заросль таких цветов. Только тогда он утвердился в своем предположении, что это растение не заносное, согласно версии Н.Н. Кауфмана, а «самобытное» в Московской губернии. Неожиданные и повторяющиеся в Подмосковье находки сибирских и даже альпийских видов растений подтверждали их реликтовое, в глазах Петунникова, происхождение. «Разве не заманчиво в этом отношении исследование природы, которая дарит вас разными неожиданностями за вашу наблюдательность», – вопрошал он Вишнякова[202].

Последние флористические работы Петунникова связаны с изучением растительности в окрестностях Баку. В 1910–1911 гг. Алексей Николаевич трижды посетил Баку для изучения его окрестностей, особенно близ селений Сабунчи, Балаханы, Романы, Сурханы. Предварительную работу в этих местностях проделал его сын Г.А. Петунников, занимавший с 1907 г. должность помощника управляющего на одном из нефтяных промыслов в Балаханы. По просьбе отца он начал здесь сборы растений. Они оказались настолько значительными, что некоторые из них (30 названий) были использованы для академического издания «Гербария русской флоры». Всего же за это время Григорий Петунников собрал 220 растений.

Петунников-отец остановился на описании тех форм, которые оказались новыми для данной местности (Апшеронский полуостров), для всей России или хотя бы для Кавказа. Он также описал ряд уже известных форм, требующих более пристального изуче-

[201] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 324. Л. 24, 44 об.
[202] Там же. Л. 29 об.

ния. В описание вида он включил указание места произрастания, сравнение с уже известными видами, отметил морфологические отличия находки, указал на ошибочность прежних определений. В подтверждение верности своих выводов он сослался на экземпляры из существующих гербариев. Петунников сообщил также о намерении Д.И. Литвинова, хранителя Ботанического музея Петербургской академии наук, описать и издать найденные экземпляры Callogonum (раскидистые корявые кусты) вместе со среднеазиатскими формами этого растения в одном из ближайших выпусков «Гербария русской флоры». Действительно, Литвинов окрестил кавказские находки отца и сына Петунниковых их именем (Astragalus petunnikovii Litw., Callogonum petunnikovii Litw., последний – находка Г. Петунникова)[203].

Петунников всерьез увлекся изучением растительности этого засушливого края, какой представлял собою Апшеронский полуостров. На недоуменный вопрос Вишнякова, чем могла его захватить эта скудная флора, Петунников отвечал, что и здесь он нашел много нового и интересного. Правда, осенняя флора, изобилующая колючками и «солянками», требует особой экипировки – нужны плотные рукавицы, чтобы не поранить руки, и геологический молоток, чтобы преодолеть сопротивление плотной каменистой почвы. «И напрасно думаете Вы, – возражал он Вишнякову, – что мне приходится иметь дело с давно известными растениями: в такой мало исследованной стране – непочатый край нового и интересного. Довольно было проэкскурсировать две весны, чтобы найти уже два новых никем ранее не виданных и не описанных растения, притом не «травки» какие-нибудь, а целые кусты Collogonium, заселяющих пустыни». Один из них нашел Гриша, он же нашел хотя и не новый, но никем не указанный в России вид Orobanche. Самому же А.Н. попался неизвестный в России вид ковыля, встречающийся только на побережье Средиземного моря. «Чего же Вам еще?» – недоумевал он, признаваясь одновременно, что определение новых форм потребовало от него немало усилий[204]. Из 200 найденных растений он знал только 5–6 видов, над определением других пришлось поработать несколько месяцев.

После обнародования находок Апшеронского полуострова в журнале Н.И. Кузнецова к Петунникову стали обращаться как к авторитетному специалисту по бакинской флоре, в основном исследователи кавказской растительности. Ю.Н. Воронов, ученик

---

[203] Тр. Ботан. сада…1912. Т.13, вып. 3–4. С. 210–215.
[204] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 137 об.; Там же. № 364. Л. 27 об.

Н.И. Кузнецова, в ту пору ботаник при Кавказском музее Тифлиса, просил Петунникова прислать образцы растений, собранных им в окрестностях Баку, считая их чрезвычайно интересными для флоры Закавказья[205].

Сам Н.И. Кузнецов, автор проекта Flora caucasica critica, обратил внимание на сборы Григория Петунникова. В 1909 г. он писал, что готов принять от него «решительно все», все его находки в окрестностях Баку. Через отца он передал пожелание присылать не только цветы, но и плоды растений, так как без них определение находок затруднительно. Тогда же Кузнецов просил Гришу собрать ранневесеннюю флору близ Баку. Подобные просьбы он обращал и к Петунникову[206].

Сотрудник Тифлисского ботанического сада А.А. Майоров включил найденные Петунниковым растения в общий список растений Ширвинской стены, составлением которого занимался[207] И. Микутович, библиотекарь Рижского общества испытателей природы, послал Петунникову оттиск своей статьи о мхах, собранных в окрестностях Баку в 1894 г., и помог в определении некоторых из них[208]. Выпускник Юрьевского университета П.И. Мищенко высказал свои предположения относительно растения бакинской флоры, в определении которого затруднялся Петунников, и спрашивал его мнение на этот счет[209]. «Всякое растение с Вашими определениями представляет для нас огромный интерес», – писал ботаник Никитского ботанического сада Е.В. Вульф, принимая в дар от Петунникова образцы бакинской флоры[210].

В числе последних статей Петунникова можно отметить заметку о нахождении редкой формы орхидеи в средней полосе России (Московской, Костромской, Владимирской губерниях), тогда как ранее ее находили исключительно в северных и северо-западных землях (Финляндия, Прибалтийский край, Псковская и Петербургская губернии)[211].

Это была последняя статья Петунникова в журнале Кузнецова. В следующем году журнал прекратил свое существование, а его редактор перебрался в Крым, где стал директором Никитско-

---

[205] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 32. 13.1.1914.
[206] Там же. № 53. 30.12.1909; № 53. 31.1.1911.
[207] Там же. № 64. 16.2.1914.
[208] Там же. № 68. 17.1.1912.
[209] Там же. № 69. 27.3.1913.
[210] Там же. № 33. 29.6.1915.
[211] Тр. Ботан. сада… 1912. Т. 13, вып. 3–4. С. 189–190. Еще раньше он возражал против утверждения Б.А. Федченко о вымирании в Московской губернии ряда орхидных растений (Тр. Ботан. сада…1900. Т. 1, вып. 4. С. 213–214).

го ботанического сада (1915–1920). Давнее знакомство при этом не прервалось. Петунников оказался в числе ботаников, посетивших Кузнецова в Крыму. Весной 1916 и 1917 гг. Петунников вместе с семьей приезжал в Крым, останавливаясь на съемной даче в Симеизе. После «благодатной Италии» и «благословенной Швейцарии» крымская «благодать» показалась ему противной и по природе, и по обстановке, ему думалось, что он никогда уже больше не вернется в Крым. Обстановка была тяжелая – рушился привычный порядок вещей, жизнь становилась опасной и с каждым днем дорожала. Оба раза природа встретила Петунникова непогодой: шел непрерывный дождь, и задувал пронизывающий ветер, напоминавший «стужу московских библиотек», все это замедляло распускание растений.

Но ничто не могло скрыть от опытного взгляда натуралиста поступательного шествия крымской весны. «Тут такое удивительное разнообразие форм и так быстро все развивается, что не успеваешь угнаться за всем, что попадается на глаза», – писал Петунников Вишнякову. Облачившись в болотные сапоги и непромокаемый колпак, он лазил по горным дорогам, собирал и с помощью разных ухищрений сушил растения. В первый свой приезд он составил три коллекции: для Вишнякова, большого почитателя крымской флоры, для Сырейщикова и для Никитского ботанического сада, «преобразованного недавно, по примеру Тифлисского сада, в практическое научное учреждение»[212]. Это «учреждение», сельскохозяйственная школа, переживало тот же развал, что и все вокруг: воспитанники отказываются посещать занятия, «устраивают митинги, распевают марсельезу, пьют, едят и спят». Бессильное начальство распустило учащихся, а школу закрыло. Среди поденщиков положение не лучше, они требуют передачи им права выбирать и нанимать рабочих, они чуть было не удалили из-за немецкой фамилии садовника Альбрехта, работавшего в саду чуть ли не 20 лет. И это лишь небольшие зарисовки той разрухи и анархии, которые встретились Петунникову во время его последнего путешествия в мае 1917 г.[213]

Последняя его статья вышла уже посмертно в краеведческом журнале «Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы» (Ялта. 1917 (1920). Т. 7. С. 23–38), редактировавшемся Кузнецовым, и называлась она «Заметки о весенней флоре Южного берега Крыма, преимущественно окрестностей Симеиза». Статья содержала новые интересные факты и список

[212] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 105 об.
[213] Там же. Л. 125.

крымских растений. Помимо относительно крупных статей Петунников опубликовал в журнале Кузнецова множество мелких критических заметок о растениях, о чем подробнее можно узнать в библиографии его работ. В статьях позднего Петунникова в связи с монографической разработкой полиморфных таксонов можно обнаружить интерес к географическому распределению растений, к сезонному диморфизму, расширилась география флористических исследований (Кавказ, Крым).

2.6. В кругу русских ботаников

В разной связи уже приходилось рассказывать о взаимодействии Петунникова с коллегами. Многочисленные письма русских корреспондентов показывают его место в сообществе отечественных ботаников. Сообщество это, занятое изучением безмолвного и внешне статичного «царства растений», обуревали нешуточные страсти. В России складывалась парадоксальная ситуация – при огромных масштабах работы по освоению необозримой территории страны, профессиональных ботаников было крайне мало. Но даже при недостаточном их количестве далеко не все специалисты находили применение своим профессиональным способностям. Приходилось искать приложения сил в других областях деятельности – в школьном преподавании, в фармацевтике, в промышленной и административно-управленческой службе, как это случилось с самим Петунниковым и многими другими.

Существовало встречное движение – люди разных профессий (преподаватели высшей и средней школы, лесники, фармацевты, инженеры, государственные служащие) посвящали свой досуг собиранию и изучению растений. Для многих из них «опасной книгой» стала «Московская флора» Н.Н. Кауфмана, которая приохотила к занятиям ботаникой. Некоторые, такие как Д.И. Литвинов, изначально инженер-механик, или Д.П. Сырейщиков, коммерсант, забросили свои прежние занятия и полностью погрузились в мир ботаники, превратившись в профессионалов высокого класса. Тот же Литвинов рассматривал свою должность хранителя Ботанического музея Петербургской АН как большую удачу, как признание равноправного вхождения в профессиональную среду, возможность общаться с коллегами и пользоваться опытом старших товарищей. То же можно сказать и о Сырейщикове на посту хранителя гербария Московского университета.

Профессиональных ботаников, вступивших на путь научно-педагогической карьеры, ждало много испытаний на этом поприще. Приходилось иногда десятилетиями исполнять обязанности

Г.А. Траутшольд (Иконотека МОИП)

Н.Н. Кауфман (Иконотека МОИП)

И.Б. Ауэрбах
(Иконотека МОИП)

Д.П. Сырейщиков
(Иконотека МОИП)

П.В. Сюзев
(Иконотека МОИП)

И.Д. Чистяков
(Иконотека МОИП)

Х.Я. Гоби
(Иконотека МОИП)

Д.И. Литвинов
(Интернет)

В.И. Липский
(Иконотека МОИП)

И.В. Палибин
(Интернет)

С.И. Ростовцев
(Иконотека МОИП)

С.И. Коржинский
(Иконотека МОИП)

И.П. Бородин
(Иконотека МОИП)

Н.И. Кузнецов
(Иконотека МОИП)

Г.Ф. Вобст (Памяти Густава Федоровича Вобст[а]. М., 1896)

Р.И. Шредер (Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 2. С. 103)

Ф.А. Теплоухов (Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1906. Т. 6, вып. 3. С. 184)

Г. Вильком
(Иконотека МОИП)

П. Ашерсон
(Иконотека МОИП)

A. Engler

А. Энглер
(Иконотека МОИП)

лаборанта на кафедре (С.Г. Навашин, будущий академик), библиотекаря (С.И. Ростовцев) или младшего консерватора ботанического сада (И.В. Палибин); тот же Палибин долгое время работал безвозмездно. Для людей честолюбивого склада, подобных тому же Ростовцеву, прошедшему профессорскую подготовку, учившемуся у европейских знаменитостей и рвавшемуся к самостоятельной работе, это было тяжелым испытанием. В любом вновь защитившемся магистранте он видел возможного конкурента на занятие профессорской кафедры[214].

Быстрое карьерное восхождение молодых талантов (Бородин и Коржинский в Петербурге, Н.И. Кузнецов в Юрьеве) вызывало подозрение и воспринималось некоторыми их менее удачливыми коллегами как следствие интриганства, угодничества, беспринципного карьеризма, готовности идти напролом и проч. Даже стечение случайных обстоятельств, способствовавших карьерному росту и дорого стоившее неожиданным «счастливцам» (И. Чистяков, И.Н. Горожанкин), вызывало много кривотолков. Литвинов, благодарный Ростовцеву за то, что он помог ему утвердиться в обществе ботаников, признавался, что в массе эта среда недоброжелательна и враждебна, особенно по отношению к новичкам, личности, подобные благодушному Воронину, павшему жертвой интриг, здесь редки. Дело доходило даже до того, что среди духовно близких людей возникали недоразумения из-за излишней мнительности по поводу неловко сказанного слова, неверно истолкованного поступка.

Вот в такой непростой обстановке приходилось действовать Петунникову. Ему поверяли свои беды и обиды московские и питерские ботаники. Его хлесткое перо пытались привлечь на

---

[214] По поводу своего соперника, претендента на кафедру систематики в Киевском университете физиолога С.Г. Навашина, в пользу которого в конечном счете склонилась чаша весов, он негодующе писал: «Нет такой отрасли ботаники, где бы Навашин не был специалистом: и бриолог он, и альголог, и миколог, и физиолог, анатом, морфолог, систематик, одним словом, ботаника – это он, он – сама ботаника». Ростовцеву казалось все это тем более обидным, что им, систематиком, пренебрегли в угоду «питерским старикам» (Воронин, Бекетов), тогда как не нашлось никого, кто бы замолвил хоть слово в его пользу, надежды на то, что это сделает его учитель Горожанкин, не оправдались. «Мудреное это дело – получить кафедру», – заключал он (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 89. Письма от 4 апр., 3 мая и 20 июня 1894 г.). Действительно, часто, чтобы получить кафедру, требовалась влиятельная поддержка в профессорской среде и в министерстве народного просвещения. По иронии судьбы после неожиданной смерти Ростовцева в 1916 г. его кафедру ботаники в Московском сельскохозяйственном институте решением совета института занял Навашин (Вестник русской флоры. Юрьев, 1917. Т. 3, вып. 1. С. 78).

свою сторону в борьбе с иногда мнимыми противниками (Гоби против Н.И. Кузнецова и Б.А. Федченко; тот же Кузнецов против Б.А. Федченко и А.Ф. Флерова и Переселенческого комитета). Критика была общепризнанным элементом ботанических изысканий именно ввиду сложности определения растений и неизбежных при этом ошибок, о чем писал Петунникову Кузнецов (См.: Приложение 4, № 31). Петунников к ней часто прибегал, но, надо отдать ему должное, он старался не использовать свой дар в интересах какой-то групповой борьбы. Он критиковал работы Б.А. Федченко, но не в рамках деятельности Переселенческой комиссии, как подбивал его на то Кузнецов, от которой он был далек, а за слабые, как ему казалось, исследования флоры средней полосы России. В этой области он был компетентен и мог предъявить упреки оппоненту в неточности, небрежности, поверхностности описаний, чего старался избегать в собственных работах[215]. В своей критике Петунников старался служить интересам истины, пренебрегая даже личными симпатиями, о чем свидетельствует его достаточно серьезная критика книги Кауфмана.

Московские спутники молодых лет Петунникова Н.Н. Кауфман и И.Д. Чистяков прошли тернистый путь в науке. Кауфман, будучи уже признанным лектором, четыре года состоял в должности «стороннего преподавателя» университета (1861–1865), несмотря на неоднократные попытки факультета и Совета университета ввести его в штат учреждения[216]. Причина была банальной – отсутствие штатной единицы. Только после выхода в 1865 г. в отставку А.Г. Фишера фон Вальдгейма в конкурентной борьбе с его сыном А.А. Фишером Кауфман был выбран штатным доцентом. Звание ординарного профессора (защитился в 1866 г.) он получил лишь за год до смерти в 1869 г. (а умер он 36-ти лет от роду) после ухода из университета С.А. Рачинского[217].

Несмотря на эти невеселые обстоятельства и опасную болезнь, всю жизнь висевшую над ним как дамоклов меч, Кауфман до последних дней сохранял просветленное состояние духа. Он сумел создать вокруг себя атмосферу доверия, дружелюбия, взаимопомощи и заразил ею близких своих учеников Петунникова и Чистякова. «Мир праху твоему, учитель, радушный и незло-

---

[215] В 1916 г. Петунников благодарил Вишнякова за присылку книги Федченко и Флерова и признавался при этом, что «не особенно уважает легкомысленных авторов» (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 108).

[216] Статус стороннего преподавателя лишал права участия в делах преподавательской коллегии, затруднял получение жалованья.

[217] *Щербакова А.А.* Н.Н. Кауфман – морфолог растений и флорист // Тр. ИИЕТ. 1959. Т. 29. История биол. наук. Вып. 4. С. 292–295.

бивый! Пусть твоя светлая, трудолюбивая и даровитая личность послужит надолго священным примером любви к природе, науке и людям!» – так простился с Кауфманом его талантливый ученик И.Д. Чистяков[218].

Чистяков не предполагал тогда, что повторит трагическую судьбу Кауфмана. Жить ему оставалось менее 7 лет. За этот короткий срок он успел утвердить себя как основателя московской школы физиологии и цитологии растений и сделать открытие мирового уровня. Он одним из первых исследовал и описал явление кариокинеза (непрямого деления клеточного ядра). При всем многообразии научных интересов внимание к делению клетки прослеживается уже в ранних работах Чистякова, посвященных изучению спор и пыльцы у различного вида растений[219].

После неожиданного ухода из университета Рачинского (1868) и преждевременной смерти Кауфмана (1870) кафедра ботаники оказалась лишенной преподавателей. Чистякову пришлось спасать положение, но время для него уплотнилось до крайности. Едва окончив университетский курс, он вынужден был взяться в 1870 г. за чтение курса анатомии и физиологии растений в роли все того же «стороннего преподавателя»[220]. Стремительные темпы почти одновременной защиты магистерской и докторской диссертаций (1871), заведование после смерти Кауфмана кафедрой морфологии и систематики растений в университете (1870–1873), руководство Ботаническим садом после 1873 г. потребовали огромного напряжения сил. Эти усилия подорвали здоровье молодого ученого. Раньше, чем пришли научное признание и общественная поддержка, к нему подобралась смертельная болезнь. Уже весной 1871 г. Чистяков вынужден был отправиться в Ялту, которая не подействовала на него, однако, «как живая вода»[221]. Последующие выезды его за границу в 1872–1873, 1875–1876 гг. были связаны не только с научными интересами, но и с попытка-

---

[218] *Чистяков И.* Николай Николаевич Кауфман // Моск. унив. изв. 1871. № 1. С. 61.

[219] *Станков С.С.* К истории русской науки. Профессор Иван Дорофеевич Чистяков и его предшественники в Московском университете: Из истории русской ботаники // Бюл. МОИП. Отд. биол. Н.С. 1946. Т. 51, вып. 2. С. 105.

[220] См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 38 (1869). № 559 (О приглашении кандидата Чистякова читать лекции по анатомии и физиологии растений). Помимо этого Чистякову приходилось читать лекции по ботанике для студентов медицинского факультета (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 40 (1871). № 43 (О приглашении кандидата Чистякова к чтению лекций по ботанике на медицинском факультете). Ему же вменялось в обязанность принимать экзамены по ботанике у аптекарских помощников (Там же. № 57, 66, 593).

[221] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 112. Письмо от 12 апр. 1871 г.

ми в благоприятном климате приостановить действие прогрессирующей чахотки.

Пущенный в научный обиход дарвиновским учением термин «борьба за существование» приобрел в биографии Чистякова вполне реальный смысл. Вспоминая историю с доцентом Гаагом в Московском университете[222], которого его недоброжелатели ославили сумасшедшим, Чистяков писал Петунникову: «Я тоже в одно время не избежал репутации сумасшедшего, меня тоже с участием спрашивали о моих нервах, но почему-то это звание ко мне не прижилось и благодаря этому здравый рассудок меня не оставил, и я не прибег к самоубийству. Но зато я понял, что человечка можно уверить, что он сошел с ума, и довести его до состояния крайнего отчаяния. Бедный Гааг, сначала потерял практику, до того времени огромную, затем случайную, ведь его ославили, хотя с сожалением о потере его рассудка, что ему оставалось? Вот так и борьба за существование. Я изуродовался в ней до того, что исход предвидеть нетрудно; официальные, пошло-казенные сожаления о [нрзб] надеждах, упущенных университетом и людьми вместе со мной, написанные в университетском отчете, послужат крышкой, покрывающей всю эту трагедию в борьбе за существование. Если бы ты знал, как я ломаю голову, чтобы уйти из этого омута! Но печально, что это уже превышает мои ничтожные теперь силы». Безнадежно больной Чистяков доверительно предупреждал «любезного друга Алексея Николаевича»: «Быть или не быть? – вот вопрос, покрытый весьма призрачным мраком неизвестности. Ты не говори никому, что я в таком положении, официально, я ничего – понемногу поправляюсь»[223].

Дружеские отношения между молодыми людьми, возникшие сразу же после появления Чистякова в 1865 г. в близком окружении Кауфмана, после смерти учителя еще больше укрепились. Во время отсутствия Чистякова в Москве Петунников становился его информатором о событиях в столице и в «университетском верте-

---

[222] См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 44 (1875). № 248. О смерти доцента надворного советника Гаага. В формулярном списке Федора Егоровича Гаага ничто не предвещало скорого конца. Но его служебное продвижение определенно схоже с карьерой Чистякова, при внешнем благополучии в нем заметен некоторый надрыв. Выходец из обер-офицерских детей, он упорно трудился, в 16 лет с отличием окончил медицинский факультет Московского университета (1859) и был оставлен на кафедре. В 27 лет (1868) защитил докторскую диссертацию и все еще оставался ординатором (до 1872 г.) в Екатерининской больнице и в своей alma mater. Летом 1874 и 1875 гг. побывал «с ученой целью» в заграничных командировках, удостоился награды кавалера ордена Св. Анны 2-й степени и неожиданно скончался 4 октября 1875 г. в возрасте 34-х лет.

[223] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 112. Письмо от 26/14 февр. 1876 г.

пе». Чистяков живо интересовался сотрудничеством друга в «Русской летописи», просил сообщить и прислать ему первые выпуски «сабанеевского сборника» [журнал «Природа». – *Г. Л.*][224], чтобы составить представление о его направлении; ему хотелось иметь сведения о магистерской диссертации Н.И. Горожанкина и проч.

Оценки молодыми людьми событий университетской жизни часто совпадали, Чистяков разделял, например, скептическое отношение Петунникова к действиям А.П. Богданова. В 1873 г. он пытался даже способствовать устройству университетской карьеры Петунникова. Состояние здоровья Чистякова уже внушало опасения, возможно, он задумывался о подготовке замены себе на кафедре. Но в разгар его «манифестаций» на факультете в пользу Петунникова тот «напал» на заседании в МОИП на сановного президента общества А.Г. Фишера фон Вальдгейма[225]. Это «ратоборство с Фишером» произвело на всех неприятное впечатление, «что я счел довольно неделикатным с твоей стороны относительно меня, что я и беру смелость выразить тебе непосредственно», – писал Чистяков и прекратил свои хлопоты[226]. Этот эпизод вызвал даже небольшую размолвку между друзьями, у обоих, впрочем, хватило здравого смысла, чтобы отодвинуть в сторону свои обиды и сосредоточить внимание на сотрудничестве, в котором так нуждался Чистяков. Он все еще не решался поставить крест на академической карьере Петунникова и торопил его с защитой докторской диссертации в октябре-ноябре 1873 г., ко времени своего возвращения в Россию.

За границей Чистяков продолжал лихорадочно работать. Отсутствие реактивов и микроскопа (он заказал его у знаменитого парижского оптика Наше, но тот задерживался с пересылкой), научных книг раздражало Чистякова, и тогда австрийские Альпы казались ему скучными, тесными, грязными[227]. За границей

---

[224] В этом журнале он вскоре опубликовал свою статью (Общие начала организации растений // Природа. 1874. Кн. 2. С. 107–162). Он спрашивал у Петунникова: «Читал ли мою статью в “Природе”? Я уже готовлюсь писать вторую статью и потому мне интересно было бы знать, разумеется, твое мнение» (НБ МГУ… Письмо от 29 окт. 1874 г.). Основной тезис статьи состоял в том, что причину всего многообразия цветковых растений следует искать в повторяемости и видоизменении, «в так называемой метаморфозе или в превращении первообразной, но тоже сложной ости-оси с листьями, зачаток которой мы видим олицетворенным в зародыше, еще заключенном в семени» (С. 148).

[225] Имея сомнительные заслуги перед наукой, Фишер был обласкан властью и пользовался большим влиянием. Об этом см. подробнее: *Станков С.С.* Указ. соч. С. 103.

[226] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 112. Письмо от 27 июля 1873 г.

[227] Там же. Письмо от 14 нояб. 1872 г.

Чистяков изучал анатомию и физиологию растительной клетки, и микроскоп был ему крайне необходим. Обнаружив у себя признаки чахотки и опасаясь не успеть сделать все задуманное, Чистяков работал с удвоенной энергией. В 1873 г. он подвел некоторые итоги в письме к Петунникову: «Результаты и новости этих [нрзб] исследований так многочисленны, что о них нужно говорить или все, или ничего. На заседания общества [МОИП. – *Г. Л.*] буду посылать через тебя рефераты. Статьи будут направлены в Annales[228]. Статьи об Leaites, Anthaceras и о водорослях еще не написаны. Теперь у меня накопился материал на 5 или 6 статей (для папоротника) по спорам. Завтра принимаюсь за пыльцу и пыльники». Две статьи о папоротниках он уже послал в те же «Анналы...» и ожидал, когда они будут опубликованы. После этого он намеревался специально заняться изучением грибов и водорослей. «Ты по этому уже можешь судить, что я не так беспомощен, как ты, м. б., полагаешь, а все настоящее время нахожусь в корреспонденции чуть ли не со всеми нациями Европы». В процессе работы Чистяков придумал способ препарирования водорослей «неопределенно долгое время», не упуская из поля зрения одни и те же экземпляры, при этом наблюдение велось одновременно на нескольких микроскопах[229]. Станков отмечал чрезвычайную осторожность, с которой Чистяков относился к наблюдению физико-химических процессов в клетке ввиду их крайней неустойчивости. Он изобрел собственные методы приготовления препаратов, пытаясь возможно меньше нарушать жизненные процессы клетки[230].

Несколько осторожно, чтобы не разбудить затаившуюся болезнь, Чистяков писал о себе: «Здоровье отличное пока». Материала для исследований, по его словам, предостаточно. «Только терплю недостаток в книгах и реактивах», – жаловался он.

В 1874 г. Чистяков напечатал в итальянском журнале статью на французском языке о явлении кариокинеза (устаревшее название митоза), о новом, ранее неизвестном способе непрямого де-

---

[228] Речь идет о парижском журнале «Annales des sciences naturelles. V-e sèr. Botanique». Во 2-м номере этого журнала за 1874 г. Чистяков напечатал статью о развитии спорангиев и спор у папоротников.

[229] НБ МГУ. ОРК и К. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 112. Письмо от 27 июля 1873 г. из Швейцарии. Список публикаций Чистякова 1874–1876 гг. в зарубежных изданиях приводится Станковым в указанной выше статье (С. 106, 109).

[230] *Станков С.С.* Указ. соч. С. 106. Станков писал, что и Страсбургер, и Тимирязев упрекали Чистякова в нечеткости рисунков, и находил тому объяснение в исключительно деликатном способе препарирования растений, принятом Чистяковым.

ления клетки у растений и животных[231]. Близко по времени к его публикации появились работы Э. Руссова[232] и Э. Страсбургера, посвященные этому же сюжету. Чистяков считал себя первым в открытии непрямого деления клетки и посвятил последние годы жизни доказательству своего приоритета перед двумя «немцами». Оба они имели русское происхождение, хорошо знали русский язык, самого Чистякова и его работы. В единоборстве с «немцами» Чистяков обратился за помощью к Петунникову.

Чистяков доверил ему литературное редактирование, а иногда и перевод своих статей. 29 октября 1874 г. он писал Петунникову: «Что, исправил ли мой немецкий манускрипт?» И сообщал, что уже получил корректурную таблицу из журнала «Bot. Ztg.» и отправил ее обратно. «Первое сообщение, – продолжал он, – будет напечатано в первом номере 1875 г. Надо поторопиться поскорее послать продолжение, которое у тебя»[233].

9 января 1875 г. Чистяков возвратился к теме публикации своих статей: «Посылаю тебе мою французскую рукопись и согласно известным тебе материалам прошу тебя исправить ее к 12 января, так чтобы к 12 доставить ее мне, т.к. я уведомил комиссию во Флоренции, что 20 января нашего стиля она получит мою рукопись»[234]. Из дальнейшего нашего рассказа станет понятным, что именно имел он в виду.

Чистякова заботил вопрос о приоритете его открытия[235]. 15 декабря 1875 г. он сообщал из Неаполя: «Друг мой Алеша!

---

[231] *Tschistjakov I.* Materiaux pour servir à l'histoire de la cellule végétale. Mémoires 1–3 // Nuovo Giornale Botanico Italiano. 1874. Vol. 6. P. 70–92, 209–234, 257–319 (Материалы к истории растительной клетки).

[232] Эдмунд Руссов (Russow, 1841–1897) – выпускник, а затем с 1865 по 1895 г. преподаватель Юрьевского университета. В 1864–1874 гг. был помощником директора Ботанического сада Юрьевского университета; крупный специалист по мхам.

[233] Речь идет о статье: Beitrage zur Physiologie der Phlanzenzelle // Bot. Ztg. 1875. N 1, 2, 3.

[234] Рукописный текст доклада Чистякова на международном конгрессе ботаников во Флоренции. Позднее опубликован.: Observation sur le développement et la gérmination du Rallen du Canifires. Communication faite au Congrès botanique international de Florence de 18 mai 1874. Florence, 1875.

[235] Станков подробно изложил этот эпизод. Вскоре после объявления Чистяковым о своем открытии Страсбургер в сводной работе по онтогении клеток указал на публикации русского коллеги 1871 и 1875 гг., но умолчал о важнейшей его работе, вышедшей в Италии в 1874 г. (Материалы к истории растительной клетки = Materiaux pour servir à l'histoire de la cellule végétale. Mémoires 1–3 // Nuovo Giornale Botanico Italiano. 1874. Vol. 6. P. 70–92, 209–234, 257–319). Позднее Страсбургер пытался оправдаться тем, что работа Чистякова якобы не давала для своего времени ясного представления о кариокинезе и поэтому не имела существенного значения для изучения процесса деления ядра (См.: *Станков С.С.* Указ. соч. С. 99).

Насилу написал статью для “Bot. Ztg.”. Посылаю ее тебе. Будь другом, – просил он Петунникова, – переведи хотя по кусочкам и пошли в “Bot. Ztg.” [нрзб]. Исправляя статью, ты увидишь, как добросовестно поступают Руссов и Страсбургер. Только не знают, что редакция, видя Руссова своего в таком безвыходном положении, [не напечатает], потому что дальше может идти дело о самой премии, полученной Руссовым[236]. Посылая в “Bot. Ztg.” немецкий перевод, сообщи мой адрес, чтобы на этот раз мне прислали корректуру» (*И далее сообщает свой будущий адрес в Неаполе*). Я пишу [тебе], что насилу написал [ответ], так что уж очень возмутительно было видеть, как немцы стараются меня [засидеть], и ведь нападки основываются на [игнорации] и брошюрах…». По мнению самого автора, его статья написана несколько «разгонисто». «Извини, что направляю рукопись прямо вчерне, полагаю, что все разберешь, переписывать же – это ужасно», – добавляет он.

В архиве Петунникова сохранился этот черновой вариант статьи Чистякова. Она является ответом на публикацию Руссова, появившуюся в 20 и 21 номерах журнала «Bot. Ztg.» за 1875 г. Это довольно большая статья с многочисленными вставками на немецком языке и большой правкой. В ней ведется спор с профессором Руссовым. Петунников, возможно, разобрался в этой весьма трудной для прочтения рукописи. При беглом знакомстве явствует, что Чистяков отнес первую заявку на это открытие к своей ранней работе 1871 г., защищенной чуть позднее в качестве докторской диссертации и опубликованной в «Известиях ОЛЕАЭ»[237]в январе 1871 г.

В подтверждение своего первенства в изучении этой темы Чистяков ссылался на то, что его сообщение появилось в печати за 9 месяцев до мемуара Руссова и за 4 месяца до того, как Руссов представил свою работу в рукописном виде в Петербургскую АН для участия в конкурсе[238]. Этот факт Руссов в своей статье предпочел умолчать, обозначив дату появления своего мемуара

---

[236] В 1873 г. Э.Ф. Руссов был награжден третьей премией им. К.М. Бэра Петербургской АН за работу, посвященную сравнительному исследованию гистологии вегетативных и спорообразующих органов растений (См.: *Манойленко К.В.* Иван Парфеньевич Бородин. М.: Наука, 2005. С. 138).

[237] *Чистяков И.Д.* История развития спорангиев и спор высших тайнобрачных, пыльников и пыльцы явнобрачных. Анатомико-физиологическое исследование. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1871. 99 с. (Изв. ОЛЕАЭ. Т. 9. Ч. 2).

[238] *Russow E.* Vergleichende Untersuchungen bettrefend die Histologie (Histographie und Histogenie) der Vegetativen und Sporenbildenden Organe und die Entwieklung der Sporen der Leitbündel-Kryptogamen etc. // Mém. Acad. sci. SPb. 1872. 7-e série. T. 19, N 1. 207 S. in 4°.

февралем 1871 г., т.е. временем подачи рукописи в академию, тогда как на обороте титульного листа его сочинения напечатано: «Imprimé par ordre de l'Académie Impérial des sciences. Septembre 1872» (Напечатано по распоряжению Императорской Академии наук. Сентябрь 1872 г.). Чистяков привел пример, что «господин Руссов знаком весьма поверхностно даже со схемой развития спор вообще. Вот в чем дело, и оно интересно», – заключал он.

Вдогонку этому письму Чистяков сообщал 28 декабря 1876 г. из Неаполя: «Вероятно, ты еще не принимался за мой перевод. Но когда он будет проделан, ты не посылай его прямо в редакцию, как я просил тебя первоначально, а пришли его мне… Там, кажется, есть резкости, и вообще [следует] пересмотреть переходы на личности и проч.». Далее после печальной сводки о состоянии здоровья Чистяков вновь вернулся к интересующей его теме.

Он писал, что читает книгу Страсбургера, своего соперника, возмущаясь бесцеремонностью автора, и просил Петунникова вставить в текст посланной ему статьи его, Чистякова, соображения на этот счет. В доказательство своего приоритета он приводил факт более ранней публикации собственного сообщения (Bot. Ztg. 1875. № 1–3) и напоминал, кстати, что Страсбургер цитирует его в своей книге. К тому же Чистяков указывал, что на заседании редакции Международного ботанического конгресса во Флоренции под председательством А. Декандоля 18 мая 1874 г. он сообщил о своем открытии и продемонстрировал рисунки. Страсбургер при этом присутствовал. Текст сообщения Чистякова был опубликован (Observation sur le développement et la gérmination du Rallen du Canifires. Communication faite au Congrès botanique international de Florence, de 18 mai 1874. Florence, 1875). Чистяков соглашался, что текст сообщения краток, но такова особенность жанра, зато «само явление наблюдалось мной в такой поразительной ясной форме, в какой его никто никогда не наблюдал, и трудно найти еще что-либо подобное».

Для умирающего Чистякова было делом чести осадить, как ему казалось, бесцеремонного немца. «Но если спускать подобные вещи, – ты видишь, как обделано, – это будет уж чересчур. Во всех случаях с твоими переводами всей статьи я желал бы получить от тебя и некоторые [заметочки] о ней, чтобы не сделать чего-либо неприятного или вообще неприличного. Я сам слишком страстно отношусь к этому кровному делу».

Действительно, довольно долго существовала точка зрения о приоритете Чистякова в этом открытии. Для прояснения этой довольно запутанной истории обратимся к работам З.С. Канцель-

сона[239] и Л.Я. Бляхера, двух биологов, специально занимавшихся изучением истории этого вопроса. По мнению Бляхера, статью Чистякова 1871 г. едва ли можно назвать стартовой в изучении новой формы деления клеток. В ней автор еще неясно представлял строение клетки и картину ее деления[240].

Работу Руссова, появившуюся в 1872 г., Канцельсон и Бляхер рассматривают как пионерскую в истории открытия кариокинеза. На материале развития спор у папоротников автор наблюдал процесс изменения клеточного ядра при его делении. «В работе Руссова едва ли не впервые отчетливо описаны и изображены состоящие из отдельных хромосом метафазные и анафазные пластинки, расцененные не как артефакт, а как закономерное изменение клеток ядра в процессе его деления»[241], – пишет Бляхер. Но Руссов не смог четко и последовательно рассмотреть и описать картину образования и превращения клеток.

По единодушному мнению обоих авторов, не удалось это и Чистякову. При описании развития спор и пыльцы у хвоща и плауна он наблюдал особую форму клеточного деления. Как указал Канцельсон, работая с неокрашенным материалом, Чистяков не мог заметить превращения хромосомы, поэтому он более подробно изучил изменение веретена[242]. Бляхер считает заслугой русского ботаника опровержение бытовавшего тогда представления о растворении ядра материнской клетки и свободном образовании дочерних клеток. Чистякову принадлежит также вывод о том, что дочерние ядра образуются в результате деления материнского ядра. Преемственность фаз митоза ему не удалось уяснить, не сумел он этого сделать и в статьях 1875 г. о развитии спор и пыльцовых зон у папоротниковых из семейства Mattraceae (Bot. Ztg. 1875. N. 33. S. 1–8, 17–26, 33–38, 81–88). Чистяков не смог отличить «пограничное сгущение протоплазмы от материнских и дочерних хромосомных пластинок», тогда как это вполне удалось Руссову[243].

Работа Э. Страсбургера «О клеткообразовании и клеточном делении»[244] появилась в 1875 г. Она содержала более четкое, чем

---

[239] *Канцельсон З.С.* Клеточная теория в ее историческом развитии. Л.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1963.

[240] *Бляхер Л.Я.* Возникновение клеток в онтогенезе // Тр. ИИЕТ. 1960. Т. 32, вып. 7. История биол. наук. С. 28.

[241] *Бляхер Л.Я.* Указ. соч. С. 39.

[242] *Канцельсон З.С.* Указ соч. С. 217.

[243] *Бляхер Л.Я.* Изучение процесса размножения клеток // История биологии с древнейших времен до начала XX в. / Под ред. С.Р. Микулинского. М.: Наука, 1972. С. 487.

[244] *Strasburger E.* Uber Zellbildung und Zellteilung. Iena, 1875. 256 S.

у Руссова и Чистякова, описание митоза. Страсбургер воспользовался рисунками зоолога Бючли, чтобы подчеркнуть единство процессов непрямого клеточного деления у растений и животных[245]. Страсбургер значительно продвинул изучение кариокинеза. К вопросу клеточного деления он возвращался неоднократно уже после смерти Чистякова. В его трудах Канцельсон обнаружил попытку умалить значение работ Чистякова, на эту же тенденцию обращал внимание К.А. Тимирязев. В советское время к этому вопросу обратился С.С. Станков в биографическом очерке о Чистякове[246].

Канцельсон и особенно Бляхер связывают вопрос о приоритете в открытии новой формы деления растительной клетки не только с хронологией, но и с четкостью описания этого процесса у разных авторов. Если же строго придерживаться хронологии, цепочка выстраивается таким образом: Э. Руссов (1872), И.Д. Чистяков (1874) и Э. Страсбургер (1875). Признавая существенный вклад русских биологов в открытие митоза, Бляхер предостерегал от искажения действительного положения вещей, как это случилось в статье Е.А. Шубиной, которая умалила заслуги немецкого биолога В. Флемминга в области изучения митотического деления[247].

Впрочем, представление о приоритете Чистякова в открытии явления митоза сохраняется у некоторых отечественных авторов до самого последнего времени. Так, например, в учебнике А.И. Атабековой и Е.И. Устиновой (Цитология растений. 4-е изд. М.: Агропромиздат, 1987) Чистяков назван первооткрывателем непрямого деления клеточного ядра растительных объектов. Вся история этого открытия заняла не более двух абзацев, имена Руссова и Страсбургера в ней вообще отсутствуют.

---

[245] *Бляхер Л.Я.* Изучение… С. 487.

[246] Станков пишет, что много позже, будучи уже известным ученым, Страсбургер возобновил попытки присвоить себе приоритет открытия кариокинеза. Он выступил с таким заявлением осенью 1893 г. в Генуе на заседании Третьего Международного ботанического конгресса. Тогда И.П. Бородин напомнил немецкому профессору о работах русских цитологов И.Д. Чистякова и В.И. Беляева (1833–1911). Станков считал «забывчивость» Страсбургера вполне осознанной. Он был выходцем из России (родился в Варшаве в 1844 г.), прекрасно знал русский язык, лично знал Чистякова и Беляева и интересовался их работами (См.: *Станков С.С.* Указ соч. С. 100). Следует обратить внимание на дату написания статьи Станкова, это послевоенные 1940-е гг. Тогда многие советские историки были озабочены отстаиванием приоритета отечественных открытий. Из-за отсутствия в русской литературе хорошо документированной биографии Чистякова этот момент, на наш взгляд, требует более тщательного рассмотрения.

[247] *Бляхер Л.Я.* Возникновение… С. 52.

Как бы то ни было, Чистяков умер в разгар борьбы с «немцами» и с убеждением, что его публикации в зарубежных журналах дают возможность подтвердить его приоритет. 3 июня 1877 г. он скончался в Москве на 34-м году жизни, о чем Горожанкин, руководитель кафедры морфологии и систематики растений в Московском университете, сообщил Петунникову[248].

Безвременная смерть Кауфмана и Чистякова стала большой утратой для русской науки. С их уходом Петунников потерял очень дорогих ему людей. Несколько позднее судьба подарила ему знакомство с еще одним ботаником-москвичом Д.П. Сырейщиковым, о чем мы уже писали. В общении с этими близкими Петунникову по духу людьми раскрылись лучшие черты его характера, свойственные ему щедрость и благородство натуры.

К концу 1980-х гг., когда Петунников уже накопил богатый флористический материал и появились некоторые досуги для его обработки, он обнаружил, что ему явно не хватает московских «научных пособий». Об этом он писал позднее Н.П. Вишнякову. Кроме того, после смерти Кауфмана Москва утратила свое значение как крупный центр флористических исследований[249]. Петунников зачастил в Петербург, где была необходимая для работы инфраструктура и сочувствующие его исследованиям ботаники.

Хороший знакомый Петунникова С.И. Ростовцев довольно подробно описал свои впечатления о ботанической обстановке северной столицы последнего десятилетия XIX столетия. Ему, только что вернувшемуся из западных лабораторий, она показалась похожей на болото. Удивляло, как это петербургские систематики умудряются определять растение, не диагностируя его, а лишь «прикидывая» к гербарным образцам и рисункам, обходясь почти без всякого инструмента. Оптику Петербургского ботанического сада Петунников находил допотопной, в отсутствие современных микроскопов и препаровальных луп здесь пользовались ручными лупами еще линнеевских времен. «Можете представить себе ка-

---

[248] Милостивый государь Алексей Николаевич! Сегодня, в ночь, скончался Иван Дорофеевич Чистяков. Сколько я знаю, Вы были в хороших отношениях с покойным, почему я счел нелишним уведомить Вас о его кончине. Чистяков умер спустя неделю по возвращении из-за границы. Готовый к услугам И. Горожанкин (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 112. Письмо от 3 июня 1877 г.).

[249] На рубеже веков для систематиков и флористов предпочтительнее других городов стали Петербург и Юрьев, о чем писал Петунникову В.С. Доктуровский, москвич, волею судеб оказавшийся в Одессе и без особого восторга вновь возвращающийся в первопрестольную. Другое дело, что нужных ему вакансий (ассистента или педагога) в этих городах не оказалось (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 42. 4.02.1908).

чество этих инструментов, бывших в употреблении у нескольких поколений, прочищающих их полою своих камзолов, пиджаков и проч., – возмущался он, но заключал оптимистически: – Зато здесь действительно роскошный гербарий, хороший музей, прекрасная библиотека»[250]. Как раз этого и недоставало Петунникову в Москве.

Он много работал в двух старейших ботанических учреждениях России: в Императорском ботаническом саду (1823) и в Ботаническом музее Петербургской АН (1836). Вокруг этих центров преимущественно концентрировалась ботаническая жизнь северной столицы в XIX столетии, здесь Петунникова привлекало богатство гербарных коллекций. Главный ботаник Петербургского ботанического сада В.И. Липский, обследуя в самом начале прошлого века ведущие ботанические сады Западной Европы, пришел к выводу, что Ботанический сад в Петербурге один из богатейших в мире по составу коллекций. Они насчитывали 1,5–2 млн экземпляров. Немного тогда было гербариев, ведущих счет на миллионы растительных единиц. В этом смысле петербургское собрание превосходил только гербарий Ботанического сада в Кью (Великобритания)[251]. В Москве Петунников испытывал иногда дефицит книг по специальности, особенно старинных. В Петербурге эта проблема разрешалась благодаря обширной, едва ли не лучшей в России ботанической библиотеке Ботанического музея.

В конце XIX в. из Петербурга исходили крупные научные инициативы: издание с 1886 г. первого в России специализированного «Ботанического журнала» под редакцией профессоров А.Н. Бекетова и Х.Я. Гоби; печатание упоминавшегося выше «Гербария русской флоры». С Гоби[252], редактировавшим его статьи, Петунникова связывала доверительная переписка. Гоби опускал иногда излишне ироничные и не вполне лояльные по отношению к патрону (МНП) реплики Петунникова-автора, но был высокого мнения о научных достоинствах его статей. Судя по письмам, они много общались лично, обсуждая перспективы некоторых ботанических проектов и действующих в них лиц (издание «Русской флоры», создание свода русской ботанической номенклатуры и проч.)[253].

---

[250] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 89. Письмо от 12 сент. 1892 г.

[251] *Липский В.И.* Главнейшие гербарии и ботанические учреждения Западной Европы. СПб., 1901. С. 118.

[252] Христофор Яковлевич Гоби (1847–1919) – русский ботаник, специалист по низшим растениям. Выпускник и профессор С.-Петерб. университета.

[253] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 36.

Издательские интересы послужили поводом для знакомства с директором Ботанического сада А.Ф. Баталиным и главным ботаником сада Н.А. Монтеверде, с сотрудником редакции журнала «Труды С.-Петербургского общества естествоиспытателей», позднее профессором С-Петерб. лесного института Л.А. Ивановым, с редактором журнала И.П. Бородиным. Письма последнего, адресованные Петунникову (см.: Приложение 4, № 26–30), свидетельствуют о теплых дружеских отношениях между двумя учеными. Летом 1898 г. Петунников собирался посетить биологическую станцию Бородина на озере Бологое в Новгородской губернии[254]. На станции комплексно изучали особенности пресноводных бассейнов, что привлекало к ней интересы ботаников, зоологов, географов, почвоведов, химиков. Петунников был в числе тех, кто поздравил станцию по случаю ее перенесения на озеро Селигер в 1910 г. Он принес в дар библиотеке станции оттиски статей Кауфмана, Чистякова и своих собственных. Библиотека пополнилась сочинением Сырейщикова «Иллюстрированная флора Московской губернии» под редакцией Петунникова[255].

Ближе всего сошелся Петунников с сотрудниками Ботанического сада и музея. К.Ф. Мейнсгаузен, Н.И. Кузнецов, Д.И. Литвинов, С.И. Ростовцев, И.В. Палибин создавали благоприятный климат для занятий московского коллеги, помогая в поисках гербарного и литературного материала. Сотрудничество и переписка с некоторыми из них длились десятилетиями.

В.И. Липский[256], главный ботаник Санкт-Петербургского ботанического сада (1895–1914), посылал по просьбе Петунникова различные образцы растений из гербария сада, в частности разновидности осок (Carex), и замечал при этом трудности описания такого таксона: «Уж что-что, а Carex описывать из Европейской России – дело, требующее хитрости и смышлености»[257]. Единственным пожеланием к московскому ботанику со стороны

---

[254] Там же. № 37. Письмо от 17 июля 1898 г.

[255] *Голенкин М.И.* И.П. Бородин и изучение русских пресноводных бассейнов // Рус. арх. протистологии. 1927. Т. VI, вып. 1–4. Посвящается академику И.П. Бородину и его 80-летию. С. 5; *Бородин И.П.* Бородинская биологическая станция Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей. Юрьев: Тип. К. Маттисен, 1912. С. VIII.

[256] Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) – ботаник, флорист, исследователь флоры Средней Азии и Кавказа, историк ботаники, чл.-корр. АН СССР. В 1894–1917 гг. работал в Главном ботаническом саду Петербурга младшим и старшим хранителем гербария, главным ботаником, заведующим отделением живых растений

[257] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 61. Письмо от 10 февр. 1898.

сотрудников была просьба оставлять свои заметки в гербарии, способствуя тем самым его обработке[258].

Липский отправил Петунникову свои «лондонские реликвии», копии якобы линнеевских образцов, ветхих, в плохом состоянии и вызывающих сомнение в их подлинной принадлежности великому систематику[259]. В числе посланных растений оказалась интересующая Петунникова Veronica Tenacrium из гербария Линнея (но самого ли Линнея, сомневался Липский), из-за которой велся многолетний спор с Н.И. Кузнецовым.

Попутно Липский сообщал своему корреспонденту о собственных научных планах, о впечатлениях от горных экскурсий («великолепные альпийские, вернее, гляциальные области»), о петербургских ботаниках и их новых работах, о всяческих происшествиях в их профессиональном мире.

В Петербурге Петунников вновь встретился со старыми московскими знакомыми: Литвиновым, Ростовцевым, Палибиным. Среди них наиболее оригинальной фигурой был Д.И. Литвинов. Инженер-механик, он довольно рано обнаружил у себя призвание к ботанике. На пути к осуществлению мечты стояли годы ожидания и работы преподавателем в Калужском железнодорожном училище. Литвинов много экскурсировал в окрестностях Калуги, о чем писал Петунникову, высказывая свои соображения об оригинальной растительности песчаных берегов Оки (1894–1896). Далее судьба занесла его в Ашхабад, здесь с 1896 г. он заведовал учебными мастерскими. Осенью 1898 г., находясь все еще в нетерпеливом ожидании обещанного в Петербурге места, Литвинов сообщал Петунникову из Ашхабада об осенней среднеазиатской флоре и от скуки занимался засушиванием «солянок» (солончаковых растений). К этому времени он был уже хорошо известным ботаником. В течение нескольких лет в 1880-е гг. он сопровождал В.Я. Цингера в его поездках по Средней России. Совместно с Цингером ему принадлежала заслуга открытия в 1892 г. феномена урочища Галичьей горы. Этот уникальный уголок природы на Среднерусской возвышенности в течении верхнего Дона стал местом находок многочисленных горно-альпийских и горно-

---

[258] Там же. Письмо от 10 окт. 1900 г.

[259] Там же. Письмо от 7 нояб. 1900 г. Гербарий, коллекции, библиотека, рукописи знаменитого натуралиста попали в Англию в конце XVIII в., а с 1829 г. стали собственностью Лондонского Линнеевского общества. В.И. Липского этот гербарий разочаровал. Царящая в нем неразбериха, смешение родов и форм, примитивность диагнозов никак не соответствовали тогдашнему требованию «различать формы потоньше», не могли, как ему казалось, прояснить сомнительные вопросы, когда номенклатурные споры приобрели «жгучий характер». Как пример особой неразберихи Липский приводил род Veronica, когда одно и то же растение фигурирует в гербарии под разными названиями.

степных растений, нехарактерных для этой растительной зоны. Открытие вызвало настоящую сенсацию в мире ботаников и привлекло к этому месту многих исследователей.

В 1898 г. Литвинов по представлению С.И. Коржинского занял место ученого хранителя Ботанического музея Академии наук и оставался им до конца жизни. Чтобы добиться переезда в Петербург, потребовались хлопоты Ростовцева и Петунникова, за что он благодарил друзей[260]. Показательно, что среди довольно подозрительных к успехам своих коллег ботаников кандидатура Литвинова не вызвала сомнений. Его ботанический талант признавали сослуживцы, один из них, И.В. Палибин, писал: «Много было званых, но мало избранных; это изречение применимо и к Ботаническому саду, и к нашим университетам, которые каждый год выпускают ботаников, которые нисколько почти не подвигают дело исследования русской флоры и из которых каждому можно пожелать знать так дело, как его знает инженер-механик Литвинов. Если кто-нибудь из них не будет знать работ Литвинова, то его надо высечь крапивой, если же не будет знать моих статеек, то он от этого ничего не потеряет. Какие могут быть сравнения между таким талантливым ученым, как Литвинов, умеющим оценить каждый научный факт и дать ему надлежащее освещение, и мной, человеком, занимающимся флорой каких-то черт знает где находящихся участков Азиатского континента?» [261] Это писалось тогда, когда Литвинов находился еще в Ашхабаде. Когда он занял место хранителя музея, ему было уже 44 года[262].

---

[260] Видимо, незадолго до того, как покинуть Калугу, он писал Петунникову: «Многоуважаемый Алексей Николаевич! Не знаю, как благодарить Вас за сообщение значительных для меня известий и особенно за доброжелательную готовность посодействовать переходу моему на ботаническую службу. И очень бы желал сделаться совсем ботаником, да, признаться, побаиваюсь очутиться в такой профессионально-враждебно настроенной среде» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. Письмо от 24 дек. без указания года, скорее всего, 1896 г.).

[261] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 79. Письмо от 23 июля 1897 г.

[262] Мнение Палибина не было единичным. Первая же статья Литвинова (1891 г.) «Геоботанические заметки», посвященная происхождению степной (черноземной) растительности, обратила на себя внимание ботаников оригинальностью подхода к решению проблемы. С тех пор Литвинов развивал историческое направление в отечественной ботанической географии, которое существовало параллельно с почвенно-географическим. Крупный флорист и систематик, неутомимый путешественник и собиратель растений в отдаленных регионах Российской империи, Литвинов получил особое признание коллег за то, что, изучая взаимоотношение между степной и аркто-альпийской флорой, содействовал прояснению многих спорных вопросов ботанической географии, «способствовал ряду обобщений в истории развития степной, альпийской или арктической флоры» (*Городков Б.Н.* Дмитрий Иванович Литвинов // Природа. 1929. № 11. Стб. 919–926).

С приходом в музей на Литвинова навалилась масса работы, связанной с планами академического начальства. Он определял образцы русской флоры, с избытком поступавшие для «Гербария русской флоры» из разных уголков страны, и стал редактором этого издания. В связи с подготовкой издания «Флоры Сибири», о чем подробнее речь пойдет ниже, он составлял аннотированную библиографию работ по этому региону с указанием маршрутов путешественников и коллекционеров[263], занимался разборкой поступивших коллекций (до 50 собраний), руководил составлением каталога сибирских растений. Позднее ему же было поручено написать исторический очерк музея за 25 лет последнего президентства и проч.[264] При всей своей загруженности Литвинов не упускал случая, чтобы услужить «любезному Алексею Николаевичу». Пересылал ему дублеты новых форм Hieraciae, известно, например, что он доставлял Петунникову аутентичный материал из гербария Ботанического музея для описания последним Diantus polymorphus[265], давал справки относительно частных гербариев и проч.

Почти все корреспонденты Петунниковы отличались критическим складом ума, при случае не прочь были покритиковать начальство, существующие порядки, некоторых своих коллег. Для выходцев из Москвы «больной темой» стали личность и дела «мещанского ботаника», так называли они Горожанкина. Оставляя в стороне научные достижения профессора, ему давали весьма нелицеприятные оценки. В этом смысле Литвинов не был исключением, но он распространил свою критику и на сочинения самого Петунникова и его ученика Сырейщикова. У первого он находил недостаточность исходной базы исследования («желательно, чтобы чувствовалось изобилие материала»), у второго – излишнюю зависимость от западных образцов (подробнее см.: Приложение 4, № 33, 37). Вообще Литвинов был противником посылки русских гербариев на Запад для определения их тамошними специалистами. Он считал, что какой-нибудь Кукенталь (личность почти легендарная среди русских ботаников) едва ли имеет преимущество перед «своим» Мейнсгаузеном в определении русских осок. Более того, в своем захолустье швейцарский пастор не имеет тех литературных и гербарных пособий, которыми располагают пе-

---

[263] *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири // Тр. Ботан. музея Императ. акад. наук. Вып. 5. СПб.: Тип. АН, 1909.

[264] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. Письма от 23 февр. 1903 г., 15 февр. 1904 г., 25 дек. 1913 г.

[265] Каталог сухих растений… С. 23.

тербургские ботаники. В определении русских видов Hieraciae ему тоже «хотелось бы обойтись без Цана»[266].

Откровенная критика сочинений Петунникова и некоторых его привычек нисколько не отразилась на отношениях между учеными. С годами, с приближением старости, они становились все более дружескими. Петунников делился с Литвиновым сокровенной тревогой о судьбе своего фундаментального гербария московской флоры. Литвинов назвал в честь московского друга четыре новых описанных им таксона.

Другой петербургский корреспондент И.В. Палибин[267], был хорошо знаком Петунникову по Москве, видимо, уже тогда они познакомились домами. В 1895 г. директор СПб. ботанического сада пригласил его на должность консерватора. Палибин с благодарностью принял это предложение, оно соответствовало его давнишнему желанию «кое-чему научиться» у знающих людей. «Служба мне по сердцу, – сообщал он Петунникову, – и я очень благодарен Баталину, что он мне дал возможность заниматься делом, которое для меня было, есть и будет всегда приятным»[268]. По его признанию, он был далек от преследования карьерных амбиций, его интересовала только наука, с хорошими людьми старался быть любезным, от высокомерных держался подальше.

Благодушное настроение не мешало Палибину замечать внутренние интриги, связанные с освобождением штатных мест после смерти Баталина в 1896 г. и главного ботаника И.Г. Клинге в 1902[269], в которых оказались замешаны ведущие петербургские ботаники С.И. Коржинский и И.П. Бородин. Палибин даже готов был представить Петунникова на месте покойного Клинге. «Во всяком случае, я был бы душевно рад, видя Вас в числе наших главных ботаников», – писал он[270].

---

[266] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. Письмо от 23 февр. 1903 г.

[267] Иван Владимирович Палибин (1872–1949) – ботаник-флорист, палеоботаник, доктор ботаники (1934), автор работ по изучению флоры стран Дальнего Востока, арктической флоры, флоры третичного периода. Не имея ботанического образования, некоторое время работал на добровольных началах в ботаническом кабинете Московского университета; с 1895 г. – в СПб. ботаническом саду, где только в 1902 г. получил штатную должность помощника младшего консерватора.

[268] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 79. Письмо от 8 авг. 1895 г.

[269] Иван Густавович Клинге (1851–1902) – ботаник, доктор ботаники (1893), специалист по болотам. С 1895 г. работал в СПб. ботаническом саду, сначала библиотекарем, с 1899 г. главным ботаником.

[270] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 79. Письмо не датировано, скорее всего, 1902 г.

Палибин сочувственно относился к ботаническим занятиям Петунникова и ждал его по первопутку в Петербурге для наведения всякого рода ботанических справок. Он всегда был готов помочь в его разысканиях. «Если будут справки нужны какие-либо, я всегда был и буду готов их достать, благо, что в нашем "ботаническом приказе" это очень иногда нетрудно сделать», – убеждал Палибин Петунникова[271]. Он посылал Петунникову свои сборы подмосковных растений, с интересом отнесся к его «Критическому очерку московской флоры» и ждал продолжения. В его лице Петунников нашел собеседника, отзывчивого на всякого рода переживания по поводу «интриг мясницкого ботаника». В одном только Палибин позволил себе перечить Петунникову. Он категорически отказался участвовать в проекте «Русская флора» Кузнецова, впрочем, как и в «Сибирской флоре» Бородина, отчаянного интригана, по его мнению. «Ваши доводы относительно К. и К° [Н.И. Кузнецова и компании. – *Г. Л.*], – писал он, – (не напоминает ли это Вам фирму чайную К и С°?), нельзя не считать убедительными, но дело в том, что я только указывал на своекорыстную (в научном отношении) постановку дела, чужими руками выгребать жар! Если возможность будет, быть может, я соберу для Коржинского 50 штук чего-нибудь около Петербурга [имеется в виду "Гербарий русской флоры". – *Г. Л.*], но для кузнецовской биржи, грешный человек, я не доставлю акций. Некогда Дерпт назывался "холмами на Эмбахе", был чуть ли не храм науки, а теперь его "делают", как сказано "местом торговли" в смысле прямом и переводном»[272]. Эта гневная тирада совсем не отражает сути дела, но она характеризует настороженное отношение ряда ботаников к инициативе Н.И. Кузнецова и Коржинского, о чем речь пойдет ниже[273].

Еще один петербургский корреспондент Петунникова, С.И. Ростовцев[274], нам уже известен. По приглашению А.Ф. Бата-

---

[271] Там же. Письмо от 4 янв. 1897 г.

[272] Там же. Письмо от 23 июля 1897 г. Позднее Палибин широко сотрудничал с Кузнецовым в журнале «Труды Ботанического сада Юрьевского университета» и при обработке ряда видов для «Критической флоры Кавказа», редактируемой Кузнецовым.

[273] Система обмена у Кузнецова была безденежной, стоимость растения оценивалась в баллах, их количество начислялось в зависимости от качества материала, количества запасов и спроса; редкие растения не могли иметь ту же цену, что распространенные.

[274] Семен Иванович Ростовцев (1861–1916) – ботаник-систематик. После окончания естественного отделения физико-математического факультета Московского университета в 1881 г. был отправлен для стажирования за границу, где обучался у профессоров Гебеля и Рейнке (Германия), Варминга (Копенгаген), Ван Тигема (Париж). Вернулся в Россию в 1892 г.

лина в 1892–1894 гг. он работал библиотекарем СПб. ботанического сада. В отличие от Палибина, который был буквально завален работой по гербарию, Ростовцев имел большие досуги и в свободное время занимался чтением лекций, самообразованием и настойчиво искал места, которое могло бы обеспечить профессорскую кафедру. С этой целью он посетил в 1892 г. Юрьевский (Дерптский) университет. Картина научной жизни, исследовательская база, несмотря на славное прошлое университета, показались ему крайне непрезентабельными[275]. Главное же, что его остановило, – бесперспективность развития русского университета в городе, где основное население чухонцы, не знающие ни русского, ни немецкого языка, а преподаватели преимущественно немцы. В 1894 г. ему наконец удалось найти кафедру, он стал профессором ботаники Московского сельскохозяйственного института.

Ученик Н.И. Горожанкина, Ростовцев хорошо знал Петунникова по Москве и старался ему угодить в своей должности библиотекаря. От него в Москву в адрес Петунникова уходили гербарные материалы (в частности, по ивам), литературные справки и самое, пожалуй, ценное для Петунникова – книги из старейшей в России библиотеки. Эта практика была вполне легальной, Ростовцев старался только ускорить дело, испросив оперативно разрешения начальства. По возвращении в Москву знакомство продолжилось и длилось до тех пор, пока Ростовцев не поверил ложным слухам о мнимом переезде Петунникова за границу. Он же обвинил «телохранителей» Сырейщикова и Хорошкова в попытке отстранить его от Петунникова[276].

Завершая цикл о петербургских контактах Петунникова, можно заметить, что в единственной статье, написанной в соавторстве, он выступил в партнерстве с Сергеем Сергеевичем Ганешиным[277]. Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, магистр ботаники (1912), младший ботаник при Ботаническом музее Петербургской АН, в начальную пору знакомства в ноябре 1908 г. Ганешин был еще ассистентом Института сельского хозяйства и лесоводства в г. Ново-Александ-

---

[275] О своих треволнениях, связанных с поисками вакантного места преподавателя высшей школы, Ростовцев подробно сообщал Петунникову, ища у него моральной поддержки (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 89. Письма от 2 сент. 1892 г., 4 апр. 1894 г. и др.).

[276] Там же. Письмо от 3 янв. 1915 г.

[277] *Ганешин С.С., Петунников А.Н.* Stellaria mosquensis M.B. = St. friesana Seringe = St. longifolia Fr. (non St. longifolia Mühlenb // Рус. ботан. журн. 1909. № 3–4. С. 36–39. Авторы показали, что фигурирующее под разными названиями растение было известно ботаникам уже в начале XIX в.

рове Варшавской губернии. В письме к Петунникову он попросил ответить на вопрос: «Stellaria longifolia Fr. = St. l. Mühlenb или нет?» Ответ Петунникова оказался таким, что удвоил объем статьи Ганешина, предназначавшейся для «Русского ботанического журнала». И тогда возникла проблема: что с ней делать? Следует ли напечатать ее как статью Петунникова с «дополнениями С.С. Ганешина» или под двумя фамилиями, или же как две самостоятельных заметки?[278] Было выбрано компромиссное решение, оба автора объединили свои усилия.

После публикации в 1890-е годы монографических работ к Петунникову пришла заслуженная слава крупного флориста и систематика. Ботаники ценили его широкую эрудицию, глубокое знание истории и современного состояния предмета исследования. И еще он был наделен удивительным ботаническим чутьем, которое с годами, с накоплением опыта, только усилилось. Он сам не без удивления признавался Вишнякову, что даже после некоторого перерыва ботанический нюх, который сродни собачьему чутью, ему не изменил. Липский писал, посылая «стащенный» в Лондоне кусочек Potentilla cenerea, что для такого знатока, как Петунников, даже столь малый фрагмент может иметь значение[279]. При этом Петунников был вооружен новыми исследовательскими методами, пользовался достижениями современной оптики и фотографии. Эрудиция, критический склад ума, определенная ботаническая «зоркость» определили его способность к разработке сложных таксонов, что так ценили коллеги.

Похвалы Петунникову, «крупному и опытному флористу», звучат в письмах Коржинского, Бородина, Н.И. Кузнецова. Иногда они кажутся даже несколько преувеличенными в устах этих признанных ученых. Секрет достаточно прост: каждый из них пытался заручиться участием Петунникова в осуществлении некоего замысла. Замысел этот получил название «Русская флора». Название было одно, а реализация проекта мыслилась по-разному.

Мы уже писали, как понимал это дело Н.И. Кузнецов и как он организовал работу. Кузнецова радовало, что при незначительных разногласиях их с Петунниковым мнение о новой «Русской флоре» совпадает. В качестве первого шага, пробного и в неко-

---

[278] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 4. № 34А (от 20 нояб. 1908 г. и 15 апр. 1909 г.).

[279] Там же. № 61. Письмо от 7 нояб. 1900 г. Удивительное совпадение, свидетельствующее о высоком профессионализме. Друг Петунникова кристаллограф Вырубов славился способностью безошибочно, с первого взгляда определять минералы.

тором роде образцового для последующих выпусков этого сериала, Кузнецов полагал реализацию «Критической флоры Кавказа» (Flora caucasica critica). Она выходила на протяжении ряда лет отдельными выпусками, к работе над ней Кузнецов привлек И.В. Палибина, Д.И. Сосновского, Р.Э. Регеля, К.Ю. Купфера, Ю.Н. Воронова, Н.А. Буша и др. В этом издании Кузнецов попытался воплотить концепцию работы, возникшую в ходе дискуссии на страницах его журнала. Он полагал, что общей сводке должна была предшествовать критическая разработка отдельных видов, родов, семейств. В дискуссии о языке будущей работы многие авторитетные ботаники (В.В. Маркович, Н.В. Цингер, В.Я. Цингер, П. Сюзев) высказались в пользу русского языка из-за его доступности для любителей, хотя признавали превосходство латыни в смысле обработанности, выразительности и доступности всему научному миру. В итоге было принято компромиссное решение: диагноз давать на латыни, дихотомические таблицы, географическое распределение и примечания – на русском[280]. И еще один немаловажный принцип выдвигал Кузнецов. Он полагал, что научной и организационной работой проекта должен руководить коллегиальный орган в составе авторитетных ботаников[281]. «В этом издании помимо номенклатурных вопросов большое внимание уделено детальному показу географии видов в пределах Кавказа. Теоретическая устремленность этого труда – выяснение истории флоры Кавказа и филогенеза составляющих ее видов», – писал о книге Кузнецова Е.М. Лавренко[282].

---

[280] По поводу издания Flora Rossica // Тр. Ботан. сада Импер. Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 2. С. 71–75, 108.

[281] Значительным личным вкладом в изучение флоры Кавказа, которой он занялся впервые в 1888 г. и ради которой совершил многочисленные поездки в различные области этого региона, стала книга Кузнецова «Принципы деления Кавказа на ботанико-географические провинции» Зап. Императ. АН (Mémoires de l'Académie Impérial des sciences de St.-Pétersb. VIII série. Classe phisico-mathém. Vol. XXIV. N 1. P. 41). Автор пришел к выводу, что полная географо-ботаническая карта должна быть дана только после полной критической переработки флоры; эта карта должна выстраиваться согласно географическому, вернее орографическому, а не ботаническому признаку, определяющее значение должны иметь водоразделы, а не распределение различных типов растений по поверхности.

[282] Об этом посыле Кузнецов объявил в программной статье на страницах своего журнала. Он считал, что основная задача сериала состоит в том, чтобы «дать полный свод сведений о флоре Кавказа, заново переработанных монографически и освещенных общей идеей – выяснить историю развития флоры Кавказа путем сравнительного, морфолого-географического ее изучения». Вот почему он озаботился прежде всего составлением ботанико-географической карты кавказских провинций. А широкие обобщения отложил до завершения всей работы, на осуществление которой положил 15–20 лет. На более

В апреле 1908 г. Кузнецов послал Петунникову 18 выпусков этого издания и сделал попытку приобщить его к своей работе[283]. «Очень рад я, – писал он, – что Вы сочувственно относитесь к изданию нашему Flora caucasica critica, и позволяю себе обратиться к Вам с усердною просьбою – не согласитесь ли Вы принять участие в этом издании. Так как Вы теперь заинтересовались Asperula, то, м. б., не возьмете ли Вы на себя обработку семейства Rubiaceae. Я выслал бы Вам весь имеющийся у нас материал по этому семейству и материал из Петербургского ботанического сада и Академии наук… – и далее, теша самолюбие корреспондента, продолжал: С Potentilla я всегда мечтал обратиться к Вам как единственному и лучшему знатоку этого рода русской флоры. Но до Potentilla очередь дойдет нескоро, а потому, что, судя по письму Вашему, Вы заинтересовались Rubiaceae, я и позволю себе усердно просить Вас принять участие в этой работе и не отказать принести посильную жертву на это издание. Очень был бы рад, если бы г-н Сырейщиков принял в ней участие или совместно с Вами обработал Rubiaceae[284] или взял другое семейство, например, Caprifoliaceae ⟨...⟩ Я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы оказали мне большую честь и вместе с г-ном Сырейщиковым приняли участие в этом издании. Одно Ваше участие и имя принесло бы огромную пользу изданию», – заключил он. Памятуя о серьезной занятости Петунникова, он не торопил со сроками[285]. Кого бы не смутили такие обольстительные речи? Па-

---

отдаленное будущее в голове Кузнецова созрел уже новый грандиозный замысел – создать монографии со всесторонним описанием всех ботанических провинций Кавказа. Чтобы не терять время зря, он составил вместе со своими «усерднейшими сотрудниками по флоре Кавказа» Н.А. Бушем и Ю.Н. Вороновым план будущего издания «Растительность Кавказа (Ботанико-географические монографии отдельных ботанических провинций Кавказа)». Важнейшим принципом при осуществлении проекта Flora caucasica critica Кузнецов считал непременное сочетание кропотливых кабинетных монографических исследований с полевыми работами: экскурсиями, поездками, наблюдениями на живой природе, так как они дополняют друг друга (*Кузнецов Н.* Дальнейшие задачи изучения флоры Кавказа // Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1906. Т. 8, вып. 3. С. 131–142).

[283] С 1901 по 1916 г. было опубликовано 45 выпусков этого издания, существенную роль в его реализации сыграли Н.А. Буш и А.В. Фомин (*Кузнецов Н.И.* Материалы для флоры Кавказа. Критическое систематико-географическое исследование (Flora caucasica critica). Ч. 1–4. Юрьев, 1908–1916). В советское время работа над флорой Кавказа прекратилась, издание осталось незаконченным (См.: *Лавренко Е.М.* Николай Иванович Кузнецов как ученый: (К 100-летию со дня рождения) // Ботан. журн. 1965. Т. 50, № 1. С. 151–155).

[284] В конечном счете обработкой этого семейства для Кузнецова занялся А.А. Хорошков.

[285] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53. Письмо от 28 апр. 1908 г.

либин, видимо, не устоял; а вот Петунников устоял и «посильной жертвы» не принес, хотя лично явно симпатизировал Кузнецову. Формальная причина отказа лежит на поверхности – это действительно очень плотная занятость муниципальной работой. Но ведь выкроил же он время для своего друга Вишнякова и составил для него гербарий из тысячи растений подмосковной флоры, в чем поначалу отказал. Были и другие, менее явные причины нежелания Петунникова заняться «Флорой Кавказа».

Не внял также А.Н. призывам академиков Коржинского, затем Бородина заняться разработкой «Флоры Сибири». Дело в том, что грандиозный проект «Флоры России», возникший в головах петербургских ученых на исходе XIX в., предполагал изучение растительного покрова огромной Российской империи по отдельным географическим регионам. Необходимость создания новой после Ледебура «Флоры России» была для всех очевидна. Большой объем работы и необходимых для нее затрат побудил Коржинского составить план реализации проекта поэтапно и разбить его на четыре части: флору Европейской России, Сибири, Туркестана, Кавказа и Крыма[286].

Коржинский мечтал создать «Флору России» на русском языке, которая в равной мере удовлетворила бы интересы ученых и широкой публики: аграриев-практиков, сельских учителей, краеведов. Проект и план работы были представлены на рассмотрение императору, который их одобрил и отпустил 21 400 руб. из собственных средств «на обработку и издание «Флоры Сибири» как первого и притом подробного отдела «Русской флоры», – писал Коржинский в письме к Петунникову (См.: Приложение 4, № 25).

Приоритет Сибири в изучении растительного покрова России отвечал интересам Коржинского, который во время преподавания в Томском университете собрал большой гербарный материал по флоре Западной Сибири, но на время отложил его обработку[287].

---

[286] *Бердышев Г.Д., Сипливинский В.Н.* Первый сибирский профессор ботаники Коржинский: К 100-летию со дня рождения. Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-ния АН СССР, 1961. С. 30.

[287] По свидетельству Н.И. Кузнецова, для Коржинского изучение флоры Сибири было живым, привлекательным делом, к которому он относился с огромным энтузиазмом. В свое время «он заинтересовался Сибирью, он полюбил ее и, со свойственной ему колоссальной энергией, начал собирать материал по флоре Сибири, обрабатывать его, обобщать. Работы по флоре Сибири были для него, так сказать, продолжением работ по северо-востоку Европейской России». Помимо флоры Западной Сибири Коржинский во время своих путешествий собрал большой материал по флоре Дальнего Востока (*Кузнецов Н.* Памяти Сергея Ивановича Коржинского // Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 3. С. 171). Внезапная смерть Коржинского стала

С другой стороны, программа Коржинского соответствовала переселенческой политике государства на рубеже XIX–XX вв. Прежде чем отправить массы людей на необжитые территории Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, следовало изучить хозяйственные возможности новых земель: состав почв, растительный покров, климатические особенности – и дать заключение об их пригодности для колонизации. По мере расширения колонизационной политики России, с введением в практику в 1908 г. почвенно-ботанических экспедиций Переселенческого управления, исполнение проекта Коржинского становилось все более актуальным. Объяснения причин монаршей милости по отношению к проекту, возникшие еще при жизни Коржинского, были довольно фантастические. Одни приписывали ее тонкому интриганству ученого и его непомерному честолюбию, готовому присвоить себе одному усилия многих ботаников, а Тимирязев в пылу полемики с противниками дарвинизма рассматривал эту сумму как плату Коржинскому за его книгу «Гетерогенезис и эволюция» (1899), в которой тот отступил от дарвиновской концепции естественного отбора. Тимирязев даже тонко намекал на то, как легко «пересадка в академическое кресло» (так же следствие благосклонного внимания государя, как можно было догадаться. – *Г. Л.*) способствует превращению «убежденного дарвиниста» в «воинствующего антидарвиниста»[288].

Еще до того, как приступили к реализации проекта, Коржинский позаботился о сборе материала для будущей флоры. Под его началом с 1898 г. начал издаваться «Гербарий русской флоры» (Herbarium florae Rossiae), сначала под эгидой Ботанического отделения «С-Петерб. общества естествоиспытателей». Но из-за ограниченности его материальных возможностей и необходимости продавать выпуски «Гербария...», что придавало «предприятию чуждую самому делу окраску», издание в 1900 г. было передано

большой потерей и для проекта «Флора Сибири». Незаменимая утрата для русской науки, по мнению Кузнецова, состояла в том, что Коржинский сочетал в себе качества оригинального мыслителя и серьезного добросовестного исследователя, представляя собой «силу крупную, могучую и вместе с тем вполне честную, гуманную, высокую».

[288] См.: *Тимирязев К.А.* Основные черты развития биологии в XIX столетии // Сочинения. Т. 8. М.: Сельхозгиз. С. 123, 230–235; *Он же.* Чарльз Дарвин и его учение // Там же. Т. 7. С. 34. Одним из немногих, кто поддержал это новаторское по тем временам сочинение, был все тот же Н. Кузнецов. «Он любил заставлять работать не одни только свои руки и глаза, но и мысль, ум. И результатом этой работы мысли, работы смелой, оригинальной, явился недавно новый труд его по вопросу о происхождении видов под заглавием «Гетерогенезис и эволюция», – писал он (*Кузнецов Н.* Памяти... С. 172).

Ботаническому музею Петербургской академии наук[289]. С самого начала в подготовке «Гербария...» принимали участие В.И. Липский и Д.И. Литвинов, позднее последний стал его редактором.

По замыслу Коржинского, «Гербарий...» должен был осуществлять взаимодействие между любителями и профессиональными ботаниками. Любители присылали гербарные растения, а специалисты их определяли. Полученные эксикаты (точно определенные образцы) обменивались на издания ботанических организаций, чаще всего провинциальных, любители посылали взамен новый гербарный материал. Таким образом пополнялись общая копилка «Русской флоры» и отдельные гербарии. Коржинский полагал, что подобное издание, важное для определения и сравнения растений, могло бы принести пользу и их систематике. «Гербарий...» был снабжен латинскими и русскими названиями растений, их синонимикой, цитатами из предшествующих авторов, диагнозами, указаниями места сбора.

Издание выходило отдельными выпусками по 50 номеров, при жизни Коржинского их вышло 4. В нем впервые были представлены многие виды и формы, описанные знатоками русской флоры. По мнению специалиста, это «авторитетное пособие для изучения отечественной растительности» (*Назаров М.И.* Травохранилище Московского университета и его гербарные источники по русским и иностранным флорам // Изв. ГБС СССР. 1925. Т. 25, вып. 3. С. 295).

Петунников охотно посылал растения для «Гербария русской флоры». Он обсуждал с Коржинским правила участия в издании. Академик настаивал на том, что важны не столько правила, сколько участие в работе возможно большего числа ботаников. Он не раз благодарил Петунникова за неравнодушие к судьбе его детища: «Теперь позвольте Вам еще раз выразить мою признательность, – писал он, – за Ваше серьезное отношение к данному делу и надеяться на Ваше постоянное содействие этому, мне кажется, полезному предприятию». И напутствовал в следующем письме: «Собирайте побольше!», делясь своим рецептом высушивания растений в большом решете на русской печи[290].

Литвинов, который в силу служебных обязанностей много занимался гербарием, писал, что в первые же годы в его адрес поступило огромное количество сырого материала. На этом этапе

---

[289] *Коржинский С.И.* Об издании «Гербария русской флоры». СПб.: Изд-во С.-Петерб. АН, 1900. С. 4.

[290] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 50. Письма от 13 янв. 1897 г. и без даты.

работы Кузнецов и Коржинский действовали схоже, хотя и неодинаково. Петунников активно участвовал в обоих изданиях.

Первоначально мыслилось, что проект «Флора России» объединит всех исследователей, пожелавших в нем участвовать. Для этого Коржинский предполагал собрать маленький «съездик», на который помимо петербуржцев намеревался пригласить Н.И. Кузнецова и А.Н. Петунникова, чтобы выработать определенные правила издания, которые предварительно были обозначены в самых общих чертах. Но в 1900 г. он неожиданно скончался в возрасте 39 лет.

Место руководителя проекта занял И.П. Бородин, который подтвердил свою приверженность прежним принципам, т.е приоритет в написании «Флоры Сибири», поскольку «именно на нее даны деньги». Координационный съезд ботаников (Кузнецов, да и Петунников вместе с ним, думал, что хватило бы и заседания секции ботаники на общем съезде естествоиспытателей) по вопросу «Русской флоры» так и не состоялся. Кузнецов и Бородин, каждый по своему разумению, продолжали работать параллельно, один над «Флорой Кавказа», другой – над «Флорой Сибири». Бородин усердно приглашал Петунникова принять участие в его издании, предлагая разработку ряда семейств: «Было бы обидно для дела, которое может осуществиться лишь «viribus unitis»[291], если бы такой крупный и опытный флорист и систематик, как Вы, Алексей Николаевич, наотрез отказались от участия в нем»[292]. Категорический отказ Петунникова последовал незамедлительно. Но настойчивость Бородина можно понять. Предлагаемые условия работы были незавидными – «гонорар 100 руб. за лист, а может быть, больше (Коржинский считал всего 60 руб.), хотя, конечно, и таким гонораром, ввиду массы предварительной работы, людей не привлечешь», – сомневался Бородин[293]. Для начала Бородин предлагал Петунникову заняться обработкой рода Euphrasia, обязуясь доставить весь сибирский материал и не очень торопя со сроками – 2 или даже 3 года[294].

Из корреспонденции петербургских знакомых Петунникова видно, что дело подготовки «Флоры Сибири» продвигалось медленно и часто пробуксовывало. Так, Литвинов в письме от 15 февраля 1904 г. сообщал, что обработка растений почти еще не начиналась. Почти 10 лет спустя он констатировал, что Бородин практически «увяз» в этом проекте. «Надо иметь неиссякае-

[291] Общими усилиями (*лат.*).
[292] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 21. Письмо от 8 сент. 1901 г.
[293] Там же
[294] Там же. Письмо от 7 нояб. 1901 г.

мый кредит и армию сотрудников, чтобы с честью окончить этот “сверхдредноут”», – полагал он. Для достойной реализации больше всего не хватало квалифицированных сотрудников, и «симпатичное предприятие это вылилось в абсурдную форму»[295].

После 1908 г. в процесс изучения флоры Сибири и Туркестана включилось Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗ и З), которое финансировало экспедиционную и издательскую деятельность. Непосредственными руководителями проекта стали главный ботаник Ботанического сада Петербургской АН Б.А. Федченко (занимался описанием растений) и консерватор того же сада А.Ф. Флеров (заведовал экспедициями и редактировал издание).

В 1908–1909 гг. появились первые публикации, связанные с изучением флоры Сибири. Это работы Флерова и Федченко[296], изданные под эгидой Переселенческого управления, а также справочники Бородина и Литвинова[297].

В 1909 г. вышел первый выпуск «Предварительного отчета» об исследованиях в Сибири и Туркестане[298]. Он основывался на материалах биолого-почвенных экспедиций, содержал очерки растительности отдельных регионов Сибири и Средней Азии. Описания растений на русском языке были краткими, довольно подробно описывались местонахождения найденных растений, давались ответы на вопрос о возможности земледелия на обследованных землях.

---

[295] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. Письмо от 25 дек. 1913 г.

[296] *Флеров А.Ф., Федченко Б.А.* Инструкция для ботанических исследований. СПб.: Тип. А.К. Вейерман. 1908. Издание содержало правила для начинающих ботаников и определяло научные и практические цели ботанико-почвенных экспедиций; *Флеров А.Ф., Федченко Б.А.* Иллюстрированный определитель растений Сибири. Вып. 1. Папоротникообразные (Pterydophyta); Вып. 2. Голосеменные (Gymnospermae). СПб.: Типо-литогр. «Герольд», 1909. Первое популярное пособие на русском языке.

[297] *Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции по Флоре Сибири. СПб.: Тип. Императ. АН, 1908. Целый ряд маршрутов был описан впервые; *Литвинов Д.И.* Библиография Флоры Сибири // Тр. Ботан. музея ИАН. Вып. 5. СПб., 1909. 458 с. Труд Литвинова впечатлял своей обстоятельностью: автор рассмотрел прилегающие к Сибири области, особое внимание уделил малоизвестным сочинениям, чаще всего рассыпанным по периодике, упомянул многих коллекторов, владельцев гербариев, участников ботанических экскурсий. Об этих работах с большой похвалой отозвался Н.И. Кузнецов на страницах своего журнала. Он заявил, что трудами Бородина и Литвинова «создан прочный базис для будущей флоры Сибири, и теперь только можно приступить к осуществлению монографической обработки самой флоры» (Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 2. С. 138).

[298] ГУЗ и З. Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане. СПб., 1909–1914. Вып. 1. 1909.

Н.И. Кузнецов пристально следил за публикациями Переселенческого управления. По мере их выхода он все более раздражался, особое его негодование вызывали работы Флерова и Федченко. Самих авторов Кузнецов считал отъявленными авантюристами, самозванцами, порочащими нужное дело, а их сочинения – не выдерживающими серьезной критики. Об одном из них – «Флора Европейской России»[299] – он писал: «Ведь вся их Флора есть компиляция, сделанная не столько пером, сколько ножницами и клеем. Конечно, нехорошо, что почтенный И.П. Бородин никак не может сдвинуть Флору Сибири с места, но все же лучше ничего не печатать, чем печатать работы, подобные работам двух аяксов»[300].

Выход первого выпуска отчета Переселенческого управления Кузнецов принял как сигнал к действию. В одном из номеров своего журнала он намеревался дать «хорошую критику всей высокопросвещенной деятельности этих милых господ», с тем чтобы «наконец бюрократия наша обратила внимание, с кем она имеет дело и кому сыплет она деньги»[301]. Он считал, что некомпетентное и небрежное исполнение задач Переселенческого управления дискредитирует науку. Кузнецов пытался вовлечь Петунникова в «поход против Бориса», отводя ему роль основной ударной силы. «Потому что писать критику, и писать веско, доказательно и внушительно Вы умеете лучше, чем кто-либо другой», – подбивал он Петунникова и призывал «авторитетной рукой» остановить зарвавшихся авантюристов.

Петунников, видимо, уклонился от предложенной ему роли, ссылаясь на предпочтительность созидающей работы перед разрушительной (всегдашний аргумент позитивистов), и тогда Кузнецов напомнил своему корреспонденту о гражданском долге, который не позволяет спокойно лицезреть, как совершается «всяческая мерзость». Когда авантюристы и самозванцы вроде Федченко и Флерова берутся за дело, вместо серьезных ученых приглашаются недоучившиеся студенты, а их руководство подменяется безграмотными инструкциями, «в итоге миллионные деньги народные уходят зря, дискредитируя науку и истощая напрасно нашу скудную казну. У казны нет денег на университеты, на полезные издания, а на эту рекламную аферу деньги есть. Вот почему необходимо наконец прекратить эту панаму, т.е. указать

---

[299] *Федченко Б.А., Флеров А.Ф.* Флора Европейской России. Иллюстрированный определитель дикорастущих растений Европейской России и Крыма. В 3 ч. СПб.: А.Ф. Девриен, 1908–1910.

[300] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53. Письмо от 2 мая 1909 г.

[301] Там же.

Переселенческому управлению, кому оно доверило столь важное, крупное и ответственное дело», – негодовал Кузнецов. Он предлагал Петунникову написать критический разбор первого выпуска «Флоры Сибири» (т.е. предварительного отчета Переселенческой комиссии) и на отчет об экспедициях. Сам же вместе с учениками собирался написать критику на отчет и на научную деятельность Ботанического сада[302], которым прикрывается вся эта авантюра. «Вам тоже и времени нет, и неохота писать все это, но нужно это сделать, – уговаривал он Петунникова…, – сказать свое веское и авторитетное слово обо всем этом»[303].

Петунников не поддался на уговоры. Он вообще старался уклоняться от научных споров, когда они приобретали характер борьбы групповых интересов, возможно, ему не нравилось, что спор может быть истолкован как сведение личных счетов (работы Федченко о среднерусской флоре он ценил невысоко), да и вообще дело казалось обреченным, поскольку силы были неравны – на стороне Федченко и К° оказался «административный ресурс» Переселенческого управления, которому не нужны были подобные разбирательства.

Кузнецов в компании Ю. Воронина, И. Палибина, Ф. Ненюкова все же выступил на страницах своего журнала с критикой почвенно-ботанических экспедиций Переселенческого управления, главным образом их ботанической части, а также ботанических работ, изданных под его эгидой[304].

Кузнецов оставил за собой критику «Предварительного отчета». Внешне она была сдержанной и претендовала на объективность, учитывая рекогносцировочный характер экспедиции. Кузнецов противопоставил успешные результаты Почвенной комиссии, связанной с именами В.В. Докучаева и К.Д. Глинки, ничтожности выводов ботанической части экспедиции. Критик не нашел в отчете дельных рекомендаций о пригодности отдельных местностей для заселения, редкие попытки их необоснованны и часто противоречат заключениям Почвенной комиссии, находил он. При отсутствии единого плана и единого руководства, сла-

---

[302] В связи с проектом передачи Императорского Ботанического сада в Петербурге из ведения ГУЗ и З в состав Петербургской АН Кузнецов в 1908 г. высказал критические замечания в адрес научной работы сада и выступил в пользу объединения Ботанического сада и Ботанического музея АН. Тогда его проект был встречен в штыки сообществом петербургских ботаников. Слияние, в результате которого образовался БИН АН СССР, произошло только в 1931 г. (См.: *Лавренко Е.М.* Николай Иванович Кузнецов как ученый: (К 100-летию со дня рождения // Ботан. журн. 1965. Т.50, № 1. С. 154).

[303] Там же.

[304] Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1909. Т. 10, вып. 2–3. С. 121–139.

бости научного состава (чаще недоучившиеся студенты, начинающие самоучки), чисто формальном характере инструкции, не имеющей никакого отношения к практическим нуждам, отчет продемонстрировал «научную безграмотность», малое знакомство с систематикой и ботанической географией. В общей массе поверхностного, сырого материала Кузнецов отметил как приятное исключение отчеты Б.А. Келлера, И. Смирнова, И.М. Крашенинникова, А.Н. Криштофовича.

Основную причину очевидной несостоятельности «Предварительного отчета» Кузнецов усматривал в неверном подходе к выбору руководителей проекта. Вместо коллегиального выборного органа были назначены сверху два «самозванца», в противоположность ботаническим экспедициям, которыми руководил Почвенный комитет Вольного экономического общества (Труды... 1909. Т. 10, вып. 2–3. С. 133).

В подтверждение правоты своих выводов Кузнецов сослался на замечания Р.Э. Регеля, высказанные им на заседании ботанико-географической подкомиссии ВЭО. Они полностью совпадали с точкой зрения самого Кузнецова: это и поверхностность отчета, и неудачный подбор участников экспедиции, и бесполезность инструкции, не имеющей никакого прикладного значения, а главное, Регель высказал пожелание Переселенческому управлению, «чтобы никогда никто не воспользовался заключениями, сделанными г-ном Флеровым в конце отчета ввиду полной необоснованности их» (Там же. С. 139).

Вместе со своей критикой Кузнецов поместил рецензии Палибина и Воронина на сочинение Федченко и Флерова[305]. В заключении Воронин спрашивал: поскольку определитель издан «на изрядные деньги» Переселенческого управления, каким целям может послужить подобная книга? По его мнению, для специалиста она не нужна, так как не обладает ни научностью, ни критичностью, а для начинающего ботаника она слишком дорога. Для сравнения Воронин обратился к предшествующему сочинению двух авторов «Определитель растений Европейской России»[306],

---

[305] *Федченко Б.А., Флеров А.Ф.* Иллюстрированный определитель растений Сибири. Вып. 1, 2. СПб., 1909.

[306] Кузнецов не оставил без внимания и этот опус двух авторов. Следуя избранной тактике, он начал с комплиментарной части. Заслуга авторов, по его мнению, состоит: во-первых, в попытке дать компилятивную сводку всей европейской части России; во-вторых, в том, что ими была использована система Энглера «как одна из наиболее совершенных современных систем»; в-третьих, в изящном оформлении книги, снабженной «недурными рисунками». А далее следовали уже знакомые упреки: небрежность исполнения, отсутствие критической переработки целого ряда видов, родов и семейств, хотя

которое в свое время так возмутило Кузнецова. Сопоставляя обе работы, он писал о последней из них: «Это такая же компиляция, но уже не скромная и дешевая, а потому доступная каждому, а претенциозная, бьющая на эффект, что называется, «пыль в глаза пускающая и непомерно дорогая». И далее следовало сожаление «о непроизводительной и необдуманной трате денег» Переселенческого управления в связи с изданием книги (Там же. С. 143–144).

Прав был Палибин, когда писал, что Флерова голыми руками не ухватить. По части демагогии он ничуть не уступал Кузнецову. Ответу на критику Кузнецова он посвятил целую брошюру[307]. Флеров оценил критику Кузнецова как выяснение личных отношений и сведение счетов, свойственных «нашей русской общественной некультурности», тогда как эти усилия могли бы быть использованы на пользу интересам государства и самой науки. «В самом деле, – сокрушался он, – чуть ли не впервые официальное ведомство, уступая настояниям общества, печати и ученых собраний, сделало в широком размере попытку призвать на содействие и служение своим практическим задачам представителей научного знания, что могло бы оказать существенную пользу и задачам ведомства, и научным интересам географического и ботанического познания наших отдаленных и мало известных окраин. Организация этого нового и ответственного дела требовала самого серьезного и объективного отношения со стороны ответственных специалистов науки, а между тем не успели еще сказаться даже предварительные результаты первого года рекогносцировочных экспедиций, как по адресу их раздались голоса самой предвзятой

сами авторы указали на необходимость такой обработки. Более серьезные обвинения в прямом плагиате Кузнецов переадресовал Регелю, сославшись на его рецензию в «Вестнике садоводства» (1910. № 2. С. 171–179). Согласно экспертизе последнего, в произвольной выборке из 55 видов удалось с точностью установить источники заимствований для 41. Диагнозы и относящиеся к ним дихотомические таблицы «перепечатаны или переведены непосредственно без изменения (если не считать пропусков целых фраз) и притом без указания или хотя бы намека на заимствование где-либо во всей книге. Почтенные ученые Ашерсон, Буасье, Гребнер, Коржинский, Мейнсгаузен, Шмальгаузен, Янке и, очевидно, еще многие другие, труды которых гг. Федченко и Флеров благоволили перевести или перепечатать, даже не упомянуты во всей книге» (с. 47). И уже от себя Кузнецов добавлял, нужна ли такая книга, которая, даже по мнению ее авторов, заведомо требует критической переработки. В заключение он высказал сочувствие солидной издательской фирме Ф. Девриена, которая взяла на себя печатание этого своего рода «черновика» флоры Европейской России (с. 46).

[307] *Флеров А.Ф.* О почвенно-ботанических экспедициях Переселенческого управления. СПб., 1909.

критики, угрожающей подорвать доверие и уважение к самой науке со стороны правительственных учреждений, имевших неосторожность рассчитывать на содействие представителей науки. Подобная критика в широких кругах способна дискредитировать представителей науки, произведя впечатление ссоры и драки из-за шкуры еще не убитого медведя»[308]. Таким образом, Флеров вернул Кузнецову его обвинения в дискредитации науки.

Мы намеренно так подробно остановились на полемике вокруг сочинений Федченко и Флерова, чтобы хотя бы отчасти понять причины того скептического, а иногда даже брезгливого отношения к ранним работам этих авторов со стороны Петунникова и его петербургских знакомых Липского, Литвинова, Палибина. Впрочем, некоторые работы Флерова нравились Кузнецову. Удачными он называл его оригинальные сочинения о флоре Владимирской губернии[309], по вопросам заболачивания. Позднее, когда страсти вокруг деятельности Переселенческого управления улеглись, и Флеров, и Федченко занялись обработкой ряда родов для «Критической флоры Кавказа», издаваемой Кузнецовым.

Бородин остался в стороне от экспедиционной деятельности Переселенческого управления. Завершив предварительные работы, он приступил к оформлению результатов. Программа «Флоры Сибири и Дальнего Востока», доложенная Бородиным на заседании Физико-математического отделения АН в 1911 г., содержала пункты, сближающие ее с концепцией Кузнецова. Было объявлено, что «Флора...» будет выходить отдельными выпусками. «Сохраняя строго научный характер, она вместе с тем будет общедоступной, благодаря русскому языку, введению дихотомических таблиц для определения и многочисленным рисункам. Латинские диагнозы новых видов или форм, вместе с передачей на том же языке общего географического распространения каждого вида, обеспечит пользование Флорою со стороны западноевропейских ученых»[310]. С этого времени Кузнецов начинает участвовать в издании Бородина, взявшись за обработку нескольких семейств. Он внес свой вклад в разработку ботанико-географического рас-

---

[308] Там же. С. 12.

[309] Сочинение Флерова «Флора Владимирской губернии» опубликовано в 10-м томе «Трудов Общества естествоиспытателей при Юрьевском университете» при поддержке Кузнецова и было в 1901 г. удостоено премии Шестого конкурса им. А.Г. Фишера фон Вальдгейма, проводимого МОИП (Арх. МОИП. 1902. № 787). Оно же послужило основанием для защиты автором магистерской диссертации в Юрьевском университете, поддержанной Кузнецовым.

[310] Цит. по кн.: *Манойленко К.В.* Указ. соч. С. 120–121.

пределения растительности Сибири, положив в его основание тот же принцип, что и в книге о районировании Кавказа[311].

Кузнецов все же не оставлял попыток склонить Бородина в пользу более научного оформления результатов исследований (расположение материала не по административному признаку, а по естественным природным зонам, общие описания, диагнозы, указания местоположений на латинском языке, чтобы сделать издание доступным для иностранного ботаника, и проч). Делалось это и на заседаниях редакционной комиссии, членом которой состоял Кузнецов, и при личном общении (отношения между двумя ботаниками были всегда дружескими). Бородин оставил все предложения Кузнецова без внимания и следовал первоначальному плану работы, в этом его поддержали члены его команды, в их числе оказался и ученик Кузнецова Н. Буш. «Завернувшись в тогу академика, Бородин не двигает и не редактирует издания», – таков был приговор Кузнецова[312]. Вынужденное отступление от требований строгой научности и небрежность в исполнении дела Литвинов счел свидетельством некоторого сервилизма Бородина (см.: Приложение 4, № 36). Но надо понимать, что на Бородина давили и сроки, и недостаточность научных сил.

В 1913 г. вышел в свет первый выпуск «Флоры Сибири и Дальнего Востока», в 1915 г. – второй, в 1919 г. – третий, в 1924 г. – четвертый, в 1930 г. – пятый. Значительный вклад в реализацию этого издания внесли Н. и Е. Буши, А.В. Фомин. После смерти Бородина в 1930 г. издание осталось незавершенным[313].

---

[311] *Кузнецов Н.И.* Опыт деления Сибири на ботанико-географические провинции // Изв. Императ. АН. 1912. № 14. С. 871–897. Он обозначил свое видение проблемы как первую предварительную попытку, поскольку в отличие от кавказского региона растительность Сибири ему была мало известна и он не мог подтвердить правильность намеченных границ непосредственным наблюдением. Основанием для его «предварительного опыта» послужили «блестящие исследования флоры Сибири», под которыми он подразумевал работы Литвинова и Бородина. В основание ботанико-географического деления Кузнецов положил орографию страны, ее естественно-историческое прошлое, воссозданное по показаниям геологов, характерные особенности климата. Он надеялся, что с помощью его работы избранный административный принцип деления сможет быть дополнен распределением растительности по естественным районам.

[312] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53. Письма Кузнецова Петунникову от 30 окт. 1913 и 11 нояб. 1913 г.

[313] Параллельно под редакцией Б.А. Федченко и при поддержке Переселенческого управления выходили выпуски с описанием растительности азиатской части России (Флора Азиатской России. Пг. Вып. 1–7. 1912–1915). Кузнецов в целом оценил это издание высоко, особенно обработку отдельных родов, например, эремурусов, сделанную О.А. Федченко, автором их «обстоятельной и прекрасной монографии». Отсутствие, однако, общего плана и объединяю-

В 1913 г. Кузнецов просил Петунникова дать отзыв на «Флору Сибири» в виде реферата и был готов поместить его в своем журнале независимо от того, будет ли он хвалебным или критическим[314]. Сам Кузнецов был крайне недоволен первым выпуском «Флоры...», он предъявлял к нему все те же претензии о недостаточной научности[315].

Петунников и на этот раз не откликнулся на предложение Кузнецова. Такую видимую индифферентность по отношению к описанию и оценке «неорганичных» для него флор он объяснил однажды в письме к Вишнякову в связи с другим похожим случаем: «Разве можно написать флору какой-либо местности по гербарным экземплярам! Мне недавно было предложено принять участие в составлении флоры Харьковской губернии, и обещали выслать обширный гербарный материал. Я, ни минуты не задумываясь, отказался от этого предложения по той же причине, по которой я ни за что не возьмусь за описание крымской флоры, не ознакомившись с ней живьем»[316].

Столичными ботаниками не исчерпываются профессиональные знакомства Петунникова. Один из его хороших друзей, Николай Васильевич Цингер (1865–1923), сын знаменитого математика и не менее известного ботаника-любителя В.Я. Цингера, появился на свет незадолго до смерти Н.Н. Кауфмана. Цингер-отец пришел в ботанику благодаря увлечению книгой Кауфмана. Крупный специалист по среднерусской флоре, он передал этот интерес сыну. Петунникова и Н.В. Цингера сблизило общее дело – им

щей идеи, такой как история развития азиатской флоры, ее происхождение и причины существующего состава и распределения по материку, существенно снизили в глазах Кузнецова ценность этого сериала (Вестн. рус. флоры. 1915. Т. 1, вып. 2. С. 86).

[314] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53. Письмо от 30 сент. 1913 г.

[315] Уже в 1907 г. Кузнецов жаловался Петунникову, что его журнал не окупает себя, слишком мало подписчиков. 1914 г. стал для «Трудов Ботанического сада Императорского Юрьевского университета» последним из-за перехода Кузнецова на работу в Никитский ботанический сад. Этот действительно блестящий журнал получил продолжение в кузнецовском «Вестнике русской флоры» (1915–1917). «Вестник» издавался по той же программе, примерно в том же объеме и даже в том же оформлении и в той же типографии, что его предшественник. Журнал преследовал цель «способствовать изучению флоры и растительности России и сопредельных стран как в целях чисто научных, так и прикладных». Со свойственной ему чуткостью Кузнецов уловил потребность в прикладных работах. В должности директора Никитского ботанического сада он много занимался пропагандой акклиматизации новых для Крыма промышленных и лекарственных растений (фисташек, маслин, эфироносов и др.). Последний номер «Вестника» вышел в начале 1917 г.

[316] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 130 об.

было доверено представлять Россию в разработке международной ботанической номенклатуры, о чем уже сообщалось. Гоби даже сомневался, будет ли пригоден молодой и еще малоопытный Николай Цингер для такой ответственной роли. У Петунникова подобных опасений не возникало.

Начало их сближения относится к середине 1890-х гг. Окончив Московский университет, Цингер в 1895–1898 гг. работал ассистентом С.Г. Навашина в Киевском университете; в 1898 г., защитив магистерскую диссертацию, он там же стал доцентом. Петунников благоволил своему молодому коллеге. Не раз помогал в определении растений, в 1902 г. послал ему экземпляр последнего выпуска своего «Критического обзора Московской флоры», обсуждал технические вопросы участия в обмене сухими растениями Юрьевского университета. Во время недолгих наездов в Москву у молодого человека возникала потребность в личном общении, чтобы о многом «побеседовать и посоветоваться»[317].

В 1903–1913 гг. Цингер состоял в должности адъюнкта-профессора Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства близ г. Пулавы в Польше (1869), занимаясь изучением вредителей сельскохозяйственных растений[318]. Со временем он стал крупным морфологом, знатоком мхов и высших растений Средней и Юго-Западной России. Из Ново-Александрии Цингер сообщал о своих преподавательских и исследовательских планах, о намерении создать гербарий, которого здесь раньше не было, о нетерпеливом ожидании весны, чтобы познакомиться с «по-видимому, роскошной флорой». Ограниченность научных пособий Ново-Александрии (гербария и библиотеки) вынудила его отказаться от предложения редактировать издание «Флоры Средней и Южной России, Крыма и Северного Кавказа» И.Ф. Шмальгаузена, чем занялся ученик последнего В.И. Липский.

Цингер был огорчен невозможностью Петунникова полностью реализовать свой исследовательский потенциал и высказывал адресату пожелание сделать это с максимальной полнотой. «Имеете ли Вы время заниматься любимым делом? Очень желательно было бы, чтобы Вашему полному знаний и опытности

---

[317] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 111. Письмо от 27 янв. 1902 г.

[318] Видимо, не без влияния работ Цингера Петунников в последнее десятилетие творчества увлекся изучением сорняков и явлениями сезонного диморфизма. Цингер в Новой Александрии проводил широкие наблюдения над разновременно цветущими типами погремка, сформировавшимися под действием разновременных покосов (*Бетнер Р.Г.* Луговые формы льна слабительного – Linum catharticum L. и их вероятное происхождение // Вестн. рус. флоры. 1917. Т. 3, вып. 1. С. 17–35).

критическому исследованию подверглось возможно большее число представителей нашей флоры», – писал он в 1907 г., посылая Петунникову очередную партию растений[319].

Последние годы жизни, удалясь от преподавательской работы, Василий Яковлевич Цингер жил рядом с сыном. Тот передавал Петунникову приветы от отца и писал о его занятиях. В 1907 г., когда В.Я. ушел из жизни, Николай Цингер отослал Петунникова к биографическому очерку в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, написанному учеником отца К.А. Андреевским. Впрочем, полагал он, его биография должна быть известна Петунникову, ведь оба были учениками Н.Н. Кауфмана. «Могу лишь сообщить, – добавлял он, – что отец до последних дней оставался тем же страстным любителем растений, каким я знал его всю его жизнь»[320].

Зная отзывчивость Петунникова к начинающим ботаникам, Цингер просил его взять под свое крыло Владимира Николаевича Хитрово, недавнего выпускника Киевского университета, «очень способного и усердного, но еще чересчур увлекающегося и малоопытного исследователя», который только ждет случая, чтобы познакомиться с Петунниковым[321]. В другой раз он просил поддержать советом и оказать моральную поддержку «мало еще опытному флористу» И.Ф. Файгелю[322]. Во всех случаях Цингер не уставал благодарить Петунникова за память о себе.

Уже упоминалось, как часто прибегал Петунников к помощи коллег при обмене гербарным материалом и литературой, определении растений, для литературных справок при совместных экскурсиях. Переписка в связи с обменом растениями особенно оживилась в 1890-е гг., во время написания флористических работ и монографической разработки ряда сложных полиморфных родов. Ботаники присылали Петунникову флористический материал, необходимый для работы, часто прося помощи в определении тех или иных растений. В 1890-е гг. к нему обращались с предложением гербарных образцов Potentilla: профессор Московского университета В.А. Тихомиров (Карт. 5. № 99. 16.10.1894), выпускник Новороссийского университета П.С. Шестериков. С особой гордостью он сообщал, что одно из растений его собрания было определено профессором И.Ф. Шмальгаузеном (Карт. 6. № 114. 23.10.1895). К этому времени Петунников уже пользовался славой знатока русских разновидностей лапчаток, о чем напо-

[319] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 111. Письмо от 16 апр. 1907 г.
[320] Там же.
[321] Там же. Письмо не датировано.
[322] Там же. Письмо от 23 февр. 1913 г.

минал ему П.В. Сюзев: «Что касается лапчаток, – писал он, – то в отношении русских видов Вы сами, кажется, стоите на почтенной высоте, и поэтому нет надобности обращаться к чужеземным знатокам» (Карт. 5. № 95. 10.4.1898). С подобной же просьбой определить собранные в С.-Петербургской и Псковской губерниях виды Potentilla обратился к Петунникову ассистент С.-Петербургского лесного института Н.И. Пурин (Карт. 5. № 89. 1900). Профессор Юрьевского университета Б.Б. Гриневский (Карт. 4. № 40. 21.2.1901) и Н.В. Цингер благодарили Петунникова за подобную услугу (Карт. 5. № 111. 27.1.1902).

Особенно участились просьбы об определении растений после обязательства Петунникова помогать в этом деле, заявленном в журнале Н.И. Кузнецова. Помимо видов Potentilla ему предлагали для определения экземпляры Euphrasia, Batracium, Claraceae, Carex, Hieracium, Sporangium и др. Ему присылали для определения и пользования образцы и коллекции растений из Московской, Курской, Петербургской, Псковской, Новгородской, Харьковской губерний, из окрестностей Иркутска, Ревеля, Одессы, из Крыма, с озера Баскунчак и пр. Иногда целью таких посылок было желание опубликовать собранные материалы, для чего, по словам директора Тобольской гимназии Т.О. Юринского, нужна была санкция специалиста (Карт. 5. № 117. 9.1.1908).

К Петунникову часто обращались за советом в поисках нужной ботанической литературы. Иногда просто просили прислать нужную книгу с обязательством вернуть ее по прочтении. Такая практика существовала среди ботаников, и Петунников часто ею пользовался, он сам брал книги из академической библиотеки, из частной коллекции Сырейщикова. Корреспонденты благодарили Петунникова за внимание и содействие их ботаническим нуждам. Петунников предоставлял просителям книги из собственной библиотеки, будь то редкая книга Стефана или книга С.И. Коржинского Tentamen Florae Rossica Orientalis, посылал статьи и брошюры любительнице ботаники Е.Ф. Соллогуб, о чем свидетельствуют письма последней, и другим корреспондентам. О фактах дарения книг из его личной библиотеки мы расскажем чуть позднее.

Особенно востребованными оказались книги и крупные статьи самого Петунникова. Он посылал их в ботанические организации, щедро раздавал знакомым ботаникам, профессионалам и любителям, нередко начинающим студентам, откликался на просьбы совершенно незнакомых людей. Трудности в добывании ботанической литературы для провинциальных, часто малообеспеченных любителей побуждали Петунникова обращать особое внимание на эту категорию ботаников. Один из них, пре-

подаватель среднего учебного заведения Владимирской губернии М.И. Назаров, писал Петунникову о книжном голоде, который он старается утолить формированием собственной ботанической библиотеки, и просил прислать экземпляр «Определителя...» или хотя бы копию, сделанную на множительном аппарате (Карт. 4. № 75. 30.5.1913).

Популярности работ Петунникова содействовал ряд обстоятельств, о чем писали его корреспонденты. Это, прежде всего, бедность флористической литературы на русском языке, доступной широкому кругу любителей и начинающих ботаников. Во-вторых, достаточно полная и тщательная разработка московской флоры давала возможность использовать материал его сочинений для изучения более обширного региона, нежели Московская губерния.

Показательна анонимная рецензия на книгу Петунникова «Иллюстрированное руководство...», опубликованная в шестом номере газеты «Русская мысль» за 1890 г. Присутствие рукописного варианта рецензии в архиве Петунникова наводит на мысль, что писал ее кто-то из близкого окружения автора. Впрочем, положительная оценка второго издания книги Н.Н. Кауфмана «Московская флора» диаметрально противоположна мнению Петунникова.

Автор рецензии указал на близость сочинения Петунникова к «Московской флоре» Кауфмана по общности материала и принципу его организации. В качестве достоинства работы он упомянул: 1) чрезвычайно удобное расположение родов и видов не в систематическом, а в алфавитном порядке, что упрощает определение растений; 2) обилие рисунков, что нередко дополняет целый ряд мелких трудно описываемых признаков; 3) полноту списков растений, что дает возможность использовать книгу Петунникова для определения растений всей Центральной России; 4) и, наконец, немаловажное обстоятельство: книга издана «весьма опрятно и по весьма умеренной цене, что особенно ценно ввиду большого числа рисунков». В заключение он определил сочинение Петунникова как «вполне удовлетворительное руководство к определению растений, которое, несомненно, найдет себе широкое применение на практике». Некоторое неудобство формата (для экскурсирования был бы более уместен карманный вариант) можно будет поправить, полагал он, при втором издании книги[323].

Письма корреспондентов Петунникова подтвердили верность прогноза. О несомненной пользе определителя для «многочисленной, хотя и малоизвестной армии любителей природы, ко-

---

[323] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 2. № 6. Л. 1 об.

торым только изредка приходится определять растения» писал Петунникову О.Е. Клер (Карт. 4. № 49. 8.1.1890). Председатель земской управы Московского уезда ботаник-любитель А.К. Варженевский предполагал, что определитель Петунникова станет настольной книгой для каждого любителя растений, и желал: «Дай Бог, чтобы почаще появлялись подобные руководства на русском языке!» При этом он ждал капитального труда Петунникова по московской флоре, поскольку второе издание книги Кауфмана не оправдало его надежд (Карт. 4. № 25. 2.2.1890). Уральский знакомый Ф. Теплоухов сообщал Петунникову, что воспользовался его книгой, чтобы справиться об отличительных признаках некоторых близких видов ив, и получал всякий раз вполне удовлетворительные результаты. Он сетовал только, что определитель, рассчитанный на употребление в Европейской России, будет всегда содержать некоторые существенные пробелы по отношению к уральской флоре, на которую заметно влияет близость Сибири (Карт. 5. № 97. 14.12.1890).

Книга Петунникова получила признание как учебное пособие для начинающих ботаников. Сотрудник Ботанического музея АН, заместитель председателя Комитета сельскохозяйственных женских курсов Н.А. Буш справлялся у Петунникова, где можно приобрести хотя бы 10 экземпляров «Определителя...» для женских курсов «по цене, необременительной для курсисток, из которых большинство, как всегда, плохо обеспечены» (Карт. 4. № 23. 25.7.1902). Аналогичное пожелание высказал руководитель кружка для исследования русской флоры при Московском университете Мурашинский. Он просил Петунникова прислать несколько экземпляров «Иллюстрированного определителя...» и других его работ, которые могли бы послужить пособием для членов кружка (Карт. 4. № 72. 7.2.1908).

Следующая флористическая работа Петунникова «Критический обзор Московской флоры» получила высокую оценку у профессионалов. Критикуя автора за недостаточность отечественного флористического материала, Литвинов счел книгу весьма полезной «для всех и немосковских ботаников» (Подробнее см.: Приложение 4, № 33). В.В. Маркович, лесничий, позднее директор Ботанического сада в Сухуми, благодарил Петунникова за присылку очерка, «полезного для любого ботаника, даже далекого от этой флоры». «Ваше именно критическое отношение к найденному материалу помогает в составлении новых списков найденных растений и помогает их определению, помогает разобраться в трудных флористических вопросах», – писал он (Карт. 4. № 65. 17.7.1879). Н.В. Цингер высказал надежду, что

данный, «бесспорно, весьма важный для русской флористики труд» найдет продолжение в еще более фундаментальной работе в этом же направлении (Карт. 5. № 111. 27.1.1902).

Особую благодарность русских ботаников вызвал «Свод ботанических терминов...», книга по систематике и номенклатуре растений, в которой испытывали большую потребность и профессионалы, и любители. Эту книгу, судя по письму Теплоухова, ждали с нетерпением (Карт. 5. № 97. 20.11.1895). Скупой на похвалы Литвинов высказал общее мнение, когда писал: «Отныне у меня, да и у многих, она, конечно, будет настольной книгой» (См.: Приложение 4, № 34). Тираж оказался настолько мал, что книга досталась только участникам IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. На Петунникова посыпались с разных сторон запросы: где можно добыть книгу, которой нет у книготорговцев Москвы, Петербурга, Одессы? Петунников как мог помогал из своих собственных запасов. За присылку «Свода...» его благодарили студент Петербургского университета Борис Левандовский (Карт. 4. № 60. 1899), упоминавшийся выше П.С. Шестериков (Карт. 5. № 114. 16.8.1898). После выхода в 1912 г. второго издания книги многие знакомые Петунникова получили ее в дар от автора.

Совместные экскурсии были своеобразной формой общения ботаников. Это был особый ритуал, к ним заранее готовились, их ожидали как праздник, им отдавали досуги воскресных и праздничных дней. Наметив сроки, с трепетом следили за изменениями погоды, чтобы она не сорвала наблюдения за сезонным развитием растений – их цветением, завязыванием и созреванием плодов. В коллективных походах ценили возможность непосредственного обмена впечатлениями. Первые выходы на природу Петунников начал рано вместе с Н.Н. Кауфманом. Дальше он продолжал их вместе с сокурсниками, друзьями, учениками, знакомыми ботаниками-любителями. Один из них, москвич, преподаватель истории в средней школе П.П. Мельгунов, приглашал Петунникова съездить в Кунцево, взглянуть на найденную им новую «травку», заранее предупреждая, что свободен только по праздникам и вечерам будничных дней (Карт. 4. № 67. 6.5.1884).

Особой популярностью у ботаников пользовались совместные поездки в район известняковых отложений на левом берегу Оки близ Серпухова. Еще Н.Н. Кауфман указал на своеобразие растительности этих мест, она отличалась от соседней и больше напоминала южную. Причины такой оригинальности интересовали многих ученых, в том числе знакомых Петунникова, посетивших «набережную Оки», Д.И. Литвинова, В.И. Талиева, А.Ф. Флерова. Существовало несколько версий происхождения

приокской флоры: заносная (занос южных растений течением реки, движущейся с юга на север, или передвижениями человека) и реликтовая (остатки доледниковой растительности, характерные для некоторых других районов Европейской России). Петунников склонялся к последней, он многократно посещал берега Оки близ Серпухова в одиночку или в компании коллег. В 1898 г. он получил приглашение от фармацевта и руководителя кружка любителей флоры К.К. Гейдена поучаствовать в такой коллективной поездке вместе с Цикендратом, Шатерниковым, Голенкиным. «Не будете ли Вы, глубокоуважаемый Алексей Николаевич, так милостивы поехать с нами на Оку, что было бы для нас весьма отрадно и полезно», – писал организатор экскурсии, озабоченный тем, чтобы не пропустить пору цветения растений (Карт. 4. № 35. 27.4.1898).

Предложения продолжали поступать и позже. Организаторы выездов подчеркивали заинтересованность экскурсантов в присутствии Петунникова. Один из них, врач, исследователь Московской губернии А.А. Асс, так и писал: «Так или иначе, для меня и для всех прочих будет очень ценно, конечно, ваше участие» (Карт. 4. № 19. 6.5.1913). В Петунникове ценили знатока флоры и живого, компанейского человека.

В первое десятилетие XX в. (1906–1913) Петунников пользовался иногда гостеприимством и находками графини Е.Ф. Соллогуб, владелицы имения Рождествено-Телятьево Серпуховского уезда интересующего его приокского района. Ко времени их знакомства графиня уже 15 лет серьезно занималась изучением местной флоры. Она любезно предоставила Петунникову свой гербарий окской флоры, поразивший исследователя разнообразием форм. В этом регионе Петунников нашел много новых для московской флоры растений. Имение графини служило отправным пунктом для увлекательных путешествий по левому притоку Оки реке Наре, местности особенно привлекательной по части интересных находок. Не всегда погода благоприятствовала этим экскурсиям. Но Петунников признавался, что успел совершить 3–4 таких похода. Один из них он предпринял в обществе пяти спутников, «любителей местной флоры», которых привез с собой из Москвы. После радушной трапезы в доме графини вся компания во главе с молодой хозяйкой, прекрасным ходоком, двинулась по течению Нары осматривать заповедные места. Вся экскурсия заняла 8 часов. В дороге путешественников накрыл проливной дождь. Благодаря своим неизменным болотным сапогам Петунников пострадал меньше других, вся остальная часть группы, явив-

шаяся в городской обуви, на следующее же утро ретировалась[324]. Этот курьезный эпизод свидетельствует о случайном составе группы Петунникова. Опытные ботаники всегда имели при себе средства защиты от непогоды – непромокаемый плащ и сапоги, и особенно непроницаемый футляр для папки с растениями.

Петунников обнародовал находки Соллогуб в 3-м выпуске своего «Критического очерка». Графиня ценила помощь и научное руководство Петунникова, особенно она дорожила возможностью быть хоть чем-то полезной науке. Она всегда была готова откликнуться на любую просьбу о присылке растений. Ее гостеприимство распространялось и на всех знакомых Петунникова. «Всякий человек, привезенный или рекомендованный Вами, всегда найдет у нас радушный прием», – уверяла она (Карт. 5. № 91. 16.8.1913).

Соллогуб была одной из представительниц многочисленной армии любителей ботаники, серьезно и увлеченно занимавшихся познанием родной природы. Их значение для развития отечественной ботаники XIX в. трудно переоценить. Они поставляли обширный флористический материал профессионалам, о чем напоминал в одном из писем к Петунникову Н.Н. Кузнецов (См.: Приложение 4, № 31). В бумагах Петунникова сохранился список коллекторов, дополнивших список растений Московской губернии Н.Н. Кауфмана. Большую часть его составляли любители: Н. Варгин, К.К. Гейден, А.А. Хорошков, Е.П. Шереметева, А.Г. Арефьев, Б.М. Кульков, В.А. Вяземский, П.В. Сюзев[325]. Особенно ценилась у некоторых из них возможность более подробных фенологических наблюдений, чем не могли похвастаться многие профессиональные ботаники, наблюдавшие жизнь растений эпизодически.

Среди корреспондентов Петунникова число ботаников-любителей велико, просто невозможно перечислить их всех поименно. Особенно много знакомых было у Петунникова в интересовавших его регионах: в Можайском, Подольском, Рузском уездах, где он много экскурсировал. Некоторые знакомства носили эпизодический характер и исчерпывались 1–2 письмами в связи с обменом и определением растений. Иные оказали значительное влияние на Петунникова, хотя и были непродолжительными.

В начале 1860-х гг., будучи еще студентом Московского университета, Петунников познакомился с И.А. Нетупским. Тогда они совместно экскурсировали по Подмосковью, следствием чего

---

[324] ЦИАМ. Ф. 1334 (Н.П. Вишнякова). Оп. 1. № 364. Л. 49 об.–50.
[325] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 6. № 162.

стал гербарий Нетупского. Вскоре он уехал из Москвы и поселился в Ельце. В 1862 г. Нетупский писал из Ельца о совместных с дьячком тамошней церкви экскурсиях в окрестностях города. Оба они увлеклись изучением лечебных свойств местных растений. Нетупский справлялся у Петунникова о ботанической и геологической литературе по Орловской губернии и по окрестностям Ельца (Карт. 4. № 77. 24.10.1862). Затем он пропал из поля зрения Петунникова, который интересовался его судьбой и гербарием. Только в 1914 г. удалось узнать некоторые сведения о Нетупском от Г.И. Ширяева, выпускника Харьковского университета. Некоторое время Нетупский жил в Курске, где служил помощником провизора, затем открыл собственную аптеку. Тогда он много экскурсировал с Л.В. Рейнгардом[326]. Он умер от туберкулеза в начале 1880-х гг., а гербарий его попал в Харьковский университет (Карт. 5. № 145.18.3.1914). Очевидно, в поисках Нетупского помог В.М. Арнольди, знакомый Петунникова по Московскому университету, в 1909–1919 гг. он был профессором Харьковского университета. Он же переслал Петунникову гербарий Нетупского (Карт. 4. № 16. 8.2.1914).

Чрезвычайно кратким, но содержательным было общение Петунникова с Владимиром Вяземским, ботаником-любителем, исследователем Тамбовской губернии, где находилось его имение. Знакомство состоялось благодаря рекомендации Кауфмана, к которому молодой человек обратился за помощью. Вяземский сообщил Петунникову, что занимается исследованием глюкозидов, материал о которых нашел в диссертации последнего. Он полагал, что вопрос о глюкозидах, хромающий, по мнению диссертанта, с химической точки зрения, мог бы приобрести новое освещение, если бы за него взялись физиологи и анатомы. Вяземский набросал для Петунникова план своей работы и просил помочь ему в поисках нужной литературы. «Елатомский уезд изобилует большей частию псарными дворами, а не книгами», – сетовал он.

Вяземский писал также о работе над составлением Sistema regni vegetalis provinciae Tambov (Система растительного царства провинции Тамбов) (заметим, что петунниковская публикация о тамбовской флоре появилась в 1865 г.), растения которой уже частично определены и был готов прислать список растений, собранных в Борисоглебском и других уездах. Он был уверен,

[326] Людвиг Васильевич Рейнгард (1847–1920) – русский ботаник, альголог. Его биография проясняет некоторые темные места в истории Нетупского. В 1860-е гг. он учился в Курской гимназии, но не окончил ее. В 1866 г. перебрался в Харьков, где окончил университет и с 1880 г. преподавал в качестве приват-доцента, с 1886 г. – ординарного профессора.

что собранного материала достаточно, чтобы не составить какой-нибудь «набросок», а дать более или менее полный обзор тамбовской флоры, в котором значительное место должна занять ботаническая география[327].

Вспоминая предостережение Петунникова о неприложимости только административно-политического принципа для изучения ботанической географии, он предложил собственное членение в зависимости от физических особенностей каждой местности. Пример подобного исследования он находил в сочинении Л. Сабанеева о фауне Ярославской губернии. Такая работа трудоемка, но польза от нее несомненна – она дает материал для изучения сопредельных областей биологии: энтомологии, орнитологии и др.

Вяземский вступил с Петунниковым в спор по поводу метода ботанических исследований. Для него, как он уверял, предпочтительнее дедуктивный метод – он думал, что лучше начать с общей картины и уже после перейти к исследованию отдельных уклонений и частностей, тогда как Петунников шел от частного к общему. Вяземский находил преимущество своего метода в том, что он скорее дает материал для выводов ботанической географии, энтомологии и проч.

Вяземский называл себя новичком на скользком пути науки и обращался к Петунникову как к наставнику на этом новом для него поприще. Будь у него под рукой экземпляр разновидности Galium rubiodes со зрелыми плодами, он назвал бы ее в честь Петунникова G. rubiodes var. petunnikovii, признавался Вяземский.

В последнем письме (а их всего два) Вяземский сообщал о застарелом катаре, о возможной поездке за границу для его лечения, о желательности совместной поездки с Чистяковым для этой цели («недурно бы нам ехать вместе, и дешевле, и сердитее бы вышло» (НБ МГУ ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 33. 7.2.1870). Судя по всему, его постигла ранняя смерть, как Чистякова и Кауфмана, которому он еще в марте 1870 г. передавал привет: «При свидании прошу Вас передать Николаю Николаевичу Кауфману,

---

[327] Вяземский опубликовал список цветковых растений, собранных в 1866–1868 гг. в Елатомском уезде Тамбовской губернии (424 вида) с указанием во многих случаях местонахождений и местопребываний в «Бюллетене МОИП» (Bull. Soc. Nat. Mosc. T. XLIII, N 1. P. 31–173). В гербарии кн. В.А. Вяземского, по свидетельству Д.И. Литвинова, были представлены московские, тамбовские и калужские растения. В нем оказалось много образцов приокской флоры, которые составитель собирал во время экскурсий по берегам Нары близ Серпухова. Коллекцию растений брат покойного передал Литвинову, а он уже переправил ее в гербарий Московского ботанического сада (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. 24.12 б/г.).

что я душевно рад его выздоровлению, чем возобновится его служение той науке, которую мы так с Вами любим» (Там же. № 33. 25.3.1870). Не успев начаться, многообещающее знакомство оборвалось. Но гербарий В.А. Вяземского оказался полезен Петунникову.

О А.К. Варженевском нам случилось говорить выше. Петунников познакомился с ним где-то в конце 1880-х гг., экскурсируя вместе с сыном Григорием по Можайскому уезду. Варженевский приглашал своего московского знакомого в село Романцево, где проживал постоянно, предлагая время, свободное от служебных занятий деятеля земской думы. Варженевский составил гербарий растений Можайского уезда, который передал в гербарий Московского университета для пользования Петунниковым. Но Горожанкин не подпустил к нему Петунникова. Спустя полгода, в июне 1890 г., благодаря записке Варженевского и настойчивости Петунникова удалось вырвать «злосчастный гербарий» из стен ботанической лаборатории университета. Для подтверждения верности определений Варженевский намеревался побывать в доме Петунникова, чтобы обсудить все в подробностях. По земским делам он часто бывал в Москве и был хорошо знаком с семейством Петунникова (Карт 4. № 25. 9.4.1891).

В письмах Варженевского и других ботаников удивляет почти фотографическая точность, с которой автор указывает на местонахождение своих уже давнишних находок. В одном из писем Варженевский даже прислал план, по которому Петунников смог бы найти интересующее его растение, хотя и сомневался в безусловном успехе, так как «московские ботаники, которым Горохов [местный любитель природы. – *Г. Л.*] указывает это единственное место, может быть, окончательно погубили это растение» (Карт. 4. № 25. 8.7.1892). По его наблюдениям, некоторые растения, имеющиеся в его гербарии, «безвозвратно погибли» вследствие сведения лесов.

В последнем дошедшем до нас письме Варженевского он благодарил Петунникова за память о «старом, старом ученике» и присылку 2-й части «Критического обзора московской флоры»: «Мне очень приятно, что Вы меня еще помните и что мои скромные труды были в числе материалов Вашего произведения. Еще раз очень благодарю и желаю Вам здоровья и всего хорошего. Искренно и глубоко Вас уважающий и преданный Алексей Варженевский» (Карт 4. № 25. 2.3.1902).

Завершая краткий и довольно произвольный очерк контактов Петунникова с ботаниками-любителями, нельзя умолчать о Федоре Александровиче Теплоухове, хотя о нем по разным поводам

уже приходилось вспоминать. По своему положению Теплоухов, подобно Петунникову, принадлежит скорее к категории «приватных» ученых. Научная подготовка (Тарандтская лесная академия в Саксонии (1863–1868), затем Петровская земледельческая и лесная академия в Москве (1868–1872), практическая деятельность (главный лесничий в хозяйстве Строгановых) – все это свидетельствует о близости его основных занятий к ботанической тематике.

Среди знакомых Теплоухов слыл неторопливым человеком, Сюзев называл его тугодумом. Эта медлительность в исполнении научных замыслов была вполне оправданной. Действительно, в его распоряжении находилось 1,5 миллиона десятин лесных угодий графов Строгановых в 8-и уездах, ему часто приходилось совершать длительные поездки по делам службы. Помимо текущих дел нужно было заботиться об участии строгановского хозяйства в Нижегородской выставке, заниматься приобретением новых «лесных дач», замещать подчиненных по службе во время их отпусков и поездок за границу, торговать лесным товаром, организовывать сплав леса, выгонку скипидара и проч. К тому же село Ильинское, место его постоянного проживания, находилось в 100 верстах от ближайшей почтовой станции, почта иногда пропадала и, случалось, приходила с огромным опозданием. Обязательства перед гр. Строгановыми, на деньги которых выучился он сам и его отец, бывший крепостной, держали Теплоухова в этой глуши, несмотря на лестные предложения заняться научной работой[328].

При всем разнообразии и разбросанности увлечений, на которые указывал Петунников, Теплоухов имел одну сильную и неизменную страсть – любовь к изучению ив. Он заразился ею от своего учителя по Тарандтской академии профессора Вилькома. Позднее в Петровской академии он продолжал собирать и изучать подмосковные ивы и вместе с главным садовником академии Р.И. Шредером заложил обширный Salicetum в ее дендрологическом саду в конце 1860-х гг. В 1889 г. в письме Петунникову Теплоухов признавался, что занимается изучением ив почти 25 лет, что за 15 лет пребывания в Пермском крае он почти исчер-

---

[328] Одно из них исходило от министра Гос. имуществ гр. П.А. Валуева. В 1872 г. Теплоухов после окончания Тарандтской лесной академии продолжал обучение в Петровской академии чтобы подтвердить свой профессиональный статус в России. Он занимался подготовкой научного отдела Политехнической выставки и был замечен министром. Валуев предложил молодому человеку остаться в Петровской академии для подготовки «к профессорскому званию». Верный слову, данному гр. С.А. Строганову, Теплоухов отказался (*Сюзев П.В.* Памяти Ф.А. Теплоухова // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та». 1906. Т. 7, вып. 1. С. 111).

пал флору ив тамошней местности. Он мог бы сообщить много интересного о местных ивах, но его удерживает от формулирования каких-либо выводов недостаточность сравнительного материала. Все попытки заполучить его до сих пор оставались безуспешными.

Теплоухов не ограничивался изучением ив в их природной среде. С 1874 г. он занялся их культурой, искусственно скрещивая и наблюдая за ними в своем саду, получив множество разновидностей. Путем перекрестного опыления ему удалось получить несколько помесей, с помощью которых можно было выяснить самостоятельное или бастардное происхождение тех или иных видов. За десятилетия занятий он выработал свои методы наблюдения (буквально пошаговая разметка участка), сбора материала, его хранения и пересылки. Его коллекция ив насчитывала в 1899 г. экземпляры с 840 кустов, некоторые из них имели до 8 разновидностей (Карт. 5. № 97. 18.1.1899). При этом многолетние усилия Теплоухова не давали видимого научного результата, он сам признавался в этом, когда писал Петунникову: «Но я так сжился с ними, что отвязаться от них не могу, хотя не знаю, выйдет ли из этого что-нибудь путное» (Там же. № 97. 14.12.1890).

Сначала, с середины 1893 г., переписка между Теплоуховым и Петунниковым касалась обмена информацией о различных видах и разновидностях ив. Петунников побуждал Теплоухова литературно оформить огромный накопившийся у него материал по ивам. Теплоухов соглашался, но отговаривался недосугом и трудностями в работе.

В 1899 г. в связи с подготовкой монографий по московской флоре Петунникову пришла в голову идея воспользоваться обширными познаниями Теплоухова по части ив для своей работы. Он задумал издать 2-ю часть «Определителя...» с аналитическими таблицами растений Московской губернии и поместить в ней монографический очерк о московских ивах, написанный Теплоуховым. Речь шла о самостоятельном оригинальном обзоре Теплоухова, Петунников нисколько не покушался на его авторские права. Теплоухову идея понравилась, он и сам подумывал о том, чтобы составить подробный список московских ив с указанием их особенностей. Правда, его смущало, что он не успел еще толком разобраться в группе Acuminatae, более всего пугали жесткие сроки. Первое, на что он решился, это составить инструкцию по сбору ив и разослать ее в ботанические организации и к частным исследователям с просьбой о присылке образцов из разных местностей, что обеспечило бы его сравнительным материалом. Петунников отнесся к этому намерению с большим энтузиазмом,

обязуясь взять на себя хлопоты по напечатанию инструкции (Там же).

Петунников пытался всячески содействовать этой работе. Через Мейнсгаузена он устроил так, что Теплоухову отправили некоторые виды ив из гербария Петербургской АН, тот же Мейнсгаузен по просьбе Петунникова позаботился о том, чтобы Теплоухову были возвращены его образцы ив, переданные для определения академику Максимовичу и застрявшие в Петербурге после его смерти. Петунников послал собственные образцы ив из района Оки и Подмосковья и постарался, чтобы к Теплоухову попало собрание ив Н.И. Кузнецова, образцы из гербария Гофмана в Московском университете. Сам он принял от Теплоухова некоторое количество дублетов растений для их определения.

Сначала работа с написанием инструкции пошла бойко, но Теплоухов не укладывался в намеченные сроки – февраль–март 1891 г. Все же он обнадеживал Петунникова: «Что же касается моей пресловутой инструкции, то будьте уверены, что она пишется и даже составлена вчерне. Но это, так сказать, мозаичная работа. Я постоянно ее дополняю разными мелочами, в которых тут вся суть. Впрочем, надеюсь, что скоро Вы ее увидите» (Карт. 5. № 97. 14.3.1891).

По ходу дела у Теплоухова возникали новые затруднения. Он признавался Петунникову, что невозможно разграничить применительно к ивам понятие о виде, разновидности, помеси и т.д. «Правда, с год тому назад, – писал Теплоухов, – главным образом благодаря опытам искусственного произведения помесей, я составил себе, как мне кажется, определенный взгляд на этот предмет. Но, к сожалению, этот взгляд не совпадает вполне со взглядами Виммера[329], Кернера[330], Андерсона[331] и др. Поэтому, прежде, чем рассуждать о новых формах (а таких много) и определять их, следовало бы выяснить эту материю, например, в особой статье» (Там же. № 97. 14.3.1892).

Трудности и неопределенность участия в работе Петунникова (им никак не удавалось договориться о сроках, характере работы и проч.) не охладили энтузиазма Теплоухова. Он признавался,

---

[329] Христиан Фредерик Хайнрих Виммер (1803–1868) – немецкий ботаник, флорист и систематик, специалист по ивам. Издал выборку сочинений Аристотеля о растениях Phitogeniae aristoticae fragmente (Бреслав, 1838) и сочинения Феокраста о растениях.

[330] Антон Жозеф фон Марилаун Кернер (1831–1898) – австрийский ботаникогеограф, систематик растений.

[331] Нильс-Иоанн Андерсон (1821–1880) – шведский ботаник и путешественник, автор многих сочинений о флоре Скандинавии, одна из его работ посвящена ивам.

что вошел в «саликологическое настроение» и брал обязательство «теперь посвящать все свободное время столь настойчиво уклоняющимся от близкого знакомства с ними моим любимцам. Надеюсь, что ни холера, ни что-либо непредвиденное не выбьет меня из этой колеи», – уверял он корреспондента (Карт. 5. № 97. 12.1.1900).

Теплоухов надеялся, что русскоязычная работа об ивах возбудит интерес к ним в московских исследователях и послужит пособием для дальнейшего изучения этих растений. Он взялся обработать весь имеющийся у него материал и все, что пришлет ему Петунников, и обещал постараться, чтобы первый блин не вышел комом.

Для пополнения своей коллекции он наладил широкий обмен с зарубежными коллегами: с ректором университета в Упсале Флодераном, с профессором Шамбаном в Ганновере, с докторами Хейдельрайхом в Тильзите и Деценом в Пеште. Оказалось, что местные разновидности ив (Siberica, uralensis, borealis и проч.) служили ходким товаром. В обмен Теплоухову по его просьбе посылали помеси, наименее удовлетворительно описанные в литературе. За небольшое время коллекция Теплоухова расширилась до 1,5 тыс. кустов, причем не каких-нибудь фрагментов, а полных экземпляров растений (Там же. № 97. 18.6.1892).

Серьезным препятствием для написания работы оказалась невыработанность русской ботанической терминологии. Здесь автор всецело полагался на Петунникова, автора «Свода ботанических терминов». Попутно он занимался составлением таблиц для определения растений по листьям и цветущим ветвям. На случай недостаточной «научности» своих материалов он иронично заметил, что готов прибегнуть к испытанному приему: «Стоит обратиться к немецким “гелертерам”»[332] и нашпиговать описание цитатами и синонимами – для одной S. nogricans могу назвать 135 синонимов», – заверял он в том же письме.

Пока Теплоухов с перерывами на служебные обязанности занимался описанием московских ив, в 1900 г. появилась работа Э.Л. Вольфа[333] «Материалы для изучения ив, растущих дико в Европейской России» (Известия С.-Петерб. лесного института. 1900. Вып. 4. С. 1–123; Вып. 5. С. 1–189). Это событие несколько

---

[332] Gelehreter (*нем.*) – человек книжной учености, схоласт и педант.

[333] Эгберт Людвигович Вольф (1860–1931) – русский ботаник немецкого происхождения, систематик, дендролог. С 1882 г. проживал в России, с 1886 – главный садовник Лесного института в Петербурге. Основатель дендрологической коллекции и салицетума в институте. Одна из его работ посвящена русским ивам (См.: Новые русские ивы. Salices novae russicae. Юрьев, 190).

расхолодило Теплоухова, он писал Петунникову: «Я теперь, несмотря на мою несостоятельность, могу успокоиться: отечественная наука, очевидно, не пострадала» (Карт. 5. № 97. 12.9.1900). Впрочем, он не оставил опытов по культивированию, скрещиванию и выращиванию ив в своем саду. К этому времени он вполне разобрался с группой Acuminatae, о чем сообщил в пространном письме от 18 сентября 1900 г.

Книга Вольфа разочаровала Теплоухова. По его мнению, она мало давала для определения растений, особенно непрофессионалам, он также находил, что она компилятивна, заимствования из Виммера и Андерсона «не переварены» и выглядят неорганично. В конкуренцию с Вольфом он, однако, вступать не собирался, надеясь получить от него «кое-что для меня интересное». Он даже готов был с ним сотрудничать в описании ив Московской губернии.

К началу 1900-х гг., видимо, из-за медлительности Теплоухова и собственной занятости Петунников отошел от проекта издания 2-й части определителя растений Московской губернии. Ему все же было горько и досадно, что обширные и добросовестно описанные материалы Теплоухова практически не востребованы, тогда как сам автор благодаря своим работам в области естествознания, археологии, этнографии был широко известен, состоял членом многих научных обществ и был удостоен престижных наград и о нем шла слава как о лучшем знатоке ив в России[334]. Ситуация существенно изменилась, когда Н.И. Кузнецов открыл свое Бюро по обмену сухими растениями, а Коржинский начал издавать «Гербарий русской флоры». Теплоухов участвовал в обоих изданиях. Его авторитет как знатока ивовых к началу прошлого века был так велик, что в 1901 г. Д.И. Литвинов прислал ему из Петербурга два громадных ящика с образцами этого растения с «довольно скучной» просьбой пересмотреть все экземпляры.

Кузнецов просил его написать наставление к собиранию ив (Карт. 4. № 53. 9.12.1900). Но и здесь Теплоухова обошел его же ученик Сюзев. В 1900 г. при содействии Н.И. Кузнецова он издал универсальное руководство к собиранию растений, используя способы, практикуемые Теплоуховым уже более 20 лет. Впрочем, Теплоухов считал, что по отношению к ивам этот определитель недостаточен (Карт. 5. № 97. 24.9.1900).

---

[334] Подробнее см.: *Боков В.В.* Воспоминания о Теплоухове // Лесн. журн. 1905. Т. 35, № 10. С. 1611–1613. Автор биографического очерка писал: «Не было у нас такого знатока ив, как Ф.А. Сам Линней, назвавший иву крестом ботаников, пришел бы в изумление от полученных результатов» (С. 1612).

Теплоухов предоставил Петунникову полное право пользоваться обширным материалом об ивах, содержащемся в письмах к нему: «Если Вы найдете нужным воспользоваться из моих писем чем-либо, касающемся фактической стороны дела ивовой части, то все мои замечания к Вашим услугам» (Там же. № 97. 6.2.1901). По сложившейся привычке он продолжал посылать Петунникову подробные описания различных видов ив, особенно тех, определение которых вызывало у него затруднение. Удивительно, что этот чрезвычайно занятый человек посылал Петунникову целые трактаты с описанием различных видов и разновидностей ив, с привлечением всей имеющейся по этому вопросу литературы, с подробными изображениями цветов и листьев, поскольку, по утверждению Сюзева, «научным, точным рисунком владел превосходно». И так на протяжении 15 лет (1889–1904). Одно из его писем заняло 14 страниц большого формата, исписанных мельчайшим почерком.

Теплоухов не оставил ни одной печатной строчки в «самой излюбленной им сфере». И все же сотрудничество с Петунниковым в этой области оказалось результативным. «Единственным литературным материалом, который он по себе оставил по части исследования ив, – писал последний, – можно считать тот, что в течение многолетней переписки нашей содержат его письма, на основании которых я изложил описание московских ив в своем «Критическом обзоре Московской флоры» (Вып. 3. 1901. С. 18–40)[335]. Петунников систематизировал переданные Теплоуховым заметки и обратил внимание читателей на их уникальность. Многие ботаники, замечал он, не имея достаточного материала для сравнения, подгоняют имеющиеся у них образцы московской флоры под ее описания у западных авторов. Не избежал такого соблазна и Н.Н. Кауфман. В его очерке московской флоры появился ряд растений, несвойственных этому региону. В результате многолетних кропотливых усилий Теплоухов собрал отовсюду исчерпывающий гербарный и живой материал для сравнения. Он искусственным путем разводил некоторые формы, что позволило ему разобраться в систематике этой сложной полиморфной группы, проследить генезис происхождения многих видов. «Мы обязаны Ф.А. Теплоухову, – писал Петунников, – подробным и, можно сказать, единственным исследованием русских форм наиболее крупной группы ив Viminales и их помесей (Acuminatae) и, благодаря его разработкам, можем поделиться при этом слу-

[335] *Петунников А.Н.* Воспоминания о Федоре Александровиче Теплоухове // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та» 1905. Т. 6, вып. 3. С. 184.

чае его воззрениями»[336]. В марте–мае 1901 г. Петунников занимался пересылкою корректуры Теплоухову. И еще одно деликатное поручение получил он от Теплоухова – отозвать из «Бюллетеня МОИП» и сдать в архив «преждевременно написанную Павлом Васильевичем [Сюзевым. – *Г. Л.*] некролог-биографию», приуроченную к юбилею Теплоухова на должности главного лесничего[337]. Дело ограничилось посылкой 15 декабря 1900 г. поздравительной телеграммы от имени МОИП в связи с 25-летием активной службы, которая совпала с 30-летием научной деятельности[338].

В 1901 г. Теплоухов писал Петунникову: «Позвольте поздравить Вас с выбором в городские гласные, полагаю, что в таком городе, как Москва, это не так-то легко. Но вместе с тем с сожалением думаю о том, что какие-нибудь водопроводы настолько интересуют Вас, что о Scientia amabilis[339] Вам некогда будет и думать» (Карт. 5. № 97. 6.2.1901).

Житейские подробности почти отсутствуют в письмах Теплоухова. Лишь однажды он вспомнил о забавном подарке Петунникова. В его доме мирно уживались подаренная Петунниковым черепаха и привезенный им самим из Германии крокодил; оба животных по большей части спят и растут чрезвычайно медленно, сообщал Теплоухов. Во время своих поездок в Петербург и за границу, где у него были родственники (мать Теплоухова была

---

[336] *Петунников А.Н.* Критический обзор Московской флоры. Вып. 3. [1903]. С. 26.

[337] Теплоухов отбился от празднования юбилея. «Все кажется, словно заживо отпевают человека, обильно рассыпая самую беззастенчивую лесть, указывают, что ему пора убираться восвояси», – писал он Петунникову (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 97. 4.12.1900). Действительно, Сюзев послал в МОИП биографический очерк о Теплоухове, выражая в сопроводительном письме надежду, что «Общество почтит своего старейшего члена напечатанием обозначенного очерка во внимание к 30-летней научной деятельности» (Арх. МОИП. 1900. № 754). Тщательно составленный Сюзевым сценарий празднования юбилея в Ильинском также рухнул, отношения между учителем и учеником сильно испортились. А еще Теплоухова раздражало некоторое иждивенчество Сюзева, ему все казалось, что тот подбирается к его Salicetum, пытаясь связать его обязательствами «по гроб дней» (Карт. 5. № 97. 24.11.1901).

[338] Отчет МОИП за 1900–1901 гг. // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1901, N 3–4. P. 1. В ответном письме Теплоухов благодарил за некогда оказанную ему честь избрания в члены МОИП и сожалел, что не оправдал в полной мере возлагавшихся на него надежд. Все же он надеялся в недалеком будущем обработать и представить на суд общества материалы по орнитологии и ботанике, собранные им в Пермском крае. Ранняя смерть помешала осуществлению этого намерения (Арх. МОИП. 1901. № 768).

[339] Приятная (любезная сердцу) наука (*лат.*) – определение, данное К. Линнеем ботанике.

немкой, дочерью профессора Круча) и печатались его работы, он пользовался случаем, чтобы повидаться с Петунниковым.

Последняя такая встреча произошла 9 декабря 1904 г. Вследствие переутомления Теплоухов оказался в клинике нервных болезней Бехтерева в Петербурге. После лечения ему стало немного легче, и по рекомендации доктора проездом через Москву он решил отправиться на курорт в Гагру в сопровождении сына Александра и дочери Марии. Имея мало времени и будучи слаб, он просил Петунникова о встрече на вокзале, в их распоряжении было бы 2 часа (Карт. 5. № 97. 8.12.1904). В марте следующего года Теплоухова не стало. Его сын Александр передал большой гербарий отца в дар Ботаническому музею Петербургской АН[340].

2.7. Член международного содружества ученых

Ботаника, особенно флористика и систематика, – плод коллективного творчества ученых. Каждый флорист и систематик подвергает критическому анализу работу своих предшественников, его собственные выводы рождаются из сопоставления с работами современников в спорах, а иногда и в сотрудничестве с коллегами. Часто такими оппонентами и доброжелательными помощниками становятся зарубежные ученые.

На этой почве завязывается переписка, используются поездки, которые преследуют цель не только ознакомления с гербарным и живым материалом, но и консультации. Во времена Петунникова для этого надо было хорошо знать обширную западноевропейскую ботаническую литературу. Петунников демонстрировал свою эрудицию по этой части начиная с самых ранних статей.

Петунников еще в молодые годы естественно вошел в сообщество западноевропейских ученых. В силу своей занятости посторонними делами он не участвовал в международных конгрес-

---

340 *Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб.: Тип. Императ. АН, 1908. С. 121. По свидетельству С.Ю. Липшица, эта коллекция (15 больших ящиков) поступила в С.-Петерб. ботанический музей в 1906 г. (*Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т.* Центральный гербарий СССР. Исторический очерк. Л.: Наука, 1968. С. 17). Петунников вспоминал, что помимо собственных коллекций Теплоухов обладал гербарием ив Виммера и обширными коллекциями, приобретенными им у Гейденрейха, Кукенталя и других ботаников. Петунников утверждал, что собранный Теплоуховым материал, подробно им изученный и описанный, снабженный критическими замечаниями и рисунками, «представляет ценное научное достояние». В одном из писем Бородин благодарил Петунникова за хлопоты по передаче коллекций Теплоухова в Музей (см.: Приложение 4, № 29).

сах садоводов и ботаников, но много раз выезжал за границу и лично общался с западными коллегами.

Трудно восстановить полный объем заграничных поездок Петунникова, некоторые представления о них дают письма Вырубова и научная хроника «Трудов Ботанического сада Юрьевского университета». Еще в студенческую пору он побывал во Франции, Швейцарии, Италии (совместно с Вырубовым), в Германии. Только в Париже он бывал в 1865–1866, 1867, 1886, 1891, 1903, 1904, 1907 гг. Думаем, что это далеко не полный перечень его парижских поездок. Столица Франции, место первого знакомства с западным научным миром, почти пятидесятилетняя резиденция его задушевного друга Вырубова, богатая необходимыми для ботаника гербарными и литературными «пособиями», была несомненно, привлекательна для Петунникова. Еще до первого его там появления он познакомился с ботаником-любителем, почетным директором ботанического сада в Бордо М.-Ш. Дюрье. Во время посещения Петербургского ботанического сада тот передал Петунникову партию водяных растений для определения и получил от него в подарок несколько редких экземпляров. Как только в 1866 г. Петунников появился в Париже, Дюрье послал ему по почте несколько растений в надежде, что их знакомство продолжится[341].

Вступление в члены Ботанического общества Франции в 1865 г. сулило Петунникову широкие перспективы общения с западными коллегами. Секретарь общества альголог Бешерель информировал Петунникова о печатании заметки последнего о Spherocarpus и выражал надежду, что его «активные исследования увеличат московскую составляющую европейской флоры». И это не было дежурной формой вежливости. Петунников подарил Бешерелю список московских мхов. В благодарственном письме француз высказал о нем свое суждение: «Я отметил в нем схожие с нашими растения, можно указать несколько достаточно редких для Франции. Но хотелось бы большего, и мне кажется, что внимательные исследования позволили бы открыть еще более интересные виды в ваших окрестностях. Жаль, что Москва не так близка к нам, как Клюни или Медона!»[342] Попутно Бешерель сообщал о затруднениях, связанных с публикацией таблиц к статье Петунникова, так как общество не может полностью оплатить связанные с этим затраты[343]. Бешерель, сам того не ведая, оказался

[341] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 132. 11.5.1866.

[342] Там же. № 124а. 11.6.1868.

[343] Из-за обилия рисунков, от которых автор не пожелал отказаться, Петунникову был возвращен первый вариант статьи, и печаталось только короткое извлечение (Там же. № 151. 22.5.1866).

в некотором роде пророком: он определил место Петунникова в ряду западноевропейских ботаников; именно малоизвестная флора России интересовала их более всего.

В связи с предстоящей всемирной выставкой в Париже в 1867 г. секретарь подготовительного комитета Ботанического общества Г. Планшон напоминал Петунникову, что он взял на себя обязательство сообщить о растительных продуктах, представляемых Россией на выставку, согласовав это с А.Н. Бекетовым. Секретарь торопил Петунникова с докладом (16 страниц обычного формата), чтобы вовремя его напечатать и раздать посетителям выставки[344].

Многообещающее начало не имело в будущем продолжения. В научном плане Петунникова более всего привлекало общение с представителями немецкой ботанической школы, наиболее продвинутой в ту пору в Западной Европе. По свидетельству современников, он не раз бывал в Германии, Австрии, Чехии (в ту пору еще в составе Австро-Венгерской империи), в Швейцарии. Благодаря журналу Кузнецова особенно полно предстает картина заграничных поездок последнего десятилетия жизни Петунникова.

Весной 1903 г. он совершил поездку в Западную Европу и повидался со многими ботаниками Германии, Франции, Швейцарии, Австрии[345]. Летом 1905 г. он намеревался повторить свой маршрут по тем же странам, исключая Францию. Была намечена обширная программа. В его планы входило общение с немецкими знаменитостями: профессорами П. Ашерсоном и П. Гребнером, со многими швейцарскими, чешскими ботаниками. Он хотел также обсудить научные вопросы со своими коллегами, принимавшими непосредственное участие в его работе, с докторами К. Цаном из Карлсруэ и Т. Вольфом из Дрездена[346].

На месте план несколько изменился. В Вене московский ботаник осмотрел новый ботанический сад с обширным музеем. Директор сада профессор Р. Веттштейн показал ему новую, готовую к печати монографию о роде Sempervivum, над которой работал 10 лет. Там же Петунников познакомился с профессором фон Гаек, занятым монографической обработкой рода Saxifraga. В Пражском (Богемском) университете он общался с чешским профессором, директором ботанического сада Веленовским, систематизировавшим род Thymus, и с его помощником доцентом К. Домином, известным монографом рода Koeleria. близким к

---

[344] Там же. № 146. 22.6.1867.

[345] Тр. Ботан. сада… 1903. Т. 4. вып. 4. С. 299.

[346] Там же. 1905. Т. 6, вып. 1. С. 124.

окончанию работы над ним. Оба его старых знакомых, Т. Вольф и К. Цан, завершали свои многолетние исследования: монографическое описание рода Potentilla – первый, обработку швейцарских форм рода Hieracia – второй. А. Кнукер показал подготовленные к печати новые выпуски своего гербария осок и злаков. Выбор посещений не был случайным, все перечисленные ботаники занимались близким Петунникову делом – монографической обработкой таксонов, тематика исследований Цана и Вольфа была особенно ему близка, со всеми ними Петунников переписывался.

Немецкие и австрийские ученые жаловались на скудость ботанических материалов из России. Редакция журнала призвала соотечественников, научные учреждения и частные лица, посылать зарубежным коллегам для обработки имеющийся у них гербарный материал. Для начала был назван вполне конкретный адрес. Ассистент Венского ботанического сада фон Гендель-Маццетти просил прислать ему из России, особенно с Кавказа, материал для монографической обработки рода Taraxacum[347].

Следующая поездка Петунникова в Европу в октябре–ноябре 1907 г. была связана с монографической обработкой секции Batrachium. У него возникла необходимость поработать в крупных европейских ботанических садах и гербариях[348]. Хотелось вновь пообщаться со старинными знакомыми. «Везде есть друзья-приятели ботаники, которых интересно вновь повидать и пожать им руку», – сообщал Петунников Вишнякову[349]. Маршрут поездки был чрезвычайно насыщенным. Ученый побывал в Париже, Берлине, Женеве, Цюрихе, Гейдельберге, Карлсруэ, временами возвращаясь в Лозанну, куда в ожидании защиты дипломной работы медика приехали дочь и жена. В Париже в Музее естественной истории он посетил Ботанический сад и изучил исторический гербарий Ламарка. В Женеве Петунников работал в частном гербарии А.П. Декандоля, которым владел внук знаменитого ученого Казимир Декандоль. Этот гербарий славился также обширной библиотекой с большим собранием старых книг, при нем имелся небольшой музей естественной истории[350].

В Берлинском ботаническом саду, одном из старейших в Европе (1679), Петунникова интересовала коллекция Вильденева, положившая начало всему гербарию. К концу XIX в. Ботаничес-

---

[347] Там же. Т. 6, вып. 3. С. 188–189.
[348] Там же. 1908. Т. 8, вып. 4. С. 284.
[349] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 54 об.
[350] *Липский В.И.* Главнейшие гербарии и ботанические учреждения Западной Европы (Отчет о заграничной командировке 1900 г.) СПб.: Типо-литогр. «Герольд», 1901. С. 40.

кий сад в Берлине превратился в Мекку для ботаников всего мира. В нем царил образцовый порядок. Благодаря усилиям сотрудников, сплотившихся вокруг известного ботаника А. Энглера, в нем не осталось ни одной неописанной коллекции, кипела научная работа по систематике, флористике, общей ботанике. Энглер, его систематика растений были весьма популярны в России. Именно он возглавил большую группу немецких ботаников во время международной экскурсии на Кавказ в 1912 г.[351] Энглер ценил работы русских ботаников. Он привлек к коллективному труду Die Natürlichen Pflanzenfamilien ученых из России. Ф.М. Каменский обработал род Lentibulariaceae, Н.И. Кузнецов – род Gentiana[352]. Надо думать, что Петунников не упустил возможности пообщаться с замечательными сотрудниками сада и его директором.

В Гейдельберге, куда Петунников мельком заглянул, чтобы проведать сына Вишняковых Шуру, он вспомнил, как при первом посещении этого города его проводником был Гофмейстер – «творец сравнительной истории развития сосудистых растений»[353]. В Карлсруэ Петунникову не удалось повидать А. Кнукера, уехавшего к умирающему отцу. Зато Цан посвятил его «в тайны познания бесконечного разнообразия форм Hieracium – это не Вам чета: от них у меня все копром[354] стоит», – замечал он Вишнякову[355].

Нам уже случалось упоминать о переписке Петунникова с зарубежными учеными. Число его зарубежных адресатов велико – около 50 человек. Посещая западноевропейские города и местечки, он часто оставлял открытки с обратным адресом, корреспонденту оставалось только заполнить оборотную сторону. В этих коротких посланиях можно обнаружить самые разнообразные просьбы и предложения.

Иногда справлялись о работах русских коллег. В архиве Петунникова сохранилось несколько записок Ашерсона 1907–1909 гг. на почтовых открытках. В связи с написанием «Синопсиса» (Synopsis der Mitteleuropaischen Flora. Leipzig, 1898–1913) их автор просил у Петунникова разъяснений по поводу русских флористов и их работ, в частности, его интересовали исследования Теплоухова по ивам и «Московская флора» Н.Н. Кауфмана[356]. Там

---

[351] Тр. Ботан. сада… 1913. Т. 14, вып. 1. С. 104.

[352] *Кузнецов Н.И.* Берлинский ботанический сад… С. 109.

[353] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 56. Гофмейстер Вильгельм – один из основоположников эмбриологии растений, профессор Гейдельбергского (1863) и Тюбингенского университетов (1872). См. также сноску 261.

[354] Копер – машина для забивания свай.

[355] ЦИАМ, Ф, 1334. Оп. 1. № 363. Л. 56 об.

[356] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 127.

же находится сообщение вдовы и сотрудника и ученика Ашерсона Гребнера о смерти немецкого ботаника.

Также просили о посреднических услугах в налаживании отношений с Академией наук, Петербургским ботаническим садом, Московским университетом и проч. Подобные просьбы поступали от Р. фон Веттштейна из немецкого университета в Праге (1898)[357], от профессора Веленовского из Праги (1902)[358]. От Э. Вильдемана, хранителя Ботанического сада в Брюсселе, пришло предложение упорядочить растения, присланные Московским университетом, и сделать это поскорей (1907). Были просьбы русских ботаников подыскать какого-нибудь немецкого специалиста для определения найденных растений, в частности, с этим обращались к Петунникову Д.И. Литвинов, живя в Калуге[359], и А.А. Хорошков.

Чаще всего поступали предложения по обмену растениями с приложением иногда списка наличных экземпляров. Особенно частыми стали обращения после публикации на немецком языке большой статьи Петунникова о лапчатках Центральной России. Поступали просьбы прислать экземпляр статьи из Королевского ботанического сада в Регенсбурге (1901), от К. Бонье и К. Роннигера из Вены (1903), от Д. Негри из Турина (1907), от А. Панлена из Лейбаха (1907). Просили прислать русские образцы Potentilla Б. Блоцки из Лимбурга (1896), Г. Зигфрид из Швейцарии (1896), А. Рейхман из Лимбурга (1898), К. Домин из Праги (1903).

Занятия лапчатками сблизили Петунникова с немецким ботаником Теодором Вольфом[360]. Знакомство состоялось где-то около 1902 г. По просьбе Вольфа Петунников послал ему новые формы

---

357 Рихард фон Веттштейн – австрийский ботаник, с 1892 г. – профессор немецкого университета в Праге, с 1899 г. – профессор университета и директор Ботанического сада в Вене. Один из создателей системно-морфологического подхода в систематике, открыл явление сезонного диморфизма у цветковых растений.

358 Главный ботаник Петербургского ботанического сада В.И. Липский просил Петунникова разобраться в его конфликте с Веленовским. На его просьбу прислать новые виды Thymus на время или в дар для сравнения с новыми видами, установленными В.А. Дубянским, чешский профессор обиделся. Его задело то, что ему не прислали экземпляры «знаменитого тимолога» [Дубянского. – *Г.Л.*], и он вынужден был исключить Россию из своей монографии. Липский счел эти претензии вздорными, тем более что ни он сам, ни Дубянский не представляют весь Ботанический сад, и «обида на весь Museum глупа» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 61. 9.2.1906, № 61. 9.4.1906). Пришлось Петунникову восстанавливать добрые отношения между ними.

359 НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. 27.6.1898.

360 Франц Теодор Вольф (1841–1924) – немецкий ботаник и геолог, специализировался на семенных растениях.

этого растения, с его помощью проверил в 1905 г. большую коллекцию Potentilla. Московский ботаник открыл ему широкий доступ к гербарию Академии наук и Петербургского ботанического сада. Липский сообщал в письме к Петунникову, что выслал дрезденскому ученому музейные раритеты Potentilla, тибетские и монгольские формы. «Попотеть придется порядочно», – подозревал он[361]. Эти материалы Вольф использовал в своей монографии о лапчатках (Monographie der Gattung Potentilla. 1908). В ней автор часто упоминал имя Петунникова. Он прислал ему экземпляр книги с дарственной надписью: «Моему другу А.Н.П. с радостью и в знак благодарности за многократную поддержку этих трудов». В этой книге он описал по материалам, главным образом присланным Петунниковым, новый вид Potentilla opaciformis, якобы свойственный только Восточной России.

Изучив распространение вида Potentilla opaciformis в среднерусской полосе и на ее восточных границах, Петунников усомнился в верности определения Вольфом P.o. как самостоятельного вида, по его мнению, ее нельзя назвать даже подвидом. Дополнительный материал из восточных губерний Европейской России и из Западной Сибири утвердили русского ботаника во мнении, что ни один из главных признаков, выдвинутых Вольфом для характеристики P.o., нельзя признать стойким и постоянным. Петунников пришел к выводу, что описываемое растение является разновидностью западной P. opaca L. Он написал об этом Вольфу и послал ему большой материал с микроскопическими препаратами. К несчастию, возражения Петунникова попали к доктору Вольфа, когда его разбил паралич[362]. Об этом сообщила его жена, с которой Петунников был лично знаком. По согласованию с нею материал остался в Дрездене. Это случилось в мае 1912 г., а уже в августе Петунников получил сообщение, что все посланные растения разобраны, просмотрены и высылаются с обширным заключением[363]. Оправившись от болезни, доктор дал Петунникову подробные разъяснения относительно различных видов и подвидов P. opaca Frage, P. collina Frage, встречающихся на территории средней полосы России[364].

Другой случай был связан с обработкой таксонов для книги Сырейщикова. Петунников послал на отзыв Вольфу материал Сырейщикова по роду Potentilla, уже опубликованный во второй части его книги, еще до появления монографии Вольфа о лап-

---

[361] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 61. 9.4.1906.
[362] Тр. Ботан. сада... 1913. Т. 14, вып. 1. С. 136–138.
[363] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 31 об.
[364] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 158. 20.8.1912.

чатках. После этого Петунников вновь пересмотрел прежний и новый материал по лапчаткам, воспользовавшись замечаниями немецкого коллеги и его книгой[365].

Доктор Цан[366] из Карлсруэ был признанным специалистом по обработке рода ястребинок. Петунников обменивался с ним материалами, которые были использованы немецким ученым при написании монографии о европейских видах ястребинок. К удовольствию Петунникова, немецкий коллега включил в свое сочинение растение, названное в честь Вишнякова Hieracium Vulgatum Fries subspecius Wishnikovii. Petun. et Zahn, с подробным диагнозом и комментариями. Петунников отправил своему другу в 1912 г. экземпляр работы Цана «Ястребинки московской флоры» (Hierachies Florae mosquensis), где на странице 65 красовалось имя Вишнякова, присвоенное подвиду вида, «установленного почтенным и славным преподавателем Скандинавии Фрисом»[367].

При обработке рода Hieracium для книги Сырейщикова Петунников обратился к помощи Цана. Материал был отправлен для определения в Карлсруэ. Задача оказалась настолько трудной, что Цан не мог избежать ошибок. Сопутствующий текст, присланный Цаном, оказался неподъемен, из-за громоздкости и противоречивости его не удалось включить в книгу. Было принято компромиссное решение – оформить текст Цана в виде статьи и опубликовать его в русском специализированном журнале, о чем и сообщалось в третьей части «Иллюстрированной флоры...» Сырейщикова. При обработке рода Петунников воспользовался определениями Цана[368].

Мы уже писали о сомнительной услуге, которую оказал Петунникову геттингенский ботаник А. Петер при определении различных форм рода Hieracium. Правда, немец загладил свою вину, назвав именем Петунникова вновь найденный таксон Hieracium petunnikovii Peter[369].

Старинным знакомым Петунникова был Андреас Кнукер из Карлсруэ, редактор «Всеобщего ботанического журнала» (Allg. Botanische Zeitschrift). Коньком этого ученого была разработка осок, чем много занимался и Петунников. Кнукер просил его прислать экземпляров сорок 3–4 видов русских осок. За одной

---

[365] *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии. Ч. 3. 1910. С. 98–107.

[366] Карл Герман Цан (1865–1940) – немецкий ботаник, описал много видов семенных растений. Главный труд Monographie der Hieracium, 1923.

[367] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 135.

[368] *Сырейщиков Д.П.* Указ. соч. Ч. 3. С. 341–367.

[369] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. №. 145.

из разновидностей осок пришлось поехать за Серпухов[370]. По просьбе Петунникова экземпляры осок посылал Кнукеру хранитель С.-Петербургского ботанического сада Палибин. В другой раз, чтобы угодить немецкому коллеге, который готовил издание по орхидеям, Петунников собрал очень редкую для Запада разновидность дикой орхидеи.

Швейцарский пастор Георг Кукенталь был хорошо известен русским ботаникам. Так же как и Вольф, он имел широкий доступ к коллекциям С.-Петербургского ботанического сада и даже злоупотребил радушием русских ботаников, надолго задержав собрание осок из общего гербария. Петунников служил Кукенталю посредником при сношении с ботаническими организациями Петербурга и Москвы, он же посылал ему экземпляры собственного гербария. Письма Кукенталя к Петунникову с частыми ссылками на Кнукера датируются 1898–1907 гг.[371]

Особое удовольствие доставило Петунникову знакомство с шведским пастором Эпандером. Пастор уже 20 лет занимался исследованием флоры, преимущественно ивами. Он совершил двухлетнюю поездку по северным странам, изучая полярные ивы. В Москву он завернул, чтобы познакомиться с собранием ив Р.И. Шредера в Петровской лесной и сельскохозяйственной академии. Три дня с утра до ночи беседовал Петунников с шведским ботаником, «сидя за ивами и не говоря почти ни о чем, кроме ив». Швед плохо знал немецкий язык. Но это не послужило помехой, оба превосходно владели латынью, чего оказалось вполне достаточно. Петунников получил сильное удовлетворение от этого общения, придя к заключению, что никто из известных ему специалистов: Теплоухов в Перми, Лакшевиц в Либаве, фон Земен в Берлине – так «не проникали в самую глубь родства и свойства разнообразных видов ив, отличающихся самым вольным видом поведения»[372].

Как всегда, в числе корреспондентов Петунникова было много любителей. Один из них, инженер Фрейн из Смихова близ Праги, «видный знаток» вида Batrachium, на просьбу Петунникова определить экземпляр этой группы растений затребовал более полный образец и прислал инструкцию, каким должен быть материал для определения вида В. Эта инструкция любопытна как свидетельство кропотливого труда гербаризатора, приведем ее текст.

«1) Собирать с одного и того же места на разных ступенях развития, так как некоторые виды В. крайне разнообразно меняют свой внешний вид в течение растительного периода.

---

[370] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 53 об.

[371] НБ МГУ ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 140.

[372] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 126 об.

2) Брать цельные неделимые растения, так как листья у основания стебля имеют иную форму, чем на верхушке.

3) Надо иметь также наземную (мясистую) форму водяного лютика, равно как и подводную.

4) Следует проверить, не образует ли форма плавающих листьев.

5) В какой воде, пресной, соленой или смешанной, произрастает данная форма, произрастает ли пресная форма в соленой или смешанной воде?

6) Цветки должны быть с чашечками, плоды – зрелые»[373].

В Смихове жил еще один корреспондент Петунникова доктор Э. Бауэр.

Подобное сотрудничество было привлекательно для западных коллег, они пополняли собственные материалы и публиковали результаты определений в своих ботанических журналах. Правда, в погоне за приоритетом в обнародовании новых данных они иногда задерживали материалы русских коллег. Так произошло в упоминавшихся выше случаях с Петером и Кукенталем.

Труды западных ученых, особенно немцев, имея в виду немецкоязычную литературу, были для Петунникова несомненно авторитетными в силу того, что в разработке флористики и систематики западные авторы опережали русских ботаников. Кузнецов даже упрекал Петунникова в преувеличенном внимании к мнению немецкого профессора А. Кернера в ущерб точке зрения И.Ф. Шмальгаузена, «одного из лучших наших флористов»[374].

Научные работы Петунникова соответствовали высоким стандартам. Этого было достаточно, чтобы относиться к их автору серьезно и уважительно. П. Сюзев отмечал частое цитирование книги Петунникова «Критический обзор Московской флоры» (снабженной, заметим, обширным немецким резюме) такими мастерами мировой науки, как А. Энглер в его капитальной работе «Растительное царство» (Das Pflanzenreich. Regni vegetabilis conspectus Leipzig, 1900–?) и П. Ашерсон и П. Гребнер в совместной многотомной монографии «Очерк средне-европейской флоры» (Synopsis der Mitteleneuropäschen Flora. Leipzig, 1906–1910)[375]. Из признания авторитета немецкой науки вырастало увлечение работами П. Ашерсона. Петунников поль-

---

[373] *Петунников А.* Ranunculus paucistamineus Tausch. R. flaccidus Pers. Отт. ст. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. С. 32–34.

[374] Каталог сухих растений… С. 23.

[375] *Сюзев П.* Петунников как ботаник… С. 67.

зовался примером ашерсоновской «Флоры Бранденбурга»[376] при диагностировании родов и видов. Диагнозы Ашерсона отличались подробным описанием признаков таксонов. Кстати, восхищение «Флорой Бранденбурга» разделял с ним В.Я. Цингер[377]. По мнению такого крупного систематика, как С.Ю. Липшиц, ашерсоновская школа систематизации, которой пользовался Петунников, отличалась чрезвычайно громоздкой и осложненной концепцией вида с бесконечной лестницей соподчиненных ему, порою малозначимых единиц. Она вносила путаницу и затрудняла работу флориста-систематика. Увлечение систематикой Ашерсона Петунников передал Сырейщикову. Знаток гербарного дела И.А. Губанов полагает, что «Иллюстрированная флора...» Сырейщикова представляет собой высшее воплощение политипной концепции вида, это образец тщательной проработки внутривидового разнообразия каждого вида. «Здесь для каждого вида, – пишет он, – названы и охарактеризованы (морфологически, таксономически, географически) внутривидовые таксоны: подвиды, разновидности, формы, многие из них описаны впервые именно в этом издании»[378].

Петунников в кратком предисловии к 4-й части «Иллюстрированной флоры...» признавался, насколько такой подход замедлил написание работы. Он объяснил это затруднение тем, что «в большинство флор стали заноситься во множестве мелкие флоры часто только местного значения, для которых трудно было, а иногда и невозможно установить близкое сходство или тождество с соответственными формами, встречающимися у нас. Особенно много таких мелких форм, *представляющих мало научного интереса и ничтожное таксономическое значение* [здесь и далее курсив мой. – *Г.Л.*], пришлось занести в выпускаемую дополнительную часть»[379]. Мы намеренно прибегли к этой пространной цитате, чтобы показать отношение ботаников школы Петунникова к ашерсоновской разработке вида. Ее считали малопродуктивной, но, тем не менее, ею пользовались. В этом видится уступка

---

[376] *Ascherson P.* Flora der Provinz Brandenburg, del Altmark und der Herzegthums. Magdeburg, 1864.

[377] Тр. Ботан. сада… 1900. Т. 1. Вып. 2. С. 71. Ашерсон не был автором новых идей или инициатором новых направлений в науке, но он пользовался репутацией «одного из самых лучших флористов и самого опытного по делам флористики критика всего света» (*Купфер К.Р.* Профессор доктор П. Ашерсон. (По поводу 70-летия со дня рождения) // Тр. Ботан. сада…1905. Т. 5, вып. 4. С. 265).

[378] Гербарий Московского университета: история, современное состояние и перспективы развития. М., 2006. С. 474.

[379] *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора… М., 1914. Ч. 4. С. II.

западноевропейскому обычаю, поскольку на Западе эта система в конце XIX – начале XX в. еще имела широкое распространение. Но уступка эта не дипломатическая, а скорее прагматическая. Русским ботаникам казалось, что следование этой системе облегчает задачу сравнения образцов российской флоры со сходными западноевропейскими. Это заметил Н.И. Кузнецов, когда писал, что в силу подробной изученности немецкой флоры тамошние ученые раздробили многие линнеевские виды на самостоятельные мелкие виды, подвиды и формы. «*Можно в принципе не сочувствовать такому дроблению видов*, к которому в последнее время прибегают немецкие систематики, но все же необходимо не только нам знать, что произрастает в наших западных губерниях, но и изучать подробно вариации наших западных растений, чтобы можно было сравнивать флору нашу с флорой соседней северогерманской»[380]. Это замечание относится к концу XIX в., но уже в первые десятилетия XX столетия формально-типологическая концепция Ашерсона стала замещаться филогенетической систематикой Энглера. Она больше соответствовала магистральному развитию тогдашней ботаники.

Историки ботаники советского времени констатировали, что политипная система, т.е. система многоступенчатой иерархии подчиненных виду таксонов, в России не прижилась, исключая петербургского ботаника Р.Э. Регеля и выпускника Дерптского университета Г.Г. Эттингена[381]. П. Сюзев[382], А.А. Хорошков и Н.И. Кузнецов высказались в пользу систематики Энглера еще в начале прошлого века. Они признавали ее наиболее современной и более всего соответствующей представлению о естественной систематике[383]. Да и сам Петунников в конце карьеры признавал ее малопродуктивной. Сырейщиков прибег к классификации Энглера, когда в 1918 г. стал хранителем гербария Московского университета. До сих пор многие гербарии мира устроены по этой системе. Впрочем, некоторые биологи нашего времени признают, что «сам принцип филогении в настоящее время исчерпан, ныне он неадекватен материалу и потому неинформативен и вскоре будет вытеснен более реальным»[384].

---

[380] Обзор деятельности С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования. 1868–1893. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. С. 48.
[381] *Базилевская Н.А., Белоконь И.П., Щербакова А.А.* Краткая история ботаники. М.: Наука, 1968. С. 28.
[382] Тр. Ботан. сада… 1900. Т. 1, вып. 2. С. 75.
[383] *Кузнецов Н.И.* Берлинский ботанический сад… С. 107.
[384] *Чайковский Ю.В.* Эволюция… С. 420.

2.8. Научное достояние. Гербарные сборы, их прижизненная и посмертная судьба. Книги

Личный гербарий – непременный инструмент работы всякого ботаника. Гербарный образец несет в себе большой объем информации, и в этом смысле с ним не может соперничать никакое, даже самое совершенное изображение растения. Кроме того, гербарий – это память, которую оставляет после себя ботаник-флорист. Благодаря обычаю ботаников фиксировать имена сборщиков растений даже самые скромные коллекторы оставляют след в истории этой науки. Что же говорить о гербариях крупных флористов, которые одновременно представляют собой и память о деятельности ученого, и национальное научное достояние.

За 50 лет занятий наукой Петунников собрал огромное количество гербарного материала. Его гербарные сборы можно обнаружить в хранилищах разных городов России. Первой по хронологии стоит Москва. Частично экземпляры растений попали в гербарий Московского университета при слиянии его в 1884 г. с гербарием МОИП. Тогда в гербарий университета перешла коллекция растений Тамбовской губернии, собранная Петунниковым еще в студенческие годы[385]. В гербарии Московского университета находятся экземпляры московской флоры, материалы его ботанических экскурсий на протяжении многих лет (1859–1912). Они хранятся в отделе флоры Восточной Европы. Часть растений была гербаризирована во время работы над списком Горожанкина, о чем уже упоминалось (1884–1888)[386]. Петунников вместе с Сырейщиковым (сборы 1884–1929) является одним из основных коллекторов этого отдела Московского гербария. Сборы Петунникова (1910, 1911) и его сына Григория Алексеевича (1907, 1910, 1911) можно обнаружить в коллекции растений Азербайджана[387].

Затем география распределения петунниковских находок была связана с процессом образования новых педагогических и просветительских учреждений в первопрестольной. В 30-е гг. XIX в. на базе 2-го МГУ образовался Московский педагогический институт (ныне Московский государственный педагогический университет). Он унаследовал гербарий ВЖК (1890), в настоящее время

---

[385] *Goroschankine J.N.* Mémoire sur l'état des Herbiers de l'Université Impériale de Moscou et de la Société Impériale des naturalistes de Moscou // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1884. N 2. P. 294.

[386] Гербарий Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 23; Гербарий Московского университета: История, современное состояние и перспективы развития. М., 2006. С. 49, 61.

[387] Гербарий Московского университета: История, современное состояние и перспективы развития. М., 2006. С. 96.

третий по величине в Москве после гербариев МГУ и Главного ботанического сада РАН. В него попали многие дублеты из гербария московской флоры Петунникова. Им же были определены многие гербарные образцы[388].

Примерно в то же время в 1895 г. в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева) был основан гербарий. Среди крупных коллекторов флоры России наряду с Д.И. Литвиновым, В.Я. Цингером, Б.А. Федченко оказались Петунников и Сырейщиков.

Многосложна история образования Государственного биологического музея им. К.А. Тимирязева. Он возник в 1922 г. на базе Музея живой природы Народного университета им. А.Л. Шанявского (1908–1919). Очевидно, оттуда и попала в ботаническую коллекцию тимирязевского музея региональная коллекция А. Петунникова, хранящая образцы подмосковной и крымской флоры[389].

По объему и значимости хранящегося петунниковского гербарного материала Москва, однако, уступает северной столице. В 1894 и 1901 гг. гербарий Петербургского ботанического сада получил в дар от Петунникова 19 видов 250-ти экземпляров растений Московской губернии, таких как Potentilla, Hieracium, Salix и др[390]. Известно, что в начале прошлого века значительная часть гербария (примерно $^1/_4$) пополнилась за счет обмена сухими экземплярами кузнецовского каталога, в котором активно участвовал Петунников[391]. Петунников подарил свою гербарную коллекцию также Лесному институту в Петербурге, в котором преподавал И.П. Бородин.

В 1914 г. Петунников продал Ботаническому музею АН свой гербарий московской флоры, который включал 1111 видов (более 6000 номеров). Ряд растений: Potentilla, Hieracium, Salix, Carex и др. – были проверены видными специалистами. В составе гербария Петунникова находилось более 10 небольших частных коллекций, собранных другими лицами.

В биографическом очерке о Петунникове Липшиц удивлялся, почему коренной москвич Петунников продал свою коллекцию в Петербург. Зная подробнее биографию Петунникова, удивляться

---

[388] *Дервиз-Соколова Т.Г., Еленевский А.Г., Сытин А.К., Хомутова М.С.* Гербарий Московского педагогического института им. В.И. Ленина // Ботан. журн. 1988. Т. 73, № 3. С. 462.

[389] http://www.gbmt.ru/ru/museum/.

[390] *Липский В.И.* Гербарий Императорского С.-Петерб. ботанического сада (1823–1908). 2-е изд., испр. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена. 1908. С. 155.

[391] Там же. С. 45.

не приходится. Хотя семья Петунникова часто балансировала на грани финансового краха, побудительные мотивы были все же идейные, а не материальные.

Петунникова уже давно заботила судьба его гербария. В 1905 г. на предложение своего друга и доброжелателя Н.П. Вишнякова составить для него гербарий, повторенное неоднократно, Петунников ответил уклончиво. Чрезмерно занятый делами службы, он признавался, что в течение последних 4 лет забросил даже экскурсирование, ему не хотелось брать на себя обязательства, которые он не смог бы выполнить. И тогда он поведал Вишнякову свои сокровенные мысли о гербарии: «Правда, я мог бы решить дело иначе, уступив свой фундаментальный гербарий московской флоры. Но я предпочел бы завещать его в какое-либо весьма научное учреждение, чем уступить его в частные руки. Мысль о том, как пристроить мне гербарий мой, давно меня занимает. Но как-то не хватает духа отрешиться сразу теперь от единственного моего научного достояния, единственного материального наследства, которое я только могу по себе оставить»[392].

После 1914 г. он вполне уже созрел, чтобы распорядиться своим научным имуществом – библиотекой и гербарием.

Петунников, видимо, ценил возможности северной столицы и считал гербарий Ботанического музея достойным местом для помещения в нем своей коллекции[393]. Но перед этим он все же колебался, не оставить ли его в Москве, о чем свидетельствует письмо Литвинова (Приложение 4, № 35). В конечном счете решение склонилось в пользу Петербурга. Сначала он предполагал подарить свой гербарий Ботаническому музею Петербургской АН. И.П. Бородин, хорошо знакомый с Петунниковым по редактированию его книги «Критический обзор московской флоры»,

---

[392] ЦИАМ. Ф. 1334 (Н.П. Вишнякова). Оп. 1. № 363. Письма А.Н. Петунникова Н.П. Вишнякову. 1890–1911. Л. 18 об.

[393] Вырубов не раз уговаривал друга переехать в Петербург. Неудобства климата, думал он, не идут ни в какое сравнение с теми преимуществами, которые предоставляет ученому человеку современный город, каким ему виделся Петербург. Москву Вырубов недолюбливал, считал ее «ветхозаветной», «вертепом бюрократии», прибежищем русской лени, когда на каждого работника приходится десять бездельников и проч. Петунников не исключал для себя возможности покинуть Москву, когда появлялась хотя бы слабая надежда приблизиться в своих повседневных занятиях к любимой ботанике. Одно время он вынашивал планы переселения в Елисаветград, в другой раз возник проект заведования Тифлисским ботаническим садом. Вырубов решительно отвергал эти проекты, он считал, что провинциальная среда, недостаток профессионального общения и научных средств способны убить интеллектуальные усилия друга. Планы переселения рушились, скорее всего, из-за конкуренции, незавидных условий и неподъемности большой семьи.

узнав от Д.И. Литвинова об этом намерении, выдвинул свой вариант. Он предложил купить гербарий Петунникова за 2000 руб. Тем самым он хотел поддержать материальное благосостояние не очень богатой семьи и отблагодарить Петунникова за пожертвование «столь крупного и драгоценного собрания». Он заранее обещал создать все необходимые условия, чтобы «обеспечить наибольшую сохранность столь ценной коллекции», тем более, что академический гербарий беден критически обработанными экземплярами (Подробнее об этом см.: Приложение 4, № 30)[394].

Знакомство с уральским ботаником и естествоиспытателем О.Е. Клером, о котором мы уже писали, оставило заметный след в биографии Петунникова. Волею судеб их гербарные сборы встретились в гербарии Института экологии растений и животных УрО РАН в Екатеринбурге уже после смерти обоих ботаников. Гербарий был основан в 1945 г. на базе сборов членов Уральского общества любителей естествознания, созданного по почину О.Е. Клера в 1870 г. Екатеринбургский гербарий получил дублеты и эксикаты растений Среднего Урала из собрания БИН им. Комарова. В числе коллекторов последнего можно встретить фамилии Петунникова и его учеников Сырейщикова и Сюзева[395].

Последним по времени хранилищем гербарных сборов Петунникова при его жизни стал Никитский ботанический сад в Крыму. К началу директорства Н.И. Кузнецова в саду (1915–1920) гербарий находился в плачевном состоянии. Кузнецов энергично взялся за его пополнение. Время было военное, экспедиционных поездок было мало. Тогда Кузнецов обратился к ботаникам с просьбой о пожертвовании дублетных экземпляров их собраний

---

[394] В 1931 г. Ботанический сад и Ботанический музей Академии наук были объединены, их гербарии слиты, образовав гербарий Ботанического института АН СССР (ныне РАН) им. В.Л. Комарова, где и хранится гербарий Петунникова. Далеко не все друзья-москвичи благосклонно отнеслись к решению Петунникова отдать гербарий в Петербург. С.И. Ростовцев выговаривал Петунникову за распыление его научного имущества по различным российским городам. «Не знаю, как для Ваших друзей, – писал он, – а для меня было бы в высшей степени желательно, чтобы в родной Вам Москве, которая Вас любит, уважает и чтит, остался памятник Вашей многолетней ученой деятельности, а какой иной, более достойный Вас памятник может быть помимо Вашего ученого достояния, гербария и библиотеки? ⟨...⟩ Конечно, Ваша добрая воля поступать так, как Вы это сделали, но все-таки жаль, что Москва лишилась многого весьма ценного» (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. Письмо от 17 дек. 1915 г.). После этого многолетние дружеские отношения порушились, первая трещина появилась еще раньше, когда Ростовцев в 1912 г. оставил без внимания просьбу Петунникова перевести письмо его датского корреспондента.

[395] http://www.sevin.ru/collections/herbacoll/coll_list./coll30.html.

в пользу Никитского ботанического сада. Пожертвования Петунникова (1183 л.) вполне сопоставимы с дарами Петербургского ботанического сада (2550 л.), Ботанического сада Юрьевского университета (600 л.), частными приношениями Е.В. Вульфа и П.Н. Крылова. За каких-нибудь 5 лет (1914–1919) гербарий сада увеличился более чем в 15 раз (с 1500 до 24 524 л.)[396]. Коллекции Петунникова (по Московской и Бакинской губерниям, около 600 л.) представлены в общем отделе гербария[397].

17 июля 1915 г. сотрудник сада крупный флорист Е.В. Вульф благодарил Петунникова за присылку гербарных растений: «Если бы наши просьбы встретили среди других ботаников такое же сочувственное отношение, как у Вас, то мы, по всей вероятности, скоро наверстали и возместили все промахи руководителей Никитского сада за прошедшие 100 лет». Сотрудники сада с волнением ждали появления нового директора. «Все ждут для Никитского сада новой эры, – писал Вульф, – будущее покажет, оправдаются ли эти надежды» (29 июня 1915 г.). Петунников поучаствовал также в непосредственном комплектовании гербария Никитского ботанического сада своими личными сборами. Весной 1916 г. он экскурсировал по Крыму. Вульф просил его не забывать крымских маршрутов и в дальнейших путешествиях. Вместе с Е.В. Вульфом и П.Н. Крыловым он собирал весной 1917 г. крымские растения в районе Симеиза и Милютинского парка в Ялте. В октябре 1917 г. Вульф с нетерпением ожидал получения сборов Петунникова и объяснял почему: «Там, думается, будет много интересного и поучительного». В этом последнем письме (7 окт. 1917 г.) Вульф жаловался на трудности с печатанием статьи Петунникова (типография не работает) и обещал напечатать ее при первой же возможности[398].

За годы работы Петунников сформировал научную библиотеку. Он следил за новинками научного книжного рынка, его интересовали также редкие издания. Он заказывал книги по каталогам, привозил их из зарубежных поездок. Ему дарили книги авторы, подносили редкие издания Вырубов и Вишняков. Бывали случаи, когда он сам дарил книги из своей ботанической библиотеки. В 1900 г., послав в библиотеку Петербургского ботанического сада «Критический обзор московской флоры», он присовокупил

---

[396] *Попов К.П.* Краткая история и современное состояние Гербария Никитского ботанического сада: 150 лет Государственному Никитскому ботаническому саду, 1812–1962. М.: Колос, 1964. С. 606–607.

[397] *Косых В.М.* Гербарию Никитского ботанического сада 60 лет // Бот. журн. 1976. Т. 61, № 4. С. 585.

[398] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. Д. 33.

к нему целый список книг, которые был готов подарить библиотеке. Библиотекарь и преподаватель Высших женских курсов Г.А. Надсон благодарил его за это (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 73. 20.11.1900). После 1914 г. Петунников начал активно раздавать свою научную библиотеку. Это даже породило слухи в Москве, что он «совсем покинул Россию» и, собираясь в дальние края, «пристроил в разные места гербарий и книги»[399].

2.9. МОИП в биографии ученого

Сотрудничество с МОИП обозначило границы научной карьеры Петунникова – с ним она началась и завершилась.

Действительно, в XIX в. едва ли можно было найти сколько-нибудь крупного естествоиспытателя не только в Москве, но и в России, кто бы в той или иной мере не связал свою судьбу с деятельностью МОИП. Одно из старейших в стране (1805), общество пользовалось большим авторитетом у ученых. Оно проводило политику консолидации научных сил России и Западной Европы. В его состав вошли крупные ученые Старого и Нового Света[400].

Для многих начинающих исследователей оно стало настоящей школой подготовки к научному поприщу. Здесь они могли обсудить со старшими товарищами результаты своих исследований и находили в их лице внимательных и доброжелательных критиков. Некоторые члены общества (для Петунникова Кауфман и Ауэрбах[401]) становились источником новых знаний и увлечений,

---

[399] В частности, целую коллекцию ботанических книг, в том числе редкие издания XVIII в., Петунников подарил Ботаническому кабинету Варшавского университета (Приложение 4, № 49). Профессор Воронежского сельскохозяйственного института Б.А. Келлер благодарил Петунникова за присылку книг, поскольку любой, даже дублетный экземпляр «очень дорог для студентов», так как представляет собою учебное пособие, и просил о высылке петунниковского «Определителя...», выпусков «Гербария московской флоры» и др. «Еще раз большое спасибо Вам за Ваше внимание и содействие нам в наших ботанических нуждах», – завершал он свое письмо (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 48. 29.1.1914).

[400] В благодарственных письмах в связи с избранием иностранные члены общества высказывали удовлетворение по поводу принадлежности к столь достойной корпорации и выражали готовность к сотрудничеству. Вот, например, что писал известный французский зоолог А. Мильн-Эдвардс секретарю МОИП 11 ноября 1886 г.: «Заслуженная репутация, которой пользуется это сообщество в научном мире, делает это отличие [избрание в члены. – *Г.Л.*] очень лестным для меня. Будьте уверены, что я окажу своим новым коллегам безусловную поддержку» (Арх. МОИП. 1886. Д. 592. Л. 67).

[401] Ауэрбах, хранитель минералогического кабинета Московского университета в 1860-е гг., собирал вокруг себя группу студентов и, стоя перед раскрытым

наставниками в приобретении необходимых навыков научной работы, в оформлении ее результатов. В «Бюллетенях» общества появлялись первые публикации молодежи. Благодаря иноязычному характеру журнала эти первые опыты становились достоянием международного научного сообщества. На этой почве завязывалась переписка, обмен информацией с зарубежными коллегами. В обычаях натуралистов того времени было обмениваться не только научными изданиями, но и образцами изучаемых предметов: растениями, коллекциями насекомых, минералов и проч. Нередки случаи обращения в общество натуралистов разных стран, включая провинциальные научные общества. Просили помочь в определении тех или иных растений, прислать каталоги растений и семян с целью обмена. Все эти обращения печатались в «Бюллетенях МОИП» наряду с объявлениями о предстоящих научных конгрессах и прочей информацией.

Благодаря добровольным дарам членов и доброжелателей общество стало обладателем большого числа естественно-научных коллекций, научных приборов, книг. Оно владело уникальной в своем роде библиотекой по естествознанию. МОИП обменивалось своими изданиями со многими научными обществами России и Запада и собрало со временем большую коллекцию естественно-научных журналов. Эти богатства были доступны всем без исключения членам общества. Но особенно драгоценной была возможность общения с коллегами, обсуждения с ними серьезных профессиональных вопросов. По наблюдениям В.А. Варсанофьевой, вице-президента общества с 1942 г. и его историографа, особенно широко в нем были представлены биологические и геолого-минералогические науки[402].

В числе посетителей заседаний МОИП значилась категория «сторонних присутствующих». В таком именно качестве появился Петунников в МОИП в начале 1860-х гг., сразу же после поступления в университет. А в 1865 г. по рекомендации Н.Н. Кауфмана и И.Б. Ауэрбаха (в ту пору секретаря общества) кандидат Петунников стал действительным членом МОИП[403].

Все многочисленные знакомые Петунникова в научном мире, о которых нам уже случалось упоминать, были членами МОИП. Некоторые из них стали его секретарями: И.Б. Ауэрбах (1851–

шкафом с образцами, показывал различные минералы, давая соответствующие разъяснения. После скучных лекций Толстопятова минералогия впервые показалась молодым людям увлекательным предметом (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 35. Ч. 1. Л. 12, bis).

402 *Варсанофьева В.А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955.

403 Арх. МОИП. 1865. Д. 406. Л. 11 об.

1867), Н.Н. Кауфман (1867–1870), Л.П. Сабанеев (1871–1888), Г.А. Траутшольд (1872–1877).

Наибольшая активность Петунникова в МОИП приходится на годы секретарства Н.Н. Кауфмана. В последние месяцы секретарства Кауфмана в пору лечения болезни в Крыму (июнь-июль 1870 г.) Петунников выступал как его доверенное лицо, подписывая за него денежные документы[404].

В 1867–1871 гг. Петунников принимал участие почти во всех заседаниях общества и часто выступал на них с научными докладами. Мы уже упоминали о его публикациях о кутикуле и некоторых репродуктивных органах растений в «Бюллетенях МОИП». Всем этим статьям предшествовали выступления на заседаниях общества[405]. В 1867 г. Петунников занялся изучением развития и образования смоляных ходов внутри растений, о чем доложил в ноябре того же года[406]. На заседании МОИП 3 января 1869 г. он обсуждал уже результаты этих своих исследований. Автор представил свои соображения о происхождении смоляных ходов у разных хвойных растений. Участники обсуждения отметили новизну выводов, что и было зафиксировано в протоколе: «При этом им было указано на некоторые весьма замечательные особенности строения этих ходов, на которые до сих пор не обращали внимания», – констатировали коллеги[407].

Много занимаясь микроскопическими исследованиями, изучая водоросли в том числе, Петунников поделился своим опытом сохранения микроскопических препаратов (1869. март. Л. 10 об.). В 1870 г. он прочел реферат работы Кеппена «Теплота и вырастание растений», представленный для публикации в «Бюллетене МОИП» (доклад 17 сентября). 19 ноября того же года доложил о ботанической экскурсии по северо-восточной части Московской губернии. Тогда он наблюдал за распространением лесов в Дмитровском и Богородском уездах, сравнивая свои впечатления с выводами Кауфмана[408].

В 1870 г. Петунников начал изучение водорослей. 19 марта он доложил о своеобразном процессе копуляции водорослей Pandorina и Eudorina на материалах исследований Н. Принсгейма[409]. Изучение водорослей было продолжено в 1871 г. На примере водяного растения из отдела топляковых рода Nitella, найденного

---

404 Там же. 1870. Д. 452. Л. 28, 30.
405 Там же. 1867. Д. 422. Л. 15.
406 Там же. Л. 31 об.
407 Там же. 1869. Д. 439. Л. 3 об.
408 Там же. 1870. Д. 449. Л. 21 об., 28.
409 Там же. Д. 448. Л. 11.

им в окрестностях Ярославля, Петунников попытался определить морфологическое значение предростка у него (сообщение 22 апреля) и обратил внимание на многие ошибки у Принсгейма относительно образования почки этого растения[410].

Выступления Петунникова на заседаниях общества дают представление о направлении его исследований в эту пору. Они тем более интересны, что далеко не все результаты исследований этого времени были опубликованы. Можем еще раз заметить, что основные интересы (исключая изучение границ произрастания лесов в средней полосе России) лежали в сфере морфологии растений.

14 декабря 1867 г. Петунников был выбран библиотекарем МОИП. Это довольно значительная фигура в организационной структуре общества. Вместе с секретарем и казначеем библиотекарь входил в Совет общества и участвовал в обсуждении всех организационных вопросов.

Библиотекаря МОИП, впрочем, как всякого библиотекаря, заботили три вопроса. Во-первых, комплектование фондов библиотеки. Во-вторых, изыскание места для новых поступлений. В-третьих, своевременный возврат литературы, выданной на абонемент. Комплектование фонда происходило за счет хорошо налаженного книгообмена. Издания МОИП были востребованы русскими и зарубежными исследователями, о чем свидетельствуют многочисленные просьбы об их присылке. Однако иногда случались сбои в поступлении новой литературы. В 1870 г. Петунников представил реестр недостающих в библиотеке некоторых выпусков «Записок...» и «Бюллетеня Императорской С.-Петербургской Академии наук» и просил руководство МОИП способствовать их пополнению[411].

Серьезное беспокойство Петунникова вызывал недостаток места для новых поступлений. В марте 1870 г. члены Совета по представлению Петунникова предложили ему заняться изготовлением двух новых шкафов «экономическим образом»[412]. Этого оказалось мало. Уже в апреле того же года на заседании Совета Петунников заявил о необходимости обзавестись еще одним шкафом для нужд библиотеки. Члены Совета опять просили Петунникова взять на себя труд по изготовлению шкафов «экономическим способом»[413]. «Экономический способ» состоял в том, что библиотекарь на собственные средства заказывал необходимую мебель, а по предъявлению счета общество возмещало ему расхо-

---

[410] Там же. Д. 456. Л. 11, 28.
[411] Там же. Д. 452. Л. 27 об.
[412] Там же. Д. 449. Л. 1.
[413] Там же. 1871. Д. 457. Л. 3–4.

ды. Таким же образом приобретались необходимые канцелярские принадлежности. Новых шкафов хватило, по всей видимости, ненадолго. Уже в декабре того же года Петунников предложил радикальный способ высвобождения места для новых поступлений. Он произвел смотр книжного фонда библиотеки и представил список книг, которые, по его мнению, «совершенно излишни, но тем не менее занимают много места в библиотеке». МОИП определил специальную комиссию для решения этого вопроса, в ее состав вошли Г.А. Траутшольд, Ф.В. Вешняков, Л.П. Сабанеев, Г.Ф. Головачев[414]. Чем закончилась эта эпопея, неизвестно, так как вскоре после этого эпизода кончился срок полномочий Петунникова.

Далеко не все члены МОИП отличались аккуратностью в пользовании абонементом библиотеки. Дело иногда доходило до того, что некоторые библиотечные книги находили на книжном развале у Сухаревой башни. Разбирая периодические издания МОИП, Петунников пришел к выводу, что следует пересмотреть правила пользования библиотечным фондом, о чем и заявил на заседании общества[415]. Уже в марте того же года на заседании Совета обсуждался проект правил пользования книгами библиотеки, составленный Петунниковым[416]. Но никакие ужесточения правил пользования абонементом не смогли помешать утечке литературы из библиотеки. Эта проблема оставалась постоянной головной болью у всех преемников Петунникова на посту библиотекаря МОИП.

С окончанием работы библиотекарем МОИП в конце 1871 г. Петунников отошел от активного участия в деятельности общества. От этого его отвлекали занятия журналистикой и работа с 1873 г. в составе Московской городской управы. Связи с обществом при этом не прерывались. Петунников передал в библиотеку МОИП все свои монографические работы, некоторые из них имеют его дарственные автографы.

К числу заслуг МОИП С.Ю. Липшиц, секретарь общества в 1937–1950 гг., относил составление обобщающих сводок флоры Московской губернии. Сам Петунников и его ученики по неформальному флористическому кружку Сырейщиков (член МОИП с 1909 г.), Сюзев (член МОИП с 1894 г.), Хорошков (член МОИП с 1909 г.) пользовались поддержкой общества. Общество поощряло их флористические экскурсии по Московской губернии, иногда их инициировало, печатало отчеты о них в своем бюллетене[417].

---

[414] Там же. Д. 456. Л. 34.
[415] Bull. Soc. Nat. Mosc. 1870. N 1. P. 17.
[416] Арх. МОИП. 1870. Д. 449. Л. 1.
[417] *Липшиц С.Ю.* 150-летие Московского общества испытателей природы и его роль в развитии флористики, систематики и ботанической географии // Бюл. МОИП.Отд. биол. 1955. Т. 60, вып. 6. С. 10.

Петунников был первым из этого кружка, кто воспользовался поддержкой МОИП в флористических экскурсиях. Самое раннее его обращение в МОИП с просьбой о выдаче «открытого листа» относится к 1871 г.[418]

Не всегда располагая финансовыми средствами для поддержания исследований, МОИП широко содействовало получению его членами «открытых листов» для предъявления местному начальству. Этот лист обеспечивал его владельцу различного рода поддержку местных властей при проведении исследований[419]. «Открытый лист» от московского губернатора не только содержал предписание уездным исправникам всячески содействовать в «производстве ботанических исследований в пределах Московской губернии», но и обеспечивал возможность беспрепятственного проезда в ее пределах, что, очевидно, было немаловажно ввиду сугубой подозрительности русской полиции[420]. Иногда «открытый лист» сопровождался билетом от губернатора, который давал право на использование «обывательских лошадей» для служебных разъездов, его обладатели могли пользоваться льготными тарифами за проезд[421].

В протоколах заседаний МОИП много сообщений об удовлетворении просьб Петунникова о выдаче «открытого листа». Со временем к такой форме поддержки стали прибегать и его ученики. Только в 1907 г. при поддержке МОИП А.А. Хорошков совершил 22 экскурсии по Московской губернии в Подольском уезде и приокской полосе. Несмотря на густую заселенность Московской губернии и ее относительную изученность, участникам кружка Петунникова удавалось найти новые формы растений и новые их местонахождения[422].

1886 г. оказался тяжелым для МОИП. Серьезной утратой стала смерть многолетнего секретаря и редактора «Бюллетеня» общества К.И. Ренара. В том году впервые за 80 лет существования обнаружились существенные разногласия между его членами. Поводом послужила история с приемом в члены общества астронома В.К. Цераского. Его рекомендовали видные ученые – президент общества Ф.А. Бредихин и его вице-президент Ф.А. Слудский, оба известные астрономы и математики. При тайном голосовании

---

418 Арх. МОИП. 1871. Д. 458. Л. 291.

419 *Курсанов Л.И., Дейнега В.А.* Московское общество испытателей природы // Учен. зап. Моск. гос. ун-та. Юбил. сер. Биология. М., 1940. Вып. 54. С. 357.

420 Арх. МОИП. 1897. Д. 711. Л. 13 об.

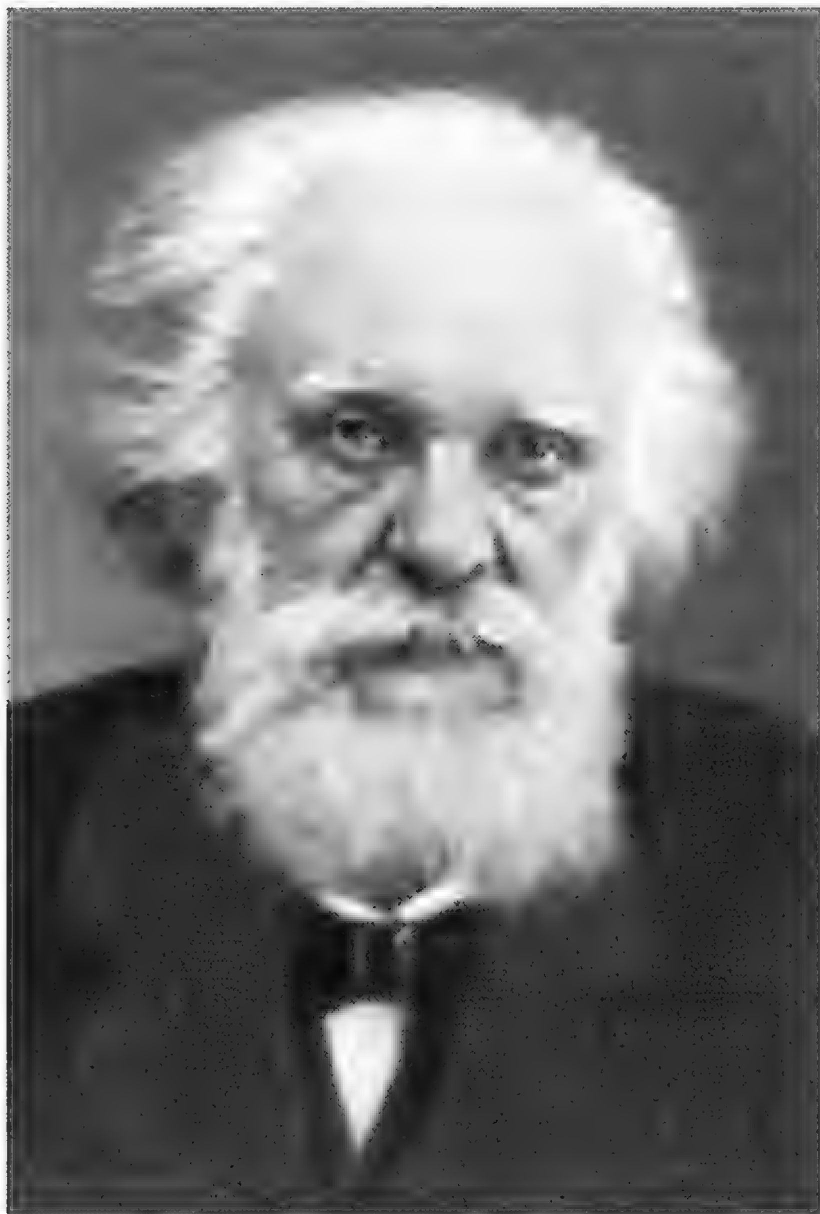
421 Там же. 1908. Д. 873. Л. 34.

422 Bull. Soc. Nat. Mosc. 1907–1908. N 4. P. 49–54.

кандидатура Цераского оказалась отвергнутой. Тогда наиболее активная часть членов общества во главе с Тимирязевым выступила с возмущенным письмом. В нем авторы обвиняли участников голосования в том, что они лишили общество достойного сотрудника. Авторы письма потребовали незамедлительного повторного голосования в надежде, что справедливость восторжествует. В бурных дебатах им возразил секретарь проф. К.Э. Линдеман. Он заявил, что итоги голосования отражают отношение не к самому кандидату, весьма достойному ученому, а к наметившейся тенденции к изменению направления деятельности общества. Некоторые бдительные члены МОИП отмечали усиление влияния в нем физико-математического направления. Еще раньше с их стороны прозвучало предложение исключить математические доклады из заседаний общества. Им казалось, что с приходом к руководству обществом Бредихина и Слудского эта математическая линия еще больше усилится. Линдеман считал, что повторное голосование поставит под сомнение прежнее решение, принятое, как он подчеркнул, рабочим ядром общества, наиболее активными его деятелями, поставит под угрозу устав МОИП, внесет раскол в его единство. Петунников участвовал в дебатах. Он выступил на стороне консервативной части общества, приняв сторону Линдемана. В итоге было принято компромиссное решение. Цераскому со стороны МОИП было высказано сочувствие в связи с неловким положением, в котором он оказался, но повторное голосование было отложено на более отдаленное время. Тогда же на заседании общества 18 декабря 1886 г. Петунников оказался в рядах большинства, когда высказался против передачи голосов отсутствующих членов общества их коллегам, присутствующим на заседании. Резолюция общества закрепила эту победу: «Постановили 22 голосами против 19 не допускать передачу голосов отсутствующих членов лицам,

К.И. Ренар
(Иконотека МОИП)

Н.А. Умов
(Иконотека МОИП)

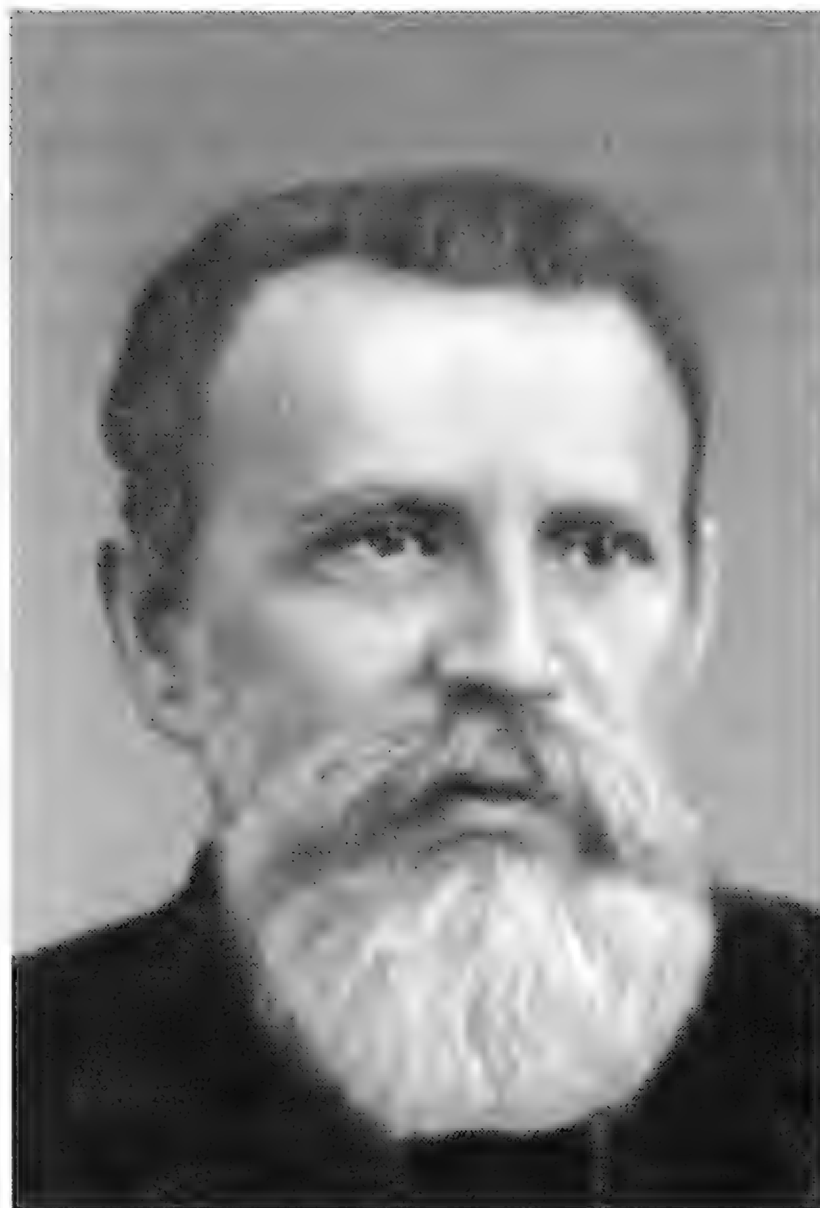
присутствующим в заседании, находя, что такая передача, как не оговоренная уставом общества, будет вносить такое к нему дополнение, на какое общество не вправе пойти без согласия на то двух третей наличных членов и без санкции высшей власти (ст. 47 Устава общества)». Оппонентами Петунникова в этом споре оказались Бредихин и Слудский, которым принадлежала инициатива, Тимирязев, В.Я. Цингер, А.Г. Столетов, Д.Н. Зернов и др.[423]

19 ноября 1898 г. МОИП избрало особую комиссию для присуждения премии А.Г. Фишера фон Вальдгейма, бывшего президента общества. В состав комиссии вошли М.И. Голенкин, С.Н. Милютин, А.Н. Петунников, В.А. Тихомиров[424]. Комиссия должна была рассматривать ботанические сочинения, представленные на соискание премии, поощрялись исследования, направленные на изучение местных флор. В письме на имя секретаря МОИП В.Д. Соколова (6 дек. 1898 г.) Петунников «с большой готовностью» отозвался на приглашение поучаствовать в этой работе[425]. Бывали случаи, когда, пользуясь умудренностью Петунникова в финансовых делах, приобретенной им за долгие годы службы в управе, его приглашали для ревизии годовых бюджетных отчетов МОИП. Не находя никаких нарушений в пользовании денежными средствами, Петунников указывал способы более выгодного размещения оборотного капитала общества.

Руководители МОИП помнили заслуги Петунникова перед обществом и ценили его научные труды. На заседании Совета МОИП 11 декабря 1908 г. было высказано пожелание о том, чтобы предложить обществу избрать в почетные члены А.Н. Петунникова и В.А. Тихомирова. Это предложение было повторено прези-

[423] Арх. МОИП. 1886. Д. 590. Л. 49–53.
[424] Там же. 1898. Д. 724. Л. 21.
[425] Там же. Л. 31.

дентом общества Н.А. Умовым на заседании членов МОИП 18 декабря того же года. Общество единодушно приняло это предложение[426]. К сожалению, в архиве МОИП не сохранилось препроводительного письма к диплому об избрании Петунникова, этот документ был бы любопытен аргументацией в пользу такого решения. Мы имеем только ответное благодарственное письмо Петунникова, которое приводим в приложении.

М.А. Мензбир
(Интернет)

В 1912 г. исполнилось 50 лет со времени первой научной публикации Петунникова в «Бюллетене МОИП», а в 1915 г. отмечалось 50-летие его членства в МОИП. Общество отметило эту дату. Вице-президент МОИП М.А. Мензбир на заседании 15 сентября 1915 г. сообщил, что 18 марта этого года исполнилось 50 лет со времени избрания Петунникова в действительные члены общества. Он предложил приветствовать юбиляра по этому поводу. Собравшиеся решили просить Сырейщикова поговорить с самим виновником торжества о том, какая форма приветствия была бы ему более желательна[427].

17 сентября Советом общества было принято поздравительное письмо Петунникову[428], который, в свою очередь, отозвался благодарственным письмом в адрес общества (см.: Приложение 4, № 45) с выражением сердечной признательности[429].

Последняя встреча Петунникова с МОИП была посмертной. На заседании 25 декабря 1919 г. президент общества М.А. Мензбир сообщил о кончине почетного члена А.Н. Петунникова в Москве и предложил, чтобы один из ботаников сделал на ближайшем заседании общества сообщение, посвященное памяти покойного[430]. МОИП переживал тогда тяжелые времена. Руководство

---

[426] Там же. 1908. Д. 873. Л. 7, 23.
[427] Там же. 1915. Д. 960. Л. 12 об.
[428] Там же. Д. 959. Л. 19.
[429] Там же. Д. 970. Л. 22 об.
[430] Там же. 1919. Д. 1008. Л. 9.

общества напрягало все силы, чтобы сохранить его. Приходилось хлопотать о возобновлении печатания изданий общества, о сохранении его помещений и штата. В спешке срочных текущих дел не нашлось времени для выполнения пожелания Мензбира. Оно исполнилось более 50-ти лет спустя в статье Липшица о московских ботаниках Д.П. Сырейщикове и А.Н. Петунникове, опубликованной в журнале МОИП. Близкое знакомство автора статьи с Сырейщиковым обогатило биографический очерк о Петунникове некоторыми деталями, которые позднее, несомненно, стерло бы безжалостное время.

Помимо МОИП Петунников был действительным членом Общества садоводов (Москва), Французского ботанического общества (Париж), ОЛЕАЭ, Уральского общества любителей естествознания (Екатеринбург), впрочем, участие в трех последних было скорее номинальным. И.П. Бородина, а следом за ним и С.Ю. Липшица удивляло, почему Петунников, один из немногих, не вошел в состав Русского ботанического общества (1915)[431]. Можно заметить, что среди членов-учредителей общества не оказалось Н.И. Кузнецова и других близких знакомых Петунникова (Литвинова, Палибина, Липского). Зная Петунникова, можно предположить, что его неучастие было, скорее всего, принципиальным. Во всяком случае в его бумагах нашлось приглашение от Л.И. Курсанова на собрание московских членов общества 16–18 ноября 1916 г. с надеждой, что Петунников не откажется вступить в его члены[432]. Подобная история произошла с Русским обществом акклиматизации животных и растений. Петунников не откликнулся на приглашение «сотоварища по естествознанию», ученика Н.Н. Кауфмана В. Голицына поучаствовать в образовании флористической секции общества[433]. Выше мы уже писали, что конфликт Усова с обществом из-за Московского зоопарка вызвал со стороны Петунникова крайне негативную оценку действий руководителей общества. Да и вообще из-за недостатка времени он избегал связывать себя лишними формальными обязательствами.

---

[431] О смерти Петунникова сообщил в отчете о деятельности Русского ботанического общества за 1919 г. секретарь общества Н.А. Буш. В один год с Петунниковым умер его старый друг, член-учредитель общества Х.Я. Гоби (Журн. Рус. ботан. об-ва при АН. 1920. Т. 5. Пг.: Гос. изд-во, 1922. С. 104).

[432] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 50. Письмо от 25 окт. 1916 г.

[433] Там же. № 38. Письмо от 3 дек., без указания года.

Часть третья

Портрет личности

Все, чем занимался Петунников, носило отпечаток его яркой личности. Остановимся на некоторых проявлениях его человеческой натуры, на гражданском самосознании, на семейных отношениях, на друзьях и увлечениях вне рамок профессиональных интересов ботаника, хотя и здесь не всегда обходилось без этой любезной сердцу Петунникова науки.

3.1. Внешний облик. Характер. Общественные взгляды

В числе прочих свидетельств сохранилось несколько фотографий Петунникова среднего возраста. На нас смотрит подтянутый, крепкий, уверенный в себе человек. Вспоминается резюме Вырубова о несложившейся университетской карьере Петунникова: «Мы с ним, видно, не были созданы для ношения тогда обязательного вицмундира»[1]. Действительно, трудно представить Петунникова не то чтобы в вицмундире – даже при галстуке, но неизменный белый воротничок ему как нельзя более к лицу, он придает некоторую строгость облику и оттеняет щепетильность этого человека[2].

Болезненный Вырубов всегда завидовал богатырскому здоровью друга. Молодые люди вели даже некоторое время «медицинский спор». Как это часто бывало у Вырубова, их спор вско-

---

[1] *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 49.

[2] Положение выборного, а не назначаемого служащего давало ему в этом смысле некоторую свободу. В одном из писем Вишнякову с удивлением обнаруживаем, что отсутствие галстука носило у Петунникова принципиальный характер. Он полагал, что поздравление с днем ангела начальственных лиц – «это такой же пустой обычай, как, например, ношение галстука, от которого никак не могут избавиться, должно быть, потому, что он напоминает ярмо, а люди так склонны носить его, или попросту холопствовать» (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 69).

А.Н. Петунников, 1880-е гг.
(Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1906.
Т. 6, вып. 3. С. 184)

ре приобрел общий характер. Вырубов выговаривал другу за злоупотребление природным здоровьем и пренебрежение средствами современной медицины, сделавшей в последнее время большие успехи. Всем «медицинским пособиям» Петунников предпочитал приемы народной гигиены: легко одевался зимой, спал в морозную пору при открытой форточке. Неизбежные на старости лет посещения окулиста и отоларинголога вызывали у Петунникова душевное смятение, настолько непривычной для него была больничная обстановка.

Врожденное здоровье позволяло Петунникову долго сохранять физическую крепость. Ботаник Сюзев писал, что и в 70 лет Петунников был легок на подъем, без труда совершая ботанические экскурсии по разным российским губерниям и за границей. Действительно, почти 70-летний Петунников с легкостью совершил поездку по служебным делам в Петербург и страны Прибалтики. Это путешествие его «очень оживило», хотя 5 ночей он провел в вагоне поезда[3]. Накануне 70-летия он трижды в течение года навестил сына Григория на нефтяных промыслах в Баку, не смущаясь трехдневной тряской в вагоне. Отсутствие привычного комфорта его нисколько не смущало, поскольку в житейском обиходе он был неприхотлив. Петунников довольствовался самыми непритязательными условиями, приучив себя работать при любых обстоятельствах, «не исключая даже замену письменного стола собственной коленкой». Он с легкостью переживал разруху ремонта, невзгоды переезда на новую квартиру, присутствие шумного семейства. «Да ведь такие вещи нельзя принимать близко к сердцу, – уверял он Вишнякова, – иначе никакого сердца не хватит»[4]. При всей нелюбви к хмурой, ненастной погоде, мешавшей экскурсиям и

---

[3] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 85 об.
[4] Там же. Л. 34 об.

скрывавшей неброские краски северной природы, Петунников не унывал. А уж когда удавалось продлить короткое московское лето поездкой на юг, он просто ликовал. Ему сразу же приходили на ум шутливые строчки «несчастного Фофанова»:

Какая б горькая беда
Вас ни измучила – спешите
На Юг, на Юг! Ему несите
Свои болезни и года.
Придет ли старость к вам до время,
Потеря ль сердце уязвит,
Или хандра вас посетит, –
И жизнь томить начнет как бремя,
Иль потревожит вас недуг –
На Юг, друзья мои, на Юг![5]

Физической крепости соответствовала душевная стойкость, это был человек бодрый духом. Многочисленные невзгоды и неудачи, встреченные на жизненном пути, не смогли обескуражить Петунникова, остановить его движение вперед. Друзья и знакомые отмечали его исключительную работоспособность. Совмещая увлечение книговедением с напряженной работой в управе, Петунников вставал в 3 часа ночи, чтобы заняться любимым делом. В разгар городской деятельности Петунникова Вырубов уговаривал его умерить рабочий пыл, который может повредить его здоровью, заклинал работать с меньшим напряжением. В 1879 г. он писал: «Так работать, как ты работаешь, днем и ночью, долго нельзя, никакое здоровье не выдержит». И изумлялся при этом: почему Петунникову не могут дать 2–3 помощника, как это делается везде[6]. Но подобные увещевания были напрасны. Петунников не умел работать вполсилы. Близко знавшие его люди отмечали, с какой почти фанатической увлеченностью он занимался флористикой, библиографией, журналистикой. Во всех этих областях его знания отличались глубиной и разносторонностью. Это обстоятельство отмечал даже Чичерин, недолюбливавший Петунникова. Впрочем, их взаимная антипатия носила скорее принципиальный характер – они по-разному оценивали распределение ролей между городской думой и управой. Тот же Чичерин признавал Петунникова одним из наиболее «речистых» членов управы. С его уходом городское самоуправление потеряло искусного докладчика, умевшего внятно и обстоятельно изложить проблему и аргументированно ее защитить. О легкости и разнообразии петунниковс-

---

[5] Там же. Л. 137 об.
[6] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 1. Д. 14. № 119. Л. 262.

А.Н. Петунников. Одна из последних фотографий (Бюл. МОИП. Отд. биол. 1968. Т. 73, вып. 4)

кого пера мы уже упоминали в рассказе о его журналистской работе.

Петунников умел организовать свою жизнь и благодаря этому успел много сделать. Его тяготила пустопорожняя трата своего и чужого времени: пространные, бессодержательные доклады в думе, празднование именин градоначальника и его жены, торжества по случаю завершения некоторых городских работ. По мере возможности Петунников уклонялся от участия в них. «Очень уж жалко убивать дорогое время на вздор», – признавался он. Да и есть ли повод для ликования, недоумевал он, когда открытие центральной электрической станции на Мясницкой, например, задержалось на 4 месяца по сравнению с намеченным сроком?[7] Слабую эффективность действия органов городского самоуправления Петунников относил за счет малокультурного и некомпетентного их состава. «Для ведения общественных дел, – полагал он, – надо что-нибудь посерьезнее, поделовитее, а главное – покультурнее»[8]. Он был убежден, что до тех пор, пока не

---

[7] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 72 об., 48 об.

На одной из таких церемоний ему пришлось все же побывать. Это были торжества по случаю открытия памятника Н.В. Гоголю на Пречистенском бульваре в 1908 г., приуроченные к 100-летию со дня рождения писателя. Петунникова как инженера-строителя больше всего интересовало устройство площадки для памятника работы скульптора Андреева. Приходилось выравнивать природную покатость местности – строить подпорную стенку, возводить лестницу. Вся затея показалась Петунникову громоздкой, его как «заведующего бульварами» особенно огорчало, что придется пожертвовать 25 метрами зеленых насаждений бульвара. «Кажется, ничего хуже не могла придумать самая пылкая фантазия», – заключил он (ЦИАМ. Там же. Л. 38). Петунников судил как хозяин-прагматик, готовый считать каждую копейку городского бюджета, но художественное чутье на этот раз его подвело. Сейчас именно эта площадка с причудливыми забавными фонарями является лучшим украшением живописного Гоголевского бульвара.

[8] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 105–105 об.

будут повышены требования к образовательному цензу гласных, «дела городские будут идти нескладно», этому не помешает даже огромный численный состав думы. Петунников предпочел бы, чтобы в состав думы вошли немногие, но компетентные лица[9].

По собственному признанию, Петунников чуждался политики прежде всего потому, что занятия ею требуют «уйму времени», а ему всегда его не хватало. Ему казалось, что именно в силу этого обстоятельства люди творческих занятий, деятели науки и искусства (к ним он относил и себя), не имеют выраженного интереса к политике и мало участвуют в ее баталиях[10].

Но с начала прошлого века непрерывные студенческие и аграрные волнения, забастовки рабочих, уличные беспорядки сотрясали повседневный быт россиянин. Сама жизнь ставила свидетелей этих событий перед необходимостью нравственных оценок и выводов. В Москве и Петербурге Петунников наблюдал убийство нескольких инженеров при явном попустительстве «бесшабашной» толпы лишь только за то, что они требовали от рабочих добросовестного выполнения обязанностей. Он был свидетелем стачек, а иногда даже участвовал в разрешении конфликтов с бастующими трамвайщиками, газовщиками, печатниками. Петунников относился ко всем этим проявлениям общественного неудовольствия с явным неодобрением, как к факторам, тормозящим экономический и социальный прогресс его родины. Он видел в них проявление слабости политического режима, неспособного к диалогу с различными социальными группами населения, его бессилие в обеспечении законности и порядка, которые он должен охранять. По мере нарастания народного возмущения власть все больше теряла почву под ногами. «А в Москве и под Москвою, – сообщал Петунников в 1912 г., – убийства и грабежи все продолжаются. Словно живем в Абруццо в Средние века!»[11]

Требования бастующих Петунников считал вздорными, они проистекали, как ему казалось, от неистребимой русской лени, от

---

[9] На свежий взгляд П. Бурышкина, занявшего после Февральской революции 1917 г. должность одного из двух товарищей городского головы, положение дел в городской управе внушало скорее оптимизм. «Делопроизводство в Московской городской управе, – писал он, – было организовано с большим техническим совершенством, и московская общественность им по справедливости гордилась. Это было подлинное общественное служение, с весьма своеобразной иерархией и с огромным накопленным деловым и техническим опытом. Работа в Московской управе была поистине приобщением к старой общественной традиции местного самоуправления» (*Бурышкин П.* Москва купеческая. М., 1991. С. 269).

[10] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 48.

[11] Там же. № 364. Л. 29 об.

неумения и нежелания русского человека ответственно и добросовестно работать. В этой трактовке он был вполне солидарен с Вырубовым. Тот тоже считал, что экономическая отсталость России происходит не столько из-за суровых климатических условий или от чрезмерной эксплуатации, сколько от недостатка осмысленной деятельной жизни. Петунников с негодованием замечал, что лень свила себе гнездо и среди муниципальных работников. При видимой суете большинство служащих управы и канцелярии были склонны позволить себе многомесячный отдых в самое горячее для городских работ время. Петунников шутливо называл этих людей, готовых отдыхать от мая до сентября, «Всеобщей антитрудовой конфедерацией» (Conféderation générale contre le travail) и признавался, что его борьба с подобной практикой не имела успеха[12].

Так же резко отрицательно относился Петунников и к студенческим волнениям в России. Он считал их действие деструктивным, из-за них, полагал он, целые поколения молодых россиян вырастают неучами, бездарно растрачивая на бесплодную борьбу наиболее восприимчивые для учения молодые годы. Действием, понижающим уровень высшего образования, Петунников считал увеличение при попустительстве министра народного просвещения числа вольных слушателей в университетах, из которых многие не имеют даже среднего образования. Его возмущало бездействие власти, допустившей такое беззаконие, и пассивность университетских советов, ничем не выразивших своего неудовольствия подобными мерами[13]. «Народные университеты», которыми так увлекались современные интеллигенты (и в их числе близкие знакомые М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти), он считал «ни для кого и ни для чего не годными», имея в виду произвольность учебной программы и бесконтрольность ее усвоения. Для своей семьи Петунников решил вопрос образования детей весьма прагматично. Он отправил старших детей учиться в Западную Европу, так как считал, что там можно пройти курс обучения и дешевле, и скорее. Особенно ему нравились для этих целей небольшие университетские города – там и жизнь сосредоточеннее, и меньше шансов повстречать соотечественников, общение с которыми пожирает много времени.

В забастовках Петунников видел угрозу и без того бедственному положению страны. «В такой бедной, ленивой, а потому и бедной, что ленивой, стране не должно быть места забастовкам,

[12] Там же. № 363. Л. 72.
[13] Там же. Л. 68.

если люди не хотят помирать с голоду или идти побираться», – предупреждал он и возвращался к этой теме неоднократно, полагая, что при таком отношении к делу «немцы задавят или слопают нас как пить дать»[14]. Как человек в высшей степени ответственный, в дни забастовок Петунников не рисковал покидать город, полагая, что отсутствие в такое время неудобно, ведь его долг диктует ему «быть наготове», в случае необходимости действовать, совещаться, принимать меры[15].

Активная натура не позволяла Петунникову полностью отрешиться от политических событий времени. В политике Петунников был либеральным консерватором. Он мог понять логику действия Столыпина, а вот деятельность кадетской партии в Государственной думе не одобрял. Успех кадетов он объяснял их положением гонимой партии, присутствием в их составе «ловких говорунов», способных увлечь толпу. Для Петунникова была неприемлема их выжидательно-осторожная позиция по отношению к «грузинским головорезам», «к порывам и диким выходкам» всяких там Джапаридзе и Церетели[16], «место которых не в Государственной думе, а где-нибудь в балагане»[17]. Он хотел перемен в стране, но не ценой насилия. В отсутствие позитивной программы вся деятельность разношерстной думской публики, как он отмечал, выливалась в бесконечную говорильню. В 1912–1916 гг. Петунников наблюдал рост влияния партии прогрессистов (кадетов), которая всевозможными махинациями отодвинула представителей других партий[18]. Он наивно надеялся, что, может быть, безусловное преобладание прогрессистов положит конец разгулу партийных страстей, которых не должно быть в думе, «потому что задача города – вести городское хозяйство, а не разводить политику, и тогда раскроется тот могильный холм, под которым, по словам гласного Тесленко, были похоронены деловые люди и весьма полезные работники»[19].

---

[14] Там же. Л. 37, 41–41 об., 72.

[15] Там же. Л. 21.

[16] Сергей Давыдович Джапаридзе (1870–?); Симон Николаевич Церетели (1870–?) – депутаты Первой Государственной думы, первый – от Кутаисской губернии, от Тифлисской губернии – второй, представляли социал-демократическую партию.

[17] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 42.

[18] Историк Московской городской думы Л.Ф. Писарькова отмечает, что начиная с выборов 1904 г. членов думы обуревали партийные страсти. Сторонники либерального направления примкнули к партии «прогрессистов» (кадетов), умеренные сгруппировались вокруг консервативной партии октябристов (партия 17 октября). К ней принадлежал друг Петунникова Н.П. Вишняков (См.: *Писарькова Л.Ф.* Указ. соч. С. 204–206). Оставаясь вне партий, Петунников больше сочувствовал консерваторам.

[19] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 112 об.–113.

Петунников искренно сожалел, что дума лишилась некоторых своих дельных и умелых членов, принесенных в жертву «проклятой партийности» из-за недостаточной радикальности их взглядов. Он до последней минуты надеялся, что здравый смысл победит, что потребность в позитивной созидательной деятельности у большинства членов думы не даст сорваться в бездну анархии. Успех партии прогрессистов он связывал с влиянием сильных авторитетных вожаков. Петунников мечтал о сильной личности для России, какими стали в эпоху гражданских смут и неурядиц современные политические деятели: Бисмарк для Германии, Гамбетта для Франции. Эта гениальная личность с государственным умом сумеет одолеть хаос и выведет народ на «чистую дорогу», надеялся он[20]. Петунников не мог тогда еще помыслить, что эта дорога окажется для России дорогой террора и самоистребления нации.

В разных обстоятельствах личность Петунникова раскрывалась по-разному. Мы уже писали, как он бывал резок, запальчив и непримирим в научных спорах, в журнальной полемике, как критично относился к сочинениям коллег-ботаников. Часто чрезмерный максимализм Петунникова был связан с его особой щепетильностью по отношению к исполняемой работе, ему хотелось, чтобы она была выполнена с максимальной тщательностью. На это указывал ему Н.И. Кузнецов в одном из писем (См.: Приложение 4, № 31). Петунников не терпел некомпетентности и небрежности в работе ни у коллег-ботаников, ни у служащих городской думы и управы, с которыми сводила его судьба.

В общении с друзьями и единомышленниками это был милейший человек, всегда готовый услужить ближнему своими знаниями и опытом. Особенно это чувствовали его ученики. «Скромный по натуре, чрезвычайно деликатный, чуждый всяческих чествований, отличий и исключительного внимания... Чрезвычайно отзывчивый и легкий на перо, А.Н. весьма охотно вступает в сношения с молодыми ботаниками, оказывая широкое содействие по определению растений» – таким он открывался своим ученикам[21]. Надо сказать, что любовь эта была взаимной. С неподдельной гордостью относился Петунников к успехам своих учеников. Насколько увлекала его флористическая работа Сырейщикова, свидетельствует небольшой эпизод. При печатании последней части книги Сырейщикова они вдвоем не разгибаясь «гнали» корректуру, стараясь ускорить успешное завершение работы. Петунников

---

[20] Там же. Л. 48.
[21] *Сюзев П.Д.* А.Н. Петунников. С. 66, 69.

был крайне раздосадован, что забастовка работников типографии свела на нет их усилия, и книга задержалась с выходом в свет[22]. И таких фактов действенной и незамедлительной помощи в биографии Петунникова немало.

Петунников легко сходился с молодежью, ведь упоминавшиеся выше Палибин, Ростовцев, Н.В. Цингер годились ему в сыновья. В подрастающих ботаниках он видел не конкурентов, а людей, способных разделить вместе с ним восторг перед красотой живой природы и любовь к ботанике, «изящнейшей и интереснейшей из наук»[23]. Склонность к научному наставничеству явно прослеживается в характере Петунникова, и тут возраст не имел решающей роли. «Старым учеником» Петунникова представлялся ботаник-любитель А.К. Варженевский[24]. Ему вторил ровесник Петунникова Н.П. Вишняков, шутливо называя себя «недостойнейшим из Ваших учеников»[25]. Представитель последующего за Петунниковым поколения П.Ф. Маевский, который из-за преждевременной смерти Н.Н. Кауфмана лишь формально попал в число его учеников, почитал себя обязанным А.Н., наставившему его на путь любви к естествознанию, «лучше которого я не знаю» (подробнее см.: Приложение 4, № 22).

Восхищенный юношеской способностью своего немолодого уже друга увлекаться любимой ботаникой, Вишняков шутливо позавидовал этому его свойству, на что Петунников ответил: «Если Вы почитаете меня счастливым тем, что у меня сохранилась до старости любовь к природе и ее прелестям и не угасло стремление к познанию, то, пожалуй, я еще более счастлив тем, что в этом отношении не одинок и что мне удалось привить это стремление к представителю другого, более юного поколения, который в этом отношении стал мне под пару и дружит со мной, деля и труд, и невзгоды, и радость тоже при исследовании нашей действительно бедной природы, но среди которой мы умеем находить столько прелести и выносить так много наслаждений. Счастлив я и тем, что за Сырейщиковым, которого я подвигнул на тяжелый и огромный труд, проходивший в течение 9 лет на моих глазах, выдвигается другой питомец московской флоры, еще более юный – А.А. Хорошков»[26]. Здесь невольно приходит на ум аналогия с Н.Н. Кауфманом, который видел в учениках продол-

---

[22] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 41 об.

[23] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 28. Письмо Н.П. Вишнякова от 11 мая 1914 г.

[24] Там же. № 25. Письмо от 2 фев. 1890 г.

[25] Там же. № 28. Письмо от 11 мая 1914 г.

[26] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 92 об. – 93.

жателей любимого дела и умел подружить их между собой. Сырейщиков и Хорошков, до того как последний покинул Москву, много работали совместно.

3.2. Семья. Потомки

Устройство на постоянную работу в управу в середине 1870-х гг. несколько упрочило материальное положение Петунникова, и тогда возникла мысль устроить жизнь «на началах семейственности». В 1875 г. он женился, почти одновременно с Вырубовым. Имя его избранницы – Мария Францевна (Бингер)[27], родилась она в Швейцарии и имела многочисленную родню в Лозанне, Клarансе, Веве. Союз оказался прочным, а отношения в семье, несмотря на все житейские трудности, – добросердечными и уважительными. Год спустя после свадьбы у супругов родился первенец, которого в честь Вырубова назвали Григорием. Вырубов благодарил друга за оказанную честь и считал Гришу своим духовным крестником. Всего же у Петунниковых было пять детей. В семье детей любили, даже в пору зрелости называли их ласковыми детскими именами и много занимались их воспитанием.

Вторым ребенком была Маша, она родилась в 1877 г.; за ней шла Надежда (1878). Позже, в 1880-е гг., появились на свет сыновья Владимир (1883) и Иван (1885).

Как ни странно, имя старшей дочери Надежды (1878–1974) отсутствует в письмах Вырубова и самого Петунникова. О ней Вырубов упомянул лишь один раз в письме 1907 г., передавая ей поздравление. Поздравлял он Надюшу, как оказалось из письма Петунникова к Вишнякову, с рождением дочки. Брак Надежды не вызвал большого энтузиазма у Петунникова, видимо, по причине молодости новобрачного, «почти ребенка». А был он в некотором роде примечательным. В 1905 г. Надежда стала женой Николая Александровича Пушкина (1885–1964), внука поэта по линии старшего сына Александра (1833–1914). В пору женитьбы юный супруг учился еще на юридическом отделении Московского лицея, а в год рождения первого ребенка окончил лицей вместе с младшим сыном Петунникова Ваней. В ожидании прибавления семейства Алексей Николаевич молил Бога, чтобы не родился мальчик, он опасался, что «по нисходящей линии способностей это обещает нечто очень жалкое»[28]. Его мечта сбылась, родилась

[27] Возможно, именно с ней связано семейное предание о связи Петунниковых с родом Бернулли.
[28] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 23, 35 об.

девочка, в честь прабабки ее назвали Натальей, она оказалась полной тезкой знаменитой Натали Гончаровой. Позднее Надежда со своим семейством жила в деревне, среди мужниной родни. В октябре 1910 г. она со своей семьей гостила в родительском доме по пути в Веневский уезд, куда Николай Пушкин получил назначение земским начальником[29]. Супруги Петунниковы вместе и порознь не раз посещали семью Надежды в Веневе, случалось и ей вместе с детьми гостить в родительском доме.

Вырубов близко к сердцу принимал дела воспитания старших детей Петунникова, особенно «крестника» Гриши. На старшего сына Петунникова, несомненно, повлиял пример научных занятий отца. Некоторые работы Алексея Николаевича сопровождались рисунками Григория Петунникова. Это изящные подробные изображения различных растений. Некоторые из них срисованы с гербарных экземпляров, другие иллюстрируют собственные сборы во время ботанических экскурсий. Экскурсирование стало насущной потребностью Григория. Будучи еще подростком, он экскурсировал с отцом в Можайском уезде Московской губернии. Куда бы его ни забрасывала судьба, он собирал и засушивал растения. В «Списке сухих растений...» Кузнецова мы обнаружили упоминание об экземплярах растений, присланных Григорием из Сибири (Иркутск), Саратова, Баку[30]. И.П. Бородин привел любопытный факт из биографии Григория. В 1898 г., будучи практикантом при постройке мостов на Сибирской дороге, он собрал по поручению отца в Красноярске, и особенно у станции Зима на

---

[29] Там же. Л. 101 об.

[30] Благодаря научным увлечениям отца заинтересовались гербарными сборами дочери Мария и Надежда. В списке коллекторов «Гербария русской флоры» В.И. Липский, главный ботаник С.-Петербургского ботанического сада, называет сразу пять членов этого семейства: А. Петунникова (это, несомненно, сам Алексей Николаевич), Г. Петунникова (Гриша), Н. Петунникову (Надежда), М. Петунникову (Мария) и, наконец, загадочную А. Петунникову. Возможно, это сам А.Н. по недосмотру в женском обличье, сказать трудно. Все сборы, кроме Гришиных, датируются 1898–1900 гг. и сделаны в Рязанской губернии. Григорий тем временем помимо Рязани (1898) успел побывать в Пензенской и Саратовской губерниях (1900), на Кавказе (1907). Все семейство участвовало в обмене сухими растениями по линии Ботанического сада Юрьевского университета, экземпляры Григория относятся помимо Рязанской и Пензенской губерний к районам Иркутска, Астрахани (*Липский В.И.* Гербарий Императорского С.-Петербургского Ботанического сада (1823–1908). Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1908. С. 208, 219). Следы пребывания Григория в Саратовской и Нижегородской губерниях (1895) обнаруживаются в Гербарии Московского университета (*Майоров С.Р.* Материалы к европейской флоре России // Бюл. МОИП. Отд. биол. 2003. Т. 108, вып. 6. С. 55).

Рисунки Г.А. Петунникова к работе отца о лапчатках
(Тр. Императ. С.-Петерб. ботан. сада. 1895. Т. 14, вып. 1)

реке Оби, несколько видов осок, один из них был обнародован в гербарии Кнукера, другие попали в список Кузнецова[31].

В выборе специальности Гриша оказался последователем своего «крестного», он заинтересовался минералогией. Его обучение в высшей школе проходило по вырубовской схеме – от общего к специальному и более частному. В Московском университете минералогию Грише преподавал Вернадский (1895–1900).

Вырубов вникал во все тонкости гришиного обучения. Как ученый и педагог Вернадский ему не нравился. Он полагал, что профессор ставит слишком общие и сложные для начинающего исследователя задачи. Он предлагал собственные темы для дипломной работы. Вырубов был вообще невысокого мнения о русской кристаллографии, делая исключение только для талантливого самородка Е.С. Федорова. Все же он вынужден был признать, что с появлением Вернадского дела на кафедре продвинулись далеко вперед. Сам Вернадский-преподаватель казался ему много лучше Толстопятова; у него, по крайней мере, полагал он, есть чему поучиться.

После окончания университета Гриша продолжил обучение в Королевском политехническом институте в Ахене (1900–1906).

---

[31] *Бородин И.П.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб.: Тип. Императ. АН, 1908.

Находясь за границей, Григорий много лично общался с Вырубовым и переписывался с ним. Вырубов не оставлял своими наставлениями будущего горного инженера. Его несколько настораживало чрезмерное, как ему казалось, увлечение Гриши практической стороной дела. Он настаивал на том, что инженер не должен быть простым ремесленником-исполнителем, это задача прораба. Глубокое усвоение теоретических дисциплин помимо узкоспециального знания, наставлял он, поможет решать самые сложные и неординарные вопросы, которые может выдвинуть перед инженером производство. Вырубова беспокоила некоторая разбросанность юноши. Он торопил его с выбором «научной оседлости» – с выработкой определенных приоритетов в образовании. В числе приоритетных для горного инженера дисциплин он считал математику, физику, механику и призывал своего «крестника» обратить особое внимание на их изучение.

В 1906 г. Григорий Петунников окончил институт. Материально в этом ему помог общий друг Петунникова и Вырубова химик В.Ф. Лугинин. Он платил Грише стипендию, которую впредь намеревался «увековечить». В Россию сын Петунникова вернулся в апреле 1906 г. Для начинающего инженера найти подходящую работу было не таким простым делом. А.Н. попытался заранее навести справки о возможном трудоустройстве Гриши, в частности, он обратился к старинному знакомому Теплоухову. Тот ответил обстоятельной справкой об использовании горных и так называемых заводских инженеров на Урале. Особенности эксплуатации горнорудных богатств таковы, пояснял он, что рациональной разработкой рудников занимаются лишь поскольку этого требует закон. Главным же образом заботятся о ближайшей выгоде и по возможности о дешевом способе добычи. Поэтому, констатировал Теплоухов, горная часть находится на Урале в некотором пренебрежении, и при первом же удобном случае горные инженеры переходят в заводские, это более выгодно[32]. Вряд ли такая перспектива могла устроить горного инженера Г. Петунникова.

Оказывается, отец хлопотал не зря. После возвращения в Россию Гриша некоторое время оставался не у дел и пытался придумывать себе всякие занятия, чтобы заполнить досуг. Вырубов советовал ему выбрать восточные окраины страны, где конкуренция между специалистами не так остра. Тем временем Петунников пытался пристроить «нашего молодца» с помощью московских знакомых, связанных с предпринимательством в Сибири. В конце

[32] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 97. Письмо от 14 нояб. 1901 г.

1906 г. появилась надежда устроиться на бакинских нефтяных промыслах в конторе русского товарищества «Нефть». «Место не особенно видное, – признавался Петунников, – второго помощника инженера с окладом в 1200 руб. [жалование земского врача в то время. – *Г.Л.*], но, тем не менее, такое, от которого отказываться не следовало, не имея ничего другого в перспективе»[33]. Пришлось согласиться, хотя Баку пользовался дурной славой. Здесь, на окраине огромной империи, расшатывание государственных устоев происходило особенно заметно.

Гриша пытался скрыть от отца всю неприглядность бакинской обстановки, но другу дома Вишнякову он писал обо всем достаточно откровенно. Очень скоро его постигло разочарование. «Учась за границей, надеялся "принести России пользу", – признавался он. – А оказалось, что ей этой пользы и не нужно». Молодому инженеру приходилось отказываться от некоторых представлений, сложившихся за время долговременного пребывания за границей. Прежде всего, он не нашел в Баку и его окрестностях воплощения государственности в европейском ее понимании, т.е. сильных и авторитетных институтов власти. Здесь откровенно орудовала банда преступников в полном согласии с местной администрацией. Те из местных начальников, кто не нашел общего языка с грабителями, вынуждены были бежать, спасая жизнь и имущество. «Экспроприация» собственности в этих краях была вполне обыденным явлением. Григория более всего возмущало, что беззакония прикрывались маской борьбы за свободу, след их, как казалось, вел к анархистам, куда-то в Лозанну. Масса вооруженного люда, свободно снующего по городу, внушала опасения за жизнь, приходилось денно и нощно заботиться о своей безопасности. Вскоре по прибытии он получил по почте «смертельный приговор» за эксплуатацию рабочих от какой-то группы анархистов. Несмотря на официальный запрет на приобретение и хранение оружия, Григорию пришлось обзавестись пистолетом.

Непрерывные забастовки в Баку летом 1907 г. позволили Грише много экскурсировать и доставить отцу «немало интересных произведений природы, среди которых есть для нас и диковинные». Но Гриша не мог ему признаться, что сбор бакинской флоры, о чем его многие просили, сопряжен со смертельной опасностью. Позднее младший Петунников намеревался заняться сбором геологических и геогностических образцов и их изучением, он признавался Вишнякову, что его интересует не столько добыча, сколько разведывание ископаемых и изучение горных

---

[33] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 27.

руд. Он не надеялся, что его исследование геологии Апшеронского полуострова кого-нибудь заинтересует, этим до сих пор никто не занимался. «Это в местности, где 40 лет бурят, где извлекают миллионы из земли!» – негодовал Петунников[34].

Со временем положение Гриши в Баку вполне упрочилось. Благодаря предложению немцев, сманивавших его для работы на нефтяных промыслах в Румынии, его жалование поднялось выше 3 тысяч. Его пребывание на Кавказе оказалось, однако, недолгим. В апреле 1908 г. на Гришу, ехавшего в экипаже с управляющим промыслами, напали 8 разбойников. Пришлось отстреливаться, нападавшие убили кучера и ранили Гришу в руку выше локтя. Он приехал долечиваться в Москву и, видимо, по настоянию семьи не стал возвращаться на Кавказ. «Баку необходимо бросить. Довольно этой каторги», – решил он[35].

В августе того же года он уже в Судженке, на угольных копях Л.А. Михельсона, близ станции Сибирской железной дороги. Место оказалось «воровским гнездом», но молодой инженер успел здесь сделать интересные геологические наблюдения, о чем речь пойдет чуть ниже[36]. В Судженке он встретил управляющего-немца, который с легкостью усвоил самые худшие из русских привычек – воровство и мздоимство, за 10 лет пребывания в должности не провел ни одной колесной дороги, не насадил ни одного дерева. На Сибирской железной дороге, проходившей поблизости, царили те же нравы, там преследовалось «все, что не может воровать»[37].

На новом месте бакинская история повторилась. Здесь совсем неуместной оказалась немецкая манера отношения на равных с подчиненными. Она расценивалась как слабость со стороны начальства и вызывала ответное хамство. Пришлось Григорию держать дистанцию и «быть в маске “начальства” все время, что и скучно, и противно!»[38] Все попытки сблизиться с подчиненными окончились неудачей. Петунникова удручала пресловутая русская лень: рабочие неделями пьянствуют по случаю храмовых праздников, управляющий работает – не болеее 5 часов в день, а некий горный «генерал» – всего один час. «И когда я вспоминаю немецких профессоров, ахенских Geheimrath’ов[39], читающих лекции от

[34] Там же. № 365. Л. 23.
[35] Там же. Л. 24.
[36] Там же. Л. 36, 44, 63, 66 об., 70 об.
[37] Там же. Л. 18.
[38] Там же. Л. 27 об.
[39] Буквальный перевод «тайный советник», позднее почетное звание высоких должностных лиц в Германии.

7 часов утра, как больно становится за Россию, и как противно здесь работать! Привыкши к германской интенсивной работе, здесь просто не знаешь, что делать целый день», – жаловался он Вишнякову и признавался, что очень одинок в этой среде[40]. Конфликт возник скоро, сразу же появились недоброжелатели. В их числе оказались конкурирующий помощник управляющего и несколько нерадивых штейгеров, на увольнении которых Петунников настаивал, всего 6 человек. Они напали на Григория и избили его. В итоге управляющий предложил ему покинуть место, а хозяин Михельсон в телеграмме сообщил, что намерен передать расследование дела все тому же управляющему. Пришлось молодому инженеру вернуться под родительский кров. «Таким образом, – писал несчастный отец, – Грише предстоит искать себе занятие и нового места после двух первых, из которых на одном его подстрелили, а на другом избили, – хорошо еще, что то и другое обошлось благополучно для его жизни и здоровья»[41].

Весной 1910 г. пришлось Григорию вернуться на «гиблый Кавказ», куда вскоре к нему приехал отец. Со времени посещения Траутшольдом окрестностей Баку в 1874 г. здесь мало что изменилось. Все тот же монастырь огнепоклонников, светящийся по ночам газовыми факелами, и те же способы добычи нефти, которую черпают из примитивных колодцев и буровых скважин непрерывным потоком[42]. Зрелище нефтяных промыслов произвело на Петунникова-отца убийственное впечатление. «Здесь работают все 365 дней в году денно и нощно в три смены, тут грохот и пыхтение паровых машин не прекращается ни на минуту. Трудно представить себе что-либо более дикое, азиатское, чем обстановка этого нефтяного царства с его распущенностью, безалаберностью, нечистотою, непорядком и со всеми иными отрицательными качествами», – писал он Вишнякову и удивлялся, как Гриша смог вновь вернуться на «эту каторгу». Занятый на работе иногда даже ночью, Гриша урывками вместе с отцом совершал ботанические экскурсии, вооруженный револьвером и увесистым геологическим молотком, который одновременно служил для выкапывания растений, иначе передвигаться в этих диких краях было небезопасно[43].

Дальше карьера молодого инженера складывалась причудливо. Весной 1911 г. Гриша занимался поисками нового места в Грозном из-за падения заработка в связи с уменьшением добычи

---

[40] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 14–14 об.
[41] Там же. Л. 83 об.
[42] *Траутшольд Г.* Баку и его нефтяные источники // Природа. 1874. Кн. 2. С. 5.
[43] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 111–111 об.

нефти в Баку. Летом того же года он получил на бакинских промыслах место старшего помощника управляющего, после чего возмечтал о месте самого управляющего. Но осенью А.Н. был встревожен письмами сына, «его ламентации, постоянные угрозы бросить службу и найти себе что-либо новое» озадачили отца, и он поспешил в Баку. Там он обнаружил, что Гриша вновь не поладил с начальством, отчасти по своей вине, как признавался Петунников-старший, и вынужден был снова искать работу[44].

1913 год застал его в Петербурге. За год до этого он женился на немке. В семью Петунниковых вошла Елена Юльевна, урожденная Вандхоф, как явствует из ее визитной карточки[45]. Вырубов радовался, что жена-иностранка не будет испытывать неудобства от отсутствия привычного комфорта. Гриша продолжал свои поездки на Кавказ и с товариществом братьев Нобелей не порывал[46]. В сентябре 1915 г. он попал в Москве на семейный обед по случаю дня рождения Маши. Григорий возвращался из поездки по Средней Азии, где в Ферганской области недалеко от Андижана открыл богатые залежи свинца. Он спешил в Петербург с образцами свинцовой руды, чтобы сообщить о своей находке братьям Нобелям и склонить их к разработке нового месторождения[47].

У горного инженера Григория Петунникова возникла потребность обобщить личные наблюдения и профессиональный опыт. Летом 1910 г. Вырубов получил от него оттиск какой-то статьи по геологии, которую прочел с большим интересом и намеревался по просьбе автора передать знакомому геологу Зейлеру в Париже[48]. В 1906 и 1910 гг. появились оттиски двух статей Григория на русском языке[49]. В 1914 г. в «Ежегоднике по геологии и минера-

---

[44] Там же. Л. 115, 131, 136–136 об.

[45] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 367. Л. 2 об.

[46] В 1915 г. при работах товарищества близ с. Банагады в Бакинской губернии он нашел в грунте из слабого песчаника зубы Elasmotherium Sibiricum, которые переслал в Геологический кабинет Московского университета с подробным геологическим описанием их местонахождения (Зап. Геол. отд. ОЛЕАЭ. 1917. Т. 5. С. 74).

[47] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 6.

[48] НБ МГУ. ОРК и Р. Карт. 3. Д. 45. № 611. Л. 1997.

[49] *Петунников Г.* Аппарат Аллара для обогащения каменного угля сухим путем. Харьков: Тип. М. Зильберг и сыновья, 1906 (Отт. из Сб. техн. ст. за 1906 г. 6 с.); *Он же.* Несколько слов о Судженском угольном месторождении (Томской губернии и уезда) М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1910 (Отт. из Ежегодника по геологии и минералогии России. Т. XI, вып. 6–7, издаваемого под ред. Н.И. Криштафовича. С. 191–199. Рез. на нем. яз. С. 197–199 [Большой формат]). Первая статья излагала инженерно-технический способ очистки каменного угля от сланцев и других примесей с помощью аппарата Аллара, широко практикуемого в копях Бельгии, Германии и Франции. Во

Иллюстрации к статье Г.А. Петунникова о Судженском угольном месторождении (Ежегодник по геологии и минералогии России. 1909. Т. 11, вып. 6–7. С. 197)

логии России» (Т. XI, вып. 5) появилась короткая заметка горного инженера Г.А. Петунникова «Находка калийной соли в Иваново-Вознесенске». Автор писал о большом научном и практическом (производство калийных удобрений) значении этого месторождения, а определение его геологического возраста отложил до изучения бурового материала. О присылке образчика этой руды и более подробных сведений о шахте Григорий просил Вишнякова в 1916 г.[50]

Незадолго до смерти в апреле 1913 г. Вырубов вновь вернулся к профессиональной судьбе своего «крестника». Он серьезно опасался, что за годы практической деятельности тот, возможно, отстал от достижений геологии, которая сделала огромные успехи в изучении тектоники земной коры[51].

Сумел ли Григорий воспользоваться напутствием «крестного», неизвестно. Примечателен один факт. Известно, что письма Вырубова Петунникову (1864–1913) были переданы в Научную библиотеку МГУ В.И. Вернадским. Кто вручил их Вернадскому? Можно предполагать, что либо Григорий Петунников, его бывший ученик, либо сам А.Н. Петунников, несомненно, лично хорошо знавший Вернадского. В 1920 г. Григорий Алексеевич уехал в Константинополь, позднее окзался в Югославии. Похронен на Новом кладбище в Белграде[52].

Старшим ребенком в семье была Маша. Отец вспоминал, что еще в младенчестве «Манюшу», красивого ребенка, отличали

второй Петунников выказал себя естествоиспытателем, хорошо эрудированным в вопросах географии, геологии и палеоботаники. Опираясь на работы своих предшественников в этих областях знания, на разработки сибирских горных инженеров А.А. Краснопольского и П.К. Яворского, на собственные наблюдения, Петунников пришел к довольно смелому предположению. На основании обнаруженного им сходства палеоботанических находок (ископаемых папоротников) он пришел к заключению о возможности существования гигантского центрально-сибирского угольного месторождения, охватывающего судженские, абаканские и кузнецкие угольные пласты. Молодой инженер полагал, что его догадка заслуживает того, чтобы было проведено серьезное и обстоятельное изучение этого края. Примечательно, что Петунников вполне профессионально описал свои палеоботанические находки, две разновидности ископаемых папоротников (Cardiopteris cardiopteriodes Schmalh (1878). var. amplexicaulis Pet. nov. var., Neuropteridium sibiricum Pet. nov. spec.) описаны им впервые. Видно, что его интерес к ботанике не был поверхностным. Из этой статьи явствует, что Григорий Петунников не терял связи с геологами Московского университета, его работу горячо поддержали ассистент кафедры Н.Н. Богданов и профессор А.П. Павлов. Скорее всего, именно эту работу имел в виду Вырубов в своем письме.

[50] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 365. Л. 31.

[51] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 3. Д. 48. № 651. Л. 1379 об.

[52] www.geni.com/people/noname/6000000021138241173.

выразительные глаза и «очень строгие черты»[53]. Эта девушка, подобно многим своим сверстницам, выбрала в жизни путь независимости и в этом своем намерении нашла дружную поддержку семьи. Маша остановилась на трудной профессии врача, а в ней избрала едва ли не самое тяжелое – хирургию.

В 1901–1907 гг. она училась на медицинском факультете университета в Лозанне, где и получила диплом доктора медицины. Вырубов помогал в ее «медицинских мытарствах» тем, что добывал программы европейских университетов, давал рекомендации к западным профессорам. Благодаря помощи В.Ф. Лугинина Маше удалось познакомиться с сыном А.И. Герцена профессором физиологии Лозаннского университета А.А. Герценом и его семьей. В студенческую пору Гриша и Маша часто заглядывали в Париж к Вырубову. Его жена знакомила дочку Петунникова со всеми достопримечательностями французской столицы, отсюда ее провожали в поездку по Англии.

Вырубов не зря называл учение Маши мытарством. Девушку мучили сильные головные боли, из-за которых дважды приходилось откладывать сдачу докторских экзаменов. Наконец в июне 1907 г. ей удалось это сделать, оставалась защита диссертации, чистая формальность, по мнению Петунникова[54].

Еще раньше, в декабре 1906 г., Маша сдала экзамены по латинскому языку в 3-й Московской классической гимназии, без чего не допускали к сдаче докторских экзаменов и что должно было бы облегчить ей со временем допуск к медицинской профессии по возвращении в Россию[55].

В ноябре 1907 г. Петунников сообщил Вишнякову радостную весть – он оставил в Лозанне жену и дочь в ожидании встречи с научным руководителем Маши доктором Ру, «который на днях одобрил юное произведение [диссертацию. – *Г.Л.*] юного хирурга нашего»[56]. Предполагалось встретиться всем в Берлине в декабре, когда Маша будет уже иметь диплом доктора в кармане. Однако доктор Ру потребовал «дополнения» к диссертации с изложением результатов операции над собакой по искусственному сращиванию желудка с тонкой кишкой. Но это не послужило препятствием к защите[57].

Вырубов скептически относился к женскому образованию. Действительно, по возвращении в Россию женщине-врачу трудно

---

[53] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 54.
[54] Там же. Л. 33–34 об.
[55] Там же. Л. 24, 28.
[56] Там же. Л. 50.
[57] Там же. Л. 54.

было найти работу по специальности. Иногда в поисках работы приходилось ехать в глухую провинцию. Маша избежала этой участи, возможно, благодаря широким муниципальным знакомствам отца. В августе 1908 г. она пристроилась в детской клинике Морозова[58], где дежурила 3 раза в неделю. Но ей не понравилось само устройство больницы, и она намеревалась попытать счастья в какой-нибудь городской лечебнице[59]. В декабре того же года она несла дежурства уже в Раковом институте[60], где пробавлялась больничными обедами и стойко выносила все тяготы тамошней обстановки. Маше даже довелось испытать счастливое волнение, когда ей позволили оперировать двух раковых пациентов. Одному удалили пищевод, у другого отняли «чуть ли не половину физиономии. И это может нравиться?!» – недоумевал отец[61].

Весной 1910 г. в русской печати мелькнуло сообщение о том, что женщина-врач М.А. Петунникова вошла в корпорацию санитарных врачей Москвы, и ей поручена должность санитарного врача городских железных дорог[62]. Через год, весной 1911 г., Маше пришлось сдать экзамены, чтобы подтвердить право на место практикующего врача[63]. Этим временем датируется последнее упоминание о Маше в письмах Вырубова.

В 1914 г. у Петунникова появился шестой внук. Никого не порадовало рождение этого хилого, недоношенного существа, даже его мать «Манюша», которая страстно желала иметь дочку. Отцом ребенка был некий В.Д. Брянский[64]. Его фамилия часто

---

[58] Московская клиническая детская больница (Морозовская больница) была построена в 1900–1906 гг. на пожертвования, завещанные мануфактур-советником А.В. Морозовым. С самого начала была задумана как инфекционная больница, при ней было открыто хирургическое отделение и отделение для больных с внутренними болезнями.

[59] Там же. Л. 65 об.

[60] Раковый институт открылся в 1903 г. на пожертвование В.А. Морозовой с сыновьями.

[61] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 71 об.

[62] Русское слово. 1910. 3 апр. (21 марта).

[63] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 3. Д. 46. № 621. Л. 1316 об.

[64] Виктор Диодорович Брянский (1869–?) – из дворян, выпускник Московского университета, в 1916 г. занимал пост товарища городского головы и имел чин действительного статского советника (*Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 644). В книге П. Бурышкина, сменившего Брянского на посту товарища городского головы, его предшественник представлен как «человек очень одаренный, но скорее чиновник, чем общественный деятель. Он хорошо знал городское хозяйство, имел известный авторитет, но политически фигурой был неясной». Человеку правых взглядов, Брянскому еще удавалось как-то лавировать при левом большинстве в городской думе, но с приходом прогрессистов, которых он не любил и которые отвечали ему тем же, ему пришлось оставить свою должность. В отношении

встречается в письмах Петунникова. Этот молодой коллега по городской работе нравился Петунникову своей энергией и деловитостью. Он был видным деятелем московской администрации и в течение 10 лет, вплоть до Февральской революции, избирался товарищем городского головы. Петунников не раз гостил в его имении на правом берегу Оки, занимаясь собиранием растений. Но как зять Брянский был ему малосимпатичен. За ним тянулся хвост первой женитьбы, «при живой первой жене и при довольно большом семействе». Петунников сомневался, что на таких развалинах можно построить новый счастливый брак. Кроме того, его огорчало, что его «Манюша», так долго бившаяся за независимость и самостоятельность в жизни, с таким «неженским», по признанию отца, характером, махнула рукой на карьеру хирурга, ради которой принесла многие жертвы. «Но, что делать! – вздыхал он. – Ce que femme veut, Dieu le veut!»[65] Брянский все же сумел несколько смягчить своего новоявленного тестя. Это он был инициатором поездки семьи Петунниковых в Крым и там, будучи любителем орхидей и обладая завидной физической силой, ловко выкапывал эти растения из тяжелого грунта.

К тому времени, когда подросли младшие сыновья, высшая школа в России переживала смутные времена. Из писем Вырубова явствует, что Владимир стал военным. В феврале 1907 г. «юный служитель Марса» женился. Вырубов передавал ему поздравления[66]. Молодой человек привез с места службы в Сувалках юную девицу, некую Любочку, «только что соскочившую с гимназической скамьи». Две свадьбы, Владимира и Надежды, принесли Петунникову вместо радости огорчение, потому что «приходится считаться с несостоятельностью и материальной необеспеченностью брачующихся»[67]. Через год, в августе 1908 г., сын Петунникова оставил военную службу и вместе с женой приехал в Москву, где поселился поблизости от родителей и занимался строительством железнодорожных путей в качестве помощника заведующего хозяйственной частью.

В том же 1907 г. в самый разгар университетской смуты закончил свои «школьные мытарства» младший сын Петунникова Ваня. Напомним, что вместе с Колей Пушкиным он окончил Московский юридический лицей. Некоторое время он занимался

партии прогрессистов мнения Петунникова и Брянского вполне совпадали (*Бурышкин П.* Москва купеческая. М.: Современник, 1991. С. 267).

[65] Чего хочет женщина, того хочет Бог (*фр.*). ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 67 об.

[66] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 3. Д. 42. № 559. Л. 1184.

[67] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 83.

военной подготовкой и на ученических маневрах под Гродно повредил себе ногу, поэтому перед отцом встала задача «пристроить его к какому-нибудь делу»[68].

В начале Первой мировой войны (1914–1915), как явствует из косвенных источников, Маша и Ваня работали в военном лазарете (См.: Приложение 4, № 47). Средний сын Владимир оказался в действующей армии и отличился на войне. В январе 1915 г. Петунников сообщал, что «наш кавалерист», находившийся на отдыхе где-то в Галиции, «снялся в поход»[69]. Довольно скоро, в марте того же года, он вернулся «с поля брани» живой, но изрядно больной[70]. А уже в сентябре «наш воин» состоял начальником 195-го вольного наемного транспорта, был произведен в поручики, награжден Анной 3-й степени с мечами и бантом, и это была уже четвертая по счету награда[71].

Последние сведения о «Вовочке» узнаем из письма Петунникова Вишнякову, на котором взволнованный отец забыл поставить год (скорее всего, это февраль 1917 г.). «Вовочка наш получил Георгиевское золотое оружие за такие воинские доблести, какие я никак не ожидал от него и о которых так подробно писал мне его командир». На фоне этого радостного сообщения последующие строчки звучат зловеще: «Известно ли также Вам, – продолжал Петунников, – что вскоре, если не в феврале, то в марте, призовут стать под ружье всех ратников 1-го разряда, в том числе нашего Гришу и, должно быть, Вашего Шуру»[72] Владимир Петунников пережил революцию и Гражданскую войну, обосновался в Новосибирске, работал экономистом в Управлении по делам газет и журналов. Расстрелян в 1937 г. по обвинению в участии в кадетско-монархической организации. Реабилитации в 1956 г.[73]

Первая мировая война, а затем октябрь 1917 г. перевернули привычное существование семьи Петунниковых. Ничего не известно о послеоктябрьской судьбе Маши и Вани. Некоторые из родственников Петунникова оказались в эмиграции.

С помощью Интернета удалось найти некоторые сведения о продолжателях рода Петунникова. С его именем связывают историю потомков А.С. Пушкина, проживающих в настоящее время в Бельгии и продвигающих там русскую культуру. В числе эмигрантов, переселившихся в Бельгию после 1917 г., значится Надежда

---

[68] Там же. Л. 61.
[69] Там же. № 364. Л. 70.
[70] Там же. Л. 71 об.
[71] Там же. Л. 96 об.
[72] Там же. Л. 129а.
[73] www.gen.com/people/noname/6000000021138241173.

А.Н. Гревениц, праправнук А.Н. Петунникова (Интернет)

Алексеевна Пушкина (урожденная Петунникова), та самая «Надюша», о которой мы уже писали. В эмиграции вырос ее сын Александр Николаевич (1909–1968). Сын последнего, Александр Александрович Пушкин (р. 1942), благополучно здравствует в Бельгии. Он один из трех прямых продолжателей рода великого поэта по мужской линии[74].

Старшая дочь «Надюши», уже знакомая нам Наталья Николаевна Пушкина (1907–1947), в 1933 г. вышла замуж за барона Александра Николаевича Гревеница (1911–1988). Их сын Александр Александрович (р. 1938) окончил Лувенский университет. Как только появилась возможность, он оставил вполне благополучную Бельгию и приехал в Россию, чтобы использовать свой широкий практический опыт организации экономики и финансов. В конце 1990-х гг. он находил состояние современной российской экономики удручающим. Но, не довольствуясь теоретическими рецептами ее исправления, он, подобно прадеду, старался помочь делом. Строительная фирма «Фабритекс» под его началом производила оборудование для домостроительных комбинатов в Петербурге. Себестоимость их жилья была в 2–3 раза дешевле, чем на строительных рынках города. Александр Александрович старался восстановить сельскохозяйственное производство области, создав современный аграрно-промышленный комплекс в имении своих предков в Гостилицах.

Настоящей сенсацией Интернета стал приезд внука Натальи Николаевны Пушкиной Александра Николаевича Гревеница (р. 1964) в конце сентября 2013 г. в Казань, где отмечалось 180-летие посещения этого города великим поэтом. Александр Гревениц родился в Бельгии, в последние годы живет в Тунисе, занимается экспортом медицинского оборудования и мечтает со

---

[74] http://www.tambovlib.ru/index. Будущих супругов познакомил приятель Н.А. Пушкина по юридическому отделению Московского лицея Николай Николаевич Яхонтов, дальний родственник Петунниковых.

Фотография семьи Яхонтовых. На ней Нина Владимировна, урожденная Петунникова, внучка А.Н. Петунникова (Интернет)

временем пожить в России. Он потомок А.С. Пушкина в пятом поколении, а А.Н. Петунникову приходится праправнуком.

В эмиграции пересеклись судьбы представителей рода Петунниковых и Яхонтовых. В 1918 г. вместе с родителями эмигрировал за границу Александр Яковлевич Яхонтов (1903–1971). Он окончил технический факультет Белградского университета, работал в технической секции Управления путей сообщения в Белграде. Его жена, Нина Владимировна Петунникова (1910–2000), – дочь Владимира Петунникова, сына Алексея Николаевича, и родная племянница Надежды Алексеевны Петунниковой. У супругов в 1935 г. родился сын Александр. Архитектор по образованию, он долго жил в Европе, затем переехал в США. Там в городе Лонг-Бич он проводит пушкинские фестивали, посвященные классикам

А.Л. Курц, правнук А.Н. Петунникова (Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Химия. 2007. Т. 48, № 1. С. 70)

русской литературы: Пушкину (2006), Достоевскому (2009), Толстому (2010)[75].

Другой потомок Петунникова жил в наши дни в Москве. Александр Леонидович Курц (1937–2003) – профессор Московского университета по кафедре органической химии, один из авторов четырехтомного учебника «Органическая химия», ставшего незаменимым пособием для аспирантов и начинающих ученых[76]. А.Н. Петунников – его прадед. Мать профессора, Лидия Владимировна Петунникова (ее отец – все тот же Владимир Петунников, «юный служитель Марса»), вышла замуж за музыканта Леонида Иосифовича Курца, который вскоре после Великой Отечественной войны был репрессирован. Семейные предания этой ветви рода также связывают его с потомками Пушкина и Бернулли. Очевидно, эта запутанная история требует тщательной проверки.

3.3. Дружба с Г.Н. Вырубовым и Н.П. Вишняковым

Петунников был открытым человеком. Один только список его адресатов-ботаников насчитывает около полутораста имен. С некоторыми из своих знакомых он много общался и сотрудничал. В их числе были деятели Московской городской думы и управы: видные члены думы М.С. Щепкин, С.М. Третьяков, Н.П. Вишняков, В.Д. Брянский, глава управы, в прошлом помощник Петунникова В.Ф. Малинин, талантливый инженер В.К. Шпейер. Среди старинных друзей Петунникова были книгоиздатель Н.И. Мамонтов и библиофил А.Н. Торопов. Научные интересы подружили его с Н.Н. Кауфманом, И.Д. Чистяковым, Д.И. Литвиновым, Н.И. Кузнецовым, И.В. Палибиным, С.И. Ростовцевым, Ф.А. Теплоуховым, не говоря уже об учениках Д.П. Сырейщикове и А.А. Хорошкове, с немецкими ботаниками Г. Кукенталем, К. Ца-

---

[75] http:// forum.vgd.ru/39/5043/70htm/.

[76] Александр Леонидович Курц (1937–2003): (К 70-летию со дня рождения) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 2. Химия. 2007. Т. 48, № 1. С. 70–71.

ном, Т. Вольфом, А. Петером. Особо близкие отношения сложились у него с Г.Н. Вырубовым и Н.П. Вишняковым.

Очерк о личности Петунникова был бы неполным, если бы мы не рассказали о последнем деле его жизни. Невозможно представить Петунникова без верной дружбы с **Григорием Николаевичем Вырубовым** (1843–1913), о чем уже неоднократно упоминалось. О нерасторжимости их дружеских связей Вырубов писал в 1904 г.: «Мы с тобой всегда принадлежали и теперь более чем когда-либо принадлежим к той фаланге "последних могикан", которые ставят нравственные качества выше всех других. Окружающие взгляды изменились, а мы с тобой остались все теми же, сохранили в глубокой глубине души страсть к простой, нагой правде, где бы она ни являлась, и ненависть ко всякому фарисейству, какова бы ни была его маска. Это тот узел, который нас так крепко связывает. Его может разрезать своими ножницами "безжалостная Парка", но никакие обстоятельства развеять его не в состоянии»[77]. Он оказался прав – ни время, ни расстояние не смогли охладить их дружбу.

Не смогла ее охладить даже будничная сторона отношений. Здесь заслуга принадлежит исключительно Петунникову. Само собой получилось, что он добровольно взял на себя довольно тяжелое и скучное бремя отстаивания материальных интересов Вырубова в России. Последние десятилетия по состоянию здоровья Вырубов не мог бывать на родине, и Петунников стал его доверенным лицом. Благодаря его терпеливым усилиям удалось полюбовно уладить родственный спор по разделу имущества Вырубовых. Петунников помогал в управлении саратовским имением друга. Весной 1891 г. на Пасху Вырубов в последний раз посетил Россию. По настоянию Петунникова он прожил целый месяц в его доме. Тогда состоялось личное знакомство со всеми членами семьи, завязалась переписка с Марией Францевной, которая, к сожалению, не сохранилась. Год спустя Вырубов писал Петунникову, что у него нет никого ближе в России, чем его «доброе и милое» семейство[78].

Младшие дети Петунникова пару раз провели лето в его саратовском имении «Вырубовка», совершая одновременно инспекторскую проверку деятельности «приказчика» (так называл Вырубов управляющего имением). Вырубов испытывал даже некоторые угрызения совести, что злоупотребляет безотказностью и без того чрезвычайно занятого Петунникова. Он вздохнул с

---

[77] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 12. Карт. 3. Д. 39. № 498. Л. 1064.
[78] Там же. Карт. 2. Д. 27. № 298. Л. 684 об.

явным облегчением, когда в 1907 г. не без помощи Петунникова продал свою землю в России, и не уставал благодарить друга за свою относительно безбедную старость.

Сам же Вырубов никогда не жалел ни времени, ни сил, чтобы выполнить поручения приятеля. Чаще всего они касались научного обихода Петунникова. Вырубов заказывал для Петунникова инструменты у лучшего парижского оптика Наше. Петунников иногда вносил свои изменения в конструирование приборов, и Вырубов тщательно следил, чтобы все пожелания заказчика были учтены. «Русский парижанин» посылал в Москву гербарные образцы французской флоры, научную литературу, безотказно выполнял все «комиссии» по части информации о деятельности парижского муниципалитета, о чем уже упоминалось. Но материальная сторона составляла лишь ничтожную часть их отношений, о чем свидетельствует многолетняя переписка. Много места в ней, особенно в молодые годы, составляло обсуждение нравственных основ личности и философских проблем науки, вопросы общего и специального образования, оценка текущих политических и научных событий, некоторые моменты личного участия в научной и социальной жизни и проч.

В последние годы, лишившись из-за нездоровья возможности работать в лаборатории, Вырубов по настоянию М.М. Ковалевского, редактора «Вестника Европы», занялся писанием «Воспоминаний» для его журнала (1910–1914). Опасаясь, что за долгие годы жизни за границей он «несколько поссорился с грамматикой и синтаксисом русского языка», Вырубов доверил редактирование своих текстов «исправительному перу» Петунникова. Вместе с политологом М.М. Ковалевским и философом Е.В. де Роберти, друзьями Вырубова, он помог выходу в свет этого интересного сериала.

Вырубов ушел из жизни первым, в ноябре 1913 г. Его смерть хотя и была ожидаемой (он тяжко болел последние годы), стала для Петунникова мучительным переживанием. В письме к Вишнякову (см.: Приложение 4, № 50) он высказал намерение написать воспоминания о Вырубове. Но еще до того он посчитал своим долгом снять неприятные обвинения в адрес покойного друга. В своих «Школьных воспоминаниях» (Вестник Европы. 1910. № 2. С. 13–14) тот нелицеприятно и довольно резко отозвался о педагогической и научной деятельности минералога М.А. Толстопятова, своего формального учителя по Московскому университету. На эту статью последовали возражения вдовы Толстопятова[79].

---

[79] *Толстопятова Е.Д.* Письмо в редакцию // Вестн. Европы. 1911. № 4. С. 438–439.

Она обвинила Вырубова в злостной клевете на своего мужа, которого представила как любимца молодежи, глубокого ученого, интересующегося в основном общими проблемами науки. Она утверждала, что ни Толстопятов, ни Лясковский (оппоненты Вырубова) не имели ни малейшего отношения к задержке защиты его магистерской диссертации. В подтверждение правдивости своих слов вдова ссылалась на протоколы заседаний факультета.

Петунников задумал написать опровержение на эту публикацию. На некоторые доводы вдовы он находил ответ незамедлительно. Легко снискать любовь студентов, писал он Вишнякову, будучи нетребовательным экзаменатором и поощряя таким образом «возможность шалопайничать». За это, иронизировал Петунников, можно возложить на гроб не то что серебряный, а золотой венок. Перенесение гроба на руках на кладбище – вовсе не свидетельство великой любви, а скорее «забава и развлечение учащихся» («Ведь Баумана таскали в 1915 г. целый день по улицам Москвы»)[80]. Но для серьезного опровержения обвинений вдовы таких аргументов было мало. Петунникова интересовали два вопроса: был ли Толстопятов таким выдающимся ученым, каким его изобразила вдова, и что послужило действительной причиной задержки защиты диссертации Вырубова. Из возражений вдовы не было понятно, «сколько же времени валялась диссертация Вырубова со времени ее представления до того момента, когда он, потеряв всякое терпение, взял ее обратно. Вот это обстоятельство хотелось бы выяснить документально», – писал он Вишнякову. В отличие от последнего Петунников не считал свою попытку безнадежной. В таком бюрократическом учреждении, как Московский университет, рассуждал он, подобные документы должны храниться «за семью печатями», ведь нашел же он когда-то в университетском архиве документ о сданных Вырубовым магистерских экзаменах[81].

Вся эпопея со сбором документов заняла у Петунникова 4 месяца, с марта по июнь 1915 г. Он постарался свести воедино все свидетельства научной деятельности Толстопятова: его «Посмертные труды», изданные вдовой на французском языке и подаренные ею Вырубову; критический отзыв Вырубова об этих «Трудах» в письмах к Петунникову 1893 г.; «сверх посмертную» статью Толстопятова «Sur les inclusions dans les topazes de l'Ural et de la Saxe» (О вкраплениях в топазах Урала и Саксонии) St.-Pét. 1896; его речь в годичном собрании МОИП 3 октября 1888 г.

---

[80] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 79.

[81] Там же. Л. 78. Этот документ понадобился Вырубову для защиты в 1886 г. докторской диссертации в Сорбонне.

«Иллюзии, скептицизм, чаяния естествоиспытателя, колебания научных идей и мировые идеи» («Можно сказать, мировая чепуха!» – комментировал ее Петунников)[82]. Он раздобыл воспоминания вдовы Толстопятова, опубликованные в «Университетских известиях» за 1890 г.; некролог о нем Е. Кислаковского в «Отчетах» Московского университета за 1891 г. Поиски отзывов на докторскую диссертацию Толстопятова были тщетными. Все эти разыскания оказались непростыми. К негодованию Петунникова, библиотека МОИП закрылась на три недели – до праздников, на время праздников и после них. Ему пришлось обратиться в библиотеки университета, Геологического кабинета университета, Румянцевского музея и даже в публичную библиотеку Петербурга. Экземпляр «Посмертных трудов» с многочисленными исправлениями он приобрел через посредников-книголюбов у вдовы Толстопятова.

Труднее оказалось добыть архивные документы. Для начала Петунников обратился к А.П. Павлову, хранителю Геологического кабинета Московского университета, ученику Толстопятова. Он просил у него совета, кто бы мог помочь ему в этом деле, и мотивировал свой интерес желанием написать биографию Вырубова. Не дождавшись ответа, Петунников испросил разрешения на работу в университетском архиве у проректора Е.Е. Лейсона, от которого получил вскоре положительный ответ. 11 июня 1915 г. он сообщил Вишнякову, что так и не нашел журналы протоколов заседаний физико-математического факультета за 1866–1867 гг., хотя приставленный к этому делу архивист просмотрел 12 больших картонов с делами факультета. «Но мне все-таки сдается, что при известной смазке этот субъект мог бы осилить и 13-ю картонку с протоколами. К сожалению, я не научился давать взятки и даже не знаю, как за это рукоделие взяться. Надо найти какого-нибудь посредника», – решил он[83].

Петунников так подробно информировал Вишнякова о своих действиях и так старательно копировал весь документальный материал, поскольку надеялся, что тот возьмет на себя написание мемуара «о наших бывших минералогах и их отношении» к нему. Это было бы логично, так как Вишняков лично знал всех действующих лиц этой истории. В его рассказе были бы уместны и разоблачение благостного облика Толстопятова, изображенного вдовой, и тема незащищенной диссертации Вырубова. В устах Петунникова, близкого приятеля Вырубова, любое выступление в

---

[82] Там же. Л. 87.
[83] Там же. Л. 95 об.

его пользу было бы совершенно справедливо расценено как предвзятое. Но Вишняков замешкался с написанием мемуара[84].

Сомнения Петунникова разрешила вдова Вырубова, урожденная Софья Рише (Richet). Она писала, что ей мучительно слышать обвинения в адрес умершего и потому безответного человека. На предложение Петунникова поискать в его письмах к Вырубову материал, относящийся к этому эпизоду (дарение Вырубову «Посмертных трудов» Толстопятова), она ответила, что считает частную переписку столь тонкой материей, что было бы святотатством ее касаться. И, наконец, она заявила, что вся эта история, столь огорчительная для них обоих, во Франции не имеет никакого резонанса. «Если вы считаете полезным ответить этой даме – сделайте это, – писала она, – здесь же это бесполезно. Все, кто был знаком с моим мужем, знают, чего он стоит. Даже его научные противники склонялись перед благородством его характера»[85].

Не получив поддержки Вишнякова и благословения вдовы Вырубова, не добравшись до протоколов физико-математического факультета, Петунников махнул рукой на опровержение обвинений вдовы Толстопятова, тем более что сам Вырубов не придал

---

[84] В его архиве сохранился рукописный текст некролога, написанного хранителем коллекций Минералогического музея Московского университета (1886–1888) г. Е.Д. Кислаковским (на 12 страницах, тогда как памяти химика Лясковского, негодовал Вишняков, в университетском отчете была уделена всего одна страница!), с похвалами покойному. Этот некролог сопровождали критические замечания Вишнякова. Кроме того, на базе университетских отчетов 1872–1884 гг. Вишняков попытался составить список трудов профессора. Помимо магистерской и докторской диссертаций он обнаружил лишь несколько статей. Впрочем, в своем панегирическом некрологе Кислаковский вынужден был отметить нелюбовь покойного к письменному выражению мыслей. «По утверждению его близких, побуждавших его поторопиться печатанием, он, смеясь, говорил, что главное все уже сделано и осталось только самое неприятное – последовательно и письменно изложить все наблюденное, сделать рисунки, и так печатать исследование за исследованием. Но это неприятное он все откладывал» [подчеркивания сделаны Вишняковым. – *Г.Л.*] (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 35. Ч. 2. Л. 64 об.). Фигура Толстопятова неоднозначна и до сих пор вызывает споры у минералогов и кристаллографов. Здесь не место углубляться в этот вопрос. Современные историки науки считают его значимой фигурой в развитии отечественной минералогии (См., например: *Бессуднова З.А.* Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета. М.: Наука. 2006. С. 77–91). В оценке научной и педагогической деятельности Толстопятова мнения Вырубова и Вишнякова совпали, Вишняков оказался даже более категоричным, отозвавшись о московском профессоре как «о человеке совершенно ничтожном и умственно, и нравственно». Совершенно очевидно, что он основательно готовил эту часть рукописи воспоминаний о Московском университете, пополнив свои наблюдения дополнительным материалом.

[85] Там же. Л. 94 об.

ни малейшего значения этому факту. Он считал, что всем угодить невозможно, так же думал и редактор «Вестника Европы» М. Ковалевский.

Петунников продолжил работу над воспоминаниями о друге на основании его многочисленных писем, все они хранят его карандашные подчеркивания. При этом он сберег в целостности саму коллекцию, все 640 писем Вырубова, свидетельство их более чем 50-летней переписки (1864–1913), и передал ее в надежные руки. Письма к Петунникову являются настоящей жемчужиной богатого эпистолярного наследия Вырубова. Они представляют собой хронику парижской жизни Вырубова, бесценный источник сведений об их авторе и его эпохе.

Помимо тщательного изучения писем воспоминания потребовали поиска дополнительных материалов. Через Вишнякова Петунников пытался узнать у академика В.И. Герье, где была напечатана его статья, посвященная столетию со дня рождения социолога О. Конта, творца философии позитивизма. С помощью Вишнякова он попробовал разыскать в Москве полный комплект журнала «Позитивная философия» (1867–1894), издававшегося Вырубовым в Париже совместно с учеником Конта Э. Литтре. В этом журнале Вырубов поместил ряд статей по различным разделам естествознания, рассматривая проблемы современной науки сквозь призму философии позитивизма. Петунников работал над воспоминаниями, видимо, до самой смерти. В них он изложил творческую биографию Вырубова, попытался систематизировать его вклад в пропаганду философии позитивизма и в развитие естественных наук. Рукопись Петунникова особенно ценна тем, что в ней транслируются фрагменты писем Вырубова, почерк которого крайне труден для прочтения. Время пощадило последний труд Петунникова. Рукопись «Воспоминания о покойном друге» хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве, ею воспользовался уже не один исследователь. До последней возможности, вплоть до 1916 г., Петунников переписывался с Софьей Вырубовой. Несколько ее писем хранятся там же.

Наряду с Вырубовым **Николай Петрович Вишняков** (1844–1927) был одним из самых близких друзей Петунникова. Биографии Вырубова и Вишнякова в некоторых пунктах удивительным образом совпадают[86]. Почти ровесники (Вырубов годом старше),

---

[86] Подробнее биографию Н.П. Вишнякова см.: *Стародубцева И.А.* Н.П. Вишняков и его коллекции в фондах Государственного геологического музея им. В.И. Вернадского РАН // http./liga-ivanovo.narod.ru/istalm05-04.htm. Биография составлена на основании архивных документов фонда Вишняко-

они одновременно в 1862–1866 гг. учились на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета. Оба интересовались геологией, оба остались недовольными преподаванием этой науки в Московском университете, оба нашли поддержку своих научных устремлений у преподавателя Петровской сельскохозяйственной академии Г.А. Траутшольда, в 1860-е гг. еще лектора немецкого языка Московского университета. Каждый из них продолжил свое научное образование за границей: Вырубов в основном в Париже (1863–1864, 1865–1866); Вишняков после неудачной попытки заручиться поддержкой профессора Московского университета Г.Е. Щуровского получил ее в Венском университете в 1874 г. у Э. Зюсса и М. Неймайра. В отличие от Вырубова, который профессионально занимался в Париже кристаллографией, минералогией, химией, Вишняков оставался любителем в геологии, минералогии, палеонтологии. Он был обладателем крупной минералогической коллекции, частично приобретенной в 1876 г. у московского химика и минералога Р. Германа и высоко ценимой современными геологами. В течение многих лет он собирал коллекцию ископаемых моллюсков. В картотеке членов МОИП, а он стал им в 1875 г., Вишняков значится как палеонтолог. Кроме того, Вишняков любительски занимался ботаникой, собирая растения и составляя их коллекции. Эта страсть владела им с детства. Понятно почему, однажды встретившись, Петунников и Вишняков уже не расставались. Такое совпадение научных интересов трудно даже помыслить, и не только у Петунникова и Вишнякова, а у всей троицы незадачливых питомцев Московского университета (имеем в виду также Вырубова). К этой компании можно присоединить и Гришу Петунникова, геолога и горного инженера, приобретавшего для Вишнякова в бытность свою в Германии аммониты. Ко всему этому общий старинный знакомый и любимец Траутшольд[87] и общие воспоминания о Московском университете 1860-х гг.

ва в ЦИАМ (Ф. 1334. Оп. 1. № 34. Н.П. Вишняков. Ранние воспоминания. [Часть II] Университетские годы. 1862–1866. Машинопись; Там же. № 35. Ч. 1, 2. Воспоминания Вишнякова о Московском университете и письма разным лицам. Рукописный текст).

[87] В жизни близких знакомых Петунникова: Вырубова, Вишнякова, химика В.Ф. Лугинина – Траутшольд сыграл роль наставника, сразу же превратившись в искреннего друга, которым и оставался до последних своих дней. В каких только уголках России не побывал этот легкий на подъем немец. В своих поездках в Крым (1870), на бакинские промыслы в Балаханы (1876) он намного опередил маршруты Петунникова в этих местностях. В 1875 г. он посетил Екатеринбург и повстречался там с О.Е. Клером, многолетним корреспондентом Петунникова. Вспоминая о своих занятиях в уютной профес-

Близкое знакомство Петунникова и Вишнякова состоялось довольно поздно. Их свело вместе и подружило служение общему делу. Петунников и Вишняков появились в органах городского самоуправления Москвы одновременно. В 1873–1892 гг., затем в 1897–1917 гг. Вишняков был гласным Московской городской думы, одним из наиболее влиятельных ее членов, бессменно возглавляя в ней комиссию «О пользах и нуждах общественных». Очевидно, тогда они и познакомились. Будучи уже немолодыми людьми, они не сумели преодолеть порога, отделяющего церемонное «Вы» от простецкого «ты», и сохраняли некоторую дистанцию в обращении, что нисколько не умалило задушевности их дружбы.

Особо зримо присутствие Вишнякова в жизни Петунникова в 1890–1917 гг., именно к этому времени относится их переписка. Не будь ее, мы бы имели лишь смутное представление об их отношениях, по письмам Вырубова к Петунникову они едва прослеживаются. Правда, есть одно косвенное свидетельство, обращающее внимание на личность Вишнякова. На одном из экземпляров книги Петунникова «Критический обзор Московской флоры» видна надпись: «Дорогому Николаю Петровичу Вишнякову на добрую память от искренне преданного и глубокоуважающего А. Петунникова. Москва. 24 февраля 1905 года». В последние годы жизни Вишняков вместе с женой часто выезжал на Запад: иногда в Италию, но чаще на немецкие и австрийские курорты и в университетские города – в Висбаден, Крейцнах, Наугейм, Эрфурт, Карлсруэ или в Гейдельберг, где с 1907 г. учился их сын Шура, туда и писал им Петунников.

Характер писем Петунникова Вишнякову совершенно отличен от его переписки с Вырубовым. В письмах Вырубова даже при обсуждении текущих житейских событий много отвлеченных рассуждений, с годами в них все больше сказывалась некоторая отстраненность парижского корреспондента от реалий современной российской действительности. Письма Петунникова полны живыми подробностями, в них обсуждались вопросы современной

сорской квартире Траутшольда в Петровском-Разумовском, Вишняков писал: «Понемногу я привязался к этим милым и простым людям [имеется в виду Траутшольд и его жена Розалия Карловна. – *Г.Л.*] и приобрел и их расположение, которое меня никогда более не покидало. Тридцать лет продолжалась наша дружба, оставаясь неизменной при всяких обстоятельствах и кончаясь только со смертью обоих стариков. Да будет им легка земля, моим редким и верным друзьям! То, что он сделал для познания России, за глаза достаточно, чтобы имя его осталось в науке навсегда. Кто будет заниматься подмосковными формациями, не может обойтись без изучения его прекрасных, обстоятельных исследований» (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 34. Л. 31–32).

политики, городской жизни, семейного обихода. По ним видно, что Петунников дорожил общением с Вишняковым. Для Петунникова он стал своеобразным духовником, которому он поверял свои не столько размышления, сколько повседневные наблюдения и досаду по поводу неустроенности русской жизни. Видимо, это обстоятельство задевало и огорчало Петунникова, и он высказывал некоторые предположения о причинах такого неблагополучия. К ним он относил повальную лень, шаткость нравственных устоев, своеобразное понимание свободы у массы народа как разнузданности и дозволенного хамства. В числе пороков начальства он отмечал некомпетентность, склонность к подмене работы ее имитацией, падкость до воровства и мздоимства. Слабость государственной политики видел в чрезмерной бюрократизации, негибкости и архаичности правящего аппарата, неумеренной территориальной экспансии, в неуклюжих попытках русификации, которые наблюдал в прибалтийских землях. Вишнякову он поверял заботы о своем научном достоянии, о судьбах детей.

Вишняковы и Петунниковы дружили домами. Немногочисленные члены семьи Вишняковых: сам глава семейства, его жена Анна Васильевна, дочь Юлия, сын Александр – хорошо знали всех домочадцев Петунникова. Иногда они без всяких на то приглашений посещали друг друга, благо жили неподалеку, близ Арбата: Вишняковы – в собственном доме на углу Гагаринского и Малого Власьевского переулков, Петунниковы – на съемной квартире, сначала на Остоженке, затем в Трубниковском переулке.

У Вишняковых еженедельно устраивались «четверги», на которые приглашали близких друзей, и Петунников всегда был в их числе. Ритуал был настолько обязателен, что в случае отсутствия приходилось писать записочки с объяснением причин. У Петунникова чаще всего это были служебные дела. Семейный ужин сопровождался беседой, иногда хозяин дома читал свои воспоминания. Вишняков был способным литератором. В его архиве сохранились рукописи о Московском университете 1860-х гг., «Думские воспоминания за 1897–1918 гг.» – ежедневный дневник деятельности думы в эти годы. Из всех своих литературных опусов он удосужился напечатать только один – «Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым» (В 3 ч. М., 1905–1911). Дом Вишняковых был открыт для друзей. Гриша Петунников называл его «уютным», видимо, добросердечие хозяев привлекало туда людей. В письмах к Вишнякову Петунников не именовал адресата иначе, чем «добрейший Николай Петрович». Петунников признавался, что встреча с ним способна разогнать любую хандру и дает ощущение радости на весь день.

Вишняков был выходцем из преуспевающей купеческо-предпринимательской семьи, правда, сам он представлял то поколение рода, которое уже отошло от активного предпринимательства, но играло заметную роль в общественной жизни города[88]. Он воспитывался в семье со строгими религиозными традициями и перенес их в свой собственный дом. Здесь широко отмечали именины хозяина дома, день Николы зимнего в декабре. Петунниковы были непременными гостями на этих праздниках. Петунников разделял религиозные чувства хозяев дома, с особым благоговением он относился к Великому посту и встрече Пасхи, рассматривая их как время особенной духовной сосредоточенности. Ему даже случалось напоминать любезным хозяевам, что на первой покаянной неделе поста «предаются только посту и молитве и не тревожат пресыщением и праздными разговорами добрых граждан»[89]. Николай Петрович не забывал оказывать знаки внимания членам семьи Петунникова, посылая научные книги главе семейства и новинки беллетристики для домашнего чтения. Последние годы Петунников широко пользовался этой практикой, читая по два часа в день для больной жены; для научного чтения он оставлял ночное время, с 12 до 2 часов. Молодежь получала в дар от Вишнякова билеты в театры и на концерты.

Помимо сопричастности к городским делам Вишняков нашел в Петунникове родственную душу, способную разделить восторг перед прелестью живой природы. «В самом деле, может ли быть что-нибудь непосредственно прекраснее и любопытнее, как та разнообразная зеленая оболочка нашей земной юдоли, неизменно услаждающая нас своими чудными цветами и ароматами, которые никогда не приедаются и которую в ее загадочном безмолвии, кажется, тем больше любишь, чем дольше живешь на свете!» – восторгался он, принимая от Петунникова гербарий подмосковных растений. Он простодушно признавался Петунникову в своем дилетантском и довольно легковесном увлечении ботаникой, в своей неспособности из-за отсутствия надлежащей ботанической «зоркости» («ведь нельзя всегда иметь около себя зрячую няньку») стать настоящим ботаником. «С меня, впрочем, и того довольно, – утешался он, – что я эту милую науку люблю»[90].

Петунников стал для Вишнякова этой «зрячей нянькой», наставником и помощником в определении растений. Делал он это всегда с большой готовностью, справедливо считая такие занятия

[88] См.: *Бурышкин П.* Москва купеческая. М.: Современник, 1991. С. 101, 160–161.
[89] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 8.
[90] НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 28. Л. 2–3 об., 5.

небесполезными для себя. «Труда большого это мне не составит, а возможность найти случайно какую-нибудь новую для нас еще не указанную форму или разновидность всегда заставляет просматривать и пересматривать всякие сборы с большим вниманием», – признавался он[91]. Почти все его письма содержат описания и определения присланных Вишняковым растений, чаще всего «старых знакомцев» для Петунникова. Вишняков собирал их в изобилии под Москвой в своем имении Вишнево и во время заграничных путешествий. Петунников посылал Вишнякову рекомендации по сбору растений, в частности ив, которые поведал ему Теплоухов, за разъяснениями отправлял к ботаническим словарям и справочникам. В одном сложном случае при определении рода нескольких растений Петунников писал, что все зависит от того, считать ли их женскими, как это делает Линней, или мужскими, как у Ашерсона; «Тут никакой словарь не поможет, а может разрешить разноречие только знаток классической и всякой другой филологии, каким числится академик Корш. Вот почему я и просил Вас прибегнуть к его просвещенному содействию»[92].

Иногда Вишняков посылал Петунникову экземпляры растений, сопровождая их собственными определениями. И тогда Петунникову приходилось указывать Вишнякову на его методологические промахи в определении растений, которые чреваты неизбежными ошибками, «так как Вы взяли на себя неразрешимую задачу – по крупным признакам определить то, что определяется только по мелким и самым мелким»[93]. У себя на дому Петунников проводил с Вишняковым занятия по определению злаковых растений, надеясь, что после этого его ученик станет легче справляться с этой до сих пор трудной для него задачей.

Как упоминалось выше, Вишняков в течение многих лет настойчиво предлагал Петунникову составить для него гербарий московской флоры. Он сумел выполнить эту просьбу только в 1914 г. Тогда, воспользовавшись болезнью ног, которая почти лишила его возможности передвигаться, он изготовил 10 толстых папок и начинил их тысячей московских растений. Возможно, это и были те самые дублеты растений московской флоры, которые позднее попали в различные гербарии Москвы.

Любитель крымской флоры, Вишняков пытался склонить Петунникова к созданию ее гербария. Петунников категорически отверг этот проект. «Для меня это так же трудно и малодоступно, как составление флоры Сандвичевых островов или Патагонии», –

---

[91] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 364. Л. 54 об.
[92] Там же. № 363. Л. 121 об.
[93] Там же. № 364. Л. 137.

отвечал он на предложение Вишнякова в 1912 г. Не будучи знаком с этой флорой, не имея к ней расположения, он не хотел браться за предложенную работу[94]. Но, побывав впервые в Крыму весной 1916 г., поспешил составить для Вишнякова коллекцию крымских растений. Памятуя о любви своего ученика к ярко окрашенным цветам, он постарался подобрать экземпляры, мало меняющие окраску при засушивании.

Вслед за гербарием московской флоры Петунников послал его новому хозяину инструкцию по его сохранению, чтобы засушенные растения не превратились в «какие-то ископаемые», какими они предстают в старинных гербариях Гофмана и ученика Линнея Эргарта в Ботаническом кабинете Московского университета. На них нельзя смотреть иначе как с чувством благоговения и невольной грусти. Среди необходимых средств ухода за гербарием Петунников указал простейшее, рекомендованное еще Вилькомом, – чаще просушивать и перебирать растения[95].

Мы уже упоминали об одном несостоявшемся проекте Петунникова, связанном с публикацией материалов Ф.А. Теплоухова по ивам. Другой издательский проект возник у него в связи с университетскими воспоминаниями Вишнякова. На домашних чтениях у Вишняковых он с удовольствием слушал всегда выразительное и живое в исполнении хозяина дома «чтение акафиста московским ископаемым» [Петунников имел в виду профессоров Московского университета. – *Г.Л.*][96]. Он вернулся к этим впечатлениям, работая над воспоминаниями Вырубова. При этом он откровенно признавался, что воспоминания Вишнякова ему более симпатичны своим сатирическим и отчасти юмористическим

---

[94] Там же. Л. 24.

[95] Там же. Л. 64 об.

[96] Там же. № 363. Л. 125 об. В негативной оценке педагогической практики ряда московских профессоров (Щуровский, Толстопятов, Богданов, Любимов, Ершов) Вишняков всецело сходился с мнением Вырубова. Он полагал, что их схематичное, сухое, формализованное, оторванное от практики, сводящееся к зазубриванию никому не нужной номенклатуры (Щуровский, Толстопятов, Богданов), порою небрежное и откровенно некомпетентное преподавание (Любимов, Ершов) не давало никакого представления об общих процессах природных явлений и не соответствовало современному уровню знаний. В изложении Щуровского и Толстопятова для большинства студентов геология представала как скучнейшая из наук. «Мне лично надобно было впоследствии стать лицом к лицу с природой, чтобы понять, какую грандиозную красоту таят в себе и эти формации, и эти окаменелости с тарабарскими латинскими кличками, а главное, чтобы убедиться, что у природы нет ничего общего с ящиками шкафов, в которые втискивают ее систематики», – писал Вишняков (ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 35 (Воспоминания Вишнякова о Московском университете). Ч. 1. Л. 10).

тоном, в то время как мемуары Вырубова более саркастичны[97]. Тогда то и возникла мысль оформить воспоминания Вишнякова в виде статьи и опубликовать их в «Вестнике Европы». Петунников предложил Вишнякову свое посредничество в контактах с М.М. Ковалевским.

Вишняков, видимо, колебался, а Петунников настаивал, ободряя своего оппонента тем, что он не новичок в «писательском деле». Чтобы разрешить сомнения, он предлагал передать рукопись на суд «искренних и преданных ему друзей», а сам обязывался быть цензором, критиком, редактором. Он ссылался на свой опыт работы с рукописью Вырубова. По его предложению, напоминал Петунников, автор внес в текст некоторые изменения и сокращения, а он исправил некоторые стилистические огрехи. Почему бы не проделать подобную работу с рукописью Вишнякова, тем более что она не нуждается в стилистических исправлениях?

Петунников подключил к своей затее Вырубова. По совету последнего он несколько раз писал М.М. Ковалевскому, но ответа не получил. Неутомимый путешественник, Ковалевский колесил по всей Европе, и письма за ним не поспевали. В сентябре 1910 г. Максим Максимович встретился с Вырубовым на даче в Орсе в пригороде Парижа. Тогда состоялась беседа о публикации статьи Вишнякова в «Вестнике Европы». Ковалевский выказал готовность принять статью, но не обещал напечатать ее сразу же, так как в журнале прошли недавно две подобные статьи. Петунников уговаривал Вишнякова с еще большим рвением продолжать редактирование и поскорее завершить статью.

Но Вишняков не спешил с окончанием работы и по-прежнему волновался, не вызовет ли она отрицательной реакции у части «равнодушной и скучающей публики»? Петунников опровергал его возражения тем, что за давностью времени события потеряли свою остроту, да и вообще реакция публики не должна его волновать: «Важно оставить по себе исторический документ, представляя судить и рядить о достоинстве этого документа всякому по его усмотрению. Главный судья в этом деле – редактор, он решает либо принять статью, либо ее отклонить!»

Далее возникли проблемы с объемом представленного текста, он был еще незавершен, а уже превышал журнальный формат. Вырубов, который прочел эту часть опуса Вишнякова «с большим интересом», предложил разбить его на две части. Петунников торопил Вишнякова с завершением работы и окончательным ее

[97] ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. № 363. Л. 94–95; 106 об. – 107; 128 об.; 133–134 об.

редактированием, чтобы переслать ее к Пасхе в Париж, где к этому времени ожидали Ковалевского. На дворе стоял уже февраль 1912 г.[98] В марте Петунников получил обещанное, но приуныл, у него возникло опасение, что рукопись не сможет быть напечатана «на страницах самого видного журнала» из-за превышения объема. Петунников предложил автору либо сократить текст, изъяв некоторые куски (например, о «бесцветном субъекте» Толстопятове), либо издать за свой счет в виде книги, тогда никаких сокращений не понадобится. В апреле Вырубов ждал в Париже Ковалевского и окончания рукописи Вишнякова. По мнению Петунникова, автор ничем бы не рисковал, посылая рукопись, так как у него остается второй экземпляр.

В июне того же года Вырубов, который уже собирался переезжать в Орсе, все еще находился в ожидании рукописи «о стародавних делах, так хорошо ему известных» и для него любопытных. «Удивительное совпадение интересов!» – замечал в связи с этим Петунников. Вырубов так и не дождался заинтересовавшей его истории. Он скончался 30 ноября 1913 г., и дело заглохло. Вскоре из поля зрения пропал и Ковалевский. На письма Петунникова и вдовы Вырубова с предложением издать «Воспоминания» Вырубова отдельной книжкой (первоначальная идея принадлежала редактору «Вестника Европы») ответа не последовало. С началом Первой мировой войны М.М. застрял в австрийском плену и попал в Россию только в 1915 г.; в марте 1916 г. он скончался. Война и последовавшие за нею события похоронили и этот замысел Петунникова. Он пытался оживить интерес Вишнякова к «Мемуару» в 1915 г. в связи с опровержением обвинений вдовы Толстопятова. Последняя редакция Вишняковым текста «Университетских воспоминаний» датируется июлем 1916 г., для их печатания времени уже не хватило. Поражают та энергия и настойчивость, с какими Петунников пытался продвинуть публикацию рукописи Вишнякова.

Вишняков на восемь лет пережил Петунникова. По непроверенным сведениям, он в последние годы зарабатывал на жизнь преподаванием испанского языка.

3.4. Библиограф-любитель

Выше мы писали, что московские краеведы благодаря книге «Пути сообщения в г. Москве...» считали Петунникова своим коллегой. А вот другие книги – «Свод ботанических терминов...» и «Критический обзор московской флоры» – подтолкнули его к

[98] Там же. № 364. Л. 12, 15, 18, 32 об., 35–35 об., 37.

серьезному изучению научной библиографии. Для такой увлекающейся натуры, как Петунников, в этом не было ничего неожиданного. Вникая в прошлое изучаемого предмета, просматривая работы своих предшественников, он невольно сталкивался с библиографией и находил в существующих описаниях много несовершенного. Он сделался настоящим знатоком библиографии в своей узкой специальности – ботанике. Но и этого оказалось мало. Петунникова заинтересовала общая библиография, ее теория и практика. Он быстро нашел единомышленников. Девять совершенно разных книголюбов сплотились вокруг двух «чистейшей воды» библиографов.

Одному из них, выпускнику Московского университета А.Н. Торопову, не исполнилось еще и 40 лет, но имя его было широко известно по всей России благодаря новаторству в библиографии и библиотечном строительстве. Ему принадлежала честь создания национальной библиографии («Книжная летопись») и основания первой в Москве детской публичной библиотеки.

Его соратник В.Ф. Фрейман, из остзейских немцев, имел лишь среднее образование (Петропавловская гимназия), но был одержим любовью к книге. Путем самообразования он сделался крупным знатоком и теоретиком библиографии. Фрейман затеял составление библиографии всех русских книг, вышедших с 1708 г., времени введения Петром I гражданского шрифта в России, и успел уже много сделать.

«Ученую группу» этой компании вместе с Петунниковым составляли А.П. Гемелин и А.Н. Соловьев. Гемелин был языковедом, автором лингвистических сочинений, преподавал французский язык в Московском университете. Видимо, не без влияния Петунникова он начал заниматься вопросами ботаники и составил «Обзор древесных пород России и за границей». А.Н. Соловьев, выпускник Московской духовной академии, слыл знатоком древнерусской книжности. С 1892 г. он редактировал близкий обществу журнал «Библиографические заметки».

В кружок входили также знатоки книжного дела и книготорговцы («книжники»), библиофилы разных специальностей[99].

Три года общения сблизили членов неформального кружка, показали необходимость объединить усилия, следуя общей программе. В 1889 г. она сама собой сложилась из направлений деятельности Торопова и Фреймана. А направления эти были разные.

---

[99] Подробную историю общества можно найти в очерке его секретаря Н.Н. Орлова (См.: Тридцать пять лет деятельности Русского библиографического общества при Московском университете. 1889–1924. М., 1925. С.1–14. Отт. из журн. «Библиографические известия». 1924. № 1–4).

Торопов мечтал о превращении кружка в научно-теоретический центр русской библиографии, призванный создать методические руководства во всех областях этой науки и практики (собственно библиография, библиотечное и книжное дело). Ему сочувствовала «ученая группа». Фрейман ставил задачу более узко. Он возлагал на кружок миссию реализации библиографии печатных русских книг и находил поддержку у «книжников». В уставе, в программной его части, совместились оба эти направления.

4 октября 1889 г. состоялось учредительное собрание Московского библиографического кружка, и был принят его устав. Кружок полагал своей целью составление репертуара всех русских печатных книг, изданных после 1708 г.; разработку методов библиографии, собирание книжных раритетов, помощь библиотекам, распространение сведений по библиографии и сопредельным областям знания.

Начальный период истории кружка (1881–1899), когда во главе его стоял Торопов, был особенно плодотворен. Расширился его состав, в кружок вступили выдающиеся библиографы А.А. Титов, Д.А. Ровинский, Н.М. Лисовский, Н.В. Губерти, Д.В. Ульянинский, Д.Д. Языков. С ним сотрудничали видные историки И.Е. Забелин, Н.К. Шидлер, В.С. Иконников, Д.Ф. Кобеко.

В первое десятилетие был значительно расширен национальный библиографический репертуар, проводились частые заседания с докладами по общим и частным вопросам библиографии и библиотечного дела, звучали рассказы об источниках по русской библиографии, об истории печатного дела и проч.[100] Тогда же было положено начало специальной библиотеке, завязаны отношения с зарубежными коллегами, некоторые из них стали членами Московского библиографического кружка. В 1894 г. кружок участвовал в Парижской выставке книг под руководством г. Сенешаля и завоевал там бронзовую медаль.

Жизнь Московского библиографического кружка была далеко не безоблачной. Возникали организационные конфликты между его руководителями, из-за нехватки денег пришлось закрыть многообещающий журнал «Книговедение» (1894–1898). Самой большой бедой было отсутствие постоянного помещения. Общество часто ютилось на частных квартирах своих членов-учредителей: то у А.Н. Торопова, то у Н.И. Носова. Это отчасти и побудило искать покровительства у Московского университета. 28 февраля

---

[100] Московский библиографический кружок // Ист. вестн. 1896. Т. 63, № 2. С. 733; 1897. Т. 67, № 2. С. 767–768; 1898. Т. 72, № 5. С. 691; 1899. Т. 75, № 2. С. 752–753.

1900 г. кружок обрел хозяина и новое название – Русское библиографическое общество при Московском университете.

В связи с этим был принят новый устав. Функции общества несколько расширились, ему предписывалось собирание для музея предметов, имеющих отношение к истории и технике печатного дела и палеографии; чтение публичных лекций по библиографии, печатание библиографических трудов и прочих изданий, выдача наград и премий за труды на пользу обществу[101].

Петунников оказался в числе 11 членов-учредителей, которые затратили много усилий на создание библиографического кружка, разработку его устава и организацию деятельности. Особенно энергично он трудился в кружке в начальную пору его существования под председательством Торопова. С 21 декабря 1889 г. до 4 октября 1890 г. Петунников был помощником казначея, в течение 3 лет – с 1 декабря 1893 г. до 2 декабря 1896 г. – товарищем председателя.[102]

По свидетельству коллег-библиографов, он занимался составлением и редактированием карточек для национального библиографического репертуара, участвовал в заседаниях кружка, приносил ему в дар книги из своей библиотеки[103]. В кружке Петунников сотрудничал и общался со своим давнишним другом Н.И. Мамонтовым, его почетным членом. Одновременно с Тороповым и Петунниковым, которые в ту пору занимали руководящие должности, Мамонтов с 1 декабря 1893 г. по 2 декабря 1896 г. был товарищем председателя общества.

Время активной работы в библиографическом кружке совпало для Петунникова с некоторой передышкой от работы в городской управе (1888–1900). В 1900 г. он вновь вернулся в управу. Тогда были отложены крупные труды по ботанике, сразу же сократились возможности для работы в Русском библиографическом обществе. Но коллеги-библиографы никогда о нем не забывали. Последний раз они приветствовали Петунникова на заседании 4 октября 1914 г., когда праздновалось 25-летие общества.

Общее собрание общества 29 марта 1921 г.[104] было посвящено памяти Петунникова. Коллеги и друзья рассказали о различных

---

[101] Проект Устава Русского библиографического общества. М.: Тип. И. Сытина, 1898. С. 3–4.

[102] Тридцать пять лет… С. 39, 42.

[103] А.Н. Петунников († 20 декабря 1919) // Библиогр. изв.: Журн., издаваемый Рус. библиограф. о-вом при Моск. ун-те. 1920. Т. 8, № 1–2. С. 28.

[104] В отношении даты существуют разночтения. На странице 74 «Библиографических известий» (1921. № 1–4) указано 23 марта как дата заседания памяти Петунникова и С.А. Венгерова, на предыдущей странице упоминаются собы-

сторонах его многообразной деятельности. Было заслушано три сообщения. Первое из них сделал Д.П. Сырейщиков, оно называлось «Памяти члена-учредителя Русского библиографического общества». Затем выступил Н.И. Мамонтов с докладом «Воспоминания друга и сочлена по “Библиографическому обществу”». И, наконец, инженер С.И. Щеглов завершил тему сообщением «Воспоминания сослуживца о деятельности А.Н. Петунникова в Московской городской управе». К сожалению, доклады эти не были опубликованы, но какая-то часть информация была транслирована председателем Комиссии по изучению старой Москвы П.Н. Миллером, о чем уже упоминалось.

тия, относящиеся к 29 марта, но по смыслу предшествующие тем, которые датированы 23 марта.

Заключение

Жизнь Петунникова бедна яркими, из ряда вон выходящими событиями, но богата многообразным творчеством. Это разнообразие занятий имеет причиной не разбросанность натуры – оно было продиктовано объективными обстоятельствами и принципиальными жизненными правилами.

Петунников выработал свое жизненное кредо довольно рано под влиянием университетского товарища Г.Н. Вырубова и идей либеральных реформ 1860-х гг. В юношеские годы он определил для себя нормы поведения, отдавая предпочтение таким нравственным ценностям, как честность, порядочность, прямота. Эпоха великих реформ, которые пришлись на молодые годы Петунникова, требовала соответствия времени, пробуждала желание служить общественному благу, открывала некоторый простор для полезной деятельности. Петунников принял вызов времени, охотно взяв на себя миссию просветительства, пропаганды научных знаний, городского строительства, научного творчества.

Начальный период реформ оставался для Петунникова той планкой, по которой мерялись последующие события. В самом начале жизненной карьеры, занявшись публицистикой, он использовал критический склад своего ума для удержания завоеваний либеральных реформ. Ему, как, впрочем, и многим образованным россиянам 1870-х гг., казалось, что наука испытывает серьезную угрозу с вторжением в ее жизнь дилетантизма, серости, бюрократических порядков, некоторого сервилизма профессорской среды. Не все в критике молодого журналиста было справедливо, он явно недооценил влияния некоторых форм самоорганизации науки: процесса массового создания научных обществ, съездов, выставок, музеев. Но общий посыл его критических замечаний был искренен и верен. Он ратовал за консолидацию исследовательских сил, за умножение научных знаний, за приращение тонкого еще культурного слоя современного общества новыми людьми, сочувствующими науке.

Этой цели многие годы была посвящена просветительская и популяризаторская деятельность Петунникова. Он отталкивался от острой общественной потребности в современной естественнонаучной литературе и учебниках. Петунников приложил немало стараний, чтобы сделать доступными для русского читателя лучшие сочинения западноевропейской научной мысли. На страницах популярных журналов для детей и взрослых он демонстрировал в яркой, доступной форме различных представителей растительного и животного царства и сложные явления, происходящие в мире живой природы.

Городская деятельность Петунникова на выборной должности члена Московской управы совпала с процессом становления местного самоуправления, наш герой участвовал в нем с самого начала. Ко времени окончания им муниципальной службы Москва стала образцом для многих провинциальных городов. В этом достижении есть личный вклад Петунникова. Он и подобные ему члены городской управы пытались внести в деятельность земства элементы рациональности, научности, высокого профессионализма. Подвизаясь буквально во всех областях городского благоустройства, Петунников продемонстрировал широту подхода, незаурядную энергию, трудолюбие и замечательную эрудицию. Он оказался в числе тех городских деятелей, которые отстаивали большую самостоятельность земства в решении хозяйственных нужд города. На страницах муниципальной и общероссийской печати он сделал проблемы городского благоустройства предметом гласности и обсуждения, тонко подмечая существующие недостатки и по мере возможности предлагая свои рецепты их исправления.

В науке Петунников начал с пропаганды наследия своего рано умершего учителя Н.Н. Кауфмана. Это определило направление его исследовательских интересов – флористика и систематика. Петунников продолжил усилия Кауфмана по изучению московской флоры, став, по общему признанию, тонким ее знатоком. В своих работах он развил это направление. Не имея возможности закончить начатый им труд, он передал обширный гербарный и литературный материал своему ученику Д.П. Сырейщикову и всячески содействовал реализации его фундаментального сочинения по флоре Московской губернии. Стараниями Петунникова была сохранена преемственность в изучении флоры Московской губернии, была издана самая исчерпывающая и обстоятельная на начало XX в. сводка растений этого региона. Петунников направил интересы своих учеников ботаников-любителей Д.П. Сырейщикова, А.А. Хорошкова и П.В. Сюзева на изучение московской растительности. Их совместными усилиями этот район оказался

наиболее исследованным в России. На фоне общего забвения, которое переживала флористика во второй половине XIX в. во многих российских университетах (Московский в этом смысле не был исключением) с появлением новых направлений, таких как геоботаника, цитология, физиология, изучение низших форм растений, Петунников с учениками поддержал флористические изыскания на должной высоте.

Петунникова можно по справедливости назвать посланцем русской науки на Западе. Значительную роль в этом общении играли личные знакомства и переписка. Он много сотрудничал с зарубежными ботаниками, поставляя им флористический материал и пользуясь их консультациями в спорных вопросах. Он выступал посредником в сношениях русских исследователей с их иностранными коллегами, выполнял такую же посредническую миссию по отношению к западноевропейским ученым, связывая их с ботаническими организациями России и отдельными специалистами. Петунников был в известном смысле поклонником немецкой научной школы в ботанике, сторонником тщательной проработки видов, принятой, например, П. Ашерсоном. На его работы неоднократно ссылались видные немецкие ботаники П. Ашерсон, А. Энглер, Т. Вольф. С Т. Вольфом, К. Цаном, Г. Кукенталем его связывала личная многолетняя дружба, скрепленная интересом к изучению одних и тех же групп растений и личными контактами во время зарубежных поездок московского ботаника.

Петунников оставил после себя обширный гербарий московской флоры, о судьбе которого позаботился заранее. Так же удачно распорядился он своим научным архивом.

Многочисленные письма русских и зарубежных ботаников, корреспондентов Петунникова, представляют собой ценный источник к биографии героя и одновременно живое свидетельство истории ботаники того времени.

Щедрая натура Петунникова проявлялась более всего в его отношении к друзьям. Он охотно помогал Вырубову, Чистякову, Теплоухову, Сюзеву, Сырейщикову, Вишнякову, не говоря уже о сонме ботаников-любителей, которым не отказывал в содействии. У Петунникова в высшей степени было развито чувство ответственности. Он болел душой за судьбы близких людей, семьи, родного города, любимой ботаники, своей страны. Горькие наблюдения проницательного ума побуждали его без устали трудиться для исправления недостатков во всем, для общего блага. Далекий от политических страстей, от личной рекламы, он был из тех людей, кто ловко и умело «делал дело», поражая окружающих молодым энтузиазмом и потрясающей работоспособностью.

Приложения

I

А.Н. Петунников.
Хроника жизни и деятельности

1842 – родился в Москве.
1856–1860 – учеба во 2-й Московской гимназии, знакомство с Н.Н. Кауфманом.
1860–1864 – учеба на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета.
1862 – знакомство с Г.Н. Вырубовым;
– первая научная статья в «Бюллетене МОИП».
1863 – получение кандидатского диплома.
1864 – вступление в члены ОЛЕАЭ.
1864–1870 – преподавание естествознания во 2-й Московской гимназии, чтение общедоступных лекций по естествознанию (1864–1865); преподавание в Константиновском межевом институте, в средних учебных заведениях, репетиторство.
1865 – вступление в члены МОИП.
Осень 1865 – лето 1866 – пребывание вместе с Г.Н. Вырубовым в Париже для подготовки магистерской диссертации. Поездка в Швейцарию (осень 1865), путешествие по Италии (лето 1866).
1867, январь – защита в Московском университете магистерской диссертации на тему: «Метаморфоз клеточной стенки».
1867, февраль – поездка в Париж к Вырубову.
1866–1899 – сотрудничество с московскими книгоиздателями А.И. и Н.И. Мамонтовыми.
1870–1871 – сотрудничество в еженедельной газете «Русская летопись».
1873–1876 – сотрудничество в научно-популярном журнале «Природа».
1873 – начало службы в Московской городской управе в должности заведующего бульварами.
1875 – женитьба.
1875–1882 – выборный член Московской городской управы.
1878–1894 – статьи в журнале «Известия Московской городской думы».
1882–1900 – статьи в газете «Московские ведомости».
1886–1888 – член водопроводного отдела Московской городской управы.
1889 – выход в свет второго издания «Московской флоры» Н.Н. Кауфмана.
1889 – член-учредитель Московского библиографического кружка.

1890 – выход в свет монографии «Иллюстрированное руководство к определению растений, дикорастущих и разводимых в пределах Московской губернии».

1896–1903 – выход монографии «Критический обзор московской флоры».

1898 – монография «Свод ботанических терминов, встречающихся в русской ботанической литературе».

1900–1911 – служба в Московской городской управе.

1909 – почетный член МОИП.

1911 – официальный выход на пенсию.

1912 – 50-летие научной деятельности.

1915 – книга «Пути сообщения в городе Москве по высочайше утвержденному плану регулирования».

1919, 20 декабря – скончался в Москве.

10 Зак. 3697

II

Публикации А.Н. Петунникова

Монографии, научные и научно-популярные статьи*

Вельвичия, или Тумбо // Вестн. естеств. наук. 1860(1865). № 47–52. С. 1569–1579. 16 фиг., 22 табл. [подписано А. П.].

Über eine Missbildung von Cirsium arvense Link // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1862. T. 35, N 4. S. 469–472.

Verzeichniss der im Gouvernement Tambow wildwachsenden Pflanzen, zugleich als dritter Nachtrag zu Meyer's Florula provinciae Tambow // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1865. T. 38, N 3. S. 121–146.

Метаморфоз клеточной стенки. М., 1866. 52 с. 2 табл.

[Об ископаемом дереве, найденном близ Каира] // Изв. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1866. Т. III, вып. 1. С. 114.

Recherches sur la cuticule // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1866. T. 39, N 3. P. 120–144. pl. III–IV.

Recherches sur la cuticule par M. Alexis Petounnikov (Extrait du Bull. de la Soc. des naturalistes de Moscou. 1866. T. 1, N 3) // Ibid. P. 83–84.

Note sur la cuticule // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1867. T. 40, N 1. P. 262–265.

Note sur la formation de la Manne // Bull. Soc. Bot. France. 1867. T. 14. P. 169–170.

Sur quelques organes sécreteurs des plantes // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1867. T. 40, N 1. P. 266–269.

Sur les organs reproducteurs du Sphenocacpus terrestris Mich. // Bull. Soc. Bot. France. 1867. T. 14. P. 137–142. 1 pl.

Оротавский драконник // Моск. унив. известия. 1869. № 2. С. 169–181.

Воспоминание о Николае Николаевиче Кауфмане // Рус. летопись. 1870. № 51. Стб. 1807–1810; Отт. М., 1871. 7 с.

Морская трава // Природа. 1873. Кн. 2. С. 200–219. Цв. табл. IV–VI. 5 фиг. 1 табл. черн.

Прорастание // Природа. 1873. Кн. 1. С. 102–121. 8 рис.

Тина // Природа. 1873. Кн. 1. С. 346–361. 9 рис.

---

* Приводится с небольшими исправлениями и дополнениями библиография работ Петунникова, составленная С.Ю. Липшицем (См.: *Липшиц С.Ю.* Московские ботаники… С. 18–22). Липшиц, в свою очередь, воспользовался списком Д.П. Сырейщикова, помещенным в заметке П.В. Сюзева о Петунникове (Тр. Ботан. сада Императ. Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 1. С. 64–69), существенно дополнив его.

Пестролистные растения // Природа. 1874. Кн. 3. С. 277–296. 1. цв. табл.

Начальные основания анатомии человека: Изд-е редакции сб. «Природа». М.: Тип. В. Готье, 1874.

Движение сока в растениях // Природа. 1875. Кн. 4. С. 69–127. 1. цв. табл.

Значение орошения нечистотами в огородничестве и в сельском хозяйстве // Сад и огород. 1885. № 3. С. 17–19; № 4. С. 25–26.

Водяная зараза (Elodea canadensis Rich.) // Сад и огород. 1885. № 19. С. 163–165.

Кауфман Н. Московская флора. Изд. 2-е, испр. и доп., под ред. П. Маевского. М., 1889. [Рец.] // Сад и огород. 1889. № 10. С. 156–158.

Иллюстрированное руководство к определению растений, дикорастущих и разводимых в пределах Московской губернии. М., 1890. XXVI + 358 с., 897 илл.

Франц Иванович Демюр [некролог] // Сад и огород. 1890. № 17. С. 257–259. Портрет.

О новых видах рода Hierarcium, собранных в пределах Московской губернии и обработанных проф. Петером в Геттингене. // Дневник IX съезда рус. естествоиспытателей и врачей. М., 1894. № 9 (12 янв.). С. 17–18.

Die Potentillen Central Russlands // Acta Horti Petropolitani (Тр. Императ. С.-Петерб. ботан. сада). 1895. Т. 14, вып. 1. С. 1–52.

Густав Федорович Вобст [некролог] // Сад и огород. 1895. № 20. С. 305–306. Портрет; Густав Федорович Вобст // Памяти Густава Федоровича Вобста. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1896. С. 3–7.

Критический обзор московской флоры. [Ч. 1.] Dialypetalae // Ботан. зап. 1896. Т. 6, вып. 13. С. 1–221. 7 табл.; [Ч. 2.] Gamopetalae // Тр. С.-Петерб. о-ва естествоиспытателей. 1900. Т. 30, вып. 3. Отд. ботан. С. 1–142; [Ч. 3.] Monochlamydeae // Там же. 1901 Т. 31, вып. 3. Отд. ботан. С. I–VII, 1–187. Отт. СПб.: Тип. Демакова. Вып. 1–3. 1896, 1900, 1903.

Offenes Schreiben an den Professor der Botanik Herrn Dr. Petter in Göttingen // Allg. Bot. Zeitschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr. 1896. Bd. 2, N 2. S. 32.

Carex gracilis (Ehrh.) Schk. // Allg. Bot. Zeitschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr., 1897. Bd. 3, N. 12. S. 195–197.

Über Carex gracilis Schk. und C. obtusata Liljeb. // Allg. Bot. Zeitschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr. 1898. Bd. 4, N 6. S. 89–91.

Über Carex tenella Schk. // Allg. Bot. Zeitschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr. 1898. Bd. 4, N 12. S. 191–192.

Свод ботанических терминов, встречающихся в русской ботанической литературе. М., 1898. XII + 133 с.

Fedtschenko B. Abies Semenowii m., eine neue Tanne aus Centralisen // Bot. Centrabl. N 7 [рец]. Allg. Bot. Zeitschr. Syst., Flor., Pflanzengeogr. 1898. Bd. 4, N 6. S. 100–101.

Еще о Daphne Sophia // Сад и огород. 1899. № 7. С. 98.

Новинки «Московской флоры» // Сад и огород. 1899. № 18. С. 279–280.
По поводу Daphne Sophia // Сад и огород. 1899. № 3. С. 34–35.
Veronica teucrium L. и Veronica latifolia L. // Ботан. зап. 1899–1900. Вып. 15. С. 119–126; Отт. СПб., [1900]. С. 11–18.
По поводу статьи Б.А. Федченко «Новые дополнения к флоре Московской губернии» // Ботан. зап. 1899–1900. Вып. 15. С. 109–118; Отт; СПб., [1900]. С. 1–10.
Abies Semenowii Fedcz. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 2. С. 60–63.
Androsace latiflora Pall. и A. maxima L. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 2. С. 63–65.
Über den Wert anatomischer Merkmale zur Unterscheidung der Abies-Arten // Allg. Bot. Zeitschr. Syst., Flor., Phlanzengeogr. 1900. Bd. 6, N 7–8. S. 125–128.
Карл Федорович Мейнсгаузен [некролог] // Bull. Soc. Nat. Mosc. T. 14, N 3. Портр. С. 50–52; Отт. [М., 1900.] 3 с.
Краткие указания о собирании Rubus'ов // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 1. С. 31–32.
Пятидесятилетие научной и садоводственной деятельности Рихарда Ивановича Шредера // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 2. С. 102–106. Портр. [Список работ Шредера на рус. яз.].
Ranunculus paucistamineus Tausch. R. flaccidus Pers. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 1. С. 32–34.
Рихард Иванович Шредер // Сад и огород. 1900. № 18. С. 273–275. Портр.
Федченко Б.А. О некоторых орхидных московской флоры // Bull. Soc. Nat. Mosc. N. S. 1899. T. 3, N 4. P. 362–365 [рец.] // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1900. Т. 1, вып. 4. С. 213–214.
Diantus polymorphus MB. и D. diutinus Kit. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1901. Т. 2, вып. 2. С. 87–90.
Prunus spinosa L. и Prunus insititia L. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1901. Т. 2, вып. 1. С. 15–20.
Centaurea Biebersteinii DC. и Centaurea maculosa Lam. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1901. Т. 2, вып. 3. С. 143–144.
Г.А. Траутшольд [некролог] // Рус. ведомости. 1902. 4 нояб. N 305. С. 3.
Воспоминания о Федоре Александровиче Теплоухове // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1905. Т. 6, вып. 3. С. 184–188. Портр.; Отт. Юрьев. 1905. С. 184–188.
[Ботанические путешествия] // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1906. Т. 7, вып. 2. С. 123.
По поводу реферата П.В. Сюзева о книге Д.П. Сырейщикова «Иллюстрированная флора Московской губернии» // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1906. Т. 7, вып. 3. С. 160–161. [Перечисление наиболее интересных таксонов 1-й части.]
О некоторых критических формах рода Centaurea L. // Изв. АН. Серия VI 1907. № 11. С. 353–368. 11 рис.; Отт. [Пг.], 1907. 15 с.

[Отчет о ботанических экскурсиях по Московской губернии] // Годичный отчет МОИП за 1906–1907 гг. М., 1907. С. 52–54; Об этом же // Bull. Soc. Nat. Mosc. N. S. 1907. Т. 21.

Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии. Ч. 2. М., 1907. [Исчисление новинок; исчисление поправок] // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1907. Т. 8, вып. 4. С. 268.

Ганешин С.С., *Петунников А.Н.* Stellaria mosquensis M.B. = St. friesana Seringe = St. longifolia Fr. (non St. longifolia Mühlenb.) // Рус. ботан. журн. 1909. № 3–4. С. 36–39.

Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии. Ч. 3. М., 1910. [Исчисление наиболее важных таксонов – новинок, помесей и др., помещенных в 3-й части // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1910. Т. 11, вып. 1. С. 51–52.

Hieracium L. // *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии. М., 1910. Ч. 3. С. 341–367.

Заметки о флоре окрестностей г. Баку // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 3–4. С. 210–215. Отт. [Юрьев, 1912]. 5 с.

Ophrus myodes Jacq. в Московской губернии // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 3–4. С. 189–190.

Свод ботанических терминов, встречающихся в русской ботанической литературе. 2-е изд. Юрьев, 1912. XI+161 с. (Тр. Бюро приклад. ботаники. Прил. 6).

Potentilla opaca L. и P. opaciformis Th.W. // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1913. Т. 14, вып. 2. С. 136–138.

Potentilla L. // *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии. Ч. 4. М., 1914. С. 98–107.

Ranunculus Sect. Batrachium DC // *Сырейщиков Д.П.* Иллюстрированная флора Московской губернии. Ч. 4. М., 1914. С. 77–80.

Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии [предисловие]. Ч. 4. М., 1914. С. III.

Заметка о весенней флоре южного берега Крыма, преимущественно окрестностей Симеиза // Зап. Крым. об-ва естествоиспытателей и любителей природы. Ялта. 1917 (1920). Т. 7. С. 23–38.

С.Ю. Липшиц приводит список более 100 критических заметок Петунникова о растениях, помещенных в изданиях Юрьевского университета.

Delectus plantarum exsiccatorum quas anno 1899 permutationi offert Hortus botanicus universitatis Jurjevensis II (Учен. зап. Юрьев. ун-та. 1899. Т. 7, вып. 2).

Там же. 1900. Т. 8, вып. 2.

Там же. 1901. Т. 2, вып. 1.

Там же. Вып. 2.

Там же. 1902. Т. 3, вып. 4.

Там же. 1907. Т.15, вып. 8.

Критические заметки Петунникова о растениях, помещенные в «Списке сухих растений…» Кузнецова, впервые отражены в издании: Русская библиография по естествознанию и математике. Сост. состоящим

при Императ. АН С.-Петерб. Бюро междунар. библиографии. Т. 1 (1901). СПб., 1904. С. 83–84. № 331–354, а также в книге Д.И. Литвинова (*Литвинов Д.И.*) Библиография флоры Сибири (Тр. Ботан. музея Императ. АН. 1909, вып. 5. С. 366). В дополнение к списку Липшица в ней указаны 1898, 1899 и 1904 гг.

Книги и брошюры по вопросам городского благоустройства

Записка об асфальте и применении к устройству мостовых, тротуаров и садовых дорожек. М.: Тип. Родзевича. [1873]. 7 с.

Мостовые в главных городах Западной Европы. Отчет о поездке за границу, предпринятой по поручению Московской городской думы. М.: Типо-литогр. С.П. Архипова, 1876. 92 с.

Пути сообщения в городе Москве по высочайше утвержденному плану регулирования. М.: Гор. тип., 1915. XXIV, 367 с.

Публикации по вопросам науки и городского благоустройства в русской периодике

Газета «Русская летопись»

1870

П-въ А. Политехническая выставка // № 7. Стб. 265–269.

П-въ А. Новая земская школа // № 11. Стб. 399–402.

П-въ А. Семья любителей русской науки // № 14. Стб. 490–494.

П-въ А. Покровители и порицатели московского философа // № 18. Стб. 688–694.

П-въ А. Семейные порядки // № 25. Стб. 921–926.

П-въ А. Письмо к редактору // № 33. Стб. 1196–1197.

П-въ А. Наши просветители. I. // № 47. Стб. 1643–1647.

П-въ А. Наши просветители. II // № 50. Стб. 1778–1780.

П-въ А. Воспоминание о Николае Николаевиче Кауфмане // № 51. Стб. 1807–1810.

1871

П-въ А. Московский зоологический сад, или Общество акклиматизации // № 12. Стб. 612–615.

П-въ А. Русские ученые и русская наука. I // № 15. Стб. 732–737.

П-въ А. Русские ученые и русская наука. II // № 19. Стб. 914–916.

П-въ А. Русские ученые и русская наука. III // № 22. Стб. 1053–1058.

П-въ А. Московские общества естествознания // № 24. Стб. 1114–1118.

П-въ А. Русские ученые и русская наука. IV // № 26. Стб. 1211–1214.

Журнал «Известия Московской городской думы»

1878

К каталогу нивелирных марок // Вып. 1. Стб. 25–27.
По поводу осветительного календаря на 1878 год // Вып. 1. Стб. 35–40.

1879

Состав и свойство московских вод // Вып. 3. Стб. 15–23; Стб. 24–31 (Таблица анализа московских вод).

1880

По поводу списка незамощенных местностей // Вып. 6. Стб. 1–28

1881

Москва и ее будущность // Вып. 1. Стб. 6–15.
Материалы для изучения современного состояния Москвы. I. // Вып. 4. Стб. 33–38.
Москва и ее будущность // Вып. 5. Стб. 5–16.
Материалы для изучения современного состояния Москвы. II. К нивелирному плану города // Вып. 14. Стб. 6–20.
По поводу исследования вод // Вып. 21. Стб. 29–36.
Общественные предрассудки перед судом опыта и истории // Вып. 22. Стб. 24–29.
По поводу исследования вод // Вып. 22. Стб. 29–34.

1882

Материалы к изучению Москвы в современном ее состоянии. IV. Гидрографический очерк Москвы (с таблицами, чертежами и планом города) // Вып. 7. Стб. 1–74.
Обзор подготовительных работ к составленному инженером Гобрехтом проекту канализации в Москве // Вып. 8. Стб.1–26.

1886

Населенность Москвы // Вып. 9. Стб. 113–122.

1888

К вопросу о снабжении Москвы подпочвенной водой Яузского бассейна // Вып. 10. Стб. 107–126.

1894

Исторический очерк освещения Москвы // Ч. 3. Вып. 1. Стб. 1–7.

*Газета «Русские ведомости»**

1882

П. Наше городское хозяйство. I // № 102. С. 2–3.
Наше городское хозяйство. II // № 117. С. 3.
Наше городское хозяйство. III // № 259. С. 3.

1883

Газовое дело Москвы // № 161. С. 3.
Водоснабжение Москвы // № 174. С. 3.
Городское хозяйство Москвы // № 313. С. 2–3.

1884

Городское хозяйство Москвы // № 37. С. 3.
По поводу водоснабжения Москвы // № 315. С. 3.

1893

Грядущие преобразования в городском управлении // № 2. С. 3.
П.А. Новые водопроводные сооружения // № 25. С. 3.
Трещины в новом водопроводе // № 40. С. 3.
Во что обошлись городу треснувшие башни // № 43. С. 3, 4.
Петунников А.Н., магистр ботаники. Ответ «Инженеру» из «Московских ведомостей» // № 47. С. 3–4.
Еще раз о «термических трещинах» // № 55. С. 4.
Как не стоит строить водопровод // № 66. С. 4.

1894

О газовом деле // № 18. С. 3.
Луч света на предприятии газового освещения // № 37. С. 3.
Луч света на предприятии газового освещения // № 39. С. 3.

1900

Об устройстве Москворецкого водопровода и распределении мытищинской воды по всему городу параллельно с москворецкой водой // № 87. С. 4.
К вопросу об улучшении мостовых в Москве // № 119. С. 3.
О мостовых Москвы // № 121. С. 3.

1913

Из моих воспоминаний о Г.Н. Вырубове и его «Воспоминаниях» // 4 дек. № 279. С. 2–3.

---

* В числе заметок, опубликованных в данной газете, Петунников упоминает некрологи С.М. Третьякова (1834–1892) и страстного охотника, друга Л. Сабанеева генерала Александра Михайловича Ломовского.

III

Литература об А.Н. Петунникове[1]

Петунников (Пятунников) Алексей Николаевич // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, СПБ. 1890. Т. 46. С. 502.

Сюзев П.В. Петунников как ботаник // Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та. 1912. Т. 13, вып. 1. С. 64–69.

А.Н. Петунников († 20 декабря 1919) // Библиогр. изв. Журн., издаваемый Рус. библиогр. об-ом при Моск. ун-те. 1920. Т. 8. С. 28.

Липшиц С.Ю. Московские ботаники Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1939) и Алексей Николаевич Петунников (1842–1919) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1968. Т. 73, вып. 4. С. 5–23.

Щербакова А.А. История русской ботанической терминологии // Тр. ИИЕТ АН СССР. 1960. Т. 32. История биол. наук. Вып. 7. С. 203–250.

Петунников (Пятунников) Алексей Николаевич // Рус. биогр. слов. в 20 т. Т. 12. М.: Терра, 2001. С. 93 (Перепеч. ст. из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона»).

Зайцева Е.А., Любина Г.И. Григорий Николаевич Вырубов. М.: Наука, 2006. С. 102–107 и др.

Кривошеина Г.Г., Насимович Ю.А. Петунников (Пятунников) Алексей Николаевич // Моск. энцикл. 2010. Т. 1. Лица Москвы. М–Р. С. 394–395.

Любина Г.И. А.Н. Петунников (1842–1919) – московский ботаник // Природа. 2012. № 12. С. 80–87.

Stafleu F.A., Cowan R.S. Taxonomic Literature. A selective guide to botanical publications and collections with dates, commentaries and types. Ed. 2. Utrecht, Antwerpen, the Hague, Boston. 1983. Vol. IV. P. – Sak. P. 213.

[1] Многочисленные упоминания имени и работ Петунникова в различного рода литературе, включая мемуары, приводятся в постраничных ссылках.

IV

Архивные документы[1]

1[2]

А. Петунников – ректору Московского университета

Москва. 25 июля 1860 г.
Его Превосходительству
Господину Ректору Императорского
Московского университета

Прошение

Родом я из купцов, уроженец Московской губернии, Московского уезда, имею от роду 17 лет, вероисповедания православного, выдержав установленный экзамен, покорнейше прошу, Ваше Превосходительство, принять меня в число студентов Московского университета по медицинскому факультету, при сем прошении имею честь представить следующие документы: аттестат, выданный мне из второй гимназии за № 305, увольнительное свидетельство за № 905, медицинское о привитии оспы за № 20 и метрическое свидетельство за № 9824.

Окончивший полный курс наук во Второй Московской гимназии

Алексей Пятунников

Июля 25 дня
1860 года

Жительство имею: на Воронцовом Поле в приходе Грузинской Божьей Матери в доме священника.

ЦИАМ. Ф. 418 (Фонд Моск. ун-та). Оп. 29 (Совет Моск. ун-та). № 467. О принятии в число студентов Алексея Петунникова. Л. 1. Автогр.

---

[1] Архивные документы расположены таким образом, что обозначают определенные сюжеты в жизни Петунникова и уже внутри каждого располагаются по хронологии, к их числу можно отнести: биографические сведения (№ 1–3); взаимоотношения Петунникова и Кауфмана (№ 4–9); историю перевода на французский язык книги Н.Н. Кауфмана «Московская флора» (№ 10–25); участие Петунникова в проекте «Русская флора» (№ 26–31); письма профессиональных ботаников и любителей по разным поводам (№ 32–50).

[2] В этом же деле находится аттестат ученика VII класса 2-й Московской гимназии Алексея Петунникова от 16 июля 1860 г. Прочие названные документы отсутствуют.

2

Свидетельство Московского университета*

От Императорского Московского университета бывшему студенту физико-математического отделения, 2-го курса, из купцов, Алексею Пятунникову, в том, что он, окончив полный курс учения во 2-й Московской гимназии, в августе месяце 1860 года принят был без экзамена в число студентов сего университета, где в течение 1860–61 и 1861–62 академических годов слушал профессорские лекции 1-го и 2-го курсов, поведения был отличного; а ныне, согласно его прошению, из ведомства сего Университета уволен; и как он полного курса наук не окончил, то и не может пользоваться никакими правами, предоставляемыми студентам, окончившим курс университетского учения. Причем возвращаются принадлежащие ему документы: 1) метрическое свидетельство о времени его рождения и крещения; 2) увольнительное свидетельство от Общества и 3) свидетельство о привитии оспы[3].

Дано в Москве. Августа 9 дня 1862 года.

Ректор Университета, тайный советник и кавалер	Аркадий Альфонский
Секретарь Совета	Алексей Жигарев
Помощник секретаря Совета	[нрзб]

Печать Московского университета

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 33. № 17. Л. 64. Автогр.

3

Премия братьев С. и К. Рачинских

В Совет Императорского Московского университета физико-математического факультета

Донесение

28 марта 1861 г.

Физико-математический факультет донес Университетскому совету, что ад[ъюнкты] С. Рачинский и К. Рачинский изъявили желание жертвовать ежегодно все время своей совместной службы в Московском университете каждый по пятисот рублей серебром из своего жалования с тем, чтобы составившаяся таким образом сумма в тысячу рублей употреблялась на отправление за границу для усовершенствования в науках

---

* Текст набран типографским способом.

[3] Из названных документов в деле сохранилось свидетельство о привитии оспы от 9 августа 1862 г. Метрики Петунникова в университетских делах найти не удалось.

математических и естественных молодых людей по назначению физико-математического факультета. Это пожертвование они предполагают сделать на следующих условиях:

1. Выбор молодых людей и назначение срока их пребывания за границей представляется исключительно и непосредственно физико-математическому факультету в полном его составе (то есть всех его членов, без различия звания).

2. Эта стипендия не налагает на получающих ее молодых людей никаких служебных обязанностей относительно министерства и университета.

3. Эту стипендию могут получить и молодые люди, пользующиеся денежным пособием от университета.

4. Сроком, с которого начинается это пожертвование, полагается 1 сентября 1864-го года.

Г. Попечитель [нрзб]

ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 30. № 90. Л. 1. Автограф.

Н.Н. Кауфман – А.Н. Петунникову (1860–1870)

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32 (Д.П.Сырейщикова). Оп. 1. Карт. 2. Д. 47)

4*

19 сентября 1860 г.

Очень жалко, что по непредвиденному случаю я не могу быть нынче дома, а потому должен лишить себя удовольствия Вас видеть. Мне было бы очень приятно, если бы Вы могли навестить меня в другое время, всего лучше в один из следующих понедельников.

Преданный Вам
Н. Кауфман

5

16 февраля 6. г.

Не ропщите, любезный Алексей Николаевич, что в Вашей статье я сделал несколько поправок относительно немецкого языка. Я счел возможным лучше самому заняться этим, чем предоставить это Ренару, который мог бы исказить смысл Вашей статьи. Потрудитесь теперь переписать ее, если можно покрупнее и латинским шрифтом. Не забудьте также сделать какое-нибудь заглавие и подписать под ним Ваше имя.

---

* На обороте записки, скрепленной сургучной печатью, рукою Кауфмана написано: «Его Высокоблагородию г-ну студенту Пятунникову».

В будущий четверг назначено заседание Общества, и тогда можно будет словесно сообщить Ваши наблюдения, если только Вы заранее принесете мне уродливые и нормально развитые образцы [Cirsii].

Преданный Вам
Н. Кауфман

6

Понедельник. 20 августа

Любезный Алексей Николаевич!

Не желаете ли завтра заняться микроскопическими наблюдениями? Мой микроскоп может быть завтра к Вашим услугам начиная с 10-ти часов утра. Если Вы намерены быть у меня, то потрудитесь захватить с собой все находящиеся у Вас в гербарии виды Brossier Sinopsis. Этим Вы очень обяжете.

Преданный Вам.
Н. Кауфман

7

Любезный Алексей Николаевич!

Поздравляю Вас с кандидатством и даже с [нрзб.] по отделу естественных наук нашего факультета, но в то же время должен Вам сообщить по поручению факультета не совсем, может быть, приятную новость. Дело в том, что у Вас и у Вырубова нет балла по богословию, и факультет, к сожалению, не имеет права уволить Вас от экзамена по этому предмету, несмотря на то, что он и нефакультетский. Спешу Вас уведомить об этом потому, что Вам придется даже на этой неделе держать экзамен у попа, так как в противном случае Вам надо отложить его до сентября, и только тогда можно будет получить кандидатский диплом. Препровождаю при этом Ваш гербарий, за который я Вам очень благодарен. Завтра я переезжаю на новую квартиру на Земляном Валу, в Тупом переулке, против Малой Казанской в доме Иванова.

Преданный Вам
Н. Кауфман

P.S. Советую Вам не откладывать экзамены.

8

Ялта. 16 августа 1870 г.

Любезный Алексей Николаевич!

Вашим письмом от 8 августа Вы доставили мне большое удовольствие. Хотя я и удалился из Москвы отчасти для того, чтобы рассеяться и отдохнуть от хлопот и забот, обременяющих меня в Москве, но я, не-

смотря на это, подчас желал бы заглянуть туда и посмотреть, что делается у нас на Мещанской[4]. Вот почему я бываю очень рад, когда получаю письма из Москвы. Я получил несколько писем и от моей матери, и от Ренара, но не мог найти в них, конечно, точных сведений о ботаническом саде, которым я не менее интересуюсь в Ялте, чем в Москве. Вы меня очень обязали, что сообщили мне подробные сведения. Благодарю Вас премного, что Вы усердно собираете [нрзб] растений. Горю от нетерпения видеть и исследовать плоды сумбула. Жизнь моя в Ялте вовсе не похожа на московскую. Забот у меня, кроме самых приятных (как то: составление плана [инспекторских] экскурсий или поездки, наем для этого лошадей, закупка материала для удовлетворения страшного [нрзб] их), нет, и я живу главным образом себе в удовольствие, вдали от всякого шума мирского. Попавши раз в такую интересную страну, как Крым, я по возможности стараюсь воспользоваться этим благоприятным случаем и ботанизирую чуть ли не каждый день. Много я видел здесь растений, которых не пришлось бы видеть в Москве. Я собираю по возможности все интересные дикорастущие растения, за исключением грибов, которые здесь, впрочем, встречаются только на высоких дорогах, куда я проникал только два раза и притом верхом, так что с лошади не мог видеть мелкие формы, а останавливаться и ползать по земле не считал возможным из-за экономии времени. Крупные грибы я встречал на горах часто, но не брал их, потому что это были формы, встречающиеся у нас. Из тайнобрачных больше всего я набрал лишайников. Между ними есть весьма интересные, растущие на скалах. Собрал также несколько мхов (лиственных и печеночников), папоротников и хвощей. Но главную массу собранного мною материала составляют явнобрачные. Всех растений собрано мною около 400 видов, сверх того, что я записал весьма значительное число виденных мною, более обыкновенных растений. Все эти растения требуют сушки, а она берет у меня много времени, так что на чтение у меня остается очень мало времени. Это последнее обстоятельство, может быть, очень полезно в гигиеническом отношении, но иногда удерживает меня от слишком частых экскурсий. Очень жаль, что ваши поездки в Дмитровском уезде с Траутшольдом остались без особых результатов. Впрочем, хорошо, что Вы разыскали новые интересные места, которые могут обещать большую ботаническую поживу. О поездке Траутшольда в Крым мне писал уже Ренар, и мною даже получено письмо в Ялте на имя Траутшольда, но куда делся он сам, я не знаю. Еще неделю тому назад я слышал, что Железнов[5] и Траутшольд высадились в Евпатории, а затем их вскоре видели в Симферополе, откуда они еще в прошлую среду должны были выехать на южный берег. Я предполагаю, что они застряли на Чатырдаге, иначе они должны бы были быть уже в

---

[4] Кауфман называет адрес Ботанического сада Московского университета.

[5] Николай Иванович Железнов (1816–1877) – ботаник и агроном. С 1847 г. профессор Московского университета, первый директор Петровской земледельческой и лесной академии в Москве (1861–1869).

Ялте. Вы, конечно, знаете о смерти Рупрехта[6] и, вероятно, не менее меня жалеете о нем. Он мог бы еще пожить и потрудиться на пользу науке. Нынче получил я от Чистякова письмо, в котором он подробно пишет мне о его микроскопических исследованиях над лишайниками. Купание мое идет как нельзя лучше, но действия его на мою больную ногу я пока не вижу. Говорят, что действие от купаний сказывается впоследствии, а потому надеюсь, что боль моя, в конце концов, пройдет, если не в Ялте, то, по крайней мере, по возвращении в Москву. Во всем остальном я чувствую себя очень хорошо. Что касается до медиков, то я вполне с Вами согласен, что вдали от них чувствуешь себя как-то лучше. Ялту я оставлю, вероятно, через неделю и думаю опять сначала ехать путем через Симферополь на Евпаторию, где мне хочется познакомиться с солончаковыми растениями, которые только теперь в полном цвету. В Москве я думаю быть в конце сентября. Жена Вам посылает поклон. До скорого свидания.

Ваш Кауфман.

9[7]

Алексей Николаевич,
сегодня утром брат скончался, и мы очень желали бы видеть Вас.

З[инаида] Кауфман

Из писем О.Е. Клера[8] по поводу перевода на французский язык «Московской флоры» Н.Н. Кауфмана

О.Е. Клер – Н.Н. Кауфману

10

Екатеринбург. 30 марта 1869 г.

[*Сообщает Кауфману, что послал ему для определения несколько экземпляров растений*], «чтобы прояснить [некоторые места] в небольшом предисловии, которое написал для Вашей “Московской флоры”. Перевод уже закончен, остается только снять копию. Беда в том, что я настолько занят, что не знаю, за что ухватиться. Нескончаемая правка тетрадей, которую я обязан делать для гимназии, испортила зрение на-

---

[6] Карл Иванович Рупрехт (1814–1870) – российский ботаник австрийского происхождения. С 1839 г. хранитель Ботанического музея Петербургской АН, с 1855 г. его директор.

[7] Внизу листка карандашом рукою Петунникова написано: «15 декабря 1870 года в 7 часов утра».

[8] Разночтения в инициалах Клера – О.Е. (Онисим Егорович) по-русски и G.O. (George Onésime) по-французски – объясняется тем, что для русского обихода он выбрал более привычное сочетание имен, в русском произношении Онезúм превратился в Онисима.

столько, что после нескольких часов подобных занятий я долго не могу работать, даже читать.

Прилагаю мою фотографию, которую прошу передать Обществу вместе с письмом и каталогом, который Вы любезно исправите, не правда ли? Мне особо приятно, что меня освободили от платы за "Бюллетень". Мои экскурсии и путешествия, результаты которых попадают в Общество, стоили мне уже очень дорого, имея в виду состояние моих финансов. Настолько дорого, что я до сих пор не знаю, смогу ли я посетить места, которые я назвал в письме, адресованном Обществу. И все это из-за отсутствия денег. Расстояния такие огромные, а местность часто настолько дикая, что без проводника подвергаешь себя большому риску, удаляясь на несколько верст от обитаемых мест. Однако, поскольку флора мне кажется чрезвычайно интересной, я принесу в жертву моей страсти к ботанике все, что будет в моих силах» (Л. 248 об).

[*Далее Клер описывает маршруты своих поездок. Намеревается во время Пасхальных каникул посетить одно место, где предполагает встретить Леонида Сабанеева. Надеется, что к этому времени появится из-под снега «великолепный» Adonis и другие первоцветы. Называет некоторые места в окрестностях Екатеринбурга, отличающиеся великолепием растительности*]. Берега реки Туры должны также быть исследованы с великим тщанием: та малость, которую мы уже видели с Сабанеевым, вызвала у нас восхищение (Л. 249).

Я нашел в Тагиле обширный каталог, оставленный господином Беляевым. Я составил перечень растений, которые мне известны, а другие забрал с собой, в их числе очень красивую Saxifraga и другие очень интересные растения (Л. 249 об.).

Если бы я имел четыре руки, то и тогда едва ли смог довести до конца все, что желаю. Надеюсь, что Общество примет во внимание, что я выступаю в двух лицах. Между нами говоря, три четверти времени я отдаю службе в Министерстве народного просвещения (Л. 249 об.).

Арх. МОИП. 1869. Д. 444. № 123. Л. 248–249 об. Автогр. Пер. с фр.

11

Екатеринбург. 1 августа 1869 г.

Сударь и высокочтимый профессор!

Имею честь выслать Вам завтра перебеленную копию моего перевода 1-й части. Он займет не менее половины объема номера «Бюллетеня». У меня, однако, возникло желание еще до того послать Вам вторую центурию Флоры Екатеринбурга[9], которую я только что привел в поря-

---

[9] Здесь и далее речь идет о списке растений Урала, собранных в районе Екатеринбурга в 1868–1869 гг., напечатанном в «Бюллетене МОИП» в 1869, 1872 гг. Каждая часть (центурия) содержала сотню видов (*Clerc G.O.* Plantes de l'Oural récoltées en 1868 à Ekaterinbourg et offertes en echange // Soc. Nat. Moscou. 1869. T. 42, N 4. P. 268–271. (1-re cent.); //...récoltées en 1868–1869, 2-me et 3-me cent. // Bull. Ibid. 1872. T. 45, N 2. P. 429–449.

док, а также некоторое число растений, которые я не берусь определить из-за недостатка времени и [научных] средств» (Л. 250).

Будьте добры, месье, сообщить мне об изменениях, которые следует сделать в Вашем ботанико-географическом обзоре. Мне было бы проще ввести их в мой перевод простым копированием, поскольку я сам себе секретарь, каждая страница дорого обходится моим утомленным глазам» (Л. 250).

[*Пишет о своих экскурсиях, которые не так многочисленны, как хотелось бы. Л.П.Сабанеев передал ему собранные растения. Некоторые займут место во второй сотне (центурии), остальные передаст Кауфману*] (Л. 250 об.).

Сообщает, что вместе с группой екатеринбургских натуралистов набросал проект регламента Общества научного изучения Урала. Намерен собрать несколько подписей, чтобы отправить проект в министерство.

Просит сделать 100–150 оттисков перевода «Московской флоры» сверх 50-ти, которые причитаются ему бесплатно, и назвать цену (Л. 251).

Арх. МОИП. 1869. Д. 444. № 124. Л. 250–251. Автогр. Пер. с фр.

12

Екатеринбург. 9 декабря 1869 г.

Сударь!

Имею честь получить сегодня Ваше письмо от 21 ноября сего года. Благодарю, прежде всего, за Ваши поправки моих определений. Оказалось меньше ошибок, чем я мог бы предположить. Большую часть со временем я сам нашел (Л. 288).

[*Сообщает, что Общество уже насчитывает 70 членов и регламент его отослан в Петербург. Если там найдется кто-нибудь, кто ускорит дело, оно сможет начать работу уже весной. Кабинет минералогии с самого начала обещает быть великолепным. Надеется, что и ботанический кабинет ему не уступит* (Л. 289).]

Пишет, что Общество имеет корреспондентов в Бугульме и Перми. Сам бы хотел забросить свою гимназию и заняться другими делами. Мне кажется, что я мог бы сделать кое-что полезное, но не вижу к тому возможности (Л. 289 об.).

Передает поздравления с Рождеством и Новым годом.

P.S. Когда же я получу пересмотренный вариант Вашего «Обзора московской флоры»?

Арх. МОИП. 1869. Д. 444. № 148. Л. 288–289 об. Автогр. Пер. с фр.

13

О.Е. Клер – К.И. Ренару[10]

Екатеринбург. 11 января 1871 г.

Ваше превосходительство, г-н доктор!

Через несколько дней я буду иметь честь послать Вам официальный ответ на Ваше любезное поздравление. Уральское общество естественной истории открылось в назначенный срок. Несколько дней спустя чрезвычайная ассамблея выбрала комитет в следующем состав: президент Владимир Александрович Грамматиков, главный начальник уральских заводов; вице-президент Александр Андреевич Масловский, доктор медицины; секретарь г-н Clerc; казначей Я.И. Расторгуев, купец 1-й гильдии; библиотекарь Иван Владимирович Казанцев, собственник общедоступной библиотеки; хранитель коллекций Иван Самсонович Леванда, один из лучших минералогов страны.

Я имел несчастие сообщить на заседании нашего Общества о преждевременной смерти г-на Кауфмана. Какая потеря для русской науки! Это одно из несчастий, которое может надолго задержать прогресс. Хотя и неловко мне говорить о себе, после того как речь зашла о Кауфмане, необходимость побуждает меня сделать это, тем более что он поручил мне довести до конца перевод «Московской флоры». Множество вновь открытых видов и новых фактов, появившихся со времени русской публикации, вызвали необходимость общего пересмотра и пересмотра деталей ботанико-географического очерка, который ее завершает. Одна только болезнь помешала ему сообщить данные, необходимые, чтобы закончить работу. Я склонен предполагать, что ботаническая часть его бумаг перейдет в Библиотеку Императорского общества естествоиспытателей, и у меня нет другого выхода, как докучать Вам по этому случаю. Кроме того, я не знаю, пересмотрел ли г-н Кауфман II–III центурии уральской флоры, которые я отослал обществу. Если он не смог этого сделать, будьте любезны, сударь, взять на себя труд сообщить о них г-ну Траутфеттеру[11] или г-ну Регелю, прежде чем печатать каталог в Бюллетене. Это тем более необходимо, что я усомнился в точности некоторых окончаний. Я очень рассчитывал на поддержку г-на Кауфмана, чтобы

---

[10] Клер не персонифицирует своего адресата, но по форме обращения можно предположить, что письмо адресовано Карлу Ивановичу Ренару (1809–1886), действительному статскому советнику (1865) и второму секретарю МОИП (1840), с 1872 г. – вице-президенту Общества.

[11] Рудольф Эрнестович Траутфеттер (Trautvetter – 1809–1889) – русский ботаник. Помощник директора Ботанического сада Дерптского университета (1833), профессор (1838–1850) и ректор (1847–1859) Киевского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1837), член МОИП (1830). Известен аннотированной библиографией (1655 названий) по флоре России до 1880 г. «Источники к флоре России», написанной по-немецки (См.: *Trautvetter R.E.* Florae Rossicae fontes // Тр. Императ. С.-Петерб. ботан. сада. 1880. Т. VII, вып. 1. С. 1–342).

получать в дар публикации Императорского общества натуралистов. Не были бы Вы столь любезны, месье, передать Обществу это наше пожелание, поскольку наши денежные средства пока еще столь ничтожны, что мы не можем предложить в обмен наши публикации.

Что же касается впечатления от моего перевода «Московской флоры», я просил г-на Кауфмана сделать для меня оттиски 150 экземпляров, помимо 50-ти, причитающихся мне бесплатно. До сих пор я не получил моих экземпляров уже напечатанной части.

Будьте любезны сообщить мне также, если это не составит Вам труда, все ли еще в Москве г-н Теплоухов.

Осмеливаюсь надеяться, что Ваше Превосходительство извинит множество моих просьб и примет выражение уважения и глубокого почтения, с коими имею честь оставаться Вашего Превосходительства преданнейшим и покорнейшим слугой

G.O. Clerc

Арх. МОИП. 1871. Д. 458. Л. 133–134. Автогр. Пер. с фр.

14

Екатеринбург. 30 ноября 1871 г.

Ваше превосходительство, господин доктор.

[*Благодарит за присылку 1-го и 2-го номеров «Бюллетеня» за 1871 г.*

«Сообщает о том, что отослал свои материалы о флоре Среднего Урала, отредактированные и исправленные по замечаниям Траутфеттера и по результатам собственных исследований. Просит опубликовать их в будущих номерах «Бюллетеня» МОИП»].

Потеря моей рукописи «Флоры Москвы» тем более огорчительна, что покойный профессор Кауфман в нее добавил названия множества местностей и около 18 видов, которые отсутствуют в русском издании. Я просил моего друга Л. Сабанеева ускорить ее поиски, но до сих пор мне ничего не написали по этому поводу (Л. 141 об.).

Арх. МОИП. Д. 458. Л. 141–141 об. Автогр. Пер. с фр.

15

Екатеринбург. 5 марта 1878 г.

Ваше Превосходительство, господин доктор!

Позвольте мне, прежде всего, поблагодарить Вас за любезное письмо от 5 декабря прошлого года и извиниться, что не ответил раньше. Изменение руководства в Реальной школе, где я служу, добавило мне новые обязанности в качестве секретаря педагогического совета, так что я не мог заниматься собственными делами.

В одном из писем господин Петунников сообщил мне, что он желает сделать изменения или, скорее, сокращения моей рукописи. Насколько я могу судить по листку корректуры, любезно Вами присланному, он не стеснил себя в исправлении почти всех синонимов и к тому же с моего

согласия убрал названия местностей, указанных покойным Кауфманом. Действительно, я понял, что типография высказалась против использования особых значков для обозначения русских названий и что сам господин Петунников счел бесполезным обозначать названия всех деревень и лесов, которые можно было бы найти на чрезвычайно детализированной карте. Вследствие этих изъятий вместо большой карты, которую я начал, удовольствуются малой картой, где относительное расположение районов и водных потоков будет достаточно четко обозначено. Я бы к ней добавил некоторые границы географического распределения растений Московской губернии.

Эта карта, так же как окончательная редакция ботанико-географического обзора, могли бы быть завершены только после печатания всего каталога, потому что исследования после 1866 г. дали много новых фактов, которые должны быть приняты во внимание.

Отправляя мою рукопись Кауфману в 1869 г. (17 августа), я просил его сделать некоторое количество оттисков, сверх тех 50-ти, которые дает Императорское общество. В 1871 г. Вы дали мне знать, что оттиски предисловия остались в Москве и будут мне высланы вместе с продолжением работы. Пользуясь случаем, осмелюсь Вас просить отпечатать 200 экземпляров каталога. Те же экземпляры, которые, возможно, останутся без предисловия, едва ли будут интересны для некоторых моих иностранных корреспондентов.

Примите, сударь, уверения в моем уважении и глубоком почтении, с коими остаюсь Вашего Превосходительства преданнейшим слугой.

G.O. Clerc

Арх. МОИП. 1878. Д. 517. Л. 118–119. Автогр. Пер. с фр.

16

Екатеринбург. 19 июля 1881 г.

Ваше Высокопревосходительство, господин доктор!

Не без помех я имел честь получить Ваше письмо от 28 апреля вместе с ненапечатанной частью моей рукописи о флоре Москвы, за посылку которой я Вам бесконечно благодарен. Имея намерение напечатать ее здесь за свой счет, я осмелюсь докучать просьбой проявить высшую степень любезности, отправив мне несколько экземпляров оттисков этой работы, которая вышла двумя небольшими частями в Вашем бюллетене. Если же их уже не осталось, прошу подарить мне один экземпляр номеров Бюллетеня, иначе я буду вынужден разрознить мой типографский экземпляр.

Если восьмой выпуск моих «Растений Урала» может быть сколько-нибудь полезен для Вашего бюллетеня, у меня нет недостатка в материале, напротив, у меня его так много, что даже не знаю, когда я сумею пустить весь его в дело.

Примите выражение исключительного уважения и глубокого почтения, с коими остаюсь Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга

G.O. Clerc

Арх. МОИП. 1881. Д. 543. Л. 158. Автогр. Пер. с фр.

О.Е. Клер – А.Н. Петунникову (1871–1901)

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32 (Д.П. Сырейщикова). Оп. 1. Карт. 4. № 49. Автогр.).

17

Екатеринбург. 5 февраля 1871 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич!

Я только что получил письмо от г-на Секретаря Императорского общества испытателей природы, в котором он сообщает мне, что Вам было поручено привести в порядок бумаги, оставшиеся после смерти оплакиваемого всеми Кауфмана, поэтому и осмеливаюсь утруждать Вас следующими вопросами.

1. Поручил ли кому-либо Николай Николаевич пересмотр «Обзора московской флоры» по вновь собранным материалам? Он уже с год тому назад обещал прислать мне нужные для этой работы данные, но не успел. Так как Вы принимаете в эти последние годы деятельное участие в издании «Московской флоры», то я уверен в том, что Вы ближе всех знакомы с переменами, которым должен подвергнуться этот обзор, и не откажетесь сообщить мне как и кауфманские заметки, так и Ваши собственные. Я очень желал бы закончить эту работу, прежде чем нам приступить к подробной разработке уже собранных многочисленных материалов по уральской флоре.

2. Успел ли Николай Николаевич проверить определения моих 2-й и 3-й центурий уральских растений? Если он этого не сделал, то покорнейше Вас прошу, если эта работа окажется обременительной для Вас самих, перешлите растения Р.Э. Траутфеттеру прежде, чем Вам напечатать каталоги в Bulletin.

Еще имею просьбу к Вам: нельзя ли достать мне фотографическую карточку Николая Николаевича? Хотя я никогда не видал его лично, но чувствовал к нему искреннюю привязанность, и мое желание – распространить его славу за границею, поэтому и кончить поскорей издание его флоры на французском языке и приложить к каждому отдельному экземпляру копию его карточки.

Извините меня, пожалуйста, если мое письмо немного грязно, но я так завален работой, что, право, некогда его переделать.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть, милостивый государь Алексей Николаевич, покорнейшим Вашим слугою

О. Клер

Адрес: Секретарю Уральского общества любителей естествознания Онисиму Егоровичу Клеру в Екатеринбурге.

18

Екатеринбург. 8 января 1890 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич!

Великое Вам спасибо за доброе письмо от 29 декабря и лестный подарок. Употребив несколько часов на ознакомление с Вашим руководством, я с возрастающей радостью пришел к убеждению, что оно оставляет далеко за собой все бывшие в моих руках пособия этого рода. Рисунки в значительной степени облегчают труд практического ознакомления со значением ботанических терминов и сослужат громадную услугу не только начинающим, но и той многочисленной, хотя и малоизвестной, армии любителей природы, которым только изредка приходится определять растения. Приятным долгом сочту ознакомить членов Уральского общества с этой прекрасной книгой. Проф. Горожанкин уже давненько прислал обратно мою рукопись, если она может быть Вам еще полезна, я с удовольствием вышлю; я также готов принять столь любезно предложенное Вами сотрудничество по изданию «Московской флоры» на французском языке, особенно если прежний мой труд хотя бы отчасти может войти в этот перевод. Для меня будет удобно, если Вы пришлете листы русского издания по мере напечатания, дабы я мог заниматься этой работой понемногу, не дожидаясь появления всего сочинения.

Печатание же целой книги на французском языке в Москве сопряжено, насколько я мог убедиться, с непреодолимым препятствием, если желательно, чтобы она была изящна в типографическом отношении; красивее и дешевле отпечатают за границей, где могу найти в нескольких городах старинных друзей-ботаников, которые не откажутся держать корректуру с полным знанием дела. Судя по тем корректурам, которые присылал мне покойный Ренар, московские типографии отстают даже от здешних, есть, быть может, исключения, но они мне неизвестны.

В ожидании дальнейших сообщений прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и преданности, с которым имею честь быть, милостивый государь Алексей Николаевич, покорнейшим вашим слугою

О. Клер

19

Екатеринбург. 16/29 января 1901 г.

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

Одновременно с этими строками имею удовольствие препроводить Вам отдельной посылкой мой рукописный перевод «Московской флоры» незабвенного Кауфмана. Она лежала вместе с моим гербарием в сундуках в «завозе» (амбар); ныне на Рождество удалось перенести всю эту

гору в комнату, временно освобожденную пансионерами, и перебрать значительную часть пачек по листам, причем они опять увидели дневной свет. При этом я убедился, что гербарий от долгого лежания весьма мало пострадал; конечно, пришлось выбросить некоторое число экземпляров, попорченных червями, но так как имею обыкновение собирать по многу экземпляров каждого растения, потеря несущественна. Таким образом, моя рукопись отправляется третий раз в Москву. Надеюсь, что в XX столетии ей больше посчастливится, чем в XIX. Я предоставляю ее Вам в полное распоряжение и вовсе не претендую, чтобы она вышла в печати под моим именем, тем более что моего тут так мало, что оно найдет свое место при указании тех немногих видов, для которых мне посчастливилось найти новые местонахождения в 1863–1864 гг. Воспроизведение названий этих местонахождений особой азбукой я теперь нахожу бесполезным во французском издании, полезно было бы приложить для более интересных в ботанико-географическом отношении видов карты их распространения, причем лучше и нагляднее поместить на одной странице по 6–8 маленьких карт с небольшим числом границ, чем ограниченное число больших карт с множеством перекрещивающихся линий. Если бы даже можно было, без чрезмерного увеличения расхода, делать эти карты в виде политипажей, это представило бы еще большие удобства для читателей. Впрочем, в издании Вашего труда все подобные вопросы можно будет обсудить. Если французский текст поспеет, пока я еще могу быть сколько-нибудь полезным, я бы с удовольствием принял на себя чтение корректуры листов.

Весьма Вам благодарен за советы относительно разработки моего гербария: им я воспользуюсь, вероятно, будущим летом, когда будет время расположить его по родам и семействам. Глаза мои стали так плохи, что работа с лупой очень затруднительна. Жаль, даже очень жаль, что Коржинский так рано умер: так мало ботаников в России, что это чувствительная потеря, хотя он слишком свысока смотрел на провинциальных тружеников.

Не знаете ли, откуда можно добыть монографию Hans Knecht'a об Epilobium? Только сегодня из Вашего некролога о Мейнсгаузене я узнал, где его монография о Sparganium, которую давно желал приобрести. Неужели его рукописные труды останутся неизданными?

Мой сын Георгий начинает приобретать навыки в своей профессии химика, чему я очень рад; его избрали хранителем зоологической коллекции нашего музея, надеюсь, что химия днем и музыка и пение по вечерам все же оставят ему время для зоологических занятий. Глубокий от него Вам поклон. Сейчас он с сестрой на студенческом концерте, у него вырабатывается очень порядочный тенор, вероятно, наследство от моего отца, хотя я во время оно много пел, но на такую высь не забирался.

Извините, совсем по-стариковски разболтался. Будьте здоровы и примите уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности.

О. Клер

20

Предисловие О.Е. Клера к переводу «Московской флоры» Н.Н. Кауфмана

Этот перевод «Московской флоры» г-на профессора Кауфмана отличается по многим пунктам от русского издания. Я выправил все дихотомические таблицы для определения семейств, родов, видов, равно как и диагнозы, находимые в работах Коха, Ледебура, Рейхенбаха, Рупрехта и других. Пожелав увидеть мою рукопись, автор сделал в ней необходимые изменения, вследствие чего научная часть была значительно расширена. Все сомнительные синонимы в ней были исправлены, новые местности добавлены, некоторым видам были сообщены их истинные названия, а также процитированы и описаны все виды и разновидности, найденные в Московской губернии после публикации русского издания (1866). Множество данных, собранных в этот непродолжительный отрезок времени, настолько существенны, что видоизменили некоторые заключения ботанико-географического очерка, который автор должен был частично переделать. Простая дорожная карта, которая сопровождала эту работу, оказалась недостаточной для иностранцев. Она была заменена общей картой, названия которой написаны согласно орфографической системе, выдержанной в ходе работы. Мои дополнения касаются некоторых заметок и обозначения некоторых новых местностей с более или менее редкими видами растений, которые я собрал в окрестностях Москвы летом 1864 г.

Меня всегда неприятно шокировали разночтения, с которыми пишутся русские названия на иностранных языках. При чтении той или иной французской или немецкой работы возникало затруднение не только в определении, какое русское название они силятся перевести, но и в написании местностей, когда получали одно название разные и, наоборот, смешивались сходные по названию местности. Разноголосица, которая возникает при воспроизведении звуков русского языка, побуждает составить таблицу московского произношения русского алфавита на французском, немецком и английском языках. Несомненно, было бы лучше, если бы иностранцы попросту научились читать по-русски, хотя бы те, кто пожелает оставаться в курсе научных открытий, особенно в области естественной истории и географии.

Я сказал «московские», а не «русские», т.к. многие растения имеют разные названия в различных частях империи, точно так же, как и очень разные растения могут иметь одно название. Те, кто пожелал бы получить более полные сведения о местном названии каждого вида русской флоры, найдут все, что имеется в настоящее время на этот счет, в «Ботаническом словаре» Анненкова.

Пусть же эта работа привлечет внимание ученой публики к прогрессу науки, в частности, к ботанической географии России.

Ж. Онезим Клер
Екатеринбург. 25 октября 1869 г.

(Extrait de la Flore de Moscou du Catalogue des plantes vasculaires du Gouvernement de Moscou par N. Kauffmann. Traduit et rédigé avec le concours de l'auteur par George Onésime Clerc (Avec une carte) // Bull. Soc. Nat. Mosc. 1870. T. 43, N 2. P. 357–361.)

21

В.Я. Цингер – А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 110. Автогр.)

7 июня 1885 г.

Милостивый государь Алексей Николаевич!

Я с 30 мая нахожусь в деревне и только 7 июня получил Ваше письмо, на которое спешу ответить Вам по возможности кратко.

Я считаю себя совершенно некомпетентным как в вопросе относительно достоинств и недостатков «Флоры Кауфмана», так и в юридической стороне дела, т.е. в вопросах относительно авторского или издательского права. Вследствие этого я по совести не могу взять на себя роль третейского судьи между Вами и г-жою Кауфман. Это, конечно, нисколько не мешает мне иметь мое собственное мнение о том, что я разумел бы под вторым изданием «Московской флоры» Кауфмана, – изданием, которое не для меня только очень желательно, почти необходимо.

Свой взгляд на это я имел случай высказать Виктории Алексеевне Кауфман, когда видел ее в последний раз, кажется, в конце апреля. Не придавая моему мнению ни малейшего решающего значения или влияния, не считая его даже нисколько для Вас интересным, я тем не менее считаю долгом высказать его Вам, так как иначе могло бы поддерживаться лишнее недоразумение между Вами и В.А. Кауфман.

Вот, почти буквально, что говорил я ей по поводу 2-го издания «Флоры».

1. Второе издание давно нужно и в высшей степени было бы желательным и своевременным.

2. Самое существенное в труде Кауфмана – это его описание видов, отчасти также родов и семейств. Это должно быть оставлено без переделки; если есть даже промахи, то исправления должны помещаться особо от имени издателей.

3. Пополнение новыми видами, новыми местонахождениями и тому подобное особенно важно и желательно с научной точки зрения и должно поддержать издание на требуемой научной высоте, составляя заслугу издателей.

4. Дихотомические таблицы не только могут, но и должны быть существенно перестроены: могут, потому что они в труде Кауфмана занимали второстепенное место, должны – потому что прибавление одной формы требует часто переделки во всей дихотомической системе.

5. За прибавление рисунков можно только благодарить издателей, т.к. от этого книга несомненно выиграет в доступности и полезности для начинающих.

6. Ботанико-географический обзор необходимо сохранить, так как это была для своего времени едва ли не самая существенная часть работы покойного профессора. Издатели имеют, разумеется, право, если [нрзб] сделать дополнения или оговорки.

Кажется, это все, о чем была у нас речь. Прибавлю только, что для меня, учившегося по книжке Кауфмана и бывшего его поклонника-сослуживца, «Московская флора» представляется в нашей литературе явлением выдающимся и авторитетным. Это не только руководство или учебник, а превосходно обработанный самостоятельный ученый труд, который можно и должно пополнять, но едва ли следует переделывать.

Недоразумения могут возникнуть именно из неопределенности границ этих двух понятий: пополнить и переделать. Насколько было можно, я высказал свой взгляд на это в вышеприведенных пунктах, к которым нужно бы еще прибавить освобождение книги от опечаток.

Примите уверения в глубоком уважении и преданности моей

В. Цингер

П.Ф. Маевский – А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 63. Автогр.)

22

Москва. 3 марта 1872 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич,

Нет слов благодарить вас за ваше сочувствие. Оно бесконечно дорого для меня, как сочувствие человека, который первый вдохнул в меня любовь к естествознанию и не дал потом погаснуть этой любви. Вам обязан я, что теперь я на том пути, лучше которого я не знаю.

С искренним уважением имею честь быть готовым к услугам вашим учеником

П. Маевский

23

19 ноября 1888 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Обращаюсь к Вам с горячею просьбою помочь мне в деле 2-го издания Мос[ковской] фл[оры] Кауфмана. Salix longifolia Host., S. acuminata Koch, S. psylicifolia L. (приведенные в «материалах» Горожанкина).

Я не знаю этих растений и не могу ознакомиться с ними, с их московскими формами по гербарию Ботанического сада (болезнь упорно держит меня в домашнем заточении). Не откажитесь сообщить мне диагнозы найденных Вами вышеупомянутых ив или, если это затруднительно, сказать мне, какому руководству я должен следовать при описании

их. Простите великодушно, что к моей большой просьбе присоединяю другую: ответить мне по возможности скорее.

Примите все добрые пожелания Вам и семейству Вашему.

С неизменной преданностью

Ваш покорный слуга П. Маевский

Внизу письма указан обратный адрес: Девичье Поле. Психиатрическая клиника, кв. доктора Сербского. Петру Феликсовичу Маевскому.

24*

б. д.

Благодарный Вам за добрый ответ, обращаюсь с новой усердной просьбой – помогите мне с Potamogeton gromineus α. (Герб. Петунн., Цингер., Сб. св., Мат. Горож.) Какая форма найдена в Моск. губ.? β heterophyllus?

С уважением Ваш покорный слуга П. Маевский

С.И. Коржинский – А.Н. Петунникову[12]

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 50. Автогр.)

25

б. д.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Вас, конечно, как и всех русских ботаников, интересует вопрос о «Русской флоре», в котором так давно чувствуется настоятельная необходимость. Я тоже очень давно думал об этом, но так как ясно было, что вещь эта очень сложная и требует больших средств, то составлен проект и план его выполнения, который и был представлен на рассмотрение Государю Императору. Его Величество очень сочувственно отнесся к этому плану и велел отпустить из личных своих средств 21 400 руб. на обработку и издание «Флоры Сибири» как первого и притом подробного отдела «Русской флоры».

Извещая Вас об этом, надеюсь, А.Н., что Вы не откажете в своем содействии этому делу и, быть может, возьмете на себя обработку каких-либо семейств. Флора предполагается на русском языке, краткая. Система Энглера в общих чертах. Для выработки более детальной программы, решения вопроса о номенклатуре, синонимике и терминоло-

* Написано на почтовой открытке.

[12] В архиве Петунникова находятся 4 письма С.И. Коржинского. Первое (1897) относится к участию Петунникова в комплектовании Гербария русской флоры (1898). Два последующих, недатированных, относятся к обсуждению правил его издания. Коржинский благодарит Петунникова за серьезное отношение к делу, за присылку растений для гербария и просит присылать их еще больше.

гии я предполагаю осенью созвать маленький съездик для совместного обсуждения этих вопросов. Так как все лица, выразившие желание сотрудничать в этом деле, жители СПб., кроме Вас и Кузнецова, то, разумеется, окончательно срок этой комиссии будет установлен, прежде всего, по соглашению Вас с Н.И. Надеюсь, что Вы не откажете приехать на несколько дней в СПб. и принять участие в этом предприятии. Пока желаю Вам всего хорошего.

С уважением С. Коржинский

И.П. Бородин – А.Н. Петунникову (1901–1912)

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 21. Автогр.)

26

8 сентября 1901 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Очень и очень благодарен Вам за Вашу интересную посылку. Особое удовольствие доставило мне Hier. prenanth. [нрзб].

Вам, вероятно, уже известно, что Академия наук передала мне наследие Коржинского – организацию издания Flora rossica. На первой очереди стоит флора Сибири (это было уже предрешено, т.к. деньги даны именно на Сибирь). Подробная программа будет выработана постепенно. А пока обращаюсь к Вам с вопросом, можно ли надеяться на Ваше активное участие в этом деле в смысле обработки Вами известных семейств? Было бы обидно для дела, которое может осуществляться лишь «viribus unitis»[13], если б такой крупный и опытный флорист и систематик, как Вы, Алексей Николаевич, наотрез отказались бы от участия в нем. Пока могу сообщить следующие данные: система Энглера, язык русский, будут черные рисунки, преимущественно анализы, первый том, который желательно было бы напечатать года через два, будет посвящен высшим споровым, голосеменным и однодольным; гонорар 100 р. за лист, а может быть, больше (Коржинский считал всего 60 р.), хотя, конечно, и такими гонорарами, ввиду массы предварительной работы, людей не привлечешь.

Я на днях только вернулся из-за границы. Л.А. Иванов[14] сообщил мне, что Вы желали бы приложить общий список всех трех частей «Критического обзора». Против этого я ничего не имею, хотя первая часть была напечатана не в «Трудах»; только тогда уже не нужно особого списка 3-й части. От каких-либо личных нападок в предисловии я убедительно просил бы отказаться.

В ожидании скорого, надеюсь, благоприятного ответа крепко жму Вашу руку и еще раз благодарю за Hierarcium и Salix. Мои кланяются.

Искренно Вам преданный

И. Бородин

---

[13] Совместными усилиями (*лат.*)

[14] Леонид Александрович Иванов – позднее проф. ботаники Санкт-Петербургского лесного института, в ту пору сотрудник редакции «Трудов».

27

7 ноября 1901 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич! Не получаете Вы оттисков по моей вине. Дело в том, что, прочтя Ваше предисловие, я пришел в ужас и просил типографию приостановить брошюровку оттисков. Кому я ни показывал предисловие, о котором идет речь, все находили неудобным его появление в строго научном органе. Ввиду этого обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой хотя бы в виде личного одолжения мне разрешить перепечатать щекотливое предисловие, исключив из него личные нападки по адресу Горожанкина (да и Федченко). Вы ведь и сами сознавались в письме к Л.А. Иванову, что эта часть Вашей рукописи нуждалась бы в редакторской цензуре. Крепко надеюсь, что Вы исполните мою настоятельную просьбу. Перепечатаем мы быстро, и Вы тотчас же получите оттиск.

Несмотря на Ваш категорический отказ от участия в обработке «Флоры Сибири», я позволяю себе еще раз убедительно просить Вас о сотрудничестве, хотя бы в одном из отдаленных томов. Было бы прямо обидно, если бы в коллективном труде русских систематиков недоставало имени такого выдающегося и опытного флориста, как Вы, многоуважаемый Алексей Николаевич. Не возьмете ли Вы на себя хотя бы, например, род Euphrasia, которым Вы так интересовались? Мы могли бы доставить Вам для обработки весь сибирский материал по этому роду, и Вы имели бы в Вашем распоряжении не менее двух или даже трех лет. Очень, очень бы хотелось, чтобы Вы изъявили Ваше согласие.

В ожидании скорого ответа крепко жму Вашу руку.

И. Бородин

28

13 декабря 1901 г.

Искренне уважаемый Алексей Николаевич!

Убедительно прошу Вас не сердиться на меня слишком, – я все-таки, в конце концов, позволил себе перепечатать известные Вам пол-листа. Предварительно я еще раз посоветовался сВорониным и Фаминцыным. В сущности, все мы признали, что Вы имели нравственное право поступить так, как сделали. Но, признавая инцидент, подавший повод к Вашей резкой реплике, крайне прискорбным, мы не хотели бы увековечить его печатным словом[15].

---

[15] Правоту Петунникова в этом конфликте признавали также петербургские ботаники Литвинов и Палибин, впрочем, оба относились к Петунникову дружески, что не мешало, однако, Литвинову высказывать критические суждения о работах Петунникова и Сырейщикова. Оба эти ботаника свидетельствовали о «мерзости запустения», царившей в Ботаническом кабинете Московского университета (НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Карт. 4. № 79. б. д.). Петунникову казалось принципиально важным предать гласности этот конфликт, но его

Оттиски Вы должны получить на днях. Крепко надеюсь видеть Вас на съезде, а пока крепко жму Вашу руку и еще раз прошу не слишком на меня сердиться.

Искренно Вам преданный

И. Бородин

29

20 апреля 1906 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Письмо Ваше доставило мне истинное удовольствие как свидетельство благополучного окончания нашей временной размолвки.

Очень благодарен Вам за хлопоты по гербарию Теплоухова, хотя трудно будет им воспользоваться при крайней бедности рабочих рук в нашем Музее.

Книжку Сырейщикова перелистал с большим удвольствием и уверен в ее успехе.

Обращаюсь к Вам с небольшой просьбой. В составленном мною списке коллекторов по флоре Сибири значится Петунников Г. Полагаю, что это Ваш сын. Не откажите подтвердить или отвергнуть это предположение и сообщить его имя (Григорий или Георгий?)

Искренно Вам преданный

И. Бородин

30

Санкт-Петербург. 4 декабря 1912 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Дмитрий Иванович[16] сообщил мне, что Вы изъявляете готовность принести в дар Ботаническому музею АН Ваш гербарий. Перспектива получения столь крупного и драгоценного собрания, разумеется, меня в высокой степени обрадовала, тем более что русский академический гербарий отнюдь не может похвастаться богатством и в особенности беден критически обработанными экземплярами.

Зная, однако, что Вы далеко не миллионер, я решаюсь предложить Вам заменить пожертвование продажей. Особенно неприятна мне мысль, что в случае пожертвования я лишен буду возможности отблагодарить Вас, хотя бы присуждением Бэровской медали за крупные пожертвования, как сделал это по отношению к коллекциям Алексеенко, Срединского и Руссова. Медаль эта присуждается раз в три года, и следующая очередь будет лишь в 1915 году. Я готов предложить Вам две тысячи

попытка сделать это в журнале Гоби не имела успеха, редакторы трактовали ее как личный выпад Петунникова в адрес респектабельного Горожанкина и предпочитали не выносить сор из избы.

[16] Речь идет о Д.И. Литвинове.

(2000) рублей с рассрочкой на два года. Поверьте, что мы примем все меры к обеспечению наибольшей сохранности столь ценной коллекции. В ожидании Вашего ответа крепко жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

И. Бородин

Из письма Н.И. Кузнецова А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 53. Автогр.)

31

Санкт-Петербург, Максимилиановский пер., 5, кв. г-на Истомина.
9 декабря 1900 г.

[*Письмо Кузнецова касается участия Петунникова в «Трудах Ботанического сада Юрьевского университета» и в издаваемом Юрьевским университетом списке сухих растений. Эта деятельность, направляемая Кузнецовым, преследует одну цель – создание новой «Флоры России».*]

Заранее предвкушаю я и то удовольствие, которое получу я, когда буду читать Вашу целую, как Вы пишете, тетрадь критических заметок по поводу растений, помещенных в Del[ectum] III. Так как ценных заметок Ваших накопилась такая масса, то, я полагаю, неудобно будет печатать их в Del. IV, ибо от этого и Del. чересчур разрастется, и не поспеют они в Del. IV, который теперь уже печатается.

[*Предлагает объединить все заметки в одну статью для «Трудов». В начале этой статьи желательно было бы получить инструкцию для любителей, как надо собирать растения. Полагает, что нельзя отказывать любителям в приеме их растений, если даже есть сомнения в верности их определений.*]

Вся наша сила в работе по изучению флоры России заключается главным образом в любителях, и с любителями надо обращаться поэтому осторожно, бережно, предупредительно.

[*Просит Петунникова «деликатно, но вполне объективно», не задевая самолюбия «бескорыстного любителя», указывать на его ошибки в определениях.*]

Если бы у нас было побольше таких знатоков и бескорыстно делу преданных лиц, как Вы, глубокоуважаемый Алексей Николаевич, то коллективное изучение флоры России шло бы быстрее. Но у нас, юрьевцев, одних не хватает сил, т.е. не хватает главным образом времени все обработать, вот почему я предпочитаю оставаться при прежней системе, т.е. не брать на себя ответственность единоличную за верность определений. Мало-помалу ошибки будут раскрываться, исправляться, и в этом отношении обмен растениями сослужит огромную пользу, ибо обменное бюро заранее оговаривается, что за определение растений не отвечает.

А ведь, Алексей Николаевич, ошибаются все: не только Гораины и Борщовы-любители, но и академики, и Вы сами, и я, и Фрейн и др. и др. Надо вовремя лишь в ошибках сознаться, надо стремиться общими усилиями их исправлять. Вот для чего рядом с Del. заведены мною «Труды», имеющие целью способствовать изучению нашей флоры, а целью работы над Del. и «Трудами» должна быть современная Flora Rossica.

Я вовсе не скрываю от себя еще большей трудности в приведении в исполнение этого плана, но я от него не отрекаюсь и надеюсь, что в далеком будущем я приведу его в исполнение.

[*Кузнецов сожалеет, что Петунников изменил свой некогда оптимистичный взгляд на этот проект.*] Вы слишком любите свой предмет и желаете, чтобы все в нем было безупречно. Надо стремиться добросовестно делать свое дело, но не следует бояться ошибок, нужно только постараться, чтобы их было «елико возможно меньше», и надо верить в свои силы.

[*Доказательством силы Кузнецов считает выход в свет Ericaceae Primulaceae Florae Caucasica, которая мыслится как третий том Flora Rossica.*]

Но веря в свои силы, я считаю, что грешно такое крупное дело брать на себя одному, непременно надо такое крупное дело делать вдвоем с целою армией сотрудников. И если бы я смел надеяться, что Вы не откажете мне в соучастии в этом важном деле, я был бы счастлив и спокоен за будущность этого дела. Тогда смерть не остановила бы это дело, как останавливает она многое.

[*В таком случае, полагал Кузнецов, нашлась бы замена любой потере, какой бы тяжелой она ни была.*]

Вот почему для меня особенно важно выслушать и напечатать Ваши именно мнения, касающиеся существа дела. Еще никто из наших ботаников не относился так сочувственно и к Del. и к «Трудам», как Вы, и я, дорожа и ценя Ваше это сочувствие, желал бы снискать его и для Flora Rossica!

Из писем Д.И. Литвинова А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 4. № 62. Автогр.)

32

Калуга. 6 июля 1894 г.

[*Обращается к Петунникову за помощью в определении растений, найденных в окрестностях Калуги. Возмущается по поводу какого-то конфликта, случившегося между Петунниковым и «мещанским ботаником» (Горожанкиным. – Г.Л.).*]

Скажите, что сделано за его многолетнее управление «Лабораторией» сада, которая и названа так разве в насмешку или для отвода глаз. Более 10 лет составлялся список… гербариев да идиотическое переклеивание

ярлыков старого гербария Триниуса, и по этому будто бы поводу даже Цингер недвусмысленно оттирался от пользования пособиями сада, о чем мне и приходилось постоянно слышать от него жалобы. Наконец, эти три флористические статьи Милютина, Голенкина и Космовского[17] вызваны не Горожанкиным, а работами Цингера и прямой [поддержкой] Общества испытателей природы, причем темы даны тем же Цингером и искажены в редакции Горожанкина «по неведению»! Я уверен, что со временем, когда кому-нибудь вздумается дать себе отчет о прежней судьбе ботанических коллекций Московского университета, то период хозяйничанья Горожанкина выделится как период особого застоя, тем более заметного, что он совпадает с периодом особенного оживления флористического изучения вообще в России. Невольно вспоминается тоже собака на сене – ни себе, ни другим.

33

Ашхабад. 18 декабря 1896 г.

[*Высказывает свое мнение о первой части «Критического обзора Московской флоры» Петунникова.*]

Вы делаете то же, что когда-нибудь надо сделать относительно всех растений Европейской России, но такого, как Кох или Ашерсон, мы, кажется, долго еще не дождемся, а коль так, то и Ваш хотя и незначительный материал московский для всех и немосковских ботаников будет очень полезен. Жаль только, что у Вас, видимо, было мало новых коллекций московских растений, а для такого большого труда, как Ваш, желательно, чтобы чувствовалось изобилие.

[*Далее высказывает свои соображения, каким образом можно было бы пополнить гербарный материал.*]

34

Ашхабад. 12 сентября 1898 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Получил с благодарностью и великим удовольствием Ваш ботанический словарь. Отныне у меня, да и у многих, он, конечно, будет настольной книгой. Ваш выбор русских слов кажется мне везде очень удачным и верным. Очень надо благодарить Вас за эту нелегкую работу. Принялся составлять для себя по Вашему словарю немецко-русский и уже поначалу вижу, сколько Вам пришлось за ним посидеть!

---

[17] Работы упомянутых авторов по описанию местных флор см. в издании: Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. ботаники. Вып. I. М., 1890 (Приложение к Bull. Soc. Nat. Mosc.).

35

15 февраля 1904 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Болел сильно инфлюенцей и, лежа, раздумывал об ответе на Ваше письмо. Я сам москвич, и я бы в глубине сердца почувствовал обиду за Москву, если бы гербарий Ваш, столь важный для Москвы, не остался бы в ней. С другой стороны, не менее оскорбительна и противна та мерзость запустения, которая по отношению к флористике царствует со времени после Кауфмана в Ботаническом кабинете Московского университета, переименованном в какую-то якобы «лабораторию», в которой даже любительского труда по флористике давно уже не видел.

Таким образом, мне было бы очень трудно дать Вам определенный ответ на Ваш вопрос. Вы уж сами должны будете решать, как поступить.

[*Далее сообщает о своей работе над «Сибирской флорой».*]

36

Санкт-Петербург. 25 ноября 1913 г.

[*По поводу «Сибирской флоры», издаваемой под началом И.П. Бородина.*]

С флорой Сибири в такой форме Бородин завяз в болоте, из которого трудно ему было выбраться. Надо иметь неиссякаемый кредит и армию сотрудников, чтобы с честью окончить этот «сверхдредноут». Сервильный [исполнитель], готовый писать что и как ему прикажут, был причиной, что симпатичное предприятие вылилось в абсурдную форму. Я жалею, что удержал от введения в эту флору новой систематической единицы [нрзб] Семенова-Тян-Шанского, которую случайно увидел в корректуре первых листов. Для полноты картины лучше уж было оставить и эту нелепость.

[Нрзб] шаблоны, кстати сказать, обошедшиеся в 350 р., помещены Бородиным ad usum delphini[18] – это тоже сервилизм.

37

Санкт-Петербург. 2 мая 1914 г.

Любезный друг, Алексей Николаевич!

Конечно, все Ваши оставшиеся коллекции целиком нам было бы очень желательно получить, т.к. в них не будет повторено то, что име-

---

[18] Буквальный перевод «для использования дофином» (*лат.*), имеется в виду распоряжение Людовика XV издать специально для дофина книги в сокращенном виде, иносказательно – упрощенно.

ется. Надеюсь, вы нам их пришлете вместе со своим гербарием московской флоры. За них можно будет испросить особое вознаграждение. Высылайте все скорей. В конце мая – разъедемся все.

[*По поводу какого-то растения, о котором спрашивал Ненюков, ему кажется, что оно уже было описано.*] Но ведь в прошлые годы так не дробили виды, как теперь! [*Получил дополнение к «Московской флоре» Сырейщикова и вот что думает об этом сочинении.*]

Труд почтенный, но все-таки Сырейщиков до сих пор не вышел из пеленок. Мало оригинального, своего, нет дерзновения описывать новые формы, а видно только стремление отождествлять их с западноевропейскими. «Немецкий Сырейщиков», попавши в Московскую губернию, вероятно, отметил бы в ней больше оригинального [нрзб]. Какой-то немец, например, различил в Германии уйму форм у Poligonium aviculare. У Вас и Сырейщикова в гербарии, вероятно, есть налицо меньше образцов этого вида, чем разновидностей у того немца, а Сырейщиков их начинает подгонять под немецкие. Что бы самому ему раньше собрать их в Московской губернии и описать. Но об этом и речи нет. Есть вид и много других видов, которые требуют такого же детального изучения, как Poligonium aviculare [нрзб] и проч. Вместо того, чтобы самому заняться ими [видами. – *Г. Л.*], Сырейщиков, да и все вообще у нас, все зорко смотрят за границу, не появится ли какая новая монография, и с жадностью набрасываются на нее.

Из письма Н.К. Срединского[19] А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 92. Автогр.)

38

17 сентября 1899 г. Харьков.

[*Сообщает Петунникову, что во время Киевского съезда естествоиспытателей получил во временное пользование его «Свод ботанических терминов». Досадует, что все попытки приобрести это сочинение оказались неудачными, у книгопродавцев не оказалось этой книги. Высказывает предположение, что работа Петунникова даст толчок для развития русской ботанической литературы.*]

От души приветствую появление Вашего капитального труда «Свод ботанических терминов». Занимавшись такого рода работой, я вполне понимаю, сколько времени, сил и знания Вы затратили на выполнение своего труда. Сожалею, что я, будучи членом Киевского съезда естест-

---

[19] Николай Кириллович Срединский – выпускник Новороссийского (Одесского) университета, ученик А.С. Ценковского. Ему пришлось прервать успешно начатую работу по изучению флоры Европейской России (Новороссийский край и Бессарабия) и Закавказья (Рионский бассейн) и заняться «железнодорожной деятельностью».

воиспытателей, не был в Киеве, где я мог бы лично с благодарностью поклониться Вам за выполнение Вами такой трудной работы, как Ваш «Свод». Я убежден, что появление в печати этого Вашего капитального сочинения по флоре различных мест послужит уже новою эрой в деле составления и издания на русском языке рациональных сочинений по флоре различных мест нашего отечества. Я уверен, что теперь явится много охотников составлять и издавать русские определители растений той или другой местной флоры с целью дать руководства не только специалистам, но и всей жизненной массе в изучении окружающих ее растений…

Глубоко Вас уважающий и искренно благодарный

Н. Срединский

Из письма П.В. Сюзева А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 95. Автогр.)

39

Очер. 1 декабря [1894]

[*Своим «почтенным письмом» Петунников предупредил желание автора письма послать ему несколько растений для определения.*]

Занимаясь собиранием материалов по изучению растительности в своих краях и у Вас под Москвой, я всегда старался быть точным и аккуратным, т.к. эти качества гл.[авным] обр.[азом] и дают цену моим скромным трудам, которые при этом я всегда старался представить вниманию компетентных лиц. Не имея чести быть патентованным натуралистом, однако я всегда с удовольствием посвящал свои военные досуги этим занятиям, составлявшим для меня лучшее развлечение. Пушка… и папка с растениями – дикое сопоставление! Между тем мой гербарий сплошь и рядом «путешествовал» то в передках с порохом и гранатами, то у седла в кобуре… Собрав и сохранив материал среди таких неподходящих условий, невольно начинаешь ценить его. Легкомысленное отношение к делу, вымысел или подтасовку фактов я всегда считал делом вредным и безнравственным.

[*Эта тирада вызвана недоумением Петунникова по поводу пропуска в гербарии Сюзева некоторых форм подмосковной флоры, причину такого упущения автор письма поясняет*] Я был слишком поглощен ощущением свободы, после полуторагодового военного режима сбросив солдатский мундир! [*Далее Сюзев благодарит Петунникова за хлопоты по печатанию его статьи о фенологических наблюдениях в районе с. Клементова.*]

Во всяком случае, весьма признателен за Вашу нежную заботливость и внимание к моей работе, в которой, как видно по Вашему анализу, оказались «следы дельного»…

Я почти азиат и чужд всяческих комплиментов, но я не могу не выразить Вам моего великого уважения за то, что Вы по отношению к науке истый джентельмен – Ваше утонченно-деликатное отношение к вопросам последней достойно удивления, особенно когда другие представители науки относятся к ней с непозволительной развязностью... (напр., почиющие на лаврах «акклиматизации»).

[*Далее сообщает новости о себе и Ф.А. Теплоухове и поздравляет Петунникова и его семью с наступающими праздниками.*]

С глубочайшим уважением и искренней преданностью.

Ваш П. Сюзев

К.А. Тимирязев – А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 98. Автогр.)

40

10 октября 1897 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич,

Обсудив à tête reposée [на свежую голову. – *Г. Л.*] Ваш план печатания Варминга в двух выпусках, я пришел к следующему заключению. Если первый выпуск выйдет без всякого предисловия, я не имею ничего против перепечатания моего предисловия и при втором. Если же первый выпуск выйдет с предисловием С.И. Ростовцева, я попросил бы моего предисловия не печатать вовсе и вместе с тем вычеркнуть мое имя и на обложке.

Искренно Вам преданный
К. Тимирязев

41

Б. д.[20]

Многоуважаемый Алексей Николаевич,

Прилагаю при сем несколько страниц, которые Н.И. Мамонтов просит прицепить к переводу Ростовцева. Хотя, положа руку на сердце, гораздо уместнее было снабдить книгу Вашим предисловием, так как Ваш голос в этом деле имел бы больше веса. Но, видно, на рынке более ценится ранг, чем знание, с чем приходится считаться.

Остаюсь искренно Вам преданный
К. Тимирязев

---

[20] Судя по содержанию, письмо написано не позднее 1897 г., т.е. раньше, чем письмо 40, в котором идет речь о втором издании перевода книги Варминга.

Из письма А.А. Ячевского А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 119. Автогр.)

42

18 февраля 1900 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

[*В начале письма Ячевский сожалеет, что, будучи в Москве проездом, не смог повидаться с Петунниковым.*]

Я, собственно, имел в виду поднять вопрос о номенклатуре именно к предстоящему съезду естествоиспытателей, но именно ввиду того равнодушия, которое обыкновенно проявляется у нас к подобного рода вопросам, мне показалось необходимо и для пользы дела представить на заключение съезда подготовленный взгляд, мотивированный проект, который нуждался бы лишь только для формы в согласии съезда.

Номенклатурой у нас ведь мало кто занимается, между тем такому государству, как Россия, обойти этот вопрос молчанием и не выразить своих взглядов на международном конгрессе мне кажется совершенно невозможно. Поэтому я обратился в Московское Общество Испытателей Природы для того, чтобы оно со своей стороны циркулярно обратилось ко всем обществам и ботаникам с просьбой дать по этому вопросу свои заключения. Все полученные таким образом записки и отчеты были бы рассмотрены особой комиссией, в состав которой встали бы московские ботаники. И эта комиссия могла бы за лето выработать известный проект, которым можно было бы руководствоваться на съезде для представления заключения в международную комиссию. Собственно, у меня нет никаких иллюзий относительно хорошего результата предпринятого дела и на международном конгрессе. Что бы на нем ни решили, очевидно, всегда найдутся люди, которые пойдут наперекор общим правилам и будут следовать собственным воззрениям. Но все же не мешало бы, наконец, послушаться здравого смысла в этом вопросе и устранить такие личные выходки, подобно той, которая только что [нрзб] Кунце.

Все данные для созыва комиссии московских ботаников находятся в руках Горожанкина. Но, конечно, образование подобной комиссии нисколько не мешает, как Вы говорите, подготовить почву в периодической прессе, и, напротив, это даже очень желательно. Я со своей стороны думаю написать кое-что по этому поводу в «Трудах» Кузнецова. Но если бы Вы не отказались также дать несколько статей, то это было бы очень важно, так как Ваш голос авторитетный и Ваши взгляды очень ценные. Помимо этого я бы счел весьма лестным для себя, если бы Вы согласились поделиться, хотя бы письменно, своими взглядами по этому вопросу. Если комиссия будет созвана, то, я думаю, конечно, приехать в Москву, но, может быть, до этого Вы будете в Петербурге, и в таком случае я бы очень Вас просил не отказать приехать ко мне, так как личное объяснение всегда лучше всяких писем.

Остаюсь с истинным уважением
готовый к услугам
А. Ячевский

43[21]

Р.Э. Регель – А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 88. Автогр.)

13 апреля 1912 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич!

Очень Вам благодарен, и большое спасибо за любезное разрешение перепечатать Ваш словарь[22]. Этим Вы оказали большую услугу всем ботаникам в России.

Не найдется ли у Вас 1–2 экземпляров этого словаря, которые могли бы мне выслать? Это облегчило бы работу по подготовке манускрипта.

С истинным уважением
Роб. Регель

44

А.Н. Петунников – президенту МОИП Н.А. Умову

Москва. 17 марта 1909 г.

Глубокоуважаемый Николай Алексеевич!

Спешу уведомить Вас, что мною получен диплом на звание почетного члена Общества Испытателей Природы при любезном письме Вашем от 14 с. м.

Считаю для себя приятным долгом выразить глубокую мою признательность Вам и через посредство Ваше почтенному Обществу, которое почтило меня столь лестным званием.

Искренне сожалею, что мои служебные обязанности долгое время лишали меня возможности стоять ближе к деятельности Общества и посвящать больше времени научным занятиям, чем то было бы мне желательно, чтобы действительно заслужить уважение Общества, и моим посильным трудам, направленным предпочтительно на изучение флоры Московской губернии.

Прошу принять уверения в глубоком моем уважении

А.Н. Петунников

Арх. МОИП. 1909. Д. 886. Л. 29–29 об. Автогр.

---

[21] Внизу документа указан адрес Петунникова: гор. Москва, Трубный переулок, д. Ушакова.

[22] Речь идет о втором издании работы Петунникова «Свод ботанических терминов, встречающихся в русской ботанической литературе» (М., 1898).

45

А.Н. Петунников – в МОИП

Москва. 15 октября 1915 г.

В Императорское Московское Общество
испытателей природы

Считаю приятным долгом выразить Обществу сердечную признательность за то приветствие, которым почтило оно меня по поводу исполнившегося пятидесятилетия со времени вступления моего в число членов Общества.

Меня глубоко тронула в обращенном ко мне приветствии Общества крайне лестная оценка моей скромной разносторонней деятельности, и как слабое выражение моей признательности позволяю себе преподнести Обществу мой посильный труд, посвященный изучению родного моего города, в служении которому протекла большая часть моей практической деятельности.

Почетный член Общества
А. Петунников

Арх. МОИП. 1915. Д. 970. Л. 22. Автогр.

Альберт Теллунг – А.Н. Петунникову

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 153. Автогр. Пер. с фр.)

46

Цюрих. 14 декабря 1914 г.

Многоуважаемый месье,

Господин профессор А. Кнукер из Карлсруэ просил меня отправить Вам письмо от его имени. Не будучи уверен, что оно дойдет до Вас, я сообщаю Вам в этой открытке краткое его содержание.

Господин Кнукер очень хотел бы знать с помощью моего посредничества, как Ваши дела и дела Вашего семейства? Участвовали ли ваши сыновья в сражениях, живы ли они, здоровы ли? Сын господина Кнукера в настоящее время находится еще в Карлсруэ, а сын господина Цана находится на границе W. Периодическое издание господина Кнукера (Allg. Bot. Zeitschr.) продолжает выходить, но медленнее и в урезанном виде. Как дела у других знакомых господина Кнукера: у господ Сырейщикова, Федченко и др.? Господин Кукенталь застрял на Корсике, где он находился в ботаническом путешествии, когда началась война. Все горячо желают возвращения нормальной жизни. Будьте любезны, сообщите, если это возможно, Ваши новости господину Кнукеру, который Вас сердечно приветствует и посылает Вам свои наилучшие пожелания.

Примите с моей стороны выражение глубокого почтения

A. Tellung

Охотно берусь сообщить Вашу корреспонденцию господину Кнукеру.

47

Цюрих. 7 апреля 1915 г.

Многоуважаемый месье,

Господин Кнукер с помощью моего посредничества требует от Вас новостей, посылая вам свои наилучшие пожелания на Пасху. Сын господина Кнукера вполне благополучен, он находится в офицерской школе. Сын господина Цана ранен. Господин Кнукер хотел бы знать, как Ваши дела и дела Вашей семьи? Как чувствуют себя Ваши сын и дочь, будучи серьезно загружены в лазарете? Примите же дружеские пожелания со стороны господина Кнукера Вам и Вашей семье, а также от господина Цана Вам и всем Вашим.

Будьте любезны, ответьте мне простой открыткой.

Примите, сударь, выражение моего почтения

A. Tellung

48

Отзыв о книге А.Н. Петунникова «Пути сообщения в городе Москве по высочайше утвержденному плану регулирования», прочитанный Н.М. Клементовским на заседании Комиссии по изучению старой Москвы Московского археологического общества (1907–1930) в декабре 1915 г.

Вышедшая в свет после четвертьвекового перерыва книга г. Петунникова – «Пути сообщения в г. Москве» [М., 1915] – является в настоящем столетии первым солидным сочинением в данной области [Автор имеет в виду литературу о московских улицах и последней называет книгу А.А. Мартынова «Название московских улиц и переулков», 1888]. По своему содержанию она представляет весьма интересный труд и отвечает назревшим потребностям времени, а равно и запросам о фактическом состоянии городских путей и об успешном регулировании города… Ценность труда г. Петунникова заключается, прежде всего, в тех сведениях о проездах г. Москвы и в освещении вопроса с такой точки зрения, с какой он в прошедших исследованиях не рассматривался, а затем в той полноте списка разнородных проездов, какими ныне располагает Москва в пределах городской территории и отчасти за нею.

В алфавитном списке названий всех проездов Москвы автор дает границы, длину, ширину, площадь и оценку земли каждого проезда, отмечает, какие из них замощены полностью или частично, а равно и

немощеные; в примечаниях приведены указания о древесной обсадке проездов и улиц... Приведена сравнительная таблица количества, протяжения и площади городских путей в 1897 и 1914 годах... Далее приводятся сведения о проектированных проездах... Центр тяжести [книги] лежит не в историческом и топографическом исследовании, а в земельной и экономической разработке вопроса о городских путях...

(РГБ. ОР. Ф. 177 (Московское областное бюро краеведения. Протоколы заседаний 1907–1930 гг.). К. 44. Ед. 1. Л. 2–3. Цит. по кн.: Краеведы Москвы: (Историки и знатоки Москвы). [Вып. 3. М.: Кн. сад, 1997. С. 366] с комментариями составителя Л.В. Ивановой.)

49

В.Ф. Хмелевский[23] – А.Н. Петунникову*

(НБ МГУ. ОРК и Р. Ф. 32. Оп. 1. Карт. 5. № 107. Автогр.)

Варшава. 2 ноября 1915 г.

Глубокоуважаемый Алексей Николаевич!

С большой радостью прочитал только что полученное Ваше письмо от 28 октября. Само собою разумеется, все расходы по упаковке, отправке и пересылке будут Вам возвращены и незамедлительно воспоследует благодарность физико-математического факультета и правления Университета за Ваш щедрый дар.

Вы пишете о томах Reichenbach [нрзб] Flora Germanica[24] – это очень дорогой подарок, и я глубоко тронут Вашей щедростью. Nees von Esenbeck[25] и Sturm[26] у нас тоже отсутствуют, и едва ли бы мы их скоро нашли, особенно в настоящее тяжелое время. Книг у нас вообще почти что нет, поэтому и другие, не перечисляемые Вами книги, у нас их [нрзб], и присылка Вами книг для создаваемой кабинетской библиотеки заслуживает всякую благодарность с нашей стороны.

---

[23] Викентий Фердинандович Хмелевский– экстраординарный профессор по кафедре ботаники Варшавского университета.

* Написано на бланке: М.Н.П. Ботанический кабинет Императорского Варшавского университета.

[24] Генрих Людвиг Рейхенбах (1793–1879) – немецкий ботаник-систематик и зоолог, автор известной книги о флоре Германии (Flora Germanica excursoria, 1833–1845. Lipsiae, 1830–1832. 2 t.).

[25] Христиан Готфрид Даниель Нис фон Эсенбек (1776–1858) – немецкий ботаник, врач и зоолог, автор многих книг по ботанике.

[26] Якоб Штурм (1771–1848) – немецкий энтомолог, ботаник и гравер, наиболее известный среди мастеров, иллюстрировавших ботанические и энтомологические издания конца XVIII – начала XIX века. Им иллюстрирована «Флора Германии в рисунках с описаниями». Нюрнберг, 1796–1862, выходившая в виде отдельных выпусков (Deutschland Flora in Abbildungen nach der Natur mit Baschreibungen).

Также и гербарий приходится нам создавать совсем наново, собираем его со всех концов России частями... Мы будем Вам благодарны за всякий присланный Вами экземпляр, особенно Ваших личных сборов и экземпляров, снабженных Вашими критическими заметками или снабженными Вашими «teste»[27]. Еще раз от всей души благодарю Вас. Пользуясь случаем, прошу еще раз принять уверения в моем глубоком к Вам уважении и неизменной преданности.

В. Хмел[евский]

50

А.Н. Петунников – Н.П. Вишнякову

Москва. 2 декабря 1913 г.

Добрейший Николай Петрович,

Очень тронут живым участием Вашим к постигшему меня огромному горю. Скончался ближайший друг мой, с которым связывала меня самая тесная и искренняя дружба с университетской скамьи и которому я очень многим обязан в жизни, хотя бы уже тем, что благодаря ему приобщился западной культуры, пробыв на его широкие средства два раза за границей.

Очень грустно только, что на его долю выпало пережить такой тяжелый конец, более года не вставал он уже с постели, но несмотря на это продолжал работать головою и рукою, насколько позволяли его слабые силы. В августе этого года прислал он мне свои «Воспоминания» о Парижской Коммуне и карлистской войне, чему он был свидетелем, и принялся было за последние главы своих воспоминаний – научных и философских, но после четырех с трудом написанных им страниц должен был отказаться от продолжения этой работы, совсем уже обессилев от душившей его эмфиземы.

Хотелось бы мне написать, конечно, больше этих нескольких строк, которые я послал в «Русские ведомости», но там уже на другой день его кончины (1 декабря) появился прекрасный некролог и очень длинный, написанный, наверное, загодя М.М. Ковалевским.

Когда я разберу обширную переписку нашу на протяжении 52 лет, я, наверное, соберусь посвятить памяти друга мои о нем воспоминания иного свойства.

Через несколько дней день Вашего ангела. Примите поздравления наши и наилучшие пожелания. Сердечный привет семье от нас обоих.

Ваш А. Петунников

ЦИАМ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 364. Л. 41–42. Автогр.

---

[27] Свидетельствую, подтверждаю.

V

Список сокращений

АРАН – Архив Российской академии наук
БИН АН СССР (позднее РАН) – Ботанический институт АН СССР им. В.Л. Комарова
ВЭО – Вольное экономическое общество
ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники (журнал)
ГУЗ и З – Главное управление землеустройства и земледелия
ИМГД – Известия Московской городской думы
ИИЕТ АН СССР – Институт истории естествознания и техники АН СССР (позднее РАН)
МНП – Министерство народного просвещения
МОИП – Московское общество испытателей природы
НБ МГУ. ОРК и Р – Научная библиотека МГУ. Отдел редких книг и рукописей
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РЛ – «Русская летопись»
РТО – Русское техническое общество
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы, ныне – ЦГА Москвы. ЦХД до 1917 г. (Центр. гос. архив Москвы – Центр хранения документов до 1917 г.)

Allg. Bot. Zeitschr. – Allgemeine Botanische Zeitschrift – Всеобщий ботанический журнал
Bot. Ztg. – Botanische Zeitung – Ботанический журнал
Bull. Soc. Bot. France – Bulletin de la Société botanique de France – Бюллетень Ботанического общества Франции
Bull. Soc. Nat. Mosc. – Bulletin de la Société des Naturalistes de Moscou – Бюллетень Московского общества испытателей природы
Mém. Acad. Sci. Spb. – Mémoires de l'Académie des Sciences de Sanct-Pétersbourg – Записки Петербургской Академии наук
Ph. pos. – La Philosophie positive. Revue – Журнал позитивной философии

VI

Таксоны, названные в честь А.Н. Петунникова

Amigdalus petunnikovii Litw.
Prunus petunnikovii Litw.
Astragalus petunnikovii Litw.
Colligonum petunnikovii Litw.
Hieracium petunnikovii Peter.
Ranunculus pseudoflaceidus petunnicovii Syr.
(*Губанов* и др. № 296, с. 97)

VII

Указатель имен

Аксаков Н.П. 34
Алексей Александрович, вел. кн. 96
Алексеев П.П. 48
Алексеенко, бот. 317
Алехин В.В. 24, 117, 126, 128, 143, 144
Альфан (Alphan) 61
Альфонский А. 298
Анго А. 48
Андерсон Нильс-Иоанн (Anderson Nils-Johann) 208
Андреев Н.А. 243
Андреевский К.А. 196
Анненков Н.И. 107, 130, 139, 140, 311
Анучин Д.Н. 38, 39, 41, 46, 78
Апухтин А. 28
Арензон Е. 53
Арефьев А.Г. 202
Арнольди В.М. 25, 112, 117, 118
Асе А. А. 201
Астров Н.А. 56
Атабекова А.И. 170
Ауэрбах И.Б. 27, 28, 88, 230, 231
Ахлёстышевы 100
Ашерсон П. (Ascherson Paul) 130, 134, 191, 215, 217, 222, 223, 276, 286, 320

Бабин В.А. 65,66
Бабст И.К. 36
Базилевская Н.А. 30, 32, 36, 113, 115
Бакунин М.А. 23
Баранецкий О. 133,137
Баренбаум И.Е. 46
Барсукова А.В. 118
Бастракова М.С. 12,36
Баталин А.Ф. 173, 177, 178
Бауер 150
Бауэр Э. (Bauer Ernest) 222
Бахман В. 88
Бекетов А.Н. 38, 40, 133, 134, 160, 172, 215
Бекетов Н.Н. 48
Белов С.В. 46
Белопольский А.А. 29
Бельгран 70
Беляев 303
Беляев В.И. 170
Бердышев Г.Д. 183
Бернулли (Bernoulli) 249, 265
Бертло М. (Berthelot Marcelin) 41
Бессуднова З.А. 270
Бетнер Р.Г. 195
Бешерель (Bescherelle) 95, 214
Бисмарк О. (Bismarck Otto Eduard, von) 247
Бишоф Г. (Bischoff G.W.) 133, 136
Блоцки Б. (Blocki Bronislav) 218
Бляхер Л.Я. 169, 170
Боборыкин П.Д. 6, 15, 20, 21, 28, 29
Богданов 80
Богданов А.П. 17, 28–30, 34, 37, 164, 277
Богданов Н.Н. 258
Богдасарова Т.В. 119
Боков В.В. 210
Болотов А.Т. 138
Бонье К. (Bonier Karl) 218
Бородин И.П. 112, 134, 160, 167, 170, 173, 177, 178, 180, 186–188, 192, 193,213,226, 227, 239, 250, 251,315–318, 321
Борхман Г. 139
Бредихин Ф.А. 17, 38, 235, 236
Бреславец Л.П. 88
Брешко- Брешковская Е.К. 86
Брике Ж. 134
Брока П. (Broca Pierre-Paul) 39

Брокгауз Э. (Brockhaus Edward) 8, 29, 196
Бротерус В.Ф. 134
Брук Г. 50
Брызгалов А. 104
Брянский В.Д. 260, 265
Буасье П.Э. (Boissier Pierre Edmond) 191
Бурышкин П. 244, 260, 261, 275
Буш Н.А. 149, 181, 182, 193, 199, 239
Бэр К.М. 167, 317
Бюхнер Л. (Buchner Ludvig) 47
Бючли О. (Bütschli Otton) 170

Вагнер Н.П 40
Валуев П.А., гр. 206
Валькова О.А. 12, 24, 117, 118,
Ван Тигем Ф. (Van-Tihem Philippe) 50–52, 178
Варгин Н. 202.
Варженевский А.К. 112, 199, 205, 248
Варминг Й.Э. (Warming Johannes Eugenius) 50, 51, 52, 178, 324
Варнек Н.А. 38
Варсанофьева В.А. 24,231
Васильченко И.Т. 213
Вейнман И.А. 91
Веленовский (Velenovsky) 218
Великодная И.Л. 12
Венгеров С.А. 282
Вернадский В.И. 24, 53, 251, 258
Веттштейн Р. (Wettstein Richard, von) 134, 215, 218
Вешняков Ф.В. 234
Виганд А. (Wigand Albert) 91, 95
Викторов Д.П. 92
Вильком Г.М.(Willkomm Heinrich Moritz) 106, 128, 277
Вильдеман Э. (Wildeman Em.) 218
Вильденев 216
Виммер Х.Ф. (Wimmer Christian Friedrich Heinrich) 208, 213
Витте С.Ю. 55
Вишняков А.Н. 217, 273, 274
Вишняков Н.П. 10, 64, 71, 79, 82, 83, 115, 158, 161, 171, 180, 183, 194, 216, 217, 220, 227, 229, 240, 241, 246, 248, 253, 255, 258, 265, 267, 269–279, 286, 330
Вишнякова А.В. 274
Вишнякова Ю.Н. 274
Вобст Г.Ф. 99, 109, 117
Войков Д.И. 63
Волкенштейн 136
Волконский, кн. 65
Вольф Э.Л. (Wolf Egbert) 209, 210
Вольф Ф.Т. (Wolf Franz Theodor) 215, 216, 218, 219, 266, 286
Воронин М.С. 160, 189, 190, 316
Воронов Ю.Н. 156,181,182
Ворошилов В.Н. 145
Вульф Е.В. 157, 229
Вырубов В.Н. 21
Вырубов Г.Н. 6, 7, 9, 10, 14–25, 27–31,40–55, 59–62, 70, 79, 82, 83, 90, 94, 100, 101, 109, 139, 180, 214, 227, 229, 240–242, 245, 250–252, 256, 258, 259, 266–273, 277–279, 286, 287, 300
Вырубова Н.Г. 18
Вырубова С. (Richet Sophie) 270, 271
Вюрц Ш.А. (Wurtz Charles Adolphe) 39, 41
Вяземский В.А. 91, 202–205

Гааг Ф.Г. 163
Гаек, фон (Hayek, von) 215
Гамбаров Ю.С. 37
Гамбетта Л. 247
Ганешин С.С. 179,180
Ганн Ю. 49
Гано Адольф 19, 47
Гартвиг И. 47
Гартман В.А. 47
Гебель 179
Гедвилло А.Ф. 65
Гейден К.К. 201, 202
Гейденрейх 213
Гексли Т. (Huxley Thomas Henry) 39, 47
Гемелин А.П. 280
Гендель-Мацетти, фон (Hendel-Mazzetti H.G., von) 216
Генкель П.А. 124
Герасимович Б.П. 29
Гердер, фон 136
Герман И.А. 53
Герцен А.А. 259
Герцен А.И. 16, 18, 22, 37, 259
Герье В.И. 28,271
Гете В. 47
Глазунов А.И. 46
Глинка К.Д. 189
Гмелин И.Г. 138

Гоби Х.Я. 160, 172, 195, 239, 317
Гобрехт Д. 67, 68
Гоголь Н.В. 83
Голицын В. 239
Голенкин М.И. 51, 127, 134, 173, 201, 237, 320
Гольдсмит Л. 30
Городков Б.Н. 175
Горожанкин И.Н. 25, 30, 51, 90, 110, 111, 112, 115–118, 127, 139, 141, 160, 164, 171, 179, 205, 225, 309, 316, 317, 320, 325
Горохов 205
Горчаковский П.Л. 105
Готье-Виллар (Gautier-Villars Henrie) 49
Гофман Г.Ф. 130, 140, 208, 277
Гофмейстер В. (Hofmeister Wilhelm) 94, 217
Грамматиков В.А. 305
Грановский Т.Н. 16
Грачева И.В. 11
Гребнер П. (Gräebner Paul) 191, 215, 218, 222
Гревениц А.А. 263
Гревениц А.Н., барон 263
Гревениц А.Н. 263,264
Григорьев А.П. 65
Гримо Э. (Grimaux Louis Edouard) 39
Гриневский Б.Б. 197
Груннер Н. 77
Губанов И.А. 26,91, 105, 106, 111, 118, 120, 127, 129, 131, 143, 145,223
Губер Э. (Goubert E.) 22
Губерти Н.В. 281
Гукер Д.Д. (Hooker Joseph Dalton) 88
Гулевич С. 14,19
Гуров 26

Дарвин Ч. 39, 40, 47, 48
Дарсу (Darcy) 62
Двигубский И.А. 106,140,143
Дейнега В.А. 136, 235
Декандоль А.П. (De Condolle Augustin Pyrame) 106, 134, 168, 216
Декандоль К.П. (De Condolle Casimir Pyrame) 216
Деклюазо А.Л. (Des Cloizeaux Alfred Lois) 47, 50
Дельвиг А.И. 65
Депюи (Depuis) 62
Дервиз-Соколова Т.Г. 226
Дефранс (Defiance) 65
Децен 209
Джапаридзе С.Д. 246
Дмитриев Ф.М. 36, 37
Доктуровский В.С. 171
Докучаев В.В. 189
Домин К. (Domin Karl) 215, 218
Дубянский А.Г. 218
Дюмер Ф.И. 98
Дюрье М.-Ш. (Durieu M.-Ch.) 214
Дюшатр (Duchatre) 96

Еленевский А.Г. 226
Ершов А.С. 17, 277
Ефрон И.А. 8, 29, 196

Жамен Ж. (Jamin Jules Céléstin) 47, 49, 50
Железнов Н.И. 301
Жигарев А. 298
Жоффруа Сент-Илер Э. (Geoffroy Saint-Hiller Etienne) 47

Забелин И.Е. 281
Зайцева Е.А. 10, 24
Зальбах 65, 70
Захарова И.В. 12
Зейлер 256
Земен, фон 221
Зернов Д.Н. 237
Зигфрид Г. (Siegfrid Hans) 218
Зимин Н. 65, 66, 73
Зорина Л.И. 105
Зуев В.Ф. 138
Зюсс Э. (Suess Eduard) 272

Иванов Л.А. 173, 311, 316
Иванова Л.В. 329
Игнатьев Ф.А. 91
Измайлов В.В. 135
Иконников В.С. 281
Илизаров С.С. 12

Кагур О.А. (Cahour August André) 19, 47
Казанцев И.В. 305
Калиниченко И.М. 145
Калмыков К.Ф. 30, 32, 115
Каменский Ф.М. 134, 217
Канцельсон З.С. 168–170
Капустин М.Н. 36
Карстен Г. (Karsten Hermann) 91
Каспари Р. (Caspari Robert) 94

Кастальский В.Д. 68
Катков М.Н. 36, 47
Кауфман В.А. 109, 312
Кауфман З. 302
Кауфман И.М. 137, 138
Кауфман Н.Н. 8,9, 14, 15, 17, 19, 23–26, 40, 46, 88–90, 101–111, 113–117, 130, 140, 144, 155, 159–163, 171, 194, 196, 198–200, 204, 211, 217, 230–232, 239, 248, 265, 285, 287, 299, 302, 305–309, 311, 312
Келлер Б.А. 190, 230
Кеппен 232
Кернер А.Ж., фон Марилаун (Kemer Anton Joseph von Marilaun) 146, 208, 222
Кислаковский Е.Д. 269
Клаус К.Ф. 49
Клементовский Н.М. 328
Клеменц Е. 153
Клер Г.О. 310
Клер О.Е. (Clerc G.O) 8, 11, 41, 104, 105, 109, 110, 111, 121, 125, 141, 199, 228, 272, 302–308
Клинге И.Г. 177
Кнехт Г. (Knecht Hans) 310
Кноппе 68
Кнукер А. (Kneuker Andreas) 217, 220, 221, 251, 327, 328
Кобеко Д.Ф. 281
Ковалевский А.О. 23
Ковалевский В.О. 48
Ковалевский М.М. 245, 267, 271, 278, 279, 330
Кожевников Д.А. 91
Кокорев В.А. 46
Комарницкий Н.А. 88, 90, 92, 94
Комаров В.Л. 115, 124
Конт О. (Comte August) 24, 271
Коржинский С.И. 122, 132, 146, 160, 175, 177, 180, 183–186, 191, 197, 210, 310, 314, 315
Корш Ф.Е. 28, 276
Космовский К.А. 320
Коссон Э.(Cosson Ernest Saint-Charles) 96
Косых В.М. 229
Кох В.Д. (Koch Wilhelm Daniel) 107, 113, 311, 320
Кочубей П.А. 65
Краснопольский А.А. 258
Краузе А. А. 26
Крашенинников И.М. 190
Крашенинников С.П. 138
Кребс (Krebs) 128
Кривошеина Г.Г. 30
Криштофович А.Н. 190
Круч 213
Крылов П.Н. 229
Кузнецов Н.И. 11,33, 125, 132, 134, 146–149, 152, 156–161, 173, 178, 180–184, 186–194, 197, 202, 208, 210, 215, 217, 222, 224, 228, 239, 247, 250, 251, 265, 318
Кукенталь Г. (Kükental Georg) 150, 176, 213, 221, 222, 265, 286, 327
Кульков Б.М. 222
Кунце 325
Купфер К.Ю. 181
Курсанов Л.И. 235, 239
Курц А.Л. 265
Курц Л.В.(Петунникова) 265
Курц Л.И. 265

Лавренко Е.М. 181, 182, 189
Лакруа (Lacroix François Antoine) 19
Ламарк (Lamarck Jean Baphtiste) 216
Лаппаран А. (Lapparent Albert-Auguste) 52, 53
Лахтин М.Г. 49
Лашкевиц (Либава) 221
Лебедев В.Д. 6
Лебедев Д.В. 124
Леванда 305
Левандовский Б. 200
Левина Е.С. 12
Ледебур К.-Х. (Ledebour Carl Friedrich, von) 113, 130, 141, 148, 183, 311
Лейсон Е.Е. 269
Леонтьев П.М. 36, 47
Лепехин И.И. 138
Ливих Ю. 100
Линдеман К.Э. (Lindemann) 141, 236
Линней К. (Linne Karl) 146, 210, 212, 276
Липский В.И. 11, 149, 172–174, 180, 192, 195, 216, 218, 219, 239, 250
Липшиц С.Ю. 5, 22, 25, 38, 88, 91, 102, 105, 117, 119, 123, 124, 126, 127, 137, 138, 140, 143, 145, 149, 151, 159, 213, 234, 239, 289
Лисовский Н.М. 281
Литвинов Д.И. 11, 91, 110, 112, 140, 145, 156, 159, 160, 173–177, 187,

192, 193, 199, 200, 204, 210, 218, 226, 228, 239, 265, 317, 319–322
Литтре Э. (Littré Emile) 16, 22, 47, 271
Лозарь Р.А. 145
Лугинин В.Ф. 53, 100, 252, 259, 272
Лугинин Ф.Н. 100
Любимов Н.А. 17, 277
Любина Г.И. 10, 24
Лялина М.А. 47
Лясковский Н.Э. 17, 24, 28, 268

Маевский П.Ф. 11, 88, 110, 114, 115, 118, 131, 132, 142, 145, 248, 313, 314
Майоров А.А. 157
Майоров С.Р. 250
Максимович М.А. 115, 130, 136, 140, 208
Малинин В.Ф. 71, 265
Мамонтов А.И. 46–48, 53, 287
Мамонтов В.Н. 52
Мамонтов И.Ф. 46
Мамонтов Н.И. 46–53, 79, 265, 282, 283, 287, 324
Мамонтов С.И. 46, 48, 53, 91
Манойленко К.В. 167, 192
Мануилов А.А. 37
Маркович В.В. 150, 181, 199
Мартынов А.А 84, 328
Мартынов И.И. 132
Маскар Э. (Mascart E.E.) 50
Масловский А.А. 305
Марциус К.Ф.Ф. (Martius Karl Friedrich Philipp) 140, 143
Матлина С.Е. 12
Мейер А. 135
Мейер К.А. 90,91
Мейер К.И. 112, 118
Мейнсгаузен К.Ф. 99, 173, 176, 191
Мельгунов П.П. 110, 139, 200
Менделеев Д.И. 48
Мензбир М.А. 7, 37, 42, 48, 238, 239
Метцнер 136
Мечников И.И. 37, 39
Мешаев В.Д. 133
Миклухо-Маклай Н.Н. 39
Микутович И. 157
Миллер В. 50
Миллер П.Н. 24, 283
Мильн-Эдвардс А. (Miln-Edwards Alphons) 19, 230
Милютин С.Н. 111, 112, 116,117, 237, 320
Михельсон Л.А. 254, 255
Мищенко П.И. 157
Моль Х. (Mohl Hugo Harrman) 91
Морозов А.В. 260
Морозова В.А. 117, 260
Мосолов Н.А. 122
Монтеверде Н.А. 173
Мурашинский 199
Муромцев С.А. 82

Навашин С.Г. 117, 133, 134, 137, 160, 195
Надсон Г.А. 230
Назаров М.И. 198
Нартов А. 138
Наше К.С.(Nachet Camille Sebastien) 164, 267
Нетели К. (Naegeli Karl Wilhelm, von) 142
Негри Д. (Negri Giovani) 218
Неймайр М. (Neumayr Melchior) 272
Ненюков Ф. 145, 189
Нетупский И.А. 202, 203
Никитин С.Н. 139
Николаев С.Ф. 125
Носов Н.И. 281

Овсянников Ф.В. 132
Орлов Н.Н. 280
Осипова В.П. 12
Осман Ж. (Haussemann Georges) 62
Островский А.Н. 124
Острогорский Н.П. 68
Остроухов И.С. 82

Павленков Ф. 49
Павлов А.П. 24, 48, 258, 269
Павлов В.Н. 119
Павлов Н.В. 119
Палладии В.И. 133
Паллас П.С. 138
Палибин И.В. 11, 50, 112, 154, 160, 173–175, 177–179, 181, 189–192, 221, 239, 248, 265
Панлен А. (Panlin Alphons) 218
Петер А. (Peter A.) 142, 220, 222, 266
Петр I 32, 280
Петунников В.А. (Вовочка) 261, 262
Петунников Г.А. (Гриша) 53, 139, 155–157, 225, 249–258, 274, 317

Петунников И.А. (Ванюша) 249, 261, 262
Петунников (Пятунников) Н.А. 13
Петунникова Е.Ю. (Вандкоф) 256
Петунникова (Брянская) М.А. (Манюша) 52, 250, 256, 258–262
Петунникова М.Ф. (Бигнер) 249, 266
Пинцгер П. 141
Писарькова Л.Ф. 13, 56, 83, 246, 260
Планшон Г. (G. Planchon) 215
Погодин М.П. 46
Полиновская Л.Д. 47
Попов К.П. 229
Попов М.А. 67, 68
Посников А.С. 37
Поссет Г. (Posset G.) 96
Принсгейм Н. (Prinsheim Nataniel) 232
Прествиш Д. (Prestwich Joseph) 39
Пржевальский Н.М. 39
Пурин Н.И. 197
Пушкин А.А. 249
Пушкин А.Н. 263
Пушкин А.С. 249, 262
Пушкин Н.А. 249, 250, 261
Пушкина (Петунникова) Н.А. (Надюша) 250, 263
Пушкина Н.Н. 250, 263
Пчелкин В.М. 126

Раммельсберг К. (Rammelsberg Karl) 47
Расторгуев Я.И. 305
Рачинский К.А. 11,20,21, 23, 298
Рачинский С.А. 11, 17, 19, 20, 21, 24, 25, 36–38, 43, 48, 161, 298
Рашков Д.П. 68, 84
Регель Р.Э. 137, 181, 190, 191, 224, 305, 326
Рейнгард Л.В. 203
Рейнке 178
Рейхенбах Г.Л. (Reichenbach Henrich Ludwig) 128, 311, 329
Рейхман А. (Rehman) 218
Ренар К.И. (Renard Karl) 104, 235, 299, 301, 305
Рендл А. (Rendl Alfred Barton) 134
Робен Ш. (Robin Charles) 16
Роберти (Е.В.) де 15, 22, 53
Ровинский Д.А. 281
Романюк С. 53
Ронигер К. (Roniger Karl) 218
Ростовцев С.И. 50–52, 112, 160, 171, 173–175, 178, 179, 228, 248, 265, 324
Рулье К.Ф. 36, 38, 43, 87, 88, 102
Ру Ц. (Roux Cesar) 259
Рупрехт К.И. 302, 311
Руссо Ж.-Ж. 135
Руссов Э. (Russow Edmund) 166, 167, 169, 170, 317
Рюмин В.В. 68

Сабанеев А.П. 52, 304, 306
Сабанеев Л.П. 37, 39, 41,45, 47, 204, 232, 234, 303
Сабашников М.В. 132
Саломон 136
Салтыков-Щедрин М.Е. 31
Севастьянова О.В. 12
Севергин В. 135
Северцов Н.А. 38–40
Семенов 52
Семенов-Тяншанский А.П. 137, 321
Сенников А.Н. 116, 154
Сент-Клер Девилль А.Э. (Saint Clair Deville Henri Etienne) 41
Сеченов И.М. 48
Скакки А. (Scacchi Arcangelo) 24
Скворцов А.К. 145
Слудский Ф.А. 235, 236
Смирнов И. 190
Смирнов П.А. 119
Соколов В.Д. 235
Соколовская З.К. 12
Соллогуб Е.Ф. 197, 201, 202
Соловьев А.Н. 280
Соловьев С.М. 28, 36
Сосновский Д.И. 181
Срединский Н.К. 317, 322
Станков С.С. 162, 164–166,170
Стародубцева И.А. 271
Старостин Б.А. 26, 91, 105, 106, 111, 131, 140, 143
Стефан Ф. Х.Ф. 140, 143, 197
Столетов А.Е. 20, 237
Столыпин П.А. 246
Страсбургер Э. (Strasburger Eduard Adolf.) 165, 166, 168–170
Страхов Н.Н. 39
Строганов С.А. 101, 121, 206
Струве Г. 34, 41
Сумбул Л.Н. 69

Сырейщиков Д.П. 6–8, 19, 102, 110, 116–122, 126, 128, 137, 139, 140, 143–145, 149, 153, 154, 158, 159, 171, 179, 182, 219, 220, 223, 224, 226, 228, 234, 238, 239, 248, 249, 265, 283, 285, 286, 289, 317, 322, 327
Сытин А.К. 226
Сюзев П.В. 101, 117, 121–125, 133, 145, 151, 181, 197, 202, 206, 210–217, 222, 224, 228, 234, 241, 247, 285, 286, 289, 323, 324

Талиев В.И. 143, 200
Теллунг А. (Tellung Albert) 327
Теплоухов А.А. 205
Теплоухов А.Ф. 213
Теплоухов Ф.А. 11, 101, 121, 122, 125, 200, 205–213, 217, 252, 265, 277, 286, 306, 317, 324
Теплоухова М.Ф. 213
Тимирязев К.А. 40, 48, 50, 51, 115, 131, 132, 165, 170, 184, 226, 236, 237, 324
Тиндаль Д. 39
Тиссандье Г. (Tissandier Gaston) 39
Титов А.А. 281
Тихомиров В.А. 196, 237
Тихомиров В.Н. 26,91, 105, 106, 111, 131, 140, 143, 145
Ткешелашвили И. 122
Толстопятов М.А. 17, 19, 20, 23, 24, 231, 251, 267–270, 277
Толстопятова Е.Д. 267, 279
Толстяков А.П. 46
Торопов А.Д. 47, 265, 280–282
Траутфеттер Р.Э. (Trautvetter Rudolf Ernest) 305
Траутшольд Г.А. 28, 38, 40, 56, 57, 63, 65, 68, 100, 101, 143, 232, 255, 272, 273, 301
Траутшольд Р.К. 273
Третьяков С.М. 69, 265
Тринию с 320

Ульянинский Д.В. 281
Умов Н.А. 237, 238, 326
Усов С.А. 17, 34, 38, 39, 42, 45, 48, 49, 239
Успенская Н.В. 40, 42
Устинова Е.И. 170

Фадеев А.А. 68, 129
Файгель И.Ф. 196
Фальк И.П. 138
Фаминцын А.С. 316
Федоров Е.С. 251
Федченко А.П. 102
Федченко Б.А. 133, 141, 149, 153, 157, 160, 187–193, 226, 316, 327
Федченко О.А. 117, 141, 153, 193
Фишер А.А. 161
Фишер фон Вальдгейм А.Г. 19, 88, 141, 161, 164, 192, 237
Фламмарион К. (Flammarion Camille Nicolas) 39
Флемминг В. 170
Флемиш 136
Флеров А.Ф. 143, 161, 187, 188, 190, 192, 200
Флодеран 209
Фомин А.В. 150, 182, 193
Фофанов К.М. 242
Фрейман В.Ф. 280, 281
Фрейн 221, 319

Хейдельрайх 209
Хитрово В.Н. 296
Хлудов В.А. 117
Хмелевский В.Ф. 329, 330
Хомутова М.С. 226
Хорошков А.А. 117, 125–128, 202, 218, 224, 234, 235, 248, 249, 265, 285

Цан К.Г. (Zahn Karl Herman) 177, 215–217, 220, 265, 286, 327, 328
Ценковский А.С. 322
Цераский В.К. 235, 236
Церетели С.Н. 246
Цикендрат Э.В. 122, 125, 201
Цингер В.Я. 47, 109, 111, 112, 114, 130, 132, 141, 145, 149, 177, 181, 194–196, 226, 237, 311, 312
Цингер Н.В. 91, 114, 133, 134, 137, 149, 181, 194–197, 200, 248, 312, 320

Чайковский П.И. 40, 47
Чайковский Ю.В. 147, 224
Челноков С.В. 82
Черепашинский М.М. 78
Черинов М.П. 67
Чермак К.Л. 107
Чернабровцев П.С. 127

Чистяков И.Д. 9, 11, 25, 26, 90, 104, 108, 113, 116, 139, 155, 160–171, 204, 265, 286, 302
Чичерин Б.Н. 6, 30, 37, 54, 69, 71, 242
Чупров А.И. 46

Шамбан 209
Шанявский А.Л. 226
Шатерников 201
Швейцер Б.Я. 73
Шереметева Е.П. 202
Шестериков П.С. 196, 200
Шидлер Н.К. 281
Ширяев Г.И. 203
Шмальгаузен И.Ф. 134, 191, 195, 196, 222
Шпейер В.К. 67, 265
Шредер Р.И. 99, 206, 221
Штраус А. 25
Штурм Я. (Sturm Jacob) 128, 329
Шубина Е.А. 170

Щеглов С.И. 283
Щекотов М.П. 59, 60
Щепкин М.П. 30, 31, 37, 46, 54–56, 58, 64, 69, 75, 76, 82, 265
Щербакова А.А. 30, 32, 36, 90, 104, 115, 137–139, 161
Щербатов А.А. 73
Щуровский Г.Е. 17, 23, 28, 34, 37, 272, 277

Эклебен Г.Я. 138
Энглер А. (Engler Adolf Henrich Gustav) 134, 152, 190, 217, 222, 224, 286, 314, 315
Эргарт, ученик Линнея 277
Эсенбек Х., фон (Esenbeck Christian Gottfried Daniel Nees von) 329
Эпандер 221
Эттинген 224

Юмберг (Humberg) 62
Юринский Т.О. 197
Юркин И.Н. 12

Яворский П.К. 258
Языков Д.Д. 281
Янке 191
Яхонтов А.А. 264, 26
Яхонтов А.Я. 264
Яхонтова (Петунникова) Н.В. 264
Ячевский А.А. 134, 325

Summary

Alexey Nikolaevich Petunnikow (1842–1919) was a Moscow botanist, his works in floristry and plants taxonomy make a link the series of several generations' works of Russian botanist studying the flora of Moscow Governorate.

Petunnikow was born in Moscow, he was graduated from the Physics and Mathematics Faculty of Moscow University in 1864 and defended there a master thesis on plant cell metamorphosis in 1867. Due to accidental concurrence of circumstances Petunnikow's life developed in the way that allowed him to carry out scientific research only when he was free from his other occupations. In 1870's–1880's he directed many efforts to actualization of scientific heritage of his teacher, a well-known botanist N.N. Kaufmann, taking an active participation in publishing of the second edition of his book «The Flora of Moscow».

Not satisfied with this publication, he decided to write his own three-parts work «The Plants of Moscow Governorate». The first book «An Illustrated Guide to Identification of Plants», appeared in 1890 and was intended for amateurs with no special professional education. Petunnikow proposed his own system of quick an easy plants identification, and his work turned out to be a good guide, containing a large amount of flora descriptions, with detailed and exact indication of the areas where these plants could be found.

His second work – «A Critical Survey of Moscow Flora» (parts 1–3, 1896–1903) – was dealing with processing of little-known and dubious forms of vesicular plants of this region. The most important part of its contents is an analytical survey of all existing literature on this matter and of all herbariums. At the same time Petunnikow published «The Digest of Botanical Terms Appearing in Russian Botanical Literature» (1898). This work became at once the desk book of Russian botanists and played a key part in standardization and unification of botanical terminology.

Petunnikow could not implement in full his idea to create a full-shape work on Moscow flora since he had no time for important scientific works after 1900. He handed over his large herbariums and literary materials to his pupil D.P. Syreichikov, who completed this work, which had taken 20 years including the preparatory period. «The Illustrated Flora of Moscow Governorate. Edited by A.N. Petunnikow» (parts 1–4, 1906–1914) became the most full description of this region's flora by comparison to any other that have ever existed. Through the whole of XX century this work has been

considered as a model due to the completeness of material and the thoroughness of its handling. Thanks to Petunnikow and his informal amatory botanists' society that included D.P. Syreichikov, P.V. Syuzev, A.A. Khoroshkov, floristry works in Moscow were maintained at a high level, while in Moscow University at the same time these were on the decline.

The fellow botanists appreciated Petunnikow as a specialist in processing of complicated polymorphous taxons, such as cinquefoils, hawkweeds, sedges, etc. On these grounds he had a close cooperation with German scientists Theodor Wolf, Herman Zahn, Andreas Kneuker, Paul Asherson and Adolf Engler. Petunnikow left an excellent Moscow flora herbarium and an interesting archive.

Petunnikow was one of thouse who laid the bases of municipal government in Russia, helding an elective office of a member of Moscow City Council, the brain center of the City Duma, for more than 20 years. He went deeply in nearly all the matters of municipal improvement, and energetically participated in their implementation: directed the planting of greenery, the paving of streets, managed the installation of water supply and sewage, of gas and electrical lightning, of public transport, etc. In all these matters he proved himself as a high-class professional, introducing into his work the elements of methodicalness, systematicity and rationality proper to a scientist.

Petunnikow was known to his contemporaries as a talented publicist, author of a series of studies on organization of Russian science, of popular science articles on botany, some half hundred articles dealing with the matters of municipal improvement were due to his pen. He also was one of the founders of Russian Bibliographic Society under Moscow University, an author of a book about Moscow, a work he is respected for by Moscow regional historians up to the nowdays. Besides all that, he was a very sympathetic person, a man that brought about youthful enthusiasm in all his various occupations, that was completely devoted to his work and very generous in everyday communication with his friends and colleagues.

This book is a first attempt to reconstitute Petunnikow's life and work. It has been written on the grounds of analysis of yet untouched archive data, of Petunnikow's own works and with use of literary sources. Its publishing fulfills the dream of Russian great taxonomist and botany historian S.Yu. Lipshitz: «The people that were selfless and productive workers, that have deeply and brightly marked the culture and the science of their native country, must not and can not be forgotten. The remarkable Moscow botanists A.N. Petunnikow and D.P. Syreichikov are rightfully ranked among them».

Содержание

Предисловие. От автора 5

Часть 1
История жизни 13

1.1. Школьные и студенческие годы. Первые шаги на жизненном поприще (1850–1870-е гг.) 13
1.2. Ранние журналистские опыты. Газета «Русская летопись» (1870–1871) 30
1.3. Научно-популярная журналистика. Журнал «Природа» (1873–1877) 37
1.4. Сотрудничество с книгоиздателями Анатолием Ивановичем и Николаем Ивановичем Мамонтовыми (1870–1900-е гг.) 46
1.5. Работа в Московской городской управе 54

Часть 2
Ученый-ботаник 87

2.1. Становление ученого (1860–1870-е гг.) 87
2.2. Попытки реализации научного наследия Н.Н. Кауфмана (1870–1889) 101
2.3. Во главе кружка любителей-флористов (1880-е гг. – начало XX в.) 116
2.4. Монографии по флористике и систематике (1890–1903) 128
2.5. Последний период творчества (1900–1917) 146
2.6. В кругу русских ботаников 160
2.7. Член международного содружества ученых 214
2.8. Научное достояние. Гербарные сборы, их прижизненная и посмертная судьба. Книги 226
2.9. МОИП в биографии ученого 231

Часть 3
Портрет личности 241

3.1. Внешний облик. Характер. Общественные взгляды 241
3.2. Семья. Потомки 250
3.3. Дружба с Г.Н. Вырубовым и Н.П. Вишняковым 266
3.4. Библиограф-любитель 280

Заключение 285

Приложения 288
I. А.Н. Петунников. Хроника жизни и деятельности 288
II. Публикации А.Н. Петунникова 290
Монографии, научные и научно-популярные статьи 290
Книги и брошюры по вопросам городского благоустройства 294
Публикации по вопросам науки и городского благоустройства в русской периодике 294
III. Литература об А.Н. Петунникове 297
IV. Архивные документы 298
V. Список сокращений 332
VI. Таксоны, названные в честь А.Н. Петунникова 333
VII. Указатель имен 334

Summary 342

Contents

Preface. Author's notes 5

Part One
Life Story 13

1.1. The first steps: scool and student life (1850's–1870's) 13
1.2. Early journalistic experiences. «Russian Chronicle» newspaper (1870–1871) 30
1.3. Popular science journalism. «Nature» magazine (1873–1877) 37
1.4. Cooperation with book publishers Mamontov: Anatoliy Ivanovich and Nikolay Ivanovich (1870–1900) 46
1.5. Work at Moscow City Council 54

Part Two
Scientist-botanist 87

2.1. Shaping of a scientist (1860–1970) 87
2.2. Attempts to actualize the scientific heritage of N.N. Kaufmann (1870–1889) 101
2.3. At the head of an amatory florists' society (1880's – the early XX century) 116
2.4. Studies in floristry and taxonomy (1890–1903) 128
2.5. The last stage of creative work (1900–1917) 146
2.6. Among Russian botanists 160
2.7. A member of the international scientists' community 214
2.8. Scientific legacy 226
2.9. Imperial Moscow Nature Society in the scientist's biography 231

Part Three
Personality image 241

3.1. Outward appearance. Character. Social opinions 241
3.2. Family and descendants 250
3.3. Friendship with G.N. Wyrouboff and N.P. Vishnyakov 266
3.4. An amatory bibliographer 280

Conclusion 285

Appendices 288
I. A.N. Petunnikow. Chronicle of his life and creative work 288
II. Publications of A.N. Petunnikow 290
Studies, scientific and scientific popular articles 290
Books and booklets regarding the problems of municipal improvement 294
Publications in Russian periodicals 294
III. Literature on A.N. Petunnikow 297
IV. Archive documents 298
V. List of abbreviations 332
VI. List of plants named in honor of A.N. Petunnikow 333
VII. Name index 334

Summary 342

Научно-биографическое издание

Любина Галина Ивановна

**Алексей Николаевич Петунников
1842–1919**

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Российской академии наук*

Редактор *О.Г. Лысяк*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.А. Желнова,
Т.А. Печко*

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 15.07.2015
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 22,5. Усл.кр.-отт. 23,0. Уч.-изд.л. 21,6
Тип. зак. 3697

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

АДРЕСА МАГАЗИНОВ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины с отделом “Книга-почтой”

119192 Москва, Мичуринский просп., 12 корп. 1; (код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/** e-mail:**okb@LitRAS.ru**
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 1; (код 812) 328-38-12
e-mail: **naukaspb1@yandex.ru**

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4;
(код 495) 624-72-19
142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный просп., 57;
(код 812) 273-13-98 academkniga.spb@bk.ru (Бук. отдел)

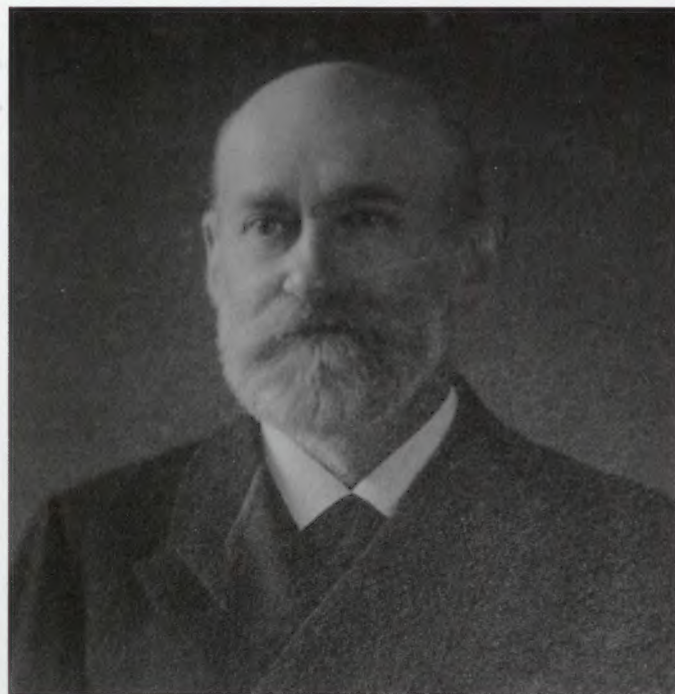
Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт:http://LitRAS.ru/
e-mail: info@LitRAS.ru
Отдел логистики, телефон (код 495) 932-74-71
Факс (код 499) 143-84-24

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

Г.И. Любина Алексей Николаевич ПЕТУННИКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г.И. Любина

Алексей Николаевич ПЕТУННИКОВ

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Алексей Николаевич Петунников – московский ботаник, флорист и систематик, член Московской городской управы, один из основателей Русского библиографического общества, талантливый публицист, краевед.

Эта книга – первая попытка воссоздать его жизнь и творчество. С ее выходом осуществляется мечта крупного систематика и историка ботаники С.Ю. Липшица: «Люди, бескорыстно и продуктивно трудившиеся, оставившие глубокий, яркий след в культуре и науке родной страны, не должны, не могут быть забыты. К ним с полным правом относятся замечательные московские ботаники А.Н. Петунников и Д.П. Сырейщиков».

ISBN 978-5-02-039045-4

